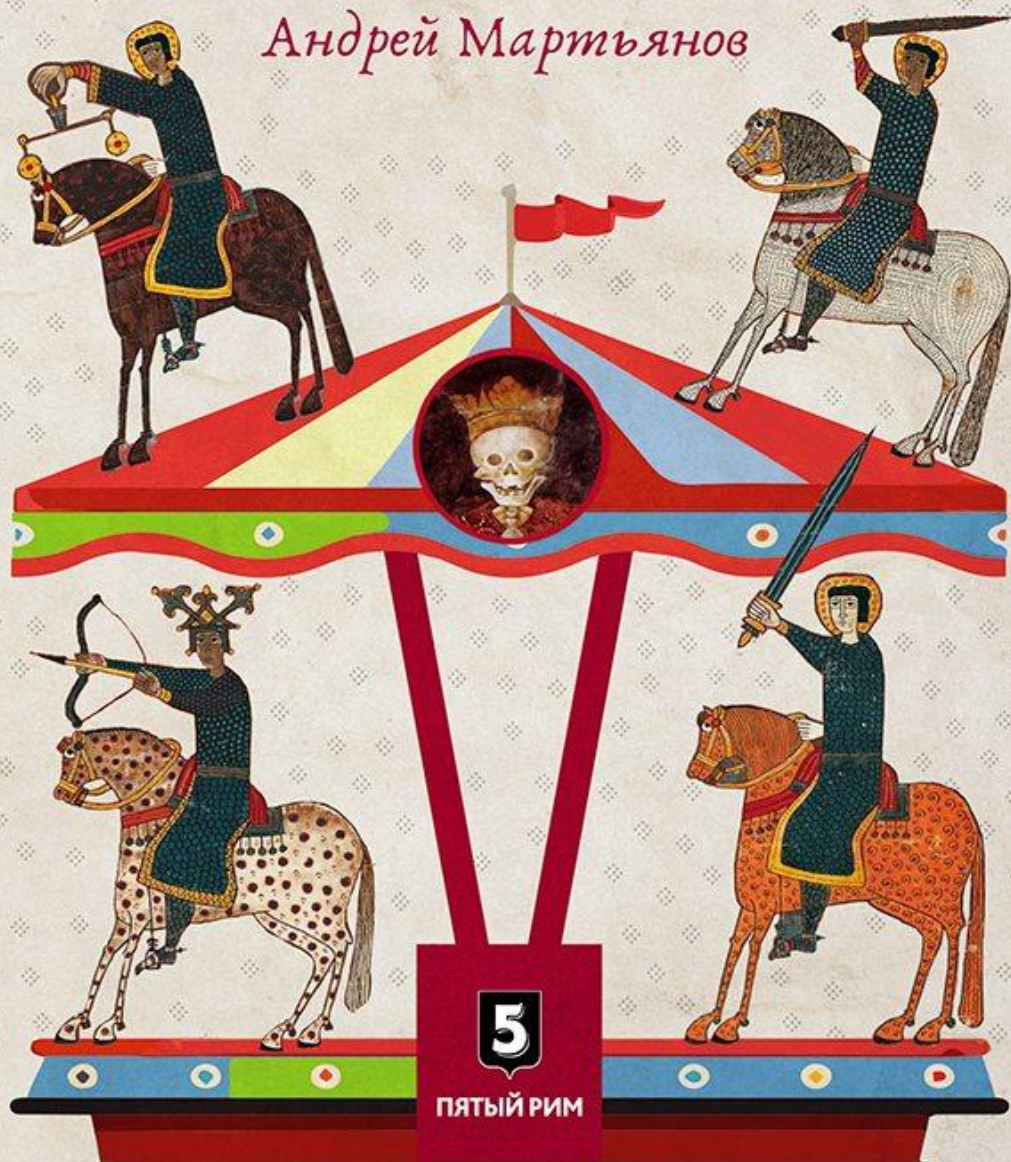


ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ ВСЕГО

Прогулки по средневековью

ВОЙНА... ЧУМА... ИНКВИЗИЦИЯ...

Андрей Мартьянов



АНДРЕЙ МАРТЪЯНОВ

При участии Станислава Литвинова

ПРОГУЛКИ
по
СРЕДНЕВЕКОВЬЮ



ПЯТЫЙ РИМ

МОСКВА

ММХVII

КРАТКОЕ ПРЕДВАРЕНИЕ

Пожалуй, в истории человечества нет более оболганной и окруженной бесчисленными мифами эпохи, чем Средневековье. Период, который, по мнению значительной части историков, протянулся почти на полное тысячелетие — с 4 сентября 476 года по 29 мая 1453 года (отречение Ромула Августула и падение Константинополя соответственно), — с точки зрения среднестатистического современного человека представляет собой непрерывную череду ужасов, войн, эпидемий и костров инквизиции.

Стереотипам и предрассудкам несть числа, причем, что забавно, в массовом сознании на фоне кошмаров наподобие тотального отсутствия гигиены, примитивной медицины, бродящих по дорогам прокаженных и грабящих всех подряд банд «ничейных» наемников прекрасно существуют абстрактные «благородные рыцари» в сияющих доспехах, «прекрасные дамы», проливающие горькие слезы по возлюбленному в высокой башне грозного замка, и прочие менестрели с трубадурами. Все они чисто одеты, и от них не пахнет конюшней.

Но стоит покинуть стены замка из куртуазного рыцарского романа, как эпоха снова предстает во всей неприглядности — с текущими по улицам городов фекалиями, покрытыми паршой беззубыми маркитантками и шелудивыми псами, грызущими на перекрестье дорог косточки безвестного неудачника, убитого страшными лесными разбойниками...

Или — или, третьего не дано. Или куртуазнейший рыцарь, сошедший со страниц Артуровского цикла, или бородавчатая ведьма, едва не закусившая Гензелем с Гретель. Черно-белое восприятие.

Тут, конечно, следует поблагодарить советскую научную школу, именовавшую Средневековье исключительно словом

«мрачное»: восприятие исторического процесса через призму марксистско-ленинской диалектики сделало свое дело. Исторический материализм Маркса — Энгельса, описывающий ход развития цивилизации как последовательную смену общественно-экономических формаций, обусловленную ростом производительных сил, вполне естественно рассматривал феодализм как отсталую и малоэффективную систему — по сравнению с таким прогрессивным и высокопроизводительным капитализмом. Экономическая «отсталость», соответственно, проецировалась и на другие области жизни: скульптуры по сравнению с Античностью безобразные, литература обслуживает интересы эксплуататоров и церковников, живопись примитивна, народ сер и забит, феодальная верхушка погрязла в интригах, праздности, несправедливых войнах и, как писали в протоколах инквизиции, иных неисчислимых мерзостях.

Давайте провозгласим главный постулат: сравнивать Средневековье с другими эпохами, и уж тем более с современностью, неэтично. Надо понимать, что после ухода в небытие античного мира варвары на развалинах поверженного Рима построили свою, уникальную и неповторимую цивилизацию, которая пускай и унаследовала многое от погибшей империи, но тем не менее не являлась ее прямой преемницей во всех сферах. Язык, культура, ментальность, образ мысли, религия, экономика — абсолютно все кардинально отличалось от Рима.

Скульптуры на фасаде кафедрального собора постройки 1215–1263 годов в Сиене по сравнению с образцами древнеримских статуй угловаты, диспропорциональны и уродливы? Да ничего подобного! Они *просто другие*! Они созданы принципиально другими людьми, в другую эпоху, для совершенно иных целей, нежели статуя Цезаря Августа в Риме!

Постулат второй, не менее важный. Ни в коем случае нельзя оценивать рассуждения, поступки и действия людей того

времени с точки зрения человека XXI века. Усредненный обыватель, какой-нибудь бондарь Жак из Арраса, родившийся в 1300 году, внешне ничем не отличался от нас — две ноги, две руки, голова. Он, так же, как и мы, ел хлеб с мясом, пил вино, растил детей, трудился, отдыхал. Однако тут есть одно существенное «но» — ознакомившись поближе с ходом его мыслительного процесса, устоявшимися и общепринятыми воззрениями на мироустройство и культурным кодом, мы бы пришли к однозначному выводу: перед нами инопланетянин, не имеющий вообще ничего общего с привычными нам людьми.

Да и условный «попаданец», персонаж, столь распространенный в современной беллетристике, очутившись в том же 1300 году, моментально получил бы оглоблей по хребтине с последующим утоплением хладного трупа в омуте от греха подальше — лишь потому, что он абсолютно непонятный, а значит, опасный чужак.

Используем ученое слово «менталитет», означающее, как гласит толковый словарь, *«совокупность умственных, эмоциональных, культурных особенностей, ценностных ориентаций и установок, присущих социальной или этнической группе, нации, народу»*.

Вернемся к упомянутому выше Жаку из Арраса, уважаемому цеховому мастеру, человеку небогатому, но вполне обеспеченному, доброму прихожанину и отцу семейства. Навскидку определим совокупность его ценностей.

Бог есть, и это не оспаривается. Бог проводит Свою волю в мир через Святую Мать — Римско-католическую Церковь, руководимую и направляемую Святейшим папой и его епископами. Не подлежащее никаким сомнениям существование Господа Бога доказывает и обратное — присутствие Его противоположности, того, о ком лучше не поминать к ночи. Тот, о ком не упоминают, учиняет всеразличные козни во зло людям через своих прислужников — ведьм, евреев и еретиков.

Итак, основой менталитета средневекового человека является глубокая и искренняя религиозность — скажем больше, людей неверующих в те времена попросту не существовало. Верил каждый в той или иной степени, а искать агностика пришлось бы с фонарем, собаками и королевскими сержантами, причем безрезультатно. Религиозный менталитет подразумевает и менталитет мифологическо-мистический. Святые творят чудеса — все об этом знают. Ведьмы летают на метлах в Вальпургиеву ночь — тому есть бесчисленные свидетельства. (Заметим, что инквизиция, о которой мы еще расскажем, полагала «неверие в ведьм» серьезным проступком по вполне понятной причине — как можно не верить в очевидное?!)

Мифологический менталитет Жака из Арраса — тема для отдельного и обширного исследования. Постараемся быть краткими. Вне обязательного христианского мировоззрения, привитого с младенчества, существовали еще и реликты язычества — кстати, отлично сохранившиеся и до наших времен: домовые, лешие, священные деревья (об одном таком дереве мы расскажем в главе о Жанне д'Арк), целебные источники, некогда посвященные «духам», и так далее.

Но заметим, семьсот лет назад таких реликтов было на порядки больше — чудесное, мистическое, волшебное окружало человека эпохи Средневековья постоянно, являясь вполне естественной и неотторжимой частью Универсума. А главное, чудеса не были чем-то из ряда вон выходящим, неким экстримом — Франсуаза из Блуа, жена мельника, в паломничестве приложилась к мощам святого Ремигия и тем исцелилась от бесплодия, что ж тут такого удивительного? А бедняга Ренье, сынишка купеческого премо, утонул в пруду, куда его завлекли ундины, — недаром старые люди говорят, что пруд этот нехороший и от него надо держаться подальше.

Лес, поля, озера, реки — весь окружающий мир был населен существами «низовой мифологии», оставшимися во

Франции XIV века еще с галло-римских времен; народная мифологическая память очень крепка, принятие христианства и столетия проповедей не сумели изгнать этих неприметных тварей из мира человека, они остались здесь как нечто само собой разумеющееся, привычное и даже необходимое. Кто расчешет гриву уставшему коню? Кто погасит уголек, выпавший из очага нерадивой хозяйки? Что любопытно, зачастую бывшие языческие божества или чудесные существа трансформировались в местночтимых святых — пускай и не канонизированных официальной Церковью, но остававшихся покровителями той или иной местности со времен, когда о Юлии Цезаре в Галлии и слыхом не слыхивали. Христианство лишь поменяло имена и свойства древних.

А потому, когда мы начинаем ужасаться «дремучести» сознания средневекового человека, давайте вспомним, что сами поминаем домового, стащившего в городской квартире зарядное устройство от любимого айфона и засунувшего его под буфет на кухне. Потеряв же тропинку в лесу, надо вывернуть куртку наизнанку или надеть шапку задом наперед, а то и начать материться, чтобы леший вас не узнал или испугался. Смешно? Нет, совсем не смешно — это работает.

Как-то раз автор этих строк очутился в лавовом поле Dimmuborgir на северо-востоке Исландии — страны, где средневековый мифологический менталитет за минувшее тысячелетие сохранился почти в полном объеме. Поговаривают, среди лавовых столбов обитает семейка dwarфов — хитроумных, но не самых вредных бородатых карликов, о наличии каковых меня исландцы и предупредили. И добавили, что, если вдруг на прогулке произойдет какая-то странность или неприятность, лучше положить на камень монету. Я сбился с дороги, проблуждал около часа и откупился от dwarфов тремя монетками по сотне исландских крон — как только вира была выплачена, неожиданно появилась тропа.

Местные жители эти действия всемерно одобрили — так и надо было сделать.

Это XXI век. Теперь представьте, как к подобным вещам относились в XIV веке.



Если с особенностями средневекового менталитета мы отчасти разобрались (эта тема впоследствии будет не раз подниматься), то сейчас следует поговорить о выборе эпохи и страны для данного исследования.

Значительная часть нашего рассказа будет посвящена Франции XIV века. Предварительно мы взглянем на предшествующие столетия, заложившие фундамент эпохи, а также сопутствующие события и социальные институты наподобие инквизиции.

Почему Франция? Во-первых, по состоянию на 1300 год мы имеем дело с самой уважаемой, богатой и стабильной европейской супердержавой своего времени, оказывающей влияние на ход событий на пространстве от Ближнего Востока и Польши до Северной Африки и Ирландии. Под властью французских королей оказался даже важнейший системообразующий институт Средневековья — папство; в настоящий момент резиденция римских пап находится в Авиньоне, в курии невероятно велико французское влияние, а на Престоле святого Петра сидит, разумеется, француз — Климент V, в миру Раймон Бертран де Го, родом из Гаскони, Вилландро.

Во-вторых, Франция начала XIV века является образцово-показательным феодальным государством, со всеми достоинствами и недостатками данной общественно-экономической формации. Мы постараемся показать, как в результате совокупности множества факторов всего за одно столетие крепкая

держава династии Капетингов скатилась в состояние полного ничтожества и лишь чудом не исчезла с карты Европы и из исторических хроник.

Наконец, встает вопрос выбора эпохи. Можно без преувеличений сказать, что XIV век являлся переломным во всей европейской истории — никогда более континент не постигала череда нескончаемых бедствий, абсолютно невероятных по масштабам и неблагоприятным последствиям. Именно в XIV веке завершилась Belle Époque Средневековья и начался крайне болезненный, долгий и отмеченный чудовищными потерями переход к Новому времени.

Мы рассмотрим климатические, финансово-экономические, политические, военные и прочие аспекты эпохи, благодаря которой Средневековье в глазах наших современников стало «мрачным», ибо ни до, ни после XIV века на Европу не падало столь тяжкое проклятие — Первая и Вторая мировые войны исключением не являются. Мы объясним почему.

Основная задача — развеять мифы, созданные вокруг этого исторического периода и попытаться отыскать истину: что же тогда происходило на самом деле и какое влияние оказали грандиозные по своим масштабам события этого трагического столетия на дальнейшую судьбу цивилизации.



Теперь давайте определимся с терминологией, которую мы будем использовать в дальнейшем. Средневековье как таковое традиционно подразделяется на несколько периодов — раннее, классическое, или Высокое, а также позднее. Причем окончание эпохи доселе не определено с точностью: переход к Новому времени разные авторы считают с падения Константинополя в 1453 году, открытия Колумбом Америки в 1492-м,

появления «95 тезисов» Мартина Лютера в 1515-м или даже с Английской революцией 1640 года.

Мы предлагаем несколько иную периодизацию, основанную на культурных и природных особенностях.

1. Раннее Средневековье, или Темные века, продолжавшееся с отречения Ромула Августула в 476 году до начала «Каролингского возрождения» ориентировочно в 800 году.

2. Высокое Средневековье — период максимального расцвета и благополучия, соответственно начавшийся с «Каролингского возрождения» и длившийся по 1348 год, когда грянула сокрушительная эпидемия Черной смерти, почти полностью обрушившая все общественные и экономические структуры Европы.

3. Позднее Средневековье, или переходный период к Новому времени, — с 1348 года до 1453 года и падения Византии.

Почему именно так, а не иначе? Заметим, что теория «долгого Средневековья», якобы продолжавшегося до середины XVII, а то и до XVIII века и Великой французской революции, не выдерживает никакой критики — по нашему мнению, основными признаками эпохи являются феодальная административно-правовая система, аграрная экономика и, самое главное, **примат идентификации человека по религиозному признаку над признаком этнически-национальным**: до XIV века включительно человек в первую очередь ощущал себя христианином, католиком и лишь затем баварцем, французом, тосканцем или англичанином. Появление же самосознания национального — это основное достижение переходного периода, что мы еще подробно обсудим.

Византия же являлась последним государственным институтом, равно принадлежащим Античности и Средневековью. С ее исчезновением окончательно пресеклись обе эпохи.

Аграрная экономика начала робко вытесняться капиталистическим способом производства еще с XIV века с появлени-

ем в Италии первых мануфактур; первоначальное накопление капитала датируется XV веком. К этому же времени изжившая себя феодальная система «сеньор — вассал» начинает уходить в прошлое.



И последнее. Нашей целью не является создание всеобъемлющего трактата по заявленной теме: это физически невозможно.

Главная задача — вызвать у читателя интерес к эпохе и развеять наиболее одиозные мифы и заблуждения, побудив к самостоятельным изысканиям.

На последних страницах приведен достаточный список литературы, посвященной эпохе: от проблем питания и детства до истории Столетней войны или процесса Жанны д'Арк, — все эти книги издавались на русском языке, и многие находятся в свободном доступе в Интернете.

Ибо, как говаривал знаменитый польский писатель Анджей Сапковский, нет ничего более увлекательного, чем самому копаться в источниках ради выяснения истины...



ЧАСТЬ I

ВЫЖИТЬ
В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ



НЕВЕРОЯТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ КЛИМАТА

Между Римом и Средневековьем

В нынешние времена климатическим изменениям не зря придается серьезное значение, и шутки про «Киотский протокол» или выброс парниковых газов на фоне предыдущей истории человечества начинают выглядеть весьма двусмысленно. Хотя бы потому, что наши предки неоднократно становились жертвами серьезнейших климатических катастроф, пускай и растянувшихся на долгие столетия.

Много лет назад, в ранней юности, на автора произвел немалое впечатление фильм Г. Козинцева «Король Лир» по одноименной пьесе Шекспира — и дело даже не в сюжете, а в декорациях, откровенно вызывавших содрогание. Непрестанная морось, низкое пасмурное небо, размятая копытами лошадей липкая глина, ощущение полной безнадежности — режиссер передавал общее настроение шекспировской трагедии доступными художественными методами, отчего создалось уверенное мнение, что действие «Лира» целиком происходит в одной огромной грязной луже под ледяным дождем.

Выглядит крайне неуютно.

Примерно такое же впечатление производит жанрово-пейзажная живопись XVI–XVII веков, достаточно взглянуть на названия: «Зимний пейзаж с конькобежцами», «Сцена на льду у башни» или «Зимняя сцена на канале» голландца Хендрика Аверкампа, «Охотники на снегу», «Сумрачный день» и «Зимние игры с ловушкой» Питера Брейгеля-старшего,



различные «Зимние пейзажи» Яна Авраама Беерстратена — несть им числа! На картинах этой эпохи мы наблюдаем сплошной снег и лед, с редкими вкраплениями осенне-летних сенокосов или уборки урожая.

Так в чем же дело? Откуда появилось устойчивое представление о Средневековье как царстве крошечной сырости, холода, снега и мороза? Разумеется, бесконечная зима на фламандских и голландских пейзажах относится уже к Новому времени, но корни увлечения живописцев бесконечными сценками на снегу растут из XIV века. Как, кстати, и архетип «Ледяной девы» из скандинавского фольклора, позднее воплотившийся в Снежной королеве Ганса Христиана Андерсена...

Начать следует издали, а именно со времен Древнего Рима, когда начались систематические наблюдения за погодой и, конечно же, появились записи о ее изменениях: если в общественной или политической жизни республики или империи не происходило ничего интересного, любимым развлечением хронистов были записи именно о погодных явлениях. Одни из наиболее древних сведений о климате в Италии относятся к II—I векам до н. э., когда этрусский агроном Сазерн и затем его сын вели записки о сельском хозяйстве в долине реки По — они сообщают нам о крайне холодных зимах на Апеннинском полуострове, что вызывало немалые трудности при производстве вина и выращивании оливок. Другие античные авторы докладывают о замерзаниях реки Тибр, отмеченных в 398, 396, 271 и 177 годах до н. э., увеличении размеров ледников в Альпах и серьезном понижении снежной линии в горах.

Резюмируем: в конце I тысячелетия до н. э. в Европе было холодно — этот климатический период называется Похолоданием Железного века, которое закончилось примерно во времена римской аграрной революции. При жизни Юлия Цезаря и Гая Октавиана началось существенное потепление,



*Питер Брей-
гель Младший
(1579-1638)
Поклонение
волхвов; между
1590 и 1638;
Государствен-
ный музей,
Амстердам.*

именуемое Римским климатическим оптимумом — от латинского *optimum* («наилучший»). Среднегодовая температура повышается примерно на 1,5–2 градуса Цельсия, климат был не засушливым, а влажным, что сделало Северную Африку крупнейшей житницей Римской империи — там, где сейчас в Тунисе и Алжире простираются пески Сахары, колосились бесконечные хлебные поля, с которых снимался урожай объемом около миллиона тонн зерна в год, выращивался виноград, были обширные фруктовые сады.

Римский климатический оптимум вызывает отступление Альпийских ледников, что делает перевалы в Альпах проходимыми, а значит, Рим может вести военную и торговую экспансию на север по кратчайшему пути. В Германии, Британии и на севере Галлии начинают выращивать виноград, появляется винодельческая отрасль, урожаи резко повышаются.



Потепление приводит к небывалому расцвету величайшей империи Древнего мира, но все хорошее рано или поздно заканчивается: в III–IV веках по Рождеству погода снова портится, из года в год становится все прохладнее, варвары из северных регионов Европейского материка начинают смещаться к югу, к границам Рима. Дальнейшее общеизвестно — в V веке Рим заканчивает свое существование, на его обломках появляются новые варварские государства, включая Королевство салических франков, основанное Хлодвигом I в 480-х годах н. э. Это государственное ядро однажды станет Францией.

Тем временем климат становится все более скверным. Наступил климатический пессимум раннего Средневековья, пик которого приходится на 535–536 годы по Рождеству. Это было самое резкое понижение среднегодовой температуры в Северном полушарии за последние 2000 лет, приведшее к катастрофическим неурожаям и повсеместному голоду. Слово византийскому писателю Прокопию Кесарийскому («Война», IV, 14. 5–6):

«...И в этом году произошло величайшее чудо: весь год солнце испускало свет как луна, без лучей, как будто оно теряло свою силу, перестав, как прежде, чисто и ярко сиять. С того времени, как это началось, не прекращались среди людей ни война, ни моровая язва, ни какое-либо иное бедствие, несущее смерть. Тогда шел десятый год правления Юстиниана».

Причины климатической аномалии 536 года неизвестны, снижение прозрачности атмосферы могло быть вызвано мощными извержениями вулканов (например, в необитаемой тогда Исландии, взрывом вулкана Тавурвур в Новой Гвинее в VI веке) или падением метеорита. Летописцы того времени именуют солнце «голубоватым», а такой эффект



*Хендрик
Аверкампи;
Зимний пейзаж
с конькобеж-
цами; 1609;
Государствен-
ный музей,
Амстердам.*

возникает лишь в случае появления в атмосфере пылевой взвеси.

В любом случае VI век оказался невероятно холодным. Святой Григорий Турский сообщает, что в 580-е годы в бывшей провинции Галлия частыми были сильные ливни, непогода, наводнения, массовый голод, неурожай, поздние заморозки, жертвами которых становились птицы. Сильно досталось и более северной Скандинавии: немецкий ученый Вольфганг Бехрингер в книге «Kulturgeschichte des Klimas» приводит археологические данные — в Норвегии VI века около сорока процентов ферм оказались заброшены, то есть их владельцы или вымерли, или мигрировали южнее.

В условиях похолодания катастрофически падает качество жизни. Епископ Фабий Фульгенций, живший в плодородном Карфагене в конце V века, жалуется: «В эти злополучные, скудные времена мы не алчем поэтической славы, ибо алчем хлеба насущного». И это Карфаген, ранее один из самых развитых сельскохозяйственных регионов!



Ян Авраам
Беерстрамен
(1622-1666)
Катание
в Sloten,
недалеко
от Амстердама
Музей
Метрополитен,
Нью-Йорк.



Вновь процитируем св. Григория Турского:

«...Великий неурожай случился почти во всей Галлии. Многие выпекали хлеб из виноградных косточек или из цветов орешника; другие собирали папоротник, высушивали его, толкли и к этому подмешивали немного муки. Другие проделывали то же самое с луговой травой. А у кого совсем не было муки, те просто собирали и ели разные травы; но им раздувало животы, и они погибали».

Зимние холода чередовались с засухами, возникали эпидемии и падеж скота. Запись от 591 года:

«Приключилась великая засуха, уничтожившая траву на пастбищах. По сей причине в стадах и зуртах распространился мор, оставивший очень мало голов. Мор затронул не только



домашний скот, но и разные виды лесных животных: множество оленей и прочих зверей убегали в страхе и прятались в самой глухой чащобе. Потом полили дожди, реки выжили из берегов, а сено сгнило; урожай зерна тоже оказался скудным, хотя винограда было вдоволь; что же до желудей, то они завязались на дубах, но так и не вызрели».

Заметим, что желуди упомянуты совсем не зря — они не только использовались для приготовления муки в пищу человеку, но и составляли основной рацион выпасных свиней, кормившихся в широколиственных лесах. Нет желудей — придется забивать скотину, что может означать отсутствие способных к размножению домашних животных к следующему году и новый виток голода.

Представить себе что-то подобное во времена расцвета империи невозможно — массовый голод был практически неизвестен Риму, а особенно благополучной и богатой Галлии. Прокопий Кесарийский рисует и вовсе апокалиптические картины:

«Голод так ослабил [итальянских крестьян], что если они находили клочок травы, то набрасывались на него с яростью, пытаясь вырвать из земли с корнями; но поскольку сил у них совершенно не было, то они падали на эту самую траву, вытянув руки, и там умирали. <...> Другие, принуждаемые голодом, кормились человеческим мясом».

Темные века так именуются не столько потому, что наблюдался повсеместный упадок культуры, мысли и творчества, а летописи велись лишь в немногих монастырях, но и оттого, что после падения империи оказалась разрушена административно-управленческая система Рима, включавшая в себя и государственную заботу о сельском хозяйстве.



Возможно, случись похолодание раньше, организованные и целеустремленные римляне сумели бы справиться с возникшими проблемами, но сейчас исчезли ученые агрономы, культура ведения хозяйства откатилась чуть ли не к Железному веку, а новую модель аграрного производства еще предстояло создать.

Из рациона начинает исчезать пшеница, как злак, требующий большой заботы и трудоемкий в выращивании, — пшеницу замещает презируемая римлянами рожь, считавшаяся во времена империи едва ли не сорняком. Однако в условиях климатической аномалии более стойкая и плодовая рожь становится основным источником муки для выпечки хлеба. Если белый пшеничный хлеб стал редкостью, предназначенной для потребления высшими классами, то простолюдины ограничивались хлебом ржаным, а то и выпеченным с добавлением муки из других злаков, выращивать которые позволял холодный климат: просо, полба, пшено, ячмень, — при Риме считавшихся культурами третьестепенными, идущими на корм домашним животным.

Сейчас крайне трудно подсчитать, какие демографические потери понесла Европа, а точнее, та ее часть, что входила в империю, по совокупности трех важнейших факторов — гибели Западной Римской империи, Великого переселения народов и климатического пессимума раннего Средневековья, но предположительно они были колоссальны.

Выдающийся советский демограф Борис Цезаревич Урланис (1906–1981) на основании античных данных приводит цифры в 36–37 миллионов человек, населявших европейскую часть Римской империи к началу III века н. э. Дополним, что сведений по европейским землям за Рейном и Дунаем, свободным от власти Рима, нет и никогда не будет, ибо понятия «древний германец» и «статистика» несовместимы так же, как и «древний германец» и «квантовая физика».



Поскольку в период Темных веков в бывших провинциях империи никто статистический учет населения не вел, да и не мог вести, можно с огромной осторожностью и без единого документального подтверждения говорить о снижении численности населения на $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$ части — ориентировочно до 28–30 миллионов. Французский ученый Кавеньяк в исследовании «Notes de demographie antique» приводит умозрительные выкладки — стабилизация демографического уровня в IV веке, резкое падение в V веке, новая стабилизация с permanently низкой численностью населения в VI–VIII веках.

Словом, никто толком ничего не знает, остается лишь выстраивать гипотезы. Наложение друг на друга многих неблагоприятных факторов позволяет сделать вывод, что резкое похолодание V–VIII веков не привело ни к чему хорошему — мы уже упоминали о гибели огромного числа крестьянских хозяйств в Норвегии VI века. Надо думать, что в других регионах положение складывалось ничуть не лучше, а то и хуже. Исключением, скорее всего, являются земли по побережью Средиземного моря (Италия, Испания, Греция), но и там жизнь тоже была не сахар, особенно в сравнении с сытым благополучием имперского Рима. Тут мы можем оперировать лишь догадками.

Будущие Франция, Англия, Германия, Польша, Чехия, а также Скандинавский полуостров на несколько веков оказались в тисках холода. Глобальной катастрофой с видами на вымирание человека климатический пессимум раннего Средневековья, конечно, не являлся, люди со временем приспособились к неблагоприятным погодным условиям, постепенно начали менять тип хозяйствования, но тем не менее эта эпоха являлась далеко не самой комфортной для проживания.

Злое было время. Скверное. Темные века во всех смыслах этого понятия.

Дети ледяных великанов

Старинные летописцы очень любят сетовать на дурную погоду — случись ураган, засуха, наводнение, преждевременный снег или прочие неприятности, любой монастырский хронист непременно об этом упомянет, ничуть не отличаясь от блогера XXI века: эта традиция насчитывает два тысячелетия, и вряд ли что-нибудь изменится еще через десять веков

Но как только климат улучшается, лето становится теплым, а зима мягкой, когда дожди не являются бедствием, а засуха не выжигает поля, в хрониках начинают исчезать сведения

о погоде: есть новости куда более актуальные, наподобие женитьбы сына короля или пойманного на прелюбодеянии епископа! В VIII–IX веках мы начинаем наблюдать, что погодные ужасы сменяются вполне благодушными бытовыми зарисовками тогдашних летописцев — конечно, никуда не исчезли конфликты и войны, а равно и изумительные погодные явления; однако последние становятся скорее редкими аномалиями, чем навеваящей неизбывную тоску обыденностью. Можно раз в пять-десять лет пожаловаться на кошмарный град, побивший посевы, но это событие экстраординарное, не



Тор и Химир (Гимир, Хюмир) отправляются на ловлю мирового змея Ермунганда (Мидгардорма); Исландский Манускрипт 18 века



являющееся повседневной нормой. Одно исключение — странные погодные аномалии XI века.

Климат снова поменялся, наступает потепление — Средневековый климатический оптимум, продлившийся до первой трети XIV века.

В контексте этого потепления необходимо упомянуть принципиально новый демографический феномен, доселе невиданный: появление викингов. Крутые бородатые парни, несколько столетий державшие в страхе все королевства Европы, стали детьми очередного климатического изменения. Никому доселе не интересная и захолустная Скандинавия с VII–VIII веков становится центром, влияющим на европейские дела едва ли не больше, чем возвышающееся римское папство или окончательно утвердившиеся государства наподобие империи Карла Великого.

Для понимания того, что в будущем происходило во Франции и в Англии, а равно на Руси, на Сицилии и во многих других регионах Европы, следует кратко рассказать о том, кто такие викинги, откуда они взялись и в чем вообще причина их появления.



В один из летних дней 789 года на побережье англосаксонского королевства Уэссекс произошло событие, на которое обратили внимание исключительно местные летописцы. К берегу острова Портленд, в эпоху Римской империи именуемого по-латыни Винделисом, пристали три длинные ладьи, способные идти как на веслах, так и под парусами. С кораблей высадились бородатые светловолосые незнакомцы, говорившие на языке, отдаленно сходном с древнесаксонским — по крайней мере, корни большинства слов были понятны обитателям Уэссекса.



Англо-саксонские королевские кольца; IX век; Британский музей.



Навстречу корабельщикам вышел наместник уэссекского короля тан Беохтрик со своими людьми. Подробности беседы нам неизвестны, но закончилась она ссорой: чужеземцы убили Беохтрика, вырезали его малочисленный отряд, забрали трофейное оружие, погрузились на ладьи и исчезли в тумане моря голубом.

Эта история по меркам VIII века не выглядела чем-то шокирующим — дело насквозь житейское. Англосаксонские королевства Британии прилежно враждовали между собой, а когда близкородственные свары надоедали, принимались шпынять кельтов в Уэльсе или Шотландии, получали сдачи и вновь возвращались к внутренним разборкам. Война была делом самым обыденным, а уж если обращать внимание в летописях на каждую мелкую стычку — на одном пергаменте разоришься!

Так почему же столь незначительный инцидент на Виндесе привлек внимание хрониста, а в наши времена считается едва ли не ключевым событием VIII века в Европе, давшим старт новой эпохе?

Тут необходимо отметить, что англосаксы давным-давно были христианами — равно как и все без исключения их соседи: франки и бретонцы за Ла-Маншем, ирландцы, шотландцы



и валлийцы. Реликты многобожия если и сохранились, то на бытовом уровне или в совсем уж отдаленных и труднодоступных горных районах. Высадившиеся же в Уэссексе невоспитанные бородачи оказались самыми настоящими язычниками — что само по себе вызывало изумление и испуг.

История с таном Беохтриком — первое документальное свидетельство появления викингов. Разграбление Линдисфарна и Ярроу, набеги на Ирландию, высадка на Оркнейских и Шетландских островах — все это произойдет потом. В 789 году никто из британцев или франков даже предположить не мог, что христианская Европа столкнется с силой, которая за три последующих столетия изменит не только границы, но и демографическую ситуацию, культуру и даже станет причиной появления новой молитвы: «*A furore Normannorum libera nos, Domine!*» — «От ярости норманнов спаси нас, Господи!».



Люди на Скандинавском полуострове поселились задолго до Рождества Христова. Самые ранние культуры относятся к мезолиту и периоду около шестого тысячелетия до н. э. За две-три тысячи лет до н. э. в южной Скандинавии появляются носители «культуры боевых топоров и шнуровой керамики», которые, предположительно, становятся ядром зарождения германских народов — они мигрируют на север от Ютландского полуострова и начинают заселять территории нынешних Швеции и Норвегии.

Впрочем, это дела совсем давние, а нас интересует период после падения Римской империи, когда группа северогерманских племен начала обособляться от остальной Европы. Великое переселение народов, крушение Рима, принятие христианства готами, франками и прочими германцами — словом, все грандиозные изменения середины первого тысячелетия



Англо-
саксонская
брошь. 9 век.
Британский
музей.

нашей эры Скандинавию практически не затронули: сущий медвежий угол и дремучее захолустье, даже хуже, чем Британия, которая тоже считалась в постримские времена скучнейшей дырой.

В период Темных веков особого интереса к Скандинавии никто из ближних и дальних соседей не прояв-

лял: франкам было чем заняться на континенте, обитатели Британии варились в своем котле, славяне еще не подошли к берегам Ладоги и Ильменя, а в Византии о существовании далекого северного полуострова, скорее всего, даже не подозревали. Сами скандинавы оставались в относительной изоляции много веков, практически ничего не зная о бурных событиях в Европе и сосредоточившись на проблеме выживания во время похолодания.

Как мы уже рассказывали, к VIII веку климат начинает стабилизироваться: лед и снег отступают, расширяются посевные площади, урожаи зерновых можно снимать на широтах, прилегающих к Полярному кругу, качество жизни резко повышается. Итог вполне закономерен — взрывообразный рост населения.

Однако тут следует учитывать не только климатические особенности, но и географическую специфику Скандинавского полуострова. Если на территории восточной Швеции имеются обширные равнины, пригодные для сельского хозяйства, то в гористой Норвегии выращивать хлеб и пасти стада можно исключительно на узких полосках земли вдоль побережья и в долинах рек. Бесконечно дробить наделы между сыновьями невозможно — земля все равно их не прокормит. В сухом



остатке: избыточное и пассионарное население, резкий недостаток продовольствия.

Скандинавия не резиновая. Что делать?

Ответ был найден довольно быстро: если на родине отсутствует свободная плодородная земля, значит, таковую надо искать за морем.

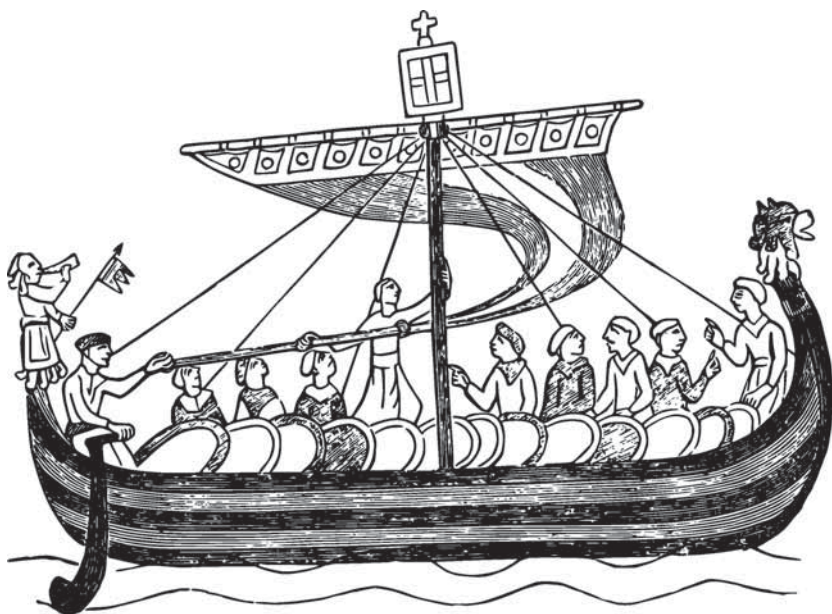
Ввиду того факта, что древние скандинавы давным-давно научились строить отличные корабли, решение вопроса лежало на ладони. Первый «прототип» дракара, «Хьортспрингская ладья», найденная археологами в Дании, на острове Альс, относится к IV веку до н. э. — лодка могла вместить до 20 гребцов. Больше того, скандинавские ладьи, имеющие минимальную осадку, могли ходить по любому мелководью и проникать в узкие реки.

Вот тогда-то и начинаются первые вылазки древних скандинавов в сторону континента и Британских островов — для начала в целях больше разведывательных, чем завоевательных. Необходимо было ознакомиться с обстановкой, а таковая ясно свидетельствовала: земли там много, плотность местного населения крайне невелика, население это к молниеносным налетам со стороны моря непривычно, да и вообще не предполагает, что таковые возможны. Существуют и документальные свидетельства — процитируем ученого, богослова и поэта VIII века Флакка Альбина (Алкуина):

«Триста пятьдесят лет мы и наши отцы жили в этой прекрасной земле, и никогда прежде Британия не ведала такого ужаса, какой познала теперь, после появления язычников. Никто не подозревал, что грабители могут приходиться из-за моря».



Брошь,
культура
викингов;
между 780
и 1100 Made in
Gotland, Sweden



Вильгельм I
Завоеватель
(1027–1087)

Ключевые слова здесь — «никто не подозревал». За столь благодушное неведение пришлось очень дорого заплатить.

Теперь надо объяснить, что же мы вообще подразумеваем под термином «викинг».

Само слово образуется из двух частей: *vik*, то есть «залив, бухта», и окончания *-ing*, обозначающего общность людей, чаще всего родовую — сравним: Меровинг, Капетинг и т. д. Получаем «человек из залива». Исходно дружины викингов составлялись из тех самых излишков населения — младшие сыновья, не наследующие надел, люди, покинувшие род сами или изгнанные из него, а то и просто искатели приключений, богатства и славы. То есть *не оседлые* скандинавы-земледельцы.

Впрочем, почему только скандинавы? В составе экипажа корабля мог оказаться кто угодно — норвежец, венец, руянин,



Вильгельм I Завоеватель (1027–1087), между 1597 и 1618;
Национальная Портретная Галерея, Лондон



приладожский кривич. После того как скандинавы начали осваивать «Путь из варяг в греки» через Неву, Ладогу, Волхов и далее в бассейн Волги, в составе дружин начало появляться немало славян, тем более что политеистические пантеоны Скандинавии и Древней Руси были очень близки, и на этой основе можно было весьма быстро найти общий язык. Не столь давно археологами были найдены, очевидно, новгородские поселения в Исландии — это значит, что славяне вместе со своими приятелями-норманнами отправились на покорение безвестной земли в Северной Атлантике...

Итак, викинг — это не профессия, не национальность и не род занятий. Это социальный статус, маргинальная социальная группа, нечто среднее между солдатом удачи, лицом без определенного места жительства и бандитом в составе организованной группы лиц скандинавской (и не только) национальности. Такие добры молодцы безо всякой сопливой рефлексии могли запросто ограбить соседний фьорд, своих же сородичей-норвежцев или свеев — прецеденты известны.

В большинстве они не были ограничены обязательной для оседлых скандинавов системой моральных табу и постепенно стали полагать, что стоят выше скучных земледельцев хотя бы потому, что в религиозной сфере началась сакрализация войны — достаточно вспомнить о культе богов-воинов, Одина, Тора и других.

Наконец, именно викинги «изобретают» морскую пехоту в том виде, в каком мы ее знаем, — противопоставить их незамысловатой тактике европейцам-христианам было нечего. Выработанная древними скандинавами схема являлась простой, как угол стола, но невероятно эффективной: внезапный налет практически в любой точке морского или речного побережья (снова вспомним о способности дракаров ходить по мелководью), а после успешной атаки столь же молниеносное



Гобелен Байе.
Викинги

отступление, пока противник не успел подтянуть сколь-нибудь значительные силы — ищи-свищи потом этих головорезов в океане.

Конечно, потом викинги займутся респектабельной торговлей, ради любопытства откроют Исландию, Гренландию и Америку и пойдут служить в «варяжскую дружину» к византийским императорам, но в конце VIII — начале IX века они занимались исключительно самыми вопиющими грабежами, захватом земель в Англии, Ирландии и на материке, работорговлей и прочими не менее увлекательными, романтическими и прибыльными делами...



Попавшая под удар викингов Европа в очередной раз стала жертвой климатических изменений — средневековый оптимум согнал скандинавов с насиженных и ранее холодных земель. Они пошли искать лучшей доли к заморским соседям. Что характерно, лучшую долю они нашли довольно быстро. Здесь мы не будем останавливаться на истории колонизации викингами Британии, поскольку нас интересует Франция, а конкретно — столь важный регион королевства, как северо-запад бывшей римской провинции Лугдунская Галлия, впоследствии Нижняя Нейстрия, а с 910-х годов — Нормандия, из-за которой на протяжении грядущих столетий будет сломано немало копий в самом прямом смысле этих слов.

Вкратце: десанты викингов на побережье Нижней Нейстрии начались в 790–800-х годах, при царствовании Карла Великого. О захвате земель речь пока не шла, набеги имели

14 век. Святые, чьи праздники приходятся на первую половину июля: Св. Свистун, Св. Мартин, Св. Томас, Св. Бенедикт, Св. Милдред, Св. Кенельм со своей головой в руках, Св. Маргарита. Астрологический и церковный календарь в шести частях.





единственную цель — взятие богатой добычи в многочисленных монастырях. Безобразия продолжались целое столетие, до тех пор, пока король Западно-Франкского королевства Карл III Простоватый из династии Каролингов осенью 911 года не заключил с вождем датских викингов Ролло (настоящее имя — Рольф Пешеход) договор, по которому означенный Ролло получает в вечное и наследное владение «земли от реки Эпт до моря», где и может поселиться со всеми своими людьми. Это значило, что датчанам отходили три крупных епископства — Руан, Эвре и Лизье.

В свою очередь, Ролло по договору обязывался принять крещение, принести личный омтаж королю и защищать владения Карла III от вторжения посторонних викингов, которые надоели франкам хуже горькой редьки: скандинавские разбойники уже давно взяли манеру подниматься вверх по Сене и грабить Париж с окрестностями.

Таким образом, датчанин Рольф Пешеход входит в историю как Роберт I, герцог Нормандии, со столицей в городе Руане. В свою очередь, из хроник навсегда исчезает Нижняя Нейстрия, заменяясь всем известной Нормандией — *Викинг*.
ей — от слова *Nortmanni*, «северные люди».

Знал бы девятьсот лет назад император Октавиан Август, чем закончится история провинции Лугдунская Галлия, реорганизованной им в 27 году до нашей эры, — никогда бы не поверил. Однако северные варвары из далекого Данмерка





получили свою долю римского наследия, вскоре заговорили на французском языке и стали вершителями судеб северо-западной Франции лишь потому, что скудные земли Скандинавии по окончании раннесредневекового похолодания не смогли прокормить «лишних людей».

Стало тепло. А что дальше?

Точно определить временные границы средневекового климатического оптимума и причины его возникновения весьма затруднительно. Считается, что потепление началось в середине VII века, пика достигло к 1100 году и продолжалось до начала XIV века — а конкретно до 1315–1317 годов, когда в результате внезапного и резкого похолодания начался Великий голод — о нем мы еще подробно расскажем позднее.

Давайте установим пределы теплого периода с 800 по 1300 год, так будет проще. К тому же ориентировочно с IX века мы можем оперировать демографическими данными — появляются дошедшие до наших времен документы, позволяющие (пускай и с немалой погрешностью) судить о численности населения Франции. Самый старинный документ был составлен аббатом монастыря Сен-Жермен де Прэ Ирминоном — бумага, известная как «Полиптих Ирминона», повествует нам об инвентаризации владений аббатства, проведенной в 823 году.

Аббат подошел к делу с серьезностью и ответственностью опытного бюрократа, в список включены имена 10282 человек, арендаторов и их детей, а также упоминание о сервах-рабах, еще около 2000 душ. На сельскохозяйственных площадях аббатства в 17 тысяч гектаров проживало в общей сложности



Лист/иллюстрация из «Великолепного часослова герцога Беррийского»; рукопись 15 века



12 тысяч человек в двадцати пяти деревнях. Выходит, плотность населения в районе Сен-Жермен составляла 72 человека на квадратный километр, но тут следует сделать оговорку: учитываются только пахотные и выпасные площади, а не лесные угодья, принадлежащие монастырю. В последнем случае количество гектаров увеличивается до 221 тысячи, а число людей — до 22 тысяч с падением плотности до 10 человек на гектар.

Встает вопрос: можно ли перенести данные выкладки на всю территорию Франции начала IX века и тем самым вычислить общее население королевства? Видимо, нет, поскольку область вокруг Сен-Жермен спокон веку была заселена гораздо плотнее, чем соседние территории, да и без малого 90% земель аббатства являлись лесными угодьями.

Французские демографы XX века, используя на основании «Полиптиха Ирминона» разные методы подсчета, получают колоссальный разброс в численности населения Франции — от 5 до 22 миллионов, что совершенно неприемлемо. Б. Ц. Урланис в книге «Рост населения в Европе. Опыт исчисления» попытался сопоставить результаты исследований французов и называет цифру в 6–6,5 миллиона человек по состоянию на 823 год и 9–10 миллионов к 1000 году.

Для чего нам нужны эти цифры? Для понимания демографических процессов во Франции на фоне улучшения климата. Собственно, к XI веку Франция сталкивается с той же проблемой, что и Скандинавия двумя столетиями ранее, — демографическим взрывом и переизбытком населения, при довольно вялом расширении посевных площадей. Людей стало больше, еды меньше. Увеличение пахотных земель за счет вырубки лесов стоит под большим вопросом — лес является собственностью феодалов, как светских, так и церковных (аббатства), но последние вскоре приходят к пониманию необходимости такого шага.



Около 1500.
Июль: Жатва.
Часослов Генриха VIII, миниатюрист Жан Роуер

Проще говоря, вызрел очередной кризис, да такой, что лучше бы этого проклятущего климатического оптимума вообще не было. В прежние времена, при весьма низкой, но стабильной численности населения, прокормиться было куда проще даже при вечно плохой погоде!

Тут следует непременно заметить, что абстрактное «потепление» вовсе не означало абсолютной стабильности климата — таковая установится лишь в XII–XIII веках, что хорошо заметно по статистике неурожаев в Европе вообще и Франции в частности. До нас дошли сведения о двадцати девяти аграрных катастрофах в период с середины VIII века до начала XII века.

Французский медиевист Пьер Бонасси в книге «50 ключевых слов средневековой истории» от 1981 года приводит весьма любопытную статистику массовых неурожаев *общеευропейского* масштаба — 6 голодных лет за время с 750 по 800 год, 12 неурожаев с 800 по 900 год, всего 3 голода с 900 по 1000 год (причем только в начале века) и, наконец, 8 неурожаев с 1000 по 1100 год.



Это в целом по Европе. Для Франции пейзаж XI века выглядит совсем грустно — 26 неурожайных лет, абсолютный рекорд. Ничего подобного не отмечалось ни до, ни после XI столетия, и объяснений этой природной аномалии доселе не существует.

Дадим слово бенедиктинскому монаху Раулю (Радульфу) Глаберу, оставившему нам интереснейшую хронику «История своего времени в пяти книгах», написанную в период с 1030 по 1040 год. Цитата довольно обширна, но ее следует привести полностью для того, чтобы понимать устрашающий масштаб происходившего в те годы:

«...В 1027 г. землю начал опустошать голод, и род человеческий был угрожаем близким разрушением. Погода сделалась до того худа, что невозможно было найти минуты ни для посева, ни для уборки хлеба вследствие залития полей водою. Казалось, что все стихии обрушились и вступили в борьбу друг с другом, а между тем собственно они повиновались Божьей каре, наказывавшей людей за их злобу. Вся земля была залита непрерывными дождями до того, что в течение трех лет нельзя было иметь пяди земли, удобной для посева. Зерновая мера на самых плодородных землях не давала более сам-шесть. Этот мстительный бич начался на востоке, опустошил Грецию, потом Италию, распространился по всей Галлии и, наконец, постиг Англию. Его удары обрушились на всех без различия. Сильные земли, люди средние и бедняки равно испытывали голод, и чело у всех покрывалось бледностью; насилия и жестокости баронов смолкли перед всеобщим голодом. Если кто-нибудь хотел продать съестное, то мог спросить самую высокую цену и получил бы все без малейшего затруднения. Почти везде мера зернового хлеба продавалась по 60 золотых солидов; иногда шестую часть меры покупали за 15 солидов. Когда переели весь скот и птиц и когда этот запас истощился, голод сделался чувствительнее, и для укрощения его приходилось



пожирать падаль и тому подобную отвратительную пищу; иногда еще, для избавления от смерти, выкапывали из земли древесные корни, собирали травы по берегам ручьев; но все было тщетно, ибо один Бог может быть убежищем против Божьего гнева.

Но, о ужас, поверят ли тому, свирепство голода породило примеры жестокости, столь редкой в истории, и люди ели мясо людей. Путник, подвергнувшись нападению на дороге, падал под ударами убийц, они разрывали его члены на части, жарили их и пожирали. Другие, убегая из своей страны, чтобы вместе с тем убежать и от голода, были принимаемы в дома, и хозяева душили их ночью, чтобы после съесть. Некоторые показывали детям яйцо или фрукт, заманивали их в сторону и пожирали. Во многих местах отрывались трупы для подобной же ужасной цели. Наконец это безумие, эта ярость дошла до того, что существование животного было безопаснее, нежели человека, потому что, по-видимому, есть мясо людей начало обращаться в обычай. Один злодей в г. Турнюс (на р. Соне, близ Макона) осмелился выставить на рынке для продажи вареное человеческое мясо, как то обыкновенно делалось с мясом животных. Его схватили, и он не запырлся; суд приказал связать его и сжечь; но нашелся другой, который в ту же ночь украл это самое мясо, выставленное тем на продажу и зарытое в землю; он пожрал его, но и был точно так же сожжен.

Близ Макона, в лесу Шатене, стоит уединенная церковь, посвященная св. Иоанну. Какой-то негодяй построил близ нее хижину, где он резал всех, которые искали у него убежища на ночь. Случилось однажды, что к нему зашел путник со своею женою; но, заглянув в угол хижины, он заметил там головы мужчин, женщин и детей. Смущенный и побледневший, он хотел уйти, но кровожадный хозяин воспротивился и силою хотел удержать его; страх смерти придал ему силы, и кончилось тем, что путник спасся вместе с женою и поспешно отправился в город. Дано было

«Беззаботный
в бедности»
(1510–1520)
голландская
моралистиче-
ская миниатю-
ра. Изображен
беззаботный
у очага, его
единственным
компаньоном,
кроме плачущей
собаки и кошки,
является Бед-
ность, которую
можно увидеть
в дверях, собира-
ющую соломин-
ку, чтобы
поддержать
огонь.



знать о сем графу Оттону и другим жителям города; в ту же минуту послали большое число людей, чтоб проверить показания путника; они поспешили на место и нашли там того зверя в своем логовище, а в хижине его было 48 голов зарезанных и пожранных им жертв. Злодея привели в город и сожгли; я сам присутствовал при его казни.

В это время придумали в той провинции одно новое средство для питания, о котором, я полагаю, прежде никогда не думали. Многие начали мешать последние остатки муки и отрубей с белой землей, похожей на глину, и делали из такой смеси хлеб для



утоления голода. Эта пища служила им последнюю надеждою на спасение от смерти, но успех не соответствовал их желаниям. Лица их делались бледными, кожа натягивалась и пухла, голос слабел и напоминал собою жалобный крик издыхающих птиц. Умиравших было так много, что не успевали их погребать, и волки, привлекаемые запахом трупов, начали нападать на людей. Так как нельзя было иметь для каждого покойника отдельной могилы, по их большому числу, то люди богобоязненные открывали свои запасные ямы, в которые складывалась солонина, и клали туда по 500 трупов, а иногда и больше, если яма была значительного размера. Там валялись трупы, перемешанные друг с другом, полунагие, часто без всякого савана. Нередко полевые ямы заменяли кладбища.

Случалось, что несчастные, узнав, что другие провинции в лучшем положении, оставляли свою страну, но они погибали на дороге. Этот ужасный голод свирепствовал в течение 3 лет, в наказание за грехи людей. В пользу бедных жертвовали церковные украшения и богатства, имевшие такое назначение; но мнение небес не удовлетворялось тем, и сокровищницы церкви были недостаточны, чтобы помочь всем бедным. Часто случалось, что те несчастные, истомленные голодом, находили для себя пищу, но они вслед за тем пухли и мгновенно умирали».

*(Цитируется по изданию: История Средних веков
в ее писателях и исследованиях новейших ученых.
Том II. СПб., 1864. Перевод М. М. Стасюлевича.)*

Мы никак не можем упрекнуть Рауля Глабера в вымысле или преувеличениях — в те времена хронисты отличались старательностью и прилежанием, тем более что монах описывает события, которые наблюдал лично.

Так в чем же, собственно, причина всех этих невероятных ужасов? Возросшее демографическое давление и погодные



аномалии — это лишь часть проблемы. Выше мы упоминали о разрушении римского типа хозяйствования и необходимости появления новой модели аграрного производства. Это печально, но со времен падения Рима вменяемая модель к XI веку так и не была создана. Имелся более или менее рабочий прототип, если угодно — альфа-версия, которая пусть и со сбоями, но работала в условиях прохладного и малонаселенного раннего Средневековья.

Как только людей стало больше определенного предела, система начала «вылетать» и «виснуть».



▲ Давайте разберемся.

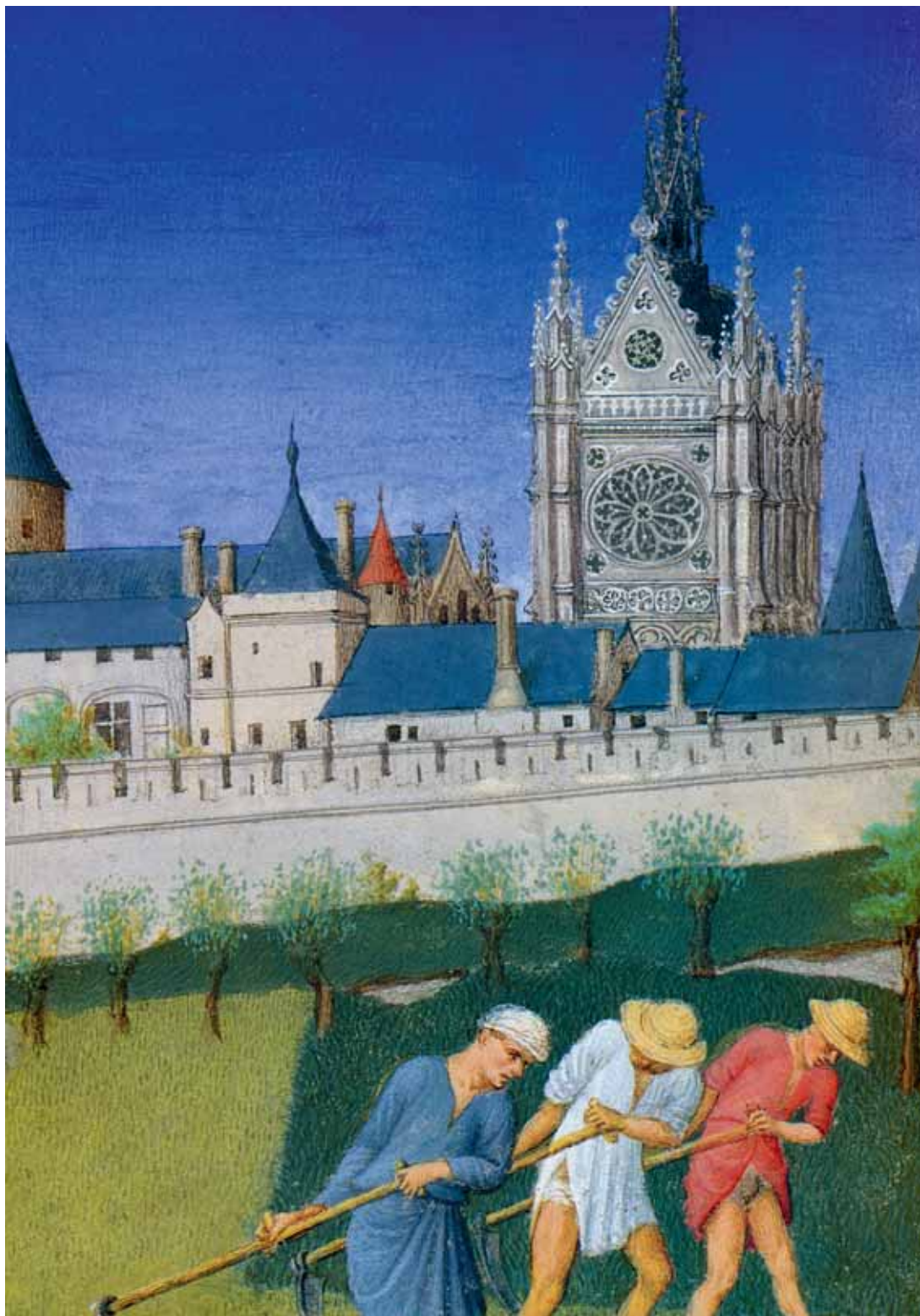
Хоть ты тресни, но необходимо было создать действенную схему, гарантировавшую продовольственную безопасность — во-первых, голодали не только крестьяне, но и бароны, а во-вторых, последние отлично понимали, что трудовое пейзажство — основной источник дохода и следует заботиться о сравнительном благополучии смердов: иначе самим не выжить. Всерьез задумываться об этом во Франции стали как раз в тот самый голодный XI век.

Римская сельскохозяйственная модель была способна обеспечить растущее население империи большим выбором и разнообразием продуктов: пшеница — это одно дело, но вместе с ней массово разводился виноград, оливковые и фруктовые деревья, а государственные и частные землевладения снабжали города мясом, большим выбором сыров и битой птицей.

Известно, что легионеры Цезаря жаловались, когда из-за прекращения подвоза зерна им пришлось питаться мясом: сильнейшая армия мира одерживала свои победы, находясь на вегетарианской диете. Однако следует извлечь из архивов



лист/иллюстрация из «Великолепного часослова герцога Беррийского»; рукопись 15 века



лист/иллюстрация из «Великолепного часослова герцога Беррийского»; рукопись 15 века



рекомендации Катона Старшего, который в своем фундаментальном труде «О сельском хозяйстве» («De agri cultura») не без доли черного юмора сообщает:

*«Как разумнее всего использовать сельские земли?
Прибыльным разведением скота.
А что лишь немного уступает скотоводству?
Разведение скота, приносящее умеренную прибыль.
А вслед за этим?
Крайне малоприбыльное разведение скота.
Ну а затем?!
Землепашество».*

Надо помнить о тесной кооперации между городом и деревней в Древнем Риме: весьма развитое промышленное и ремесленное производство снабжало село всем необходимым, от высококачественных орудий труда до предметов домашнего обихода. С падением Рима начинается отток городского населения в более сытую сельскую местность, так же поступает и военно-аристократическая элита варваров (Меровинги), предпочитавшая жить не в приходящих в упадок римских городах, а в своих земельных владениях — они-то постепенно и становятся региональными центрами административно-хозяйственной активности, разумеется, совершенно ничтожной по сравнению с временами империи.

Всеобщая варваризация сказывается и на ремесле, прежде всего на обработке металла для хозяйственных нужд — доходит до того, что одним серпом могли пользоваться на протяжении нескольких поколений, ибо купить новый было практически невозможно или стоил он очень дорого.

На таком вот безрадостном фоне хиреет и сельское хозяйство — а тут еще похолодание, исчезновение образованных агрономов, беспрестанные войны с нашествиями и прочие



фатальные неудобства. Единственным и крайне сомнительным плюсом Темных веков приходится считать резкий демографический провал: можно было эмпирическим путем на протяжении нескольких столетий отыскать какую-никакую схему, при которой население зачастую недоедало, но массово от голода не вымирало.

В действительности аграрная культура (если последнее слово вообще применимо к данной эпохе) Темных веков находилась на расплывчатой грани между собирательством и обработкой земли. Пример тому — каштан, получивший большое распространение в Европе: плоды каштана могут использоваться для производства муки, по своему качеству не уступающей ржаной. В эту же категорию мы отнесем дикую грушу и дикое яблоко — вполне возможно, одичавшие и выродившиеся со времен богатых садов Рима. Да и рубеж между хозяйством лесным и хозяйством культурным, возделываемым был сильно размыт — леса, покрывавшие колоссальные площади, являлись исправным поставщиком продовольствия.

Сейчас это прозвучит странно, но прежде всего лес был пастбищем (помните упоминание желудей св. Григорием Турским?) и лишь во вторую очередь — источником древесины: если аристократы имели право охотиться в своих лесных угодьях, получая на стол мясо дичи, то простецы выпасали в богатых дубом широколиственных лесах свиней, питавшихся желудями. Основой животноводства Темных веков было разведение поросят и овец при сравнительно малом числе крупного стойлового скота — уход за коровой и ее содержание на порядок сложнее, чем присмотр за овцами или практически всеядными свиньями.

Итальянский медиевист и культуролог Массимо Монтанари в книге «Голод и изобилие. История питания в Европе» утверждает:



«...один гектар леса может прокормить одну или двух свиней, один гектар луга — нескольких овец, один гектар пашни, даже учитывая смехотворные урожаи тех времен (вплоть до XIV в. они редко превышали сам-три), дает определенно больше. Уже не говоря о том, что зерно хранится легче и дольше, чем мясо (при оптимальных температуре и влажности просо можно хранить 20 лет), из него можно приготовить более разнообразную пищу».

В условиях улучшения климата и роста населения выбор был однозначен — производство зерна. А следовательно, вырубка лесов под новые посевные площади.

Решение принято, пора браться за дело — нужно много хлеба любой ценой! Цена, как обычно, оказалась очень высокой.



Массимо Монтанари, Фернан Бродель и Жан Фавье, историки, к чьим работам мы еще неоднократно будем обращаться, в один голос утверждают: ориентировочно с VIII века во Франции начинается грандиозный по своим масштабам процесс «внутренней аграрной колонизации» за счет отвоевания у дикой природы площадей под распашку и скотоводство.

Пожалуй, это была самая выдающаяся атака человека на лес за всю историю Европы — исследователь Луи Бадре в «Истории французских лесов», опубликованной в 1983 году, приводит расчеты, что если к 1000 году лесные угодья королевства занимали 26 миллионов гектаров, то после внутренней колонизации осталось всего 13 миллионов. Аббатства, владеющие обширными землями, привлекают новые рабочие руки щедрыми посулами, растет число деревень, в провинции Дофинэ крестьяне, обработав долины, начинают осваивать в Альпах горно-лесной пояс — а это еще одно свидетельство наступления климатического оптимума: снег отступает выше,



Около 1500. Июль: Жатва. Часослов Генриха VIII, миниатюрист Жан Роуер



после вырубок и раскорчевки можно обрабатывать землю на высоте около километра и снимать стабильные урожаи.

Неблагоприятные последствия столь бурного развития хлебного производства очевидны. Эрозия почв или полная вырубка леса — это, в сущности, мелочи. Гораздо хуже другое: возросшее население становится накрепко зависимым от природных аномалий и неурожаев — что мы и видели на примере ужасного рассказа монаха Рауля Глабера, процитированного выше.

Ранние заморозки, обильные дожди, засуха — все они ставят под угрозу благополучие и жизнь огромного числа людей, а особенно поденных наемных работников сельского хозяйства, ставших наиболее уязвимой социальной группой, поскольку хлебные запасы, на которых можно протянуть до следующего урожая, остаются в руках владельцев земли, Церкви, феодалов и свободных зажиточных крестьян...

Прежняя система лесного собирательства и выпаса в лесах животных, совмещенная с ограниченными посевными площадями, в новых условиях работать не могла — повышение рождаемости сразу выявило продовольственные проблемы и разрушило баланс; в свою очередь, «аграрная колонизация» вызвала новый, ранее неизвестный кризис: выбор в пользу массового производства хлеба (весьма слабо компенсировавшегося овощами и зеленью) многократно усилил риски голода. При этом эти риски оправдывались с удручающей регулярностью.

Возник порочный замкнутый круг.



Несколько слов о лесном хозяйстве. Легенды о Робин Гуде возникли не на пустом месте, и популярность этого персонажа в простонародье более чем объяснима. Как мы выяснили выше, процесс исчезновения лесов принял широкий размах.



С развитием «аграрной колонизации» центральной тенденцией становится повсеместное отторжение прав крестьянских общин на пользование лесами в адрес Церкви и аристократии. Лес становится «дефицитом», а эксплуатация его ресурсов (охота) — привилегией. Появляется регламентация в совершенно немислимых прежде областях — к примеру, «право на желуди»: хочешь выпастить своих поросят в лесу господина барона, изволь выкупить у него лицензию. Ну а охота в господских угодьях становится преступлением, приравненным к человекоубийству: за браконьерство следовали самые изощренные наказания.

Собственно, непримиримый конфликт Робин Гуда, отца Тука и их развеселой братии с шерифом Ноттингемским и Гаем Гисборном имеет самую что ни на есть социальную и классовую подоплеку, а вовсе не является романтической историей про благородных разбойников — окрестное крестьянство лишено традиционного доступа к лесным ресурсам, охотиться имеют право только «люди короля», сложившийся веками продовольственный баланс рушится, деревенские про-являют вполне обоснованное возмущение.

За Ла-Маншем обстановка складывалась ничуть не лучше — достаточно вспомнить о восстании крестьян в Нормандии (где, заметим, не было крепостной зависимости!) в конце X века. О мятеже есть упоминание в «Histoire des ducs de Normandie» авторства монаха и летописца Гийома де Жюмьежа, написана хроника около 1070 года. Бунт был поднят нормандскими крестьянами из-за важнейшей причины — они требовали «пользоваться по своему усмотрению лесами и водами». Восстание было подавлено с запредельной жестокостью Раулем д'Иври, впоследствии графом и дядюшкой тогдашнего герцога Нормандского, — бунтовщикам рубили руки и ноги, что лишь доказывает: борьба за пользование ресурсами велась с колоссальным ожесточением.



Рукопись
10 века
из Бельгии.

Отдельно отметим, что Рауль д'Иври происхождение имел самое сиволапое — отцом его был богатый мельник и землевладелец по имени Эсперленг, а мать — бывшая наложница герцога Вильгельма I Длинный Меч, родившая последнему вне брака наследника Ричарда Бесстрашного. Что совершенно не помешало потомку мельника и конкубины Раулю резать своих соплеменников ради нарождавшихся сословных привилегий!

Есть обоснованное подозрение, что нормандский бунт 996 года — явление не исключительное и не единичное, и уж тем более удивительны настолько лютые репрессии — мы помним, что с разрешения датчанам Ролло Пешехода поселиться на этих землях прошло всего-то 85 лет, и все нормандцы разных сословий, в сущности, были «своими»,



потомками свободных скандинавов, а не какими-то чужаками-французами!

Выходит, что на фоне демографического роста, «аграрной колонизации» и изменения типа хозяйствования всего за какое-то столетие социальное и классовое расслоение настолько возросло, что в борьбе за сокращающиеся лесные угодья можно было без зазрения совести рубить руки-ноги даже «своим». Точнее, *уже чужакам*, так как религиозно-родоплеменная идентичность нормандских викингов столетней давности (датчанин/швед, поклоняюсь Одину, военный вождь лишь первый среди равных) стремительно сменилась идентичностью сословной: господа со всеми преференциями и бесправное быдло, осмелившееся покуситься на статусную привилегию — охотиться и, как следствие, есть мясо дичи.

Ключевое слово здесь — мясо. Продукт, в течение «хлебной революции» ставший роскошью для низов и знаком общественного положения для аристократии.



▲ Давайте подведем некоторые итоги. Выработанная к XII–XIII векам новая аграрная схема — постримская и постварварская — пусть и обладала самыми грубыми недостатками, но наконец-то заработала. Прежде всего себя смогли обеспечить питанием социальные низы, и, хотя основу рациона составлял хлеб со второстепенными значимыми культурами, в пищу использовалось великое множество овощей и зелени — капуста, репа, чеснок, лук-порей, репчатый лук, огурцы (засаливание огурцов имеет древнейшую традицию). А равно плодовые и живучие бобовые, только не знакомая нам фасоль, завезенная позже из Америки, а обычный горох и чечевица.



Огородничество и раньше было развито, но теперь овощи становятся существенным дополнением к столу — особенно в случае дефицита хлеба. Кстати, не сохранилось никаких регламентов, касающихся крестьянского огорода; судя по всему, пейзажи могли выращивать у себя на участке все что душе угодно.

С «аграрной колонизацией» приходит осмысление вроде бы и ранее очевидного факта — надо создавать крупные запасы зерна, которые позволят пережить вполне возможный недород.

«Продовольственными хабами» становятся многочисленные аббатства, владеющие обширными пахотными землями, и, в меньшей степени, замки сеньоров. Поскольку число деревень после расчистки «диких площадей» за VIII–XII века увеличилось на порядки, центром притяжения стали города — тут мы видим ситуацию, обратную древнеримской: не город способствует развитию села, а деревня становится причиной роста городов как обменно-торговых центров. В свою очередь, исправно снабжающийся продовольствием из окрестностей город, повторяя античную историю, начинает постепенно превращаться в средоточие примитивной промышленности, а не только выполнять функции религиозного центра, как это было в конце Темных веков.

Климат стабилизируется настолько, что XII–XIII столетия становятся если не «золотым веком» аграрной экономики Средневековья, то, по меньшей мере, не испытывают жутких потрясений прошлых веков — бесспорно, неурожай и призраки голода никуда не исчезли, но таковые становились явлениями локальными, иногда поражавшими отдельные регионы и не принимавшими сокрушительного общеевропейского масштаба.

Тут можно снова упомянуть о природных рисках, оказывавших влияние на «хлебную концепцию» массового питания:

Иллюстрация
из манускрипта
*The Wolfegg
Housebook*,
показывающая
средневековую
жизнь.
с. 1475–1485



сезонная засуха вела к резкому сокращению производства, но это компенсировалось созданными в предыдущие годы запасами как посевного зерна, так и зерна, идущего в пищу. Неудивительно, что к XII веку в моду снова входит пшеница: это означает, что аграрная культура резко возросла, а погодные условия позволяли выращивать этот достаточно чувствительный к теплу злак даже в Англии и Скандинавии.

Где достаток — там и излишки. А там, где излишки, человеку становится необязательно ежедневно думать о хлебе насущном, в результате чего мы наблюдаем в Европе следующий после Каролингского ренессанс, так называемое «Возрождение XII века», *Renaissance du XIIe siècle*, сопровождавшееся бурным ростом интеллектуальной и культурной активности, удивительным после недавнего варварства подъемом литературы, скульптуры, поэзии и архитектуры.



Согласимся, что писать стихи или строить базилику Сен-Дени на голодный желудок не станешь, а для возведения грандиозных соборов нужны рабочие руки, напрочь отсутствовавшие еще триста-четырееста лет назад. И этих рабочих надо хорошо кормить, чтобы не валились с ног без сил.

Мы вряд ли ошибемся, если скажем, что обязаны появлением изумительного по своей красоте и изяществу дуомо в Сиене, рыцарским романам Кретьена де Труа, стихам и трактатам Хильдегард фон Бинген или становлению Парижа как ведущего культурного центра повышению среднегодовой температуры всего-то на 2 градуса Цельсия начиная с VIII века. Что и вызвало аграрную революцию Средневековья, демографический всплеск и, как следствие, расцвет эпохи, продолжавшийся до 1315–1317 годов, когда прозвенели первые звоночки, извещающие о наступлении Малого ледникового периода.

Но об этом мы поговорим в разделе, посвященном невероятным по своим масштабам кризисам XIV века.

ИДИТЕ В БАНЮ!

Темные и грязные века

При оценке качества жизни человека Высокого Средневековья будет опять же некорректно сопоставлять таковое с другими историческими периодами, существенно отличными по уровню технического развития и материальной культуры. Разумеется, в сравнении с пиком расцвета Древнего Рима мы видим несомненный и огорчительный упадок, а уж если брать XXI век, то и вообще «другую планету».

Повторимся, подходить с нашими мерками к бытовым и социальным условиям XII–XIV веков и картинно закатывать глаза из-за отсутствия (о ужас!) душа или (какой кошмар!) мыла решительно не стоит — мы ведь не падаем в обморок из-за того, что у Юлия Цезаря не было смартфона, а кухарка кардинала Ришелье не готовила жаркое на сковороде с замечательным антипригарным покрытием?

Мыло, кстати, в Средневековье вовсе использовали, пускай оно весьма отличалось от привычного нам, а душ так и вообще получил распространение только в последней трети XIX века, то есть немногим более ста лет назад...

Впрочем, давайте обо всем по порядку.



Данная тематика вплотную прилегает к климатическому вопросу и количеству доступных ресурсов — а именно дров для отопления. Как мы недавно выяснили, вот уж с чем,



Купающаяся Вирсавия, Генрих Альдегравер, 1532



а с дровами и материалом для строительства после начала «аграрной колонизации» никаких проблем не было. Миллионы гектаров леса веками расчищались, бревна шли на строительство тысяч новых деревень и сотен городов, вырубка и раскорчевка давали почти неисчерпаемый запас топлива для очагов. Впрочем, не только для очагов.

Очередной стереотип гласит: Средневековье являлось царством кромешной грязищи, славилось тотальным отсутствием гигиены, а абстрактный «благородный рыцарь» мылся один раз в жизни, и то случайно упав в речку. С «благородными дамами», видимо, дело обстояло еще хуже, поскольку через речки они явно ездили куда реже странствующих рыцарей, предпочитая сидеть в башнях замков за вышиванием и параллельно страданиями по возлюбленному. Далее обычно следует пространное описание культуры русских бань и якобы очевидное сравнение не в пользу «немытой Европы».

Придется огорчить носителей данного мифа: среднестатистический русский князь XII–XIV веков был ничуть не чище немецкого или французского феодала. А последние в большинстве не были грязнее. Возможно, для кого-то эти сведения являются откровением, но банное ремесло в ту эпоху было весьма развито и, по объективным причинам, описанным ниже, оказалось полностью утрачено как раз после Возрождения, к наступлению Нового времени.

Галантный XVIII век стократ более пахуч, чем суровый XIV век.

Удивительное дело, но лично ознакомиться со средневековой культурой гигиены можно прямо сейчас, достаточно приехать в столь архаичную страну, как Исландия, где традиции купания в природных источниках и домашних бань свято хранятся без малого тысячу двести лет, со времен заселения этого североатлантического острова викингами.

Древние скандинавы были людьми, ценившими личный комфорт, и хотя викинги не унаследовали банное ремесло от



Средневековая ванна (баня). миниатюра 15 века.



римлян, как другие европейские варвары, исландские колонисты отлично знали, что нет лучше способа согреться в долгий зимний вечер или освежиться после дальней дороги, чем баня.

Первопоселенцам Исландии невероятно повезло — вулканический остров давал достаточно природного тепла для источников, где купаться можно было в любое время года и при любой температуре воздуха под открытым небом. Доселе одним из самых массовых исландских топонимов является laugar («лойгар, купальня»), распространенный даже в абсолютно необитаемом центре страны, где лишь пролегали конные дороги с северного на южное побережье.

Хочется переночевать со всем комфортом? Нет проблем: совсем рядом, за перевалом, можно найти немаленький горячий источник, который так и называется — Landmannalaugar, «купальня людей этой земли». А за ним еще один. И еще...

Равно и устная культура Исландии сохранила в сагах бесчисленные упоминания домашних бань:

«...Люди уже встали из-за стола, а бонд Орм отправился в баню; баня была сделана снаружи».

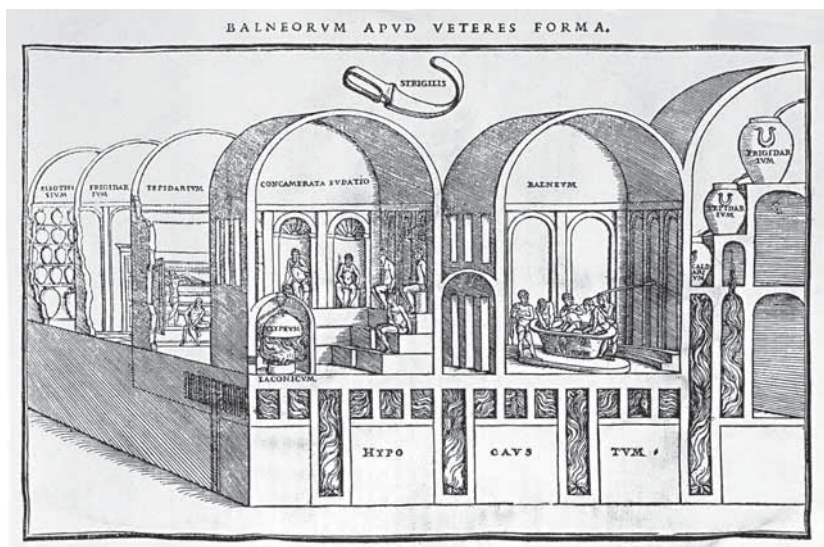
(«Сага об Ароне, сыне Хьерлейва».)

«Баня была устроена так, что внизу был сделан подпол, а над ним было окошко, в которое заливали воду. Баня была врыта в земле, двери там на мощных столбах, и вся постройка срублена из нового и самого что ни на есть крепкого леса».

(«Сага о битве на Пустоши».)

«Стюр велел подготовить у подножия Лавовой Пустоши баню; она была врыта в земле, а наверху над печью было проделано отверстие, чтобы через него поддавать жару. Жара внутри была страшная».

(«Сага о людях с Песчаного берега».)



Римская баня с горячей, холодной и паровой баней и системой отопления комнат.

Других примеров не счесть. Исландцы купались и ходили в бани в течение всего Средневековья, после принятия христианства, в Новое время и, конечно, во время Новейшее — с течением долгих веков ничего не изменилось. Однако тут следует помнить об уникальных природных условиях острова и что в континентальной Европе с горячими источниками дела обстоят несколько иначе. Тем не менее исландский пример весьма показателен.



Давайте вернемся на материк и обратим внимание на варваров, повергших Рим — тот самый Рим, где бани-термы являлись едва ли не национальным символом, а гигиена считалась чем-то само собой разумеющимся у абсолютного большинства свободных граждан.



Самые настоящие душевые, кстати, придумали еще древние греки, от них это полезное изобретение перекочевало сначала в республику, а за ней и в империю. Однако римляне все-таки предпочитали бассейны и парные...

Завоевавшие Италию лангобарды не только пользовались римскими банями, но и учиняли в них самые черные злодеяния. До нас дошла история о том, как лангобардский вождь Хильмихий в 572 году был отравлен собственной женой Роземундой в Вероне по наущению византийского экзарха Лонгина. Известны и скандальные подробности:

«...Тут префект Лонгин стал просить Роземунду, чтобы она убила Хильмихия и вышла замуж за самого Лонгина. Послушавшись этого совета, она развела яд и после бани поднесла ему кубок. Отведав питье, Хильмихий понял, что там был яд, и приказал Роземунде пригубить питье — так они оба и умерли».

*(Фредегар. Хроники длинноволосых королей.
О королевстве лангобардов.)*

Заметим, в летописи фигурирует тот самый невероятно холодный VI век; после неслыханной климатической аномалии 535–536 годов прошло всего-то тридцать с лишним лет. Бани в городе Вероне прекрасно работают, и ими пользуются варвары. А вот знакомый нам св. Григорий Турский сообщает в III книге «Истории франков» о не менее пикантных событиях, касающихся племянницы короля франков Хлодвига Амаласвинты, в конце V века:

«Но когда он узнал, что совершила эта блудница, как она из-за слуги, которого взяла в мужья, стала матерубийцей, то натопил жарко баню и приказал запереть ее там вместе с одной служанкой. Как только она вошла в баню, наполненную горячим паром, она упала замертво на пол и скончалась».



Омовение
младенца.
Рождество;
Христово;
Балкангы.
Сербия.
Сопочангы;
13 век.

На самом деле традиция удушения банным паром была распространена в Древнем Риме и Византии, а вероломную Амаласвину всего лишь прикончили слуги короля лангобардов. Но именно в бане.

Снова Григорий Турский, на этот раз о монастыре святой Радегунды в Пуатье, тоже VI век:

«...Новое здание бани сильно пахло известью, и, чтобы не повредить своему здоровью, монахини в ней не мылись. Поэтому госпожа Радегунда приказала монастырским слугам открыто пользоваться этой баней до того времени, пока окончательно не исчезнет всякий вредный запах. Баня была в пользовании слуг весь Великий пост и до Троицы. На это Хродехильда возразила: “И после того (посторонние) все еще продолжали в ней мыться”».



Лист из манускрипта 1350 года.



Из чего делается однозначный вывод — в меровингской Галлии эпохи Темных веков не только пользовались общественными банями, но и строили новые. Эта конкретная баня содержалась при аббатстве и была предназначена для монахинь, но, пока не исчезнет неприятный запах, там могли мыться слуги — то есть простонародье.

Перенесемся через Ла-Манш и дадим слово Бэде Достопочтенному, бенедиктинскому монаху и летописцу, жившему в VIII веке в Нортумбрии, в аббатстве Уирмут и Ярроу, и написавшему «Церковную историю народа англвов». Запись датируется ориентировочно концом 720-х годов:

«...Есть в этой земле соленые источники, есть и горячие, вода которых используется в горячих банях, где моются отдельно, согласно полу и возрасту. Вода эта, как говорит святой Василий, становится теплой, протекая через различные металлы, и не просто нагревается, а даже кипит».

Бэда Достопочтенный ничего не путает — подразумеваются горячие и соленые источники в современном городе Бат, графство Сомерсет. Во времена Римской империи там уже был курорт, называвшийся *Aquae Salis*, традиция купания осталась и после эвакуации легионов из Британии. К Высокому Средневековью она не исчезла, вовсе наоборот — в XI веке Бат (саксонское *Nat Bathun*, «горячая купальня») становится епископством, и первый же назначенный епископ, Иоанн Турский, француз по происхождению, немедленно начинает интересоваться эдаким чудом природы. В итоге Иоанн на средства Церкви около 1120 года строит три новые общественные купальни взамен разрушившихся с течением веков римских терм, с удовольствием посещает их сам, попутно рекомендуя купание духовенству.



Римские бани
и Аббатство,
Циркулярная
баня. Англия.
Фотохромная
печать.
1890–1900



В 1138 году анонимная хроника «Gesta Stephani» («Деяния Стефана»), повествующая о правлении английского короля Стефана (Этьена) I де Блуа, сообщает:

«Здесь через сокрытые каналы вытекает вода, согретая не трудами и стараниями рук человека, а из глубин земли. Она наполняет сосуд, расположенный среди прекрасных комнат с арками, позволяя горожанам принимать прелестные теплые ванны, приносящие здоровье, которые радуют глаз. [...] Со всех концов Англии больные люди стекаются сюда, чтобы смыть заживляющей водой свои болезни».

Купальни Бата действуют в течение всего Средневековья, их никто не запрещает и не закрывает, включая позднейшие эпохи и весьма консервативно настроенных пуритан



Кромвеля. В Новое время воды Бата становятся знамениты чудесным исцелением королевы Марии Моденской от бесплодия, их посещал Уильям Шекспир, описавший источники в сонетах 153 и 154:

*Бог Купидон дремал в тиши лесной,
А нимфа юная у Купидона
Взяла горящий факел смоляной
И опустила в ручеек студеный.
Огонь погас, а в ручейке вода
Нагрелась, забурлила, закипела.
И вот больные сходятся туда
Лечить купаньем немоцное тело.
А между тем любви лукавый бог
Добыл огонь из глаз моей подруги
И сердце мне для опыта поджег.
О, как с тех пор томят меня недуги!*

*Но исцелить их может не ручей,
А тот же яд — огонь ее очей.*

(Сонет 153. Перевод С. Я. Маршака)

Теперь позволим высказаться Эйнхарду — личности примечательной не менее Шекспира, особенно если учитывать эпоху и обстановку, в которой протекала жизнь такового Эйнхарда. Сей ученый муж примерно с начала 790-х годов подвизался при дворе короля, а затем и императора франков Карла Великого, входил в интеллектуальный кружок, созданный в Аахене упомянутым ранее Алкуином, и был одним из выдающихся деятелей «Каролингского ренессанса».

Любовь Эйнхарда к античной литературе сподвигла его к написанию труда «Vita Karoli Magni» («Жизнь Карла

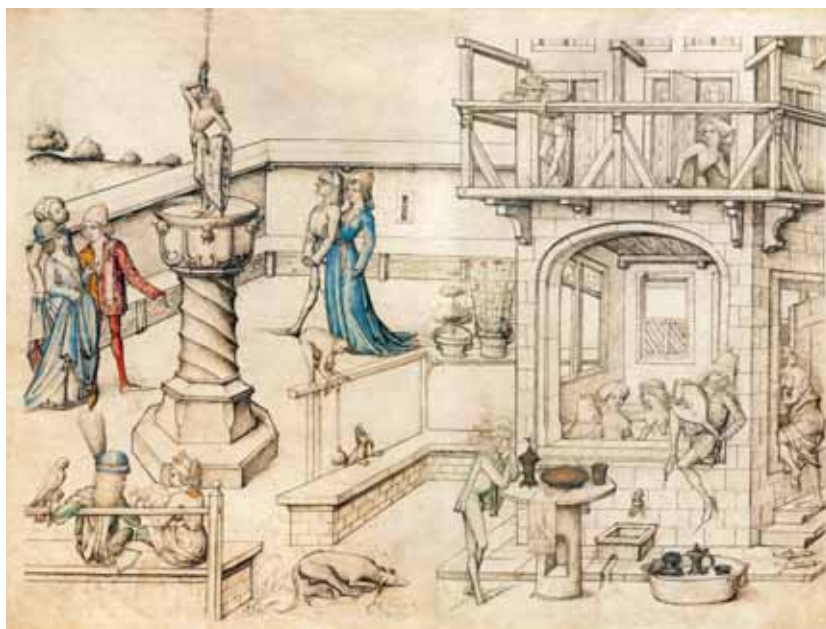


Великого»), который, как считают современные исследователи, являлся очевидным подражанием «Жизни двенадцати цезарей» Гая Светония Транквилла — в конце концов, если франки стали продолжателями дела Римской империи, то почему бы не следовать культурным образцам давно ушедшей Античности?!

Аахен, в древние времена городишко Aquisgranum в провинции Бельгика, стоящий на стратегической римской трассе от Лугдунума (Лиона) до Колониа Клаудиа (Кельн), во времена Рима не представлял собой ровным счетом ничего, достойного внимания. За одним исключением — там были горячие источники, примерно такие же, как и в Бате. В Темные века Аахен предсказуемо пришел в запустение, римские термы разрушились, но вот появляется Карл Великий и неожиданно-негаданно устраивает в Аахене шикарную зимнюю резиденцию площадью около 20 гектаров, возведя здесь грандиозный дворец-пфальц с собором, колонным атриумом, судебным залом и, разумеется, великолепно обустроенными купальнями прямо во дворе. Эйнхард не преминул сделать об этом запись в 22-й главе биографии вождя франков:

«...Любил он также купаться в горячих источниках и достиг большого совершенства в плавании. Именно из любви к горячим ваннам построил он в Аахене дворец и проводил там все последние годы жизни. На купанья к источникам он приглашал не только сыновей, но и знатных друзей, а иногда телохранителей и всю свиту; случалось, что сто и более человек купались вместе».

То есть местоположение «зимнего дворца» императора франков было избрано из надобностей удобства и личного комфорта — Карл восстанавливает римские бани не ради эстетики, а строго по утилитарным соображениям: ему



*Иллюстрация
из манускрипта
показывающая
средневековые
ванны.
с. 1475–1485*

нравится купаться! А уж если «сто и более человек» могли поместиться в бассейны, то можно себе представить масштаб сооружения. В Аахене до сих пор действуют 38 горячих источников, и курорт остается одним из самых популярных в Германии...

Бывал Карл Великий и на термальных водах в Пломбьер-ле-Бэн, в Вогезах — опять же, источники были известны со времен римской Галлии, купальни в течение всего Средневековья подновлялись и перестраивались и были любимым местом отдыха герцогов Лотарингских и небезызвестных герцогов де Гизов. Франции вообще повезло с горячими источниками, они есть в Пиренеях, Альпах, Вогезах, на средиземноморском побережье, в Аквитании, на Роне. Домовитые и рачительные римляне моментально приспособивали природное тепло для своих

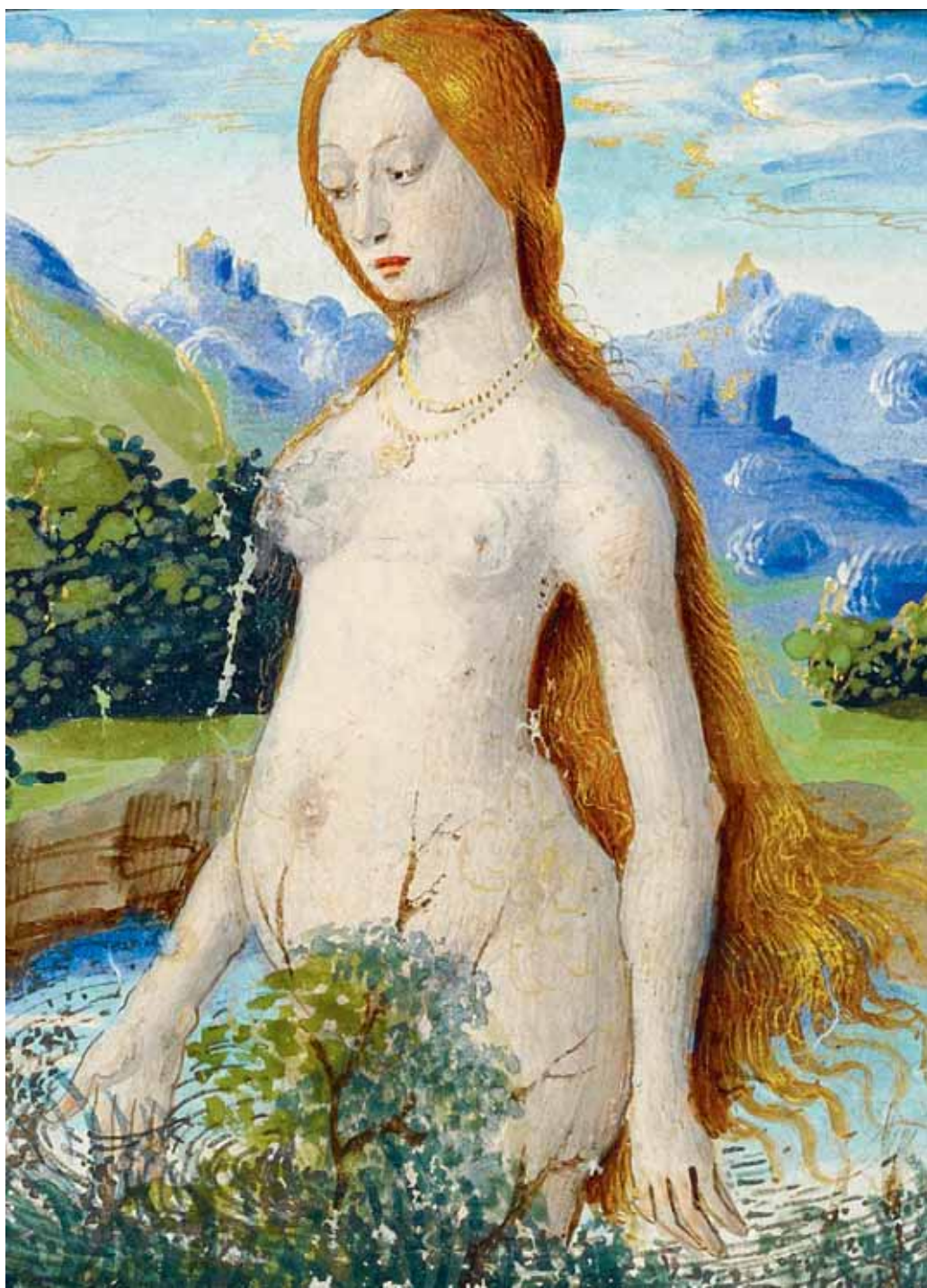


нужд и строили бани с бассейнами, многие из которых были унаследованы или восстановлены в Средневековье, частично вновь пришли в огорчительный упадок после XV–XVII веков, а когда термальные курорты стали невероятно модны и популярны в XIX веке, возродились и действуют доселе.

Всем мѣтѣся!

Давайте отправимся в Альпы и взглянем на герб городка Баден под Веной (Baden bei Wien), в раннее Средневековье называвшегося Падуном, — на геральдическом щите мы видим большую купальную кадуюшку, в которую из четырех кранов льется вода. В самой кадуюшке расположились обнаженные мужчина и женщина (все относительно прилично, они видны только по пояс). Герб был дарован императором Священной Римской империи Фридрихом III в 1480 году после присвоения Бадену статуса города за героическую оборону от армии венгерского короля Матяша I Корвина и в точности отражал местную специфику.

Почти за 60 лет до появления столь сомнительного с точки зрения нравственности герба Баден посещает оскандалившийся на весь христианский мир Бальтазар Косса — бывший папа и антипапа Иоанн XXIII, за многие неприглядные деяния и хамоватый характер вполне заслуженно лишенный сана на Констанцском соборе в 1417 году. Сопровождает Бальтазара Коссу флорентийский ученый и писатель Поджо Джанфранческо Браччолини, выполнявший при уволенном антипапе роль секретаря. Поджо и оставляет для потомков описание роскошных бань для господ (некоторые из них они с Бальтазаром Коссой не преминули посетить) и два теплых бассейна под открытым небом для простолюдинов.



Купающаяся Вирсавия; лист из часослова. 1505-1510

Для того чтобы оценить облик и нравы обитателей Бадена 1417 года, вновь приведем обширную цитату:

«Баден, город достаточно крупный, чье имя в переводе с немецкого обозначает “купание”, располагается он у подножия горной гряды, на берегу широкой и бурной реки, которая в шести тысячах шагов от города низвергается в Рейн. Здесь же на расстоянии четырех стадий обретается живописная деревушка, отданная в распоряжение купальщиков. В центре таковой располагается немалых размеров площадь, со всех сторон окруженная гостиницами, в которых останавливаются стекающиеся сюда во множестве. Каждая подобная гостиница имеет внутри себя анфиладу



Женщины
в общественной
бане. Гравюра.



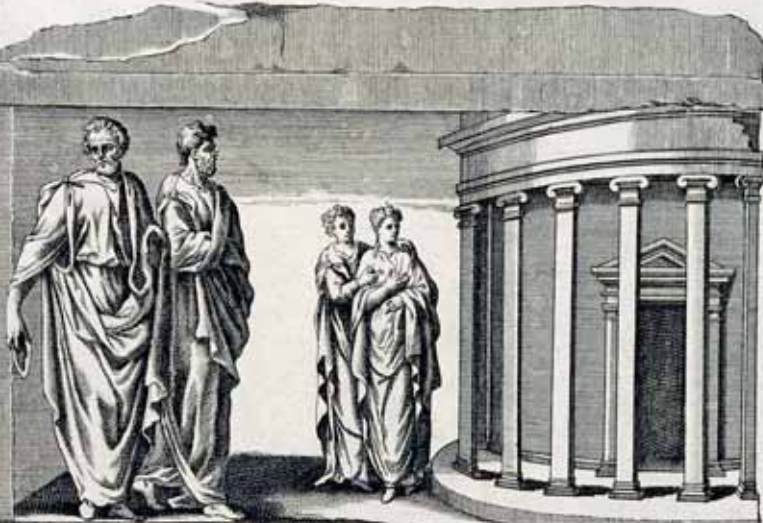
встроенных купален, предназначенных исключительно для ее простояльцев. Количество этих купален, предназначенных как для одиночного, так и для общего использования, доходит обыкновенно до тридцати.

Из них две купальни, предназначенные для общественного пользования, открыты с двух сторон, в них полагается погружаться плечам и прочему мелкому люду. В эти простые бассейны кучей набиваются мужчины, женщины, юные мальчики и девочки, представляющие собой сборище местных простолюдинов. Ради пристойности помещения, предназначенные для каждого пола, разделены между собой деревянными перегородками, которые, надо сказать, ничуть не мешают видеть, как дряхлые старухи входят в воду вперемежку с молоденькими девушками, причем и те и другие раздеты донага, позволяя всем вокруг лицезреть их груди, бедра и все остальное. Меня самого не раз приводило в отличное настроение подобное зрелище, напоминающее собой игры Флоры, причем в душе я мог лишь воздать хвалу простоте нравов, каковая присуща этим добрым людям, отнюдь не отводящим глаза от подобного зрелища и не видящих в таковом ничего предосудительного.

Купальни, располагающиеся в частных гостиницах, содержатся в куда большей чистоте и пристойности. Помещения для каждого пола здесь также разделены деревянными перегородками, непроницаемость которых опять же нарушена прорезанными в них окошками, позволяющими купальщикам и купальщицам совместно лакомиться легкими закусками, непринужденно болтать и гладить друг друга руками, что представляется их излюбленным времяпрепровождением. Несколько выше общей купальни расположены галереи для прогулок, которые позволяют мужчинам разглядывать дам и перемучиваться с ними, каждому позволительно посетить чужую купальню, вволю рассмотреть всех тех, кто в ней находится, посмеяться и поболтать с ними, чтобы подобным образом улучшить свое состояние духа. Также, по собственной прихоти, там можно найти для себя местечко,

BAINS

CXXIV. Pl. a la 206. page F. III



GENIO LAVA CRORVM METELLI



Boussard

EXCERPTVM EX LIBRO MANVSRIPTO IVLI ROSCHII

Tome III 134

Мужчины и женщины, стоящие за пределами общественной бани;
Мужчина и женщины, омываемые обслуживающим персоналом, гравюра.



позволяющее увидеть купальщиц, входящих в воду или, наоборот, выходящих из нее, выступающих притом практически обнаженными, ибо дамы эти не принимают никаких мер предосторожности и ничего не опасаются, не видя ничего для себя зазорного в своем непритязательном способе купания.

Кроме того, немало частных купален сделаны так, что дорожка, ведущая к воде, предназначена равно для обоих полов, и не раз случается, что раздетая дама сталкивается на ней с кавалером в таком же виде, и наоборот. Мужской костюм состоит из одних брз, женский представляет собой легкое льняное одеяние, с одного бока совершенно открытое, нечто вроде очень тонкой банной простыни, отнюдь не скрывающей шею, руки и грудь».

(Письмо Поджо Браччолини своему другу Никколо Никколи касательно баденских купален, 1417. Перевод Зои Лионидас.)

Выводы о свободе нравов в купальнях можно делать самостоятельно — и ведь среди этих людей, ведущих себя куда раскованнее, чем наши современники в аналогичной обстановке, не бегают инквизиторы с факелами, грозя немедленно спалить всех и каждого за эдакое распутство и непристойное поведение! Более того, в этом же письме Поджо мимоходом замечает:

«Сюда же съезжаются монахи, аббаты, священники, которые, впрочем, ведут себя куда более развязно, чем прочие мужчины. Создается впечатление, будто они сбрасывают с себя священные обеты вместе с рясой и не испытывают ни малейшего замешательства, купаясь вместе с женищинами и вслед за ними расцвечивая свои шевелюры бантами из шелковых лент».

Представленные свидетельства беспристрастного очевидца (не станет же педантичный флорентиец нагло врать приятелю, которому адресована депеша?) несколько расходятся



с накрепко въевшимися стереотипами, не правда ли? И есть обоснованное подозрение, что в общественных банях Парижа, Бреслау или того же Аахена люди в большинстве вели себя похожим образом.



Сразу возникает вопрос: а как же Церковь вообще и монашество в частности относились к проблеме гигиены и купания? Тут вновь придется обратить взор в сторону римского прошлого, во времена зарождения христианства, и вспомнить термин «религиозный менталитет».

В отличие от иудаизма и ислама, христианство, основанное на Новом Завете, практически не дает никаких развернутых бытовых рекомендаций. Если иудей точно знает, что кушать можно, а что нельзя, какая пища кошерная, а какая трефная, когда делать ритуальное омовение, а когда нет, то у раннехристианских объединений таковой регламент отсутствовал, отчего проистекало множество коллизий и возникали бурные споры по самым, казалось бы, банальным житейским вопросам.

Иисус и апостолы сосредоточили свое учение в области духовной и абсолютно не собирались устанавливать строгие правила, касающиеся каждого отдельного жизненного случая, отчего последователи были несколько озадачены — как надлежит вести истинно христианскую жизнь? Каковы критерии?

Что делать с имуществом супругов, если глава семьи язычник, а жена — христианка (напомним, небезызвестный блаженный Августин Гиппонский родился именно в такой семье)? Следует ли участвовать в трапезе вместе с язычниками и как в таком случае благословлять пищу? Можно ли покупать мясо жертвенных животных, заколотых на алтаре Юпитера или Марса? Подаяние нищему, без сомнений, дело



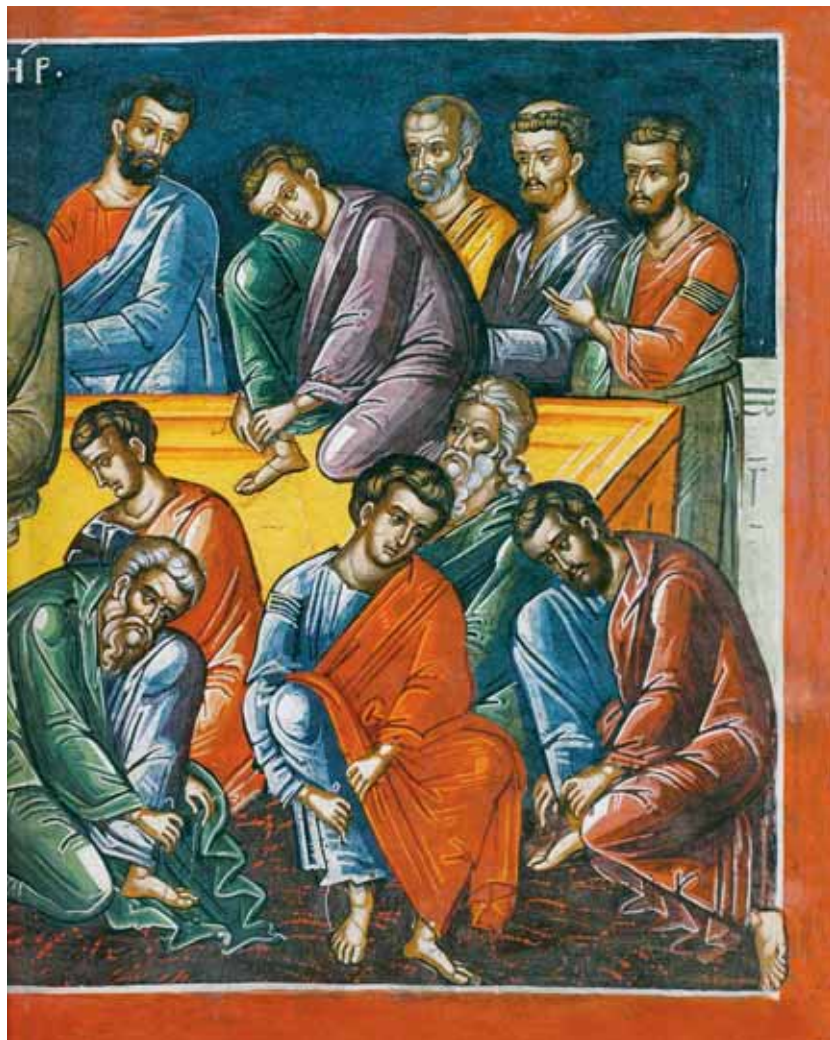
Персидская миниатюра, Иран, Шираз, 1540-1550, сцена купания.



Омовение ног
(левая часть)
Фреска; Греция;
16 век. Местонахождение:
Греция, Афон.

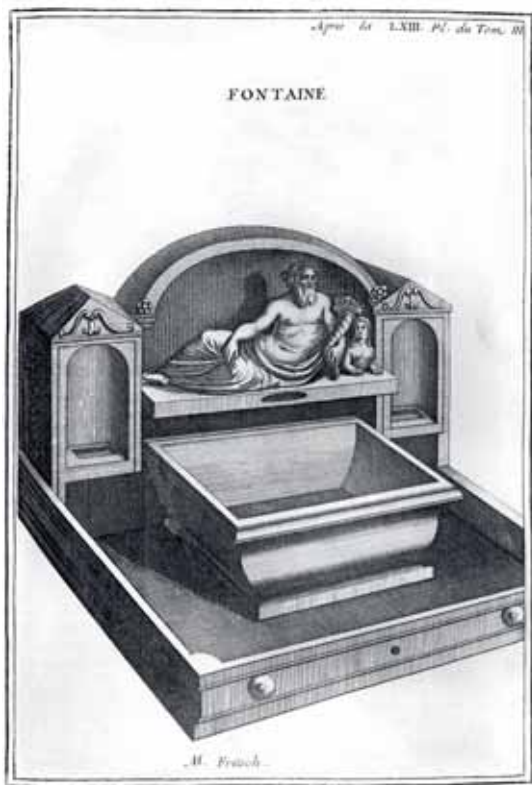
хорошее, но зачтется ли благодеяние на небесах, если бедняк поклоняется ложным божествам, каковые являются бесами?

Таких вопросов были тысячи — если иудей в случае сомнений мог заглянуть в Танах или посоветоваться с ученым раввином по поводу любой нестандартной ситуации, то христианам пришлось вырабатывать кодекс бытового поведения буквально с нуля.



Омовение ног
(правая часть)
Фреска; Греция;
16 век. Местонахождение:
Греция, Афон.

Во-первых, нигде в Новом Завете не упоминается, что Иисус или его ученики купались или ходили в баню, но это вовсе не значит, что они этого совсем не делали. Во-вторых, у евангелиста Луки (Лк. 37–54) можно прочитать о том, как Спаситель на обеде у фарисея демонстративно отказался мыть руки, при этом заметив, что внешняя чистота у фарисеев абсолютно не сочетается с нечистотой внутренней, моральной.



Резервуар
(источник,
колодеи)
и ванна
в Римской
купальне.
Гравюра.

кретного христианина источником соблазна. Проблема искушения должна была решаться не каким-либо постановлением главы общины, диаконом или епископом, а любым отдельным человеком — по его совести. Рассказни о том, что христиане после своего триумфального возвышения при Константине Великом моментально запретили и разрушили римские бани, есть очевидная глупость, и хорошо, если эта глупость проистекает от незнания, а не является намеренной ложью.

Квинт Тертуллиан в III веке преспокойно отмечает в одном из своих сочинений: «...христиане отнюдь не гнушаются

Так что же, теперь вовсе руки не мыть? Нет, поскольку Иисус говорил образно и, поддерживая традицию древних пророков, осуждал внешнюю ритуальную сторону религии, абсолютно заслонившую аспект духовный. Больше того, в Святом Писании прямо сказано: Иисус сам омывал ноги своим ученикам, а ему, в свою очередь, ноги омывала Мария Магдалина.

Наконец, Иисус отправляет слепца от рождения в Силоамскую купальню у подножия горы Сион, приказывает там умыться, и происходит чудо — слепой прозрел! И не где-нибудь, а именно в купальне!

Вопрос оставался открытым, особенно если учитывать, что общественные древнеримские термы были для каждого кон-



Баня
с паровым
подогревом.
1405.

ни форумом, ни рыночной толпой, ни банями». В свою очередь, живший в этом же столетии св. Киприан Карфагенский не советует своим прихожанам посещать бани общественные, обосновывая это следующим: «Даже если ты при виде чужой наготы не будешь разжигаться блудными мечтами, то другому дашь повод к таким мечтаниям».

Климент Александрийский в конце II века советует очищать плоть «...через омовение простой водой, как это бывает часто в странах, где и бань-то никаких нет», одновременно Климент разрешает прихожанам открывать собственные общественные

Сенека
совершает
самоубийство
в своей ванне;
крашенная
гравюра
с оригинала
Луки
Джордано;
1768 год.



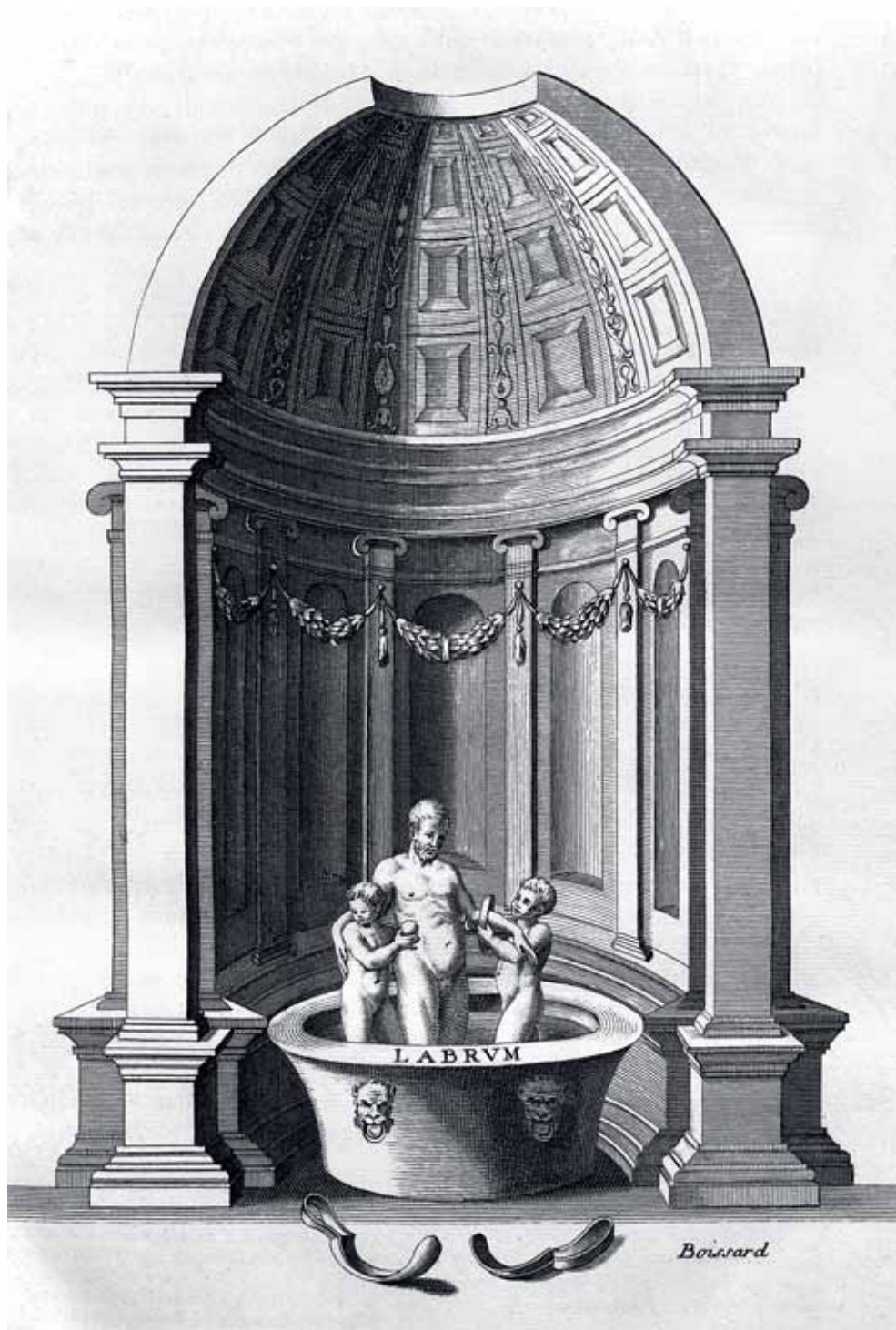
бани, с одним условием: мужчины и женщины должны мыться отдельно.

Блаженный Августин в своей автобиографической «Исповеди» прямо пишет: «...Я решил сходить в бани, ибо слышал, что греки, назвав бани *balaneion*, хотели этим сказать, что они «прогоняют скорбь» (βαλεῖν ἀνίαν). Но вот, грязь сошла, а скорбь осталась». Ну и, наконец, св. Иоанн Златоуст в «Беседах к антиохийскому народу о статуях» искренне возмущается тираническим приказом императора Феодосия закрыть общественные бани в наказание жителям Антиохии, что для горожан было «тяжким испытанием».

Как мы видим, ранние христиане и Отцы Церкви относятся к данной проблеме совершенно спокойно, упирая в ос-



Сенека совершает самоубийство в своей ванне. Офорт К. Галле.



Интерьер бани. на первом плане ванна, клиент и персонал. гравюра



новном на нравственный аспект — не разжигайся, а уж посещаешь ты баню или нет — дело частное. Однако следует взглянуть и на другую сторону медали.

После глобальной общественно-политической катастрофы — падения Рима под ударами варваров — и с наступлением Темных времен в христианских общинах усилилось ощущение приближения апокалипсиса. Было от чего прийти в уныние: рухнула экономика, империя распалась на десятки даже не государств, а территорий контролируемых варварскими вождями, постоянно враждующими промеж собой; войны, разорения, непрекращающееся насилие стали удручающей обыденностью, наступило истинное безвременье.

Пустеют деревни, в городах погибает ремесло, исчезают школы, численность населения резко снижается, качество жизни по сравнению с Римом падает до неприемлемого уровня. Антихриста ждали буквально со дня на день.

Что делать? Верно, готовиться к концу света. Спасать душу.

С IV–V веков мы наблюдаем резкий всплеск числа монастырей — они и раньше основывались как прибежища особо благочестивых христиан, ищущих молитвенного уединения и созерцательной жизни, но теперь количество обитателей вырастает на порядок. Причем уставы и правила в этих монастырях становятся невероятно строги — господствует аскеза и полное отречение от всего земного, причем иногда аскеза и фанатизм доходят до абсурда, осуждаемого даже священниками. Мытье и бани в таких обителях считались абсолютно греховными и недопустимыми. Оказывали монахи-аскеты влияние на прихожан? Скорее да, чем нет.

В начале VI века св. Бенедикт Нурсийский, отнюдь не сторонник тотальной аскезы, предпочитавший взвешенный подход к жизни в обители, создает «универсальный» монастырский устав, ставший образцом для многих монашеских орденов будущего. Вопрос бань там затронут в пункте 36: «*Бани*



для больных готовить сколько нужно; а для здоровых, особенно молодых, пореже ее дозволять», — то есть св. Бенедикт рассматривал баню исключительно как медицинское средство.

Возникает понятие о таком грехе как *luxuria* — «роскошная разнеженность», «греховное удобство»: монаху негоже получать от неких действий, включая омовение, удовольствие, отвлекающее инока от молитвы и служения. При этом никакого запрета на бани у св. Бенедикта вовсе нет — главное, не злоупотреблять.

Примерно такого же взгляда придерживаются братья-августинцы, чей орден был создан куда позже, в 1244 году, из нескольких тосканских монашеских общин. В пункте 5 устава мы читаем:

«...Телу также нельзя отказывать в омовении, если требует того болезнь. В случае оной следует безропотно совершить омовение согласно предписаниям врачебной науки, а если кто не захочет, пусть подчинится приказу начальствующего и совершит то, что необходимо для исцеления. <...> В баню ли, в иное ли место надобно вам идти, пусть будет вас не менее двух или трех. Имеющий же надобность выйти из монастыря должен идти с тем, кого назначит начальствующий».

Впоследствии уставом августинцев с минимальными изменениями пользовались и доминиканцы. В отдельных обителях предписывалось совершать обязательное омовение на Рождество, Пасху и Троицу. Проще говоря, в монастырях раннего и Высокого Средневековья баня и купальни не были чем-то экзотическим — что мы, кстати, недавно наблюдали на примере сочинения св. Григория Турского о женском монастыре в Пуатье.

Ну а что же происходило за стенами обителей в эпоху Темных веков? Мы уже видели, как купались в термах Вероны



лангобардские вожди. Византийский историк Зосима повествует о том, как готский рикс Аларих (тот самый, что взял Рим в 410 году) был принят с почетом в греческих Афинах и *«в самом городе побывал в бане и пировал со знатнейшими гражданами»*.

Теодорих Великий, правитель королевства остготов с столицей в Равенне, в начале VI века пишет подробное письмо в Падую, архитектору Алоизиусу, требуя восстановить бани и купальни в Абано Терме. Варвары охотно пользовались римским наследием, но с общим падением культуры строительства термы приходили в упадок и со временем разрушались — у готских и лангобардских королей попросту не хватало ни средств, ни знающих специалистов для поддержания в рабочем состоянии столь сложных инженерных сооружений.

А народ в своей массе, спросите вы? Ответа нет по понятной причине: сведения отсутствуют. Всего за каких-то столетие-полтора в Западной Европе исчезают летописи, подробные хозяйственные записи, хроники городов. Опускается туманная ночь Темных веков, и первые проблески рассвета появляются лишь с приходом Меровингов и столь выдающихся деятелей Церкви, как Григорий Турский.

Так или иначе, в период с VI примерно по X столетие мы имеем дело с «исторической черной дырой», и что тогда происходило в интересующей нас области — одному Богу известно. Вариантов два: или банное ремесло стремительно деградировало и скатилось на варварский уровень (обычные деревянные парные, наподобие древнеисландских), или окончательно исчезло. Последняя версия кажется сомнительной — см. выше историю с ремонтом в монастыре св. Радегунды, да и всплеск массового интереса к баням с наступлением Высокого Средневековья должен был иметь некий фундамент, заложенный в прошлом.



Иллюстрация из манускрипта *The Wolfegg Housebook*, показывающая средневековые ванны. с. 1475–1485



Одно несомненно — Темные века и поразивший многие христианские общины психоз аскезы перед предполагаемым концом света сохранению и тем более развитию гигиены никак не способствовали.

Впереди же было еще одно испытание — тысячелетие Пришествия Христова, ставшее знаковым и переломным моментом в истории как Средних веков, так и банного искусства. Как это ни странно прозвучит, но эсхатологические настроения и вопрос гигиены тогда были увязаны довольно тесно...



Христианская эсхатология появилась вместе с основанием Церкви — о Втором Пришествии и конце света мы читаем у Матфея и Иоанна Богослова, ранние религиозные авторы наподобие Ипполита Римского, Иренея Лионского или Оригена даже пытаются вычислить точную дату — в основном бытовало два мнения: или 1000 год от Рождества, или 7000 год от Сотворения, сиречь — 1492-й.

Мы только что говорили о суровой аскезе начала Темных веков. Впоследствии такие монастыри, где фанатизм, а местами и проистекающее от него изуверство были чем-то само собой разумеющимся, начали замещаться обителями регулярными, с вполне либеральным, пускай и строгим уставом. Однако общее ожидание скорого апокалипсиса никуда не исчезло — слишком глубоко в массовом бессознательном укоренилась догма о том, что этот мир просуществует всего тысячу лет и затем сгинет в очищающем пламени.

По мере приближения Тысячелетия начал нарастать массовый психоз, настоящая психическая эпидемия, распространившаяся по всей Западной Европе. Конец света назначался



несколько раз — например, совпадение дня Пасхи с Благовещением в 992 году. Монастыри оказались переполнены кающимися мирянами, толпы осаждали церкви, богатые раздавали имущество и деньги беднякам, те, в свою очередь, выбрасывали золото в канавы, как не имеющее никакой ценности перед Страшным судом. Назначенный день прошел, но, разумеется, ничего не случилось.

Средневековые мистики, чье влияние на общество было весьма значительным, развели руками и объявили, что вышла небольшая ошибочка, в расчеты вкралась досадная неточность — дата Благовещения, совмещенного с Пасхой, является лишь днем появления Антихриста, который, как известно, будет находиться в мире тварном три с половиной года, после чего окажется повергнут. Далее см. сценарий, описанный Иоанном Богословом. Покайтесь!

Конец света не случилось ни в 993-м, ни в 994-м, ни в 995-м, ни в 996 году. Внимание общественности сосредоточилось на 999 годе — символика очевидна: перевернутое «число зверя», 666, понятное, правда, лишь для образованных людей, знакомых с арабскими цифрами. И снова ничего. Наконец, римский папа Сильвестр II (кстати, именно он ввел в обиход арабские цифры) предсказывает апокалипсис на Рождество 1000 года — тысячелетие Пришествия Спасителя. Опять мимо. Сильвестр, поразмыслив, предлагает новую версию — конец света приходится не в тысячелетие рождения Иисуса, а в тысячелетие распятия, то есть на Страстную неделю 1033 года. Если и тогда ничего не произойдет, то дата опять переносится — на 1037 год: считаем сверху три с половиной года царства Антихриста.

Впрочем, окончательно запутавшегося в пророчествах понтифика уже никто толком не слушал...

(Отдельно заметим, что последняя версия о конце света в 1037–1038 годах была всерьез принята на Руси — как раз



в 1038 году Великая суббота совпадала с Благовещением, что являлось очевидным знаком. Есть мнение, что Золотые ворота в Киеве были построены Ярославом Мудрым как раз к этой дате — чтобы достойно встретить явившегося на грешную землю Спасителя.)

Сказать, что католическая Европа испытала тягчайший стресс — значит не сказать ничего: предсказанное не исполнилось. Годы покаяния, отречения от мирского и ожидания ужаса апокалипсиса окончились ничем. Произошел грандиозный переворот в массовом сознании: оказывается, жизнь продолжается! И будет продолжаться! Прямо сейчас с небес не будет низвергнута сера и даждь огненный, миновали времена неизбывной тоски и всеобщего страха перед неминуемым тотальным уничтожением.

Конечно, по авторитету Церкви был нанесен немалый удар («Как же так? Вы же обещали?!»), но католицизм гибко обошел бестактные вопросы ошалевших на радостях прихожан и подстроился под изменившиеся обстоятельства, создав новую доктрину. Сугерий, аббат Сен-Дени с 1122 года, становится одним из основоположников изменившегося взгляда Церкви на жизнь — именно он создает философскую модель готической архитектуры, храма, наполненного светом идущего на смену унылым церквям романского стиля. Вера — это радость, а не угрюмый подвиг прошлых веков; Бог — это сияние, стоящее выше любого другого сияния...

Но при чем тут бани? Да при том, что после несостоявшегося апокалипсиса вдруг выяснилось, что можно быть добрым католиком и при этом не лишать себя безобидных мирских удовольствий. Удобное жилье. Вкусная пища. Красивая одежда. В конце концов, литература и поэзия — именно после Тысячелетия начинается очередной культурный взлет, приведший к Ренессансу XII века и бесчисленным романам о куртуазной любви.



Альбрехт Дюрер, Мужская купальня, дата неизвестна



Наступила эпоха сибаритства, пристрастия к удобствам и комфорту. Обществу необходимо было расслабиться после веков ожидания неминуемого.

В XII–XIII веках появляется удивительный документ под названием «Ancrene Wisse» — анонимное «Правило» монашеской жизни, по разным данным, созданное в Англии между 1130 и 1220 годами, мнения о датировке у разных исследователей расходятся. Тем не менее это важное свидетельство о настроениях той эпохи, времени, освободившегося от тяжкого проклятия, до 1000 года висевшего над всем христианским миром. Сочинитель, предположительно доминиканец или августинец, наставляет монахинь:

«...Мойтесь столь часто, сколь в том будет необходимость, мойте также свою одежду, ибо грязь никогда не была угодна Господу, ему любезны простота и бедность».

Любой аскет V–VII веков, увидев эти строки, сперва хлопнул бы в обморок, а затем призвал на голову автора все известные и не очень проклятия. Но времена изменились бесповоротно. Давайте откроем фуэро (судебник) испанской крепости Куэнка, отбитой христианами-кастильцами у мавров в 1177 году. Законодательный свод, разрабатывавшийся с 1189 года, включает в себя пункт 24, в котором мы читаем:

«Мужчингы пусть идут в баню сообица во вторник, четверг и субботу; женицингы идут в понедельник и в среду; и евреи идут в пятницу и в воскресенье; ни мужчина, ни женицина не дают больше одного меаха при входе в баню; и слуги как мужчин, так и женицин ничего не дают; и если мужчингы в женские дни войдут в баню или в какое-либо из зданий бани, пусть платит каждый десять мараведи; также платит десять мараведи тот, кто будет



Женщина ставит банки другой женщине после бани. иллюстрация из немецкого манускрипта 1483 года.

еется, что в субботу исповедующие иудаизм мыться не могут. Плата за услуги. Штраф за нарушения: понятно, что женщина, заявившаяся в баню в мужской день или ночью, сильно рискует, и в целом, если случится что-то нехорошее, то сама виновата...

В качестве очередной иллюстрации процитируем Лео Мулена, отрывок из книги «Повседневная жизнь средневековых монахов Западной Европы (X–XV вв.)»:

«...В аббатстве Сен-Галль бани располагались рядом со спальней, и в них мылся каждый, кто хотел. Однако час, день и сам процесс мытья были строго регламентированы. Монахам

подглядывать в бане в женский день; также если какая-либо женщина в мужской день войдет в баню или будет встречена там ночью, и оскорбит ее кто-либо или возьмет силой, то не платит он никакого штрафа и не становится врагом; а человека, который в другие дни возьмет силой женщину или обесчестит, надлежит сбросить».

Тут говорится не о том, что баня разрешена или запрещена — наоборот, поход в баню по умолчанию считается чем-то само собой разумеющимся. В «Фуэро Куэнки» оговариваются этические нормы и повседневные правила посещения бани. Раздельное мытье мужчин и женщин, посещение бани евреями — учитыва-



предписывалось раздеваться, как в спальне, то есть по правилам целомудрия (чтобы лучше соблюдать эти правила, монахи и стали носить нижнее белье). Им не разрешалось опаздывать в баню. Вымывшись, монахи надевали выданное им чистое одеяние и возвращались в монастырь. Вся процедура проходила под наблюдением старшего брата, “благочестивого и целомудренного”.

Помимо мытья в банях (правила посещения которых, как мы уже видели, были самыми разнообразными), монахам предписывалось мыть руки перед едой и после еды; после сиесты; перед тем, как отправиться на хорги для совершения утрени; после мессы (в аббатстве Флери горячей водой мыли и руки, и ноги); перед тем, как совершить омовение ног тринадцати бедным в Чистый четверг на Страстной неделе.

Сборник обычаев аббатства Бек упоминает слово “умывание” (“ablorium”) более пятнадцати раз. Существовал специальный удар в колокол, возвещавший о том, что готова вода для умывания (об этом говорится в сборниках Бек и Эйнсхема). У мирян “звонить к воде” означало время обеда».

Вернемся, однако, во Францию, где банный бум достиг наивысшего расцвета в XIII веке — ничего подобного в бывшей провинции Галлия не видели со времен Древнего Рима с его бесчисленными термами.

Этюд. От пика к упадку

Как мы недавно выяснили, в течение аграрной революции Средневековья высвободились колоссальные ресурсы — дров было не просто много, а очень много. По сохранившимся сведениям, в XII–XIII веках цена за тонну дров в среднем составляла около 40 денье — серебряной монеты



Последователь
Дюрера,
Женская
купальня,
1505/1510

весом 1,2 грамма, сиречь около 50 граммов серебра. Заглядывая в будущее, скажем, что в период между 1600 и 1800 годами цена за тонну взлетела примерно в 2,5–3 раза, а к середине XIX века и вовсе вчетверо относительно стоимости серебра — последствия Малого ледникового периода и дефицита леса. А уж если учитывать резкое падение доходов населения с наступлением Нового времени, то доступность дров в более поздние эпохи не вызывает ничего, кроме уныния...

Итак, общественная баня во Франции времен Высокого Средневековья называлась «этиув», étuve, что переводится как



«водяная парилка», la vapeur d'eau. Абсолютное большинство этювов строились если не по единому образцу, то были весьма друг на друга похожи: в цокольном этаже, подвале или полуподвале устанавливали один или несколько котлов, пар по системе керамических (металл был дорог и быстро ржавел) труб поднимался наверх, в бельэтаж, где располагался непосредственно этюв — прекрасно обогреваемая парная. Кадки с водой для посетителей практически ничем не отличались от тех, что мы видели на гербе города Баден под Веной, в каждой могло разместиться 3–6 человек. Приличия вполне соблюдались — кадку огораживали ширмами или балдахинном, что мы можем наблюдать на множестве сохранившихся рисунков из средневековых хроник, где этювы были старательно запечатлены.

Еще у Поджо Браччолини мы видели упоминание о том, что такого рода бани использовались не только для мытья или релаксации, но и как место для общения за стаканчиком вина и легкой закуской. Французские этювы пошли в этом вопросе дальше — если клиенту стало слишком жарко, он мог выбраться из кадки и подняться еще на этаж выше, где были расположены комнаты для отдыха. Там можно было воспользоваться услугами брадобрея, цирюльник мог пустить нуждающимся кровь, существовали и массажисты. Да что массажисты — с помощью восковой маски можно было даже сделать эпиляцию, процедура болезненная, но чего не сделаешь ради триумфа красоты!

Этювы, как общественная парная и своего рода клуб для делового, а то и романтического общения, появляются в XI веке, спустя столетие они становятся обыденностью. Французский врач Нового времени Жан Риолан в книге «Curieuses recherches sur les escholes en médecine de Paris et de Montpellier», опубликованной в 1651 году, приводит сведения, явно вычитанные им в средневековых хрониках:



Лист из Манесского кодекса. около 1300.



«...Глашатаи, проходившие по улицам Парижа тринадцатого века, зазывали людей в нагретые паром ванны и бани. Таковых бань было уже двадцать шесть в 1292 году, и с гильдией банщиков были знакомы все горожане. Они были обычным явлением, причем в банях могли отдыхать ремесленники, домашняя прислуга или поденщики, что никого не удивляло и не шокировало».

(Jean Riolan, Curieuses Recherches, стр. 219.)

Мы видим, что этиовы являлись предприятиями частными, то есть любой, у кого было достаточно средств для обустройства бани, мог уплатить налог и вступить в гильдию. Разумеется, деятельность регламентировалась государством. Давайте заглянем в Статут LXXIII Парижского регистра ремесел XIII века, составленного прево Парижа Этьеном Буало:

«...Каждый, кто хочет быть банщиком в городе Париже, может им быть свободно, лишь бы работал по обычаям и кутюмам цеха, установленным всем цехом, которые таковы: никто, мужчина или женщина, не выкрикивает и не заставляет выкрикивать свои бани до того, как наступит день, из-за бедствий, которые могут случиться с теми, кто поднимается при этом крике, чтобы идти в бани; ...не должен устраивать из своих домов днем и ночью публичных домов и держать там ночью прокаженных мужчин или женщин, бродяг и других опасных людей; ...не должны затопливать баню в воскресенье или в праздничные дни, когда весь город празднует.

Любой человек своему банщику платит за мытье 2 денье, а если он еще купается, он платит 4 денье; и поскольку иногда дрова и уголь бывают дороже, чем в другое время, и кто-нибудь пожалуется, парижский прево устанавливает подходящую умеренную цену соответственно времени по донесению и клятве добрых людей этого цеха, каковы условия банщики и банщицы обещались и поклялись выполнять твердо и постоянно, без нарушений. Каждый,

Бат,
Сомерсет:
купальщики
и зрители
во дворе,
где находятся
королевские
бани и большая
насосная,
со статуей
короля Бладуда,
Гравировка
В. Эллиота
с работы
Т. Робинса.



кто нарушит в этом цехе что-нибудь из установленного, платит штраф 10 парижских су, из которых королю — 6 су, а остальные 4 — старшинам, охраняющим цех, за их труды».

Мы опять видим скучный должностной регламент, инструкцию, свод правил, совершенно аналогичный правилам других гильдий — от булавочников и скульпторов до торговцев птицей или поваров. В общем, ничего необычного или экстраординарного, ремесло как ремесло. А уж если учитывать, какой доход этиювы давали в казну...

Попробуем посчитать. От Жана Риолана нам известно, что в 1292 году в Париже имелось 26 бань — кстати, их число с годами менялось в большую или меньшую сторону, любое



Баня. Бат,
Сомерсет.
гравюра 1809

частное предприятие может прогореть или, наоборот, открыть новые филиалы. Крупнейший парижский этюв вмещал одновременно несколько тысяч человек — масштабы римских терм! — при населении города ориентировочно в 70–90 тысяч жителей (по современным французским демографическим данным). Предположим, что за день обычный этюв посетили 200 горожан, в среднем уплатив пять денье — кушанья, вино и дополнительные услуги оплачивались отдельно. 1000 денье — это 4,16 турецких золотых ливра, весьма немалые деньги, при стоимости боевого рыцарского коня 30 ливров плюс-минус 5 ливров!

Выходит, что за вычетом воскресений и двух-трех праздников в месяц за двадцать один день такая вот баня могла



заработать практически 90 ливров, а скорее всего, и больше. Разумеется, надо учитывать жалование прислуге, цену дров, текущие расходы и налоги, пусть на это уйдет половина дохода — в любом случае остается 45–50 ливров! Неплохой бизнес.

А вот цитата из Гийома де Лорриса, французского трувера XIII века и автора первой половины «Романа о Розе», в то время необычайно популярного стихотворного романа о куртуазной любви — настоящего бестселлера своей эпохи. Де Лоррис, вторя Овидию, дает прямые указания молодому дворянину, желающему понравиться благородной девице:

*Не потери нечистоты,
И будь всегда опрятен ты:
Красивой будет пусть прическа,
И обувь доведи до лоска.
Всегда ты руки умывай
И сам одежду подшивай.
Не забывай ты чистить зубы,
Не вздумай вдруг накрастить губы:
Лишь дамам краситься подстать,
И не румянься, чтоб не стать
Как те бесполые уроды,
Кто позабыл закон природы...*

Лоррис писал эти строки в 1225–1230 годах и наверняка точно знал, какие рекомендации дать своему современнику. Данный пассаж мало напоминает о мифе про рыцаря, мывшегося всего раз в жизни при случайном падении в речку...

Давайте на краткое время перенесемся из Парижа в Чешское королевство, в Прагу, где в 1389–1400 годах по заказу короля чешского и германского Вацлава (Венцеля) IV фон Люксембурга создается шеститомная и очень богато иллюстрированная рукопись «Библия короля Венцеля» — перевод Ветхого Завета на немецкий язык.



Фра Анджелико, Св. Бенедикт Нурсийский, фрагмент фрески монастыря Св. Марка, Флоренция 1437–1446



иллюстрация
из «Библии
Венцеслава»
или «Библия
Венцеля»
(1389–1400)
Vademädchen,
банищица

Нас интересуют миниатюры с изображениями *Vademädchen*, банщиц — прелестных девиц в камизах, дамском нижнем белье образца конца XIV века: платьишко из тонкого материала, длиной чуть ниже колена, с тонкими лялочками на плечах. Девицы не только щеголяют ночнушками, которые при соприкосновении с водой становятся абсолютно прозрачными, но и демонстрируют читателю атрибуты банного ремесла — бадейки с водой и...

И самые банальные веники! Которых якобы в Европе отроду не бывало, поскольку таковые есть неотъемлемая принадлежность русских бань, и точка! Мы не будем утверждать, что веники в парной использовались в том числе во Франции или Италии (на Апеннинах культура этювов тоже получила широчайшее распространение), но, по крайней мере, у чехов-



богемцев, силезцев и восточных немцев веник был вполне известен — иначе зачем миниатюристу XIV века столь навязчиво его нам демонстрировать?.. Кстати, в той же «Библии Венцеля» с ее весьма фривольными иллюстрациями мы наблюдаем и прочий сопутствующий баням сервис — например, массажисток и парикмахерш.



Несколько слов о сервисе.

Существует вполне обоснованное мнение, что этиювы довольно быстро превратились в блудилища, где клиенты неизбежно вступали в игривые отношения с прислужницами или использовали бани для частных встреч, подразумевающих грех прелюбодеяния и супружескую измену.

Что было, то было, чего скрывать — возьмем хоть «Декамерон» Джованни Боккаччо, где банное распутство весьма подробно описано. Мы помним слова из «Регистра ремесел» Этьена Буало: *«...не должен устраивать из своих домов днем и ночью публичных домов»*. Дело в том, что парижскому прево в 1268 году попечал король Людовик IX Святой, до которого дошли нехорошие слухи о бесстыдствах в столичных этиювах, — его величеством, человеком крайне набожным, было приказано, чтобы мыльни использовались строго для гигиенических целей; причем запрещать бани из-за царящих там безобразий королю и в голову не пришло.

Тем временем матушка Людовика Святого, королева Бланка Кастильская, несмотря на всю свою благочестивость, посещала роскошный общественный этиюв «для благородных» на улице Сен-Мартен и не считала это чем-то зазорным или непристойным.

Частота, с которой как Церковь, так и светские власти осуждают совместное купание мужчин и женщин, наводит на



IOAN. FRANCISCVS POGGIUS
FLORENTINVS.

*Felle armata tibi manus est, multoque cachinno
Tinxisti, & nudo scripta proterua sale
Ludicra sic recitas, cures vt seria, doctum
Qui FABIVM Stygijs asseris è tenebris.*



определенные размышления — следовательно, прецедентов блуда имелось предостаточно. Официальный Рим издает запрет на посещение бань мужчинами и женщинами вместе (исключение — супружеские пары) в 1250-х годах, но, как обычно, строгость законов компенсировалась их неисполнением, а у инквизиции было полно других, куда более серьезных дел, кроме беготни по баням и отслеживания общественной нравственности в таковых. В России аналогичный запрет тоже появился, но значительно позже, см. пункт 16 правил Большого Московского собора 1666–1667 годов.

В сущности, в подобных ограничениях нет ничего необычного — Святая Мать-Церковь обязана бороться за моральное здоровье прихожан. У слуг короля были свои соображения: хочешь открыть публичный дом — никто не станет возражать, только плати специальные налоги и устраивай заведение с непринужденными в общении барышнями в особом квартале. Использовать же этюв в качестве дома свиданий нельзя, поскольку это, безусловно, расходится с цеховыми правилами и действующим законодательством — когда парижскому прево окончательно надоели столь вопиющие нарушения, он проталкивает через городской парламент в 1399 году очередной грозный закон о запрете совместного мытья с немалыми штрафами для нарушителя, а особенно для клириков, аж целый турецкий ливр золотом! В пересчете цены на золото к 2017 году это около 20 тысяч рублей Российской Федерации, а с учетом изменения покупательной стоимости за шесть веков, получается почти 50 тысяч!

Понятно, что все эти меры не были особо результативными. Человеческую природу не исправишь, да и банщики не хотели терять выгодную статью дохода. Будем честны: за минувшие столетия мало что изменилось, и у весьма многих современных саун репутация тоже оставляет желать лучшего — так что не судите, да не судимы будете.



Общественные этювы, при всем их распространении, не могли заменить ванну домашнюю, являвшуюся вполне обыденной деталью любого обеспеченного дома — подразумевается средневековый «средний класс», зажиточные ремесленники или богатые крестьяне-землевладельцы, обслуживающие продуктовые рынки крупных городов. Такая же кадка, как и в этюве, изнутри застилалась плотной простыней и заполнялась горячей водой. Аристократия вовсю пользовалась отдушками для ванны — лепестки цветов, жасмин, розмарин, рябина, целебные травы.

А что же мыло? Как раз на времена расцвета этювов приходится пик средневекового мыловарения, основные центры были сосредоточены в Италии, на юге Франции в Марселе и в Кастильском королевстве. Технология омыления смеси растительных масел при помощи соды, предположительно, пришла из Алеппо (Халеба), где мыло производили еще в Античности, а традиция сохранялась и после арабского завоевания. Марсельское мыло появилось в X–XI веках («Британская энциклопедия» дает более поздние даты — около 1200 года) и было товаром для высших классов общества, простецы пользовались более грубым вариантом, который мог вываривать любой крестьянин — так называемое черное или зольное мыло. Ингредиенты зольного мыла были доступны каждому: вода, древесная зола и топлёный животный или китовый жир. Неизвестно, использовалось зольное мыло для мытья или исключительно для стирки, но простота изготовления и дешевизна делали его доступным для всех слоев общества. Пахло зольное мыло неприятно, но щелочная составляющая давала возможность прекрасно отстирать одежду, при этом не раздражая кожу.

Наконец, во Флоренции и Венеции после долгих экспериментов научились делать полужидкое мыло с мускусным запахом или ароматизированное цветочными лепестками;



14 век,
Гильом
де Лоррис,
«Роман о Розе»

понятно, что этот товар предназначался для господ — употреблялось оно в этювах для благородной публики и частных купальнях...

Сеньоры предпочитали проводить в домашних банях даже полуофициальные приемы, с обязательным вином и закусками. Бельгийский архивист и палеограф XIX века Луи



Проспер Гашар отыскал документы, относящиеся к событиям при дворе герцога Бургундского Филиппа III Доброго, откуда мы узнаем о следующем:

«...30 декабря 1462 г. герцог трапезничал в бане своей резиденции, в компании с монсьеором де Ровестанж, монсьеором Жаком де Бурбон, сыном графа де Рюсси и многими другими великими сеньорами, рыцарями и оруженосцами...»

...Герцог пригласил отобедать с ним послов славного герцога Баварского и графа Вюртембергского; подано было пять мясных блюд, приготовленных для трапезы в бане...

...10 сентября 1476 королеву Шарлотту Савойскую и ее придворных дам угощали весьма благородно и щедро, подготовив для них четыре красивые и богато украшенные ванны...»

(L. P. Gachard. «Collection des voyages des souverains des Pays-Bas», 1882.)

Заметки относятся ко второй половине XV века, когда культура общественных этювов во Франции начала угасать. Подошли времена Ренессанса, а с ним и возвращение царства грязищи. Эпоха Возрождения оказалась куда более неумытой, чем Высокое Средневековье. Из летописей и дневниковых записей постепенно исчезают упоминания об этювах, а в 1526 году Эразм Роттердамский с явным сожалением замечает: *«Двадцать пять лет тому назад ничто не было так популярно в Брабанте, как общественные бани: сегодня их уже нет — чума научила нас обходиться без них».*

Так в чем же дело?

Выделим ключевое слово — чума. О катастрофической эпидемии 1348–1352 годов в Западной Европе мы еще подробно поговорим ниже, но именно чума поселила в душах европейцев панический ужас, вполне сопоставимый с апокалиптической истерией перед наступлением Тысячелетия. Любые



*Интерьер
бани 16 века.
Массажист
за работой;
гравюра
на дереве
16 века*

скопления людей после нескольких волн Черной смерти воспринимались как потенциальная угроза, бани к этой категории тоже относятся. Впрочем, имелись и другие факторы.

- ❖ Очередное изменение климата и наступление Малого ледникового периода. Значительная часть лесов к XV веку оказалась вырублена, а тут еще грянуло похолодание, резко взвинтившее цены на топливо. Щедро расходовать дрова, как в прежние богатые времена, уже не получалось, каменный уголь пока не добывали, а следовательно, начала снижаться рентабельность эtiuвов. Кстати, к этому же времени появляется вошедший во множество сказок архетип «старушки, собирающей хворост» — доходит до того, что сеньоры, владеющие лесными угодьями, вводят лицензии для сбора палых ветвей в своих владениях, тогда как ранее лицензирование и налоги относились исключительно к вырубке. За незаконный сбор хвороста вводят наказания, вплоть до повешения. Очень яркое свидетельство небывалого



- удорожания и дефицита топлива, притом что каменный уголь начнут массово использовать лишь три сотни лет спустя.
- ❖ Реформация и «протестантская этика». После 1517 года и «95 тезисов» Лютера, а особенно с появлением радикальных протестантских течений наподобие кальвинизма или пуритан, наступила очередная эпоха аскезы, только с реформистскими особенностями. Если католическое духовенство и монашество в принципе не возражало против бань и мылось само, то протестанты попросту запретили общественные бани как источник соблазна и гнездилище разврата. А уж раздеться при посторонних для пуританина было страшнее, чем четвертование.
 - ❖ Изменение культуры частного быта после эпидемии чумы и с началом похолодания. Потребление сокращается, доходы падают, экономика Франции в результате Столетней войны и эпидемий находится в перманентном кризисе. До нас дошел прелюбопытнейший частный трактат «Le Ménagier de Paris» («Парижское домоводство»), написанный в промежутке между 1392 и 1394 годом. Автор, пожилой, образованный и обеспеченный буржуа, создал на досуге руководство по домашнему хозяйству для своей весьма молодой супруги, сироты из провинции, выданной родственниками за «старика». Помимо крайне подробных рекомендаций по содержанию дома, обращению со слугами или кулинарных рецептов, в книге есть и советы по гигиене: *«Она снимет у огня его сапоги, вымоет ему ноги и даст чистые носки. <...> А на следующий день даст ему свежую рубашку и чистые одежды»*. При всей тщательности автора «Le Ménagier de Paris», скрупулезно описавшего свой богатый дом, мы не видим ни единого упоминания



Купающаяся Вирсавия. Миниатюра Жана Бурдиона из Часослова Людовика XII



ни о домашней ванне, столь распространенной в Париже еще сто лет назад, ни о возможном походе в этюв, хотя в тексте присутствуют советы о том, как «благопристойно» ходить в церковь, в гости или на рынок. И разумеется, *прежде всего — экономия: свечи и дрова*. При этом нет никаких упоминаний об экономии на питании, одежде или лошадях, даже престижная соколиная охота для молодой жены считается допустимой. Вывод: изменилась структура быта, отдельные сферы потребления даже для очень небедного парижского обывателя становятся или неподъемными, или ненужными.

Можно назвать еще множество причин исчезновения столь развитой в Высоком Средневековье банной культуры: появление венерического сифилиса, повальная мода на итальянское новшество — духи, пудры и частую перемену белья (до трех-пяти раз в день!), резкое снижение качества жизни, связанное с климатическими аномалиями, непрекращающаяся инфляция и так далее. С огромной долей вероятности мы наблюдаем совпадение множества факторов.

Как и после падения Рима, Европа после четырех столетий сравнительной телесной чистоплотности вновь скатывается в вопиюще антисанитарное состояние. И мы запомним, что отсутствие гигиены, в противовес устойчивым стереотипам, присуще не «мрачному» Средневековью, а столь прогрессивному и возвышенному Ренессансу с последовавшим за ним Галантным веком...



ОТ КУПЕЛИ ДО ГРОБА

Вспомним еще один общераспространенный миф, гласящий, что в эпоху Средневековья человек доживал в лучшем случае до тридцати лет, быстро превращался в дряхлую развалину и в итоге, пораженный самыми невероятными инфекциями и сломленный килограммами наросшей грязищи, умирал в страшных судорогах. С грязью мы более или менее разобрались, выяснив, что хотя обстановка с гигиеной была далека от современного идеала, но совершенно неприемлемой вовсе не являлась. Давайте теперь обратимся к тематике продолжительности жизни.

Возраст Мафусаила

О пять же, подходить к данному вопросу с современными стандартами будет некорректно — надо учитывать, что уровень развития науки и медицины, стандарты общественной и личной безопасности, а равно и отношение человека к жизни и смерти были принципиально иными. Страшно было не умереть — ужас вселяла перспектива отойти в мир иной без покаяния и отпущения грехов, а значит, попасть в ад...

Взрослая жизнь средневекового человека в какой-то мере была «длиннее» и насыщеннее, в чем играло немалую роль занижение планки «детства» — работать (то есть вкалывать, а не просто помогать по хозяйству) крестьянский ребенок начинал с 12–13 лет. Дворянин в 14 лет уже вполне мог участвовать



в войнах — это вам не современное «поколение пепси», боящееся в 18 лет идти в армию. Дворянские девицы выходили замуж в 12–14 лет, и никто не считал это педофилией; у крестьянок брачный возраст был чуть выше, но ненамного.

В свою очередь, формальная планка «старости» оставалась примерно на том уровне, что и сейчас. Сохранилась тьма-тьмущая документации, это подтверждающей:

- ❖ указ Филиппа V от 1319 года, разрешающий лицам старше 60 лет платить налог местному сенешалю, а не ехать ко двору короля;
- ❖ указ Филиппа VI от 1341 года о пенсиях, сохраняемых для госслужащих и отставных военных старше 60 лет;
- ❖ указ Эдуарда II Плантагенета о военной подготовке всех мужчин от 15 до 60 лет;
- ❖ указ Генриха VII о пенсиях солдатам старше 60 лет.

На этом фоне выделяется строжайший приказ короля Кастилии Педро I Жестокого об «обязательных работах для всех» от 12 до 60 лет — можно понять, в чем дело, посмотрев на дату: 1351 год. Великая эпидемия Черной смерти на исходе, половина (или больше) населения Кастилии вымерла, рабочих рук катастрофически не хватает. Ну-ка, быстро взяли в руки серпы с граблями — и марш-марш в поле! То есть возраст крестьянина в 60 лет не считался чем-то ненормальным, раз их стогнали на принудилровку после чумного мора!

Вполне естественно, что, будь число отставных военных, доживших до шестидесятилетия, исчезающе низким, короли не обращали бы внимания на проблему социального обеспечения и пенсионера для пожилых людей — вряд ли данные распоряжения отдавались ради десятка-другого подданных. Впрочем, государственная пенсия вовсе не означала «заслуженного отдыха» с приятным времяпрепровождением на



Рыцарь-пенсионер, в отставке. Хроники Англии. Иллюстрация из средневекового манускрипта.

лавочке возле собственного дома и обсуждениями вместе с такими же старичками ужасных нравов современной молодежи — вплоть до самой смерти человек в здравом уме и с крепким здоровьем считался полностью дееспособным, он по-прежнему выходил работать в поле, занимался ремеслом, воевал или исполнял священнические обязанности.

Единственной разновидностью «отдыха по старости» был уход в монастырь, где праздность тоже категорически не приветствовалась: монахи не только молились, но и выполняли множество хозяйственных обязанностей — травничество, переписывание книг, работа на мельнице или огороде обителю, в кухне и так далее.



Вернемся к брачному возрасту. По династическим причинам у дворян ранний брак был нормой, в то время как у крестьян (мещан, горожан, ремесленников) дело обстояло несколько иначе. В XIV веке на юге и востоке Европы девицы выходили замуж лет в 16–17, на севере и западе — вообще в 19–20. А вот двести лет спустя, в 1500-х годах, то есть ближе к Ренессансу и Реформации, браки становятся более ранними, превращаясь в институт по массовому воспроизводству рабочей силы для развивающейся промышленности.

Заметим, к началу эпохи Возрождения теряются вполне развитые в «мрачном» Средневековье навыки акушерства/гинекологии и, отчасти, контрацепции, причем чем дальше — тем ситуация становилась хуже и хуже. Вот как раз в 1500–1600 годы благодаря удручающему падению качества жизни и климатическим аномалиям (мы помним про Малый ледниковый период) с долголетием возникли глубокие проблемы.

Золотая осень Средневековья в период до границы, прочерченной Черной смертью, этим самым «качеством жизни» как раз отличалась в положительную сторону. Иначе откуда бы появились вот такие пикантные истории.

В 1338 году некий клирик накатак обширную кляузу епископу Линкольнскому, в которой описывается вероломное, распутное и безответственное поведение графини Алисии де Лэси, каковая после смерти законного супруга дала обет принять постриг и отписать все имущество обители. Но вот какая неприятность: до пострига из монастыря графиню умыкнул некий рыцарь, и мадам де Лэси согласилась выйти за него замуж. Особый упор делался на то, что графине было 60 лет — в ее-то годы и такие пошлые авантюры!

Клирика можно понять: монастырь упустил собственность ее милости, поэтому в жалобе епископа просят наказать штрафом даже не легкомысленную графиню, а романтического рыцаря, чтобы хоть как-то компенсировать убытки. Кстати,



Лист из Манесского кодекса. около 1300, Цюрих



Иллюстрация
из «Немецкого
Календаря»
1498 года

в те же времена во Франции и Англии вдовы 60 лет, владеющие состоянием, были освобождены от необходимости выходить замуж или платить штраф за отказ в помощи войском или деньгами королю или сеньору. Здесь существует и чисто юридический аспект: данный закон принимался для защиты старых вдов всех сословий, которых недобросовестные родственники пытались снова выдать замуж или вытрясти с них штраф за отказ, — речь ведь шла о крупной собственности, вдове после смерти мужа причиталась немалая часть его состояния — все, что не уходило по майорату старшему сыну. Вдова распоряжалась своим имуществом по личному усмотрению и вполне могла завещать его королю или герцогу, а последним требовались немалые резервные фонды для награждения вассалов и союзников...



Тут будет уместно вспомнить и великую королеву Алиенор Аквитанскую, мать Ричарда Львиное Сердце, сохранявшую бодрость и боевой дух до глубокой старости: Алиенор успешно командовала обороной замка Мирабо в возрасте 80 лет, отбила штурм и дождалась подхода подкреплений. Алиенор пережила восемь из десяти своих детей.

Приведем несколько примеров продолжительности жизни высшего дворянства и духовенства в XIV веке:

- ❖ король Филипп IV Красивый — 46 лет, предположительно инсульт. С детьми Филиппу не повезло — наследники Людовик, Филипп и Карл умерли в 26, 31 и 34 года соответственно;
- ❖ король Филипп VI Валуа — 57 лет;
- ❖ король Эдуард III Английский — 65 лет;
- ❖ великий герцог Бургундский Филипп II Смелый — 62 года;
- ❖ король Альфонсо XI Кастильский — 39 лет, умер от чумы;
- ❖ папа римский Климент V — 50 лет, предположительно несчастный случай на охоте;
- ❖ папа римский Иоанн XXII — настоящий аксакал, 90 лет. И это при такой нервной работе!
- ❖ папа римский Бенедикт XII — 57 лет;
- ❖ магистр тамплиеров Жак де Моле — 69 лет, смерть насильственная.

Так что «пенсионный» возраст по тем временам не был чем-то необычным или из ряда вон выходящим. Абсолютным рекордсменом принято считать св. Гилберта Семпрингхемского, родившегося в 1083 году и умершего в 1189 году в возрасте 106 лет. За свою очень долгую жизнь деятельный монах основал собственный орден гилбертианцев на



основе бенедиктинского устава, построил дюжину монастырей с больницами для бедных, лепрозориями и попечительскими домами для сирот, а через двенадцать лет после смерти был причислен Римом к лику святых. Прекрасная карьера по духовной линии.

Отсутствовал и общепринятый ныне институт «маркировки» старости — у разных средневековых авторов мы встречаем принципиально различную периодизацию жизни человека, по большей части основанную на символизме — например, на учении Птолемея о том, что каждому возрасту соответствует одна из планет, наделяя его своими свойствами. Или деление происходит по четырем временам года, по семи каноническим добродетелям и так далее.

Возьмем сочинение провансальского ученого мужа Бернара Гурдонского «О сохранении жизни» от 1308 года. Автор предпочитает быть кратким, описывая всего три возраста: *etas pueritiae*, детство до 14 лет, *aetas iuventutis*, возраст молодости (не зрелости, а именно молодости!) от 14 до 35 лет, после чего сразу следует *aetas senectutis*, старость, сверх 35 лет.

Бернару возражает величайший флорентийский поэт, богослов и философ Данте Алигьери, описавший возрастные категории в трактате «Пир», созданном в 1304–1307 годах. В разделе XXIV Данте сообщает нам:

«...Человеческая жизнь делится на четыре возраста. Первый — Юность, то есть “умножение жизни”; второй — Зрелость, “возраст, способный помочь”, то есть придать человеку совершенство, и потому он считается совершенным, — ибо ни один возраст не может дать ничего, кроме того, что он уже имеет; третий — Старость; четвертый — Дряхлость.

В отношении первого все мудрые люди сходятся на том, что он длится до двадцати пяти лет; а так как до этого срока душа наша занята возвращением и украшением тела, от чего происходят



Данте Алигьери, Флорентийская школа, 16 век.



многочисленные и великие превращения в человеческой личности, рациональная часть души далека от совершенства. Потому закон и требует, чтобы человек до достижения двадцатипятилетнего возраста не мог совершить определенных действий без совершеннолетнего опекуна.

Что касается зрелости, которая поистине есть вершина нашей жизни, то сроки ее измеряются многими по-разному. Однако, оставляя в стороне то, что пишут философы и медики, обращаясь к собственному своему разумению, а также к мнению большинства людей, отличающихся природной рассудительностью, я полагаю, что возраст этот длится двадцать лет. Я считаю так потому, что если вершина нашей дуги соответствует тридцати пяти годам, то возраст этот должен обладать одинаковым по длине подъемом и спуском, которые граничат примерно в том месте, где мы держим лук и где большого изгиба не наблюдается. Таким образом, получается, что зрелость завершается на сорок пятом году. И подобно тому, как юность, предшествующая зрелости, находится в течение двадцати пяти лет на подъеме, точно так же и спуск, то есть старость, следующая после зрелости, длится ровно столько же времени; итак, старость завершается на семидесятом году. <...> Случается, что после старости остается излишек нашей жизни длиной примерно в десять лет; время это называется дряхлостью».

Данте Алигьери выражал свое мнение как представитель наиболее образованной части общества, и получается, что его градация без особых возражений принималась средневековыми интеллектуалами — четыре периода: от рождения до 25 лет, от 25 до 45 лет — зрелый возраст с пиком развития и энергии в 35 лет, старость — от 45 до 70 лет, а далее уже до самой смерти — дряхлость, причем «излишек жизни» автор считает в десятилетие, то есть до 80 лет. Неплохо даже для нынешних времен.



Жан Фруассар, французский летописец и поэт, в куртуазной поэме «Прекрасный куст юности», датированной 1373 годом, делит жизнь на семь периодов, упоминая, будто в 35 лет «человек становится слишком стар для любви», одновременно с этим устанавливая границу «настоящей» старости с 58 лет.

Андреас Капелланус, о котором ровным счетом ничего не известно кроме того факта, что он был капелланом при дворе не то Людовика VII, не то Филиппа II Августа, а потом подвизался у дочери королевы Алиенор, графини Марии Французской де Шампань, увековечил себя трактатом «О куртуазной любви», написанном ориентировочно в 1184 году. Он тоже затрагивает вопрос возраста и старости, указывая, что «прилично» влюбляться мужчинам до 60 и женщинам до 50 лет. То есть, по Андреасу, вышеописанная графиня де Лэси, сбегавшая из монастыря с неким рыцарем, границы приличий все-таки перешла — прав был клирик, наябедничавший епископу...

А вот Элинан де Фруамон, монах-цистерцианец, до пострига, скорее всего, бывший куртуазным трувером, в мрачных «Стихах о смерти» от 1220-х годов огорченно пишет:

*Смерть, забирающая внезапно тех, кто хочет жить долго...
Смерть, всегда превращающая высокое в низкое...
Ты забираешь сына раньше, чем отца,
ты обрываешь цветы раньше плодов...
Ты забираешь молодых, двадцативосьми-,
тридцатилетних в лучшем их возрасте, в самом расцвете сил...*

За сто лет до появления «Пира» Данте Элинан рассматривает тридцатилетие как «молодость» и «расцвет сил». В свою очередь, анонимный автор старофранцузской поэмы XIII века «La mort le roi Artu» («Смерть короля Артура», не путаем с более поздней «Смертью Артура» Томаса Мэлори)



делает акцент на весьма почтенном возрасте главного героя — аж целых 92 года. Логично предположить, что, считаясь во времена создания поэмы преклонным возраст 60–70 лет, автор бы не стал выходить за привычные рамки.

И в конце концов, никто не отменял субъективное восприятие возраста — Моше бен Маймон, более известный в русских источниках как Маймонид или Моисей Египетский, раввин, врач и ученый, в XII веке пошутил в одном из своих сочинений: *«Кто является старой женщиной? Та, которая не возражает, если ее так называют»*.

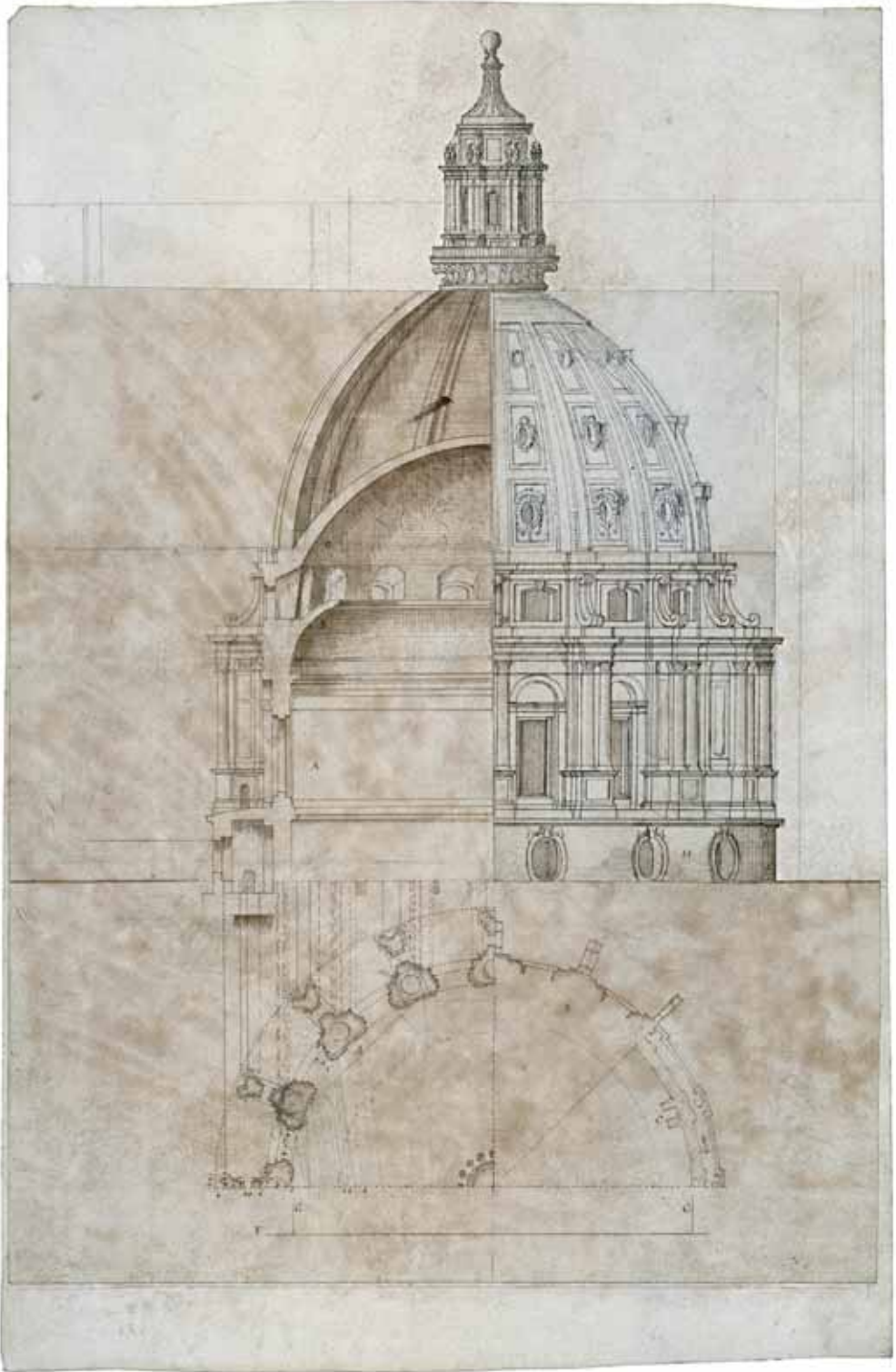
Микеланджело Буонарроти, начиная с 1514 года реконструировавший во Флоренции базилику Сан-Лоренцо по заказу папы Льва X (Джованни Медичи), в сердцах пишет папскому подрядчику Доменико де Буонинсеньи следующее: *«...К тому же, так как я уже стар, мне не к лицу терять столько времени, чтобы уберечь для папы двести или триста дукатов на этот мрамор»*. Письмо датировано июлем-августом 1517 года, в минувшем марте Микеланджело исполнилось всего 42 года, а он субъективно полагает себя «старым», работая как вол на строительстве, при этом находясь в постоянных разъездах по мраморным карьерам и ругаясь с бюрократами из курии и правительства флорентийской Сеньории.

Есть предположение, что великий архитектор откровенно приbedнялся и набивал себе цену, поскольку в письме от 24 октября 1525 года (ему было 50 лет) он снова жалуется близкому другу и священнику Джованни Франческо Фаттуччи, одновременно являвшемуся посредником в деловых переговорах с ведомством римского папы: *«...Я никогда не премину работать для папы Климента изо всех сил, какими я располагаю, — а их не много, так как я стар»*.

(Заметим, до нас дошло всего-то около полутысячи писем Микеланджело, а было их явно в разы больше. Значит, и почта тогда исправно работала, а депеши находили адресата...)



Даниеле да Вольтерра, (1509–1566) портрет Микеланджело Буонарроти, 1544



Архитектурный рисунок Микеланджело.



В 1546 году Буонарроти (72 года) назначают главным архитектором строительства собора Святого Петра — это колоссальная ответственность даже по нашим меркам. Микеланджело Буонарроти мирно скончался в своей постели в Риме в возрасте 88 лет — когда пришла настоящая старость. Впрочем, работал он до последних дней жизни, чертеж одной из деталей купола Святого Петра Микеланджело выполнил за две недели до смерти.

Итак, мы видим довольно большой разброс во мнениях, но большинство из них сводятся к тому, что «стариком» человек считал (мог считать) себя ориентировочно лет после сорока пяти или пятидесяти. Тогда как планка зрелости оставалась практически на нашем уровне: тридцать — тридцать пять лет.

И вот тут возникает вопрос — а почему же тогда средняя продолжительность жизни в Средневековье всеми исследователями считается крайне невысокой?

Ключевое слово тут — «средняя». Перед нами встает проблема чудовищной по меркам XXI века детской смертности.

Младенец как объект максимального риска

Невероятная многодетность средневековых семей проистекает вовсе не из-за отсутствия контрацепции или неумения «планировать семью» — это была стратегия выживания. У нас есть достаточно сведений о числе детей в дворянских фамилиях и, в меньшей степени, у простолюдинов — допустим, у родившейся в зажиточной крестьянской семье Жанны д'Арк были три брата и сестра, есть сведения об одном умершем ребенке. Королева Алиенор Аквитанская в первом браке

xxxvi
In as got Waxe geboren Von der reinen maget maide
vor der Statt vnder einem berce in einer hulen



Сцена Рождества из рукописи 15 века.



с Людовиком VII родила двух девочек, во втором браке с Генрихом II Плантагенетом у нее появилось восемь детей, и тоже лишь один умер — принц Вильям, проживший четыре года.

Более печальную картину мы наблюдаем в семье сына Людовика VII от третьего брака (в двух предыдущих родились только девочки, а требовался наследник трона), короля Филиппа II Августа, правившего с 1180 года. Первая жена Филиппа, графиня Изабелла д'Эно, родила ему сына и умерла во время вторых родов, принеся двух мертвых мальчиков. Со второй супругой, Ингеборгой Датской, у короля отношения моментально не сложились — Филипп выгнал ее из дома после первой же брачной ночи, и причина этой драмы доселе остается неизвестной. Детей у них по очевидным причинам не было. После громкого и скандального аннулирования брака Филипп-Август женится третий раз, на герцогине Агнессе Меранской, которая принесла ему четверых детей, из них во младенчестве умер принц Жан-Тристан. Итого: из семи детей Филиппа выжили всего четверо, двое погибли при родах, один скончался сразу после рождения.

Не самый лучший показатель, хотя речь идет о королевской семье — автоматически подразумевается хорошее питание, все доступные блага (жил Филипп в парижском замке Консьержери на острове Ситэ, считавшемся тогда самым удобным и роскошным дворцом в Европе!), услуги лучших повитух и кормилиц, пристальный надзор за детьми и матерью.

У наследника Филиппа-Августа, впоследствии ставшего королем Людовиком VIII Львом, родилось в единственном браке с принцессой Бланкой Кастильской тринадцать детей. Первая дочь умерла после родов в 1205 году, первый сын Филипп — в 1209 году, близнецы Альфонс и Иоанн умерли при рождении в 1213 году, еще один сын Филипп — в 1220-м (прожил два года). Сын Филипп-Дагобер прожил 10 лет; следующий, Этьен, — всего 2 года.



Выжили и достигли взрослого возраста лишь шесть из тринадцати — пять мальчиков и одна девочка; последняя, Изабелла Французская, ушла в монахини и после смерти была канонизирована. Согласимся, что картина вырисовывается весьма неприглядная: половина детей короля умерла в раннем детстве. Есть все основания полагать, что в семьях, стоящих куда ниже по социальной лестнице, дела обстояли ничуть не лучше...

Но давайте посмотрим, сколько прожили остальные дети Людовика Льва:

- ❖ Людовик IX Святой, наследник и король Франции, — 56 лет, скончался в военном походе от дизентерии, охватившей армию;
- ❖ Иоанн, граф Анжу и Мэна, — 13 лет, был обручен с Иоландой Бретонской, причина смерти неизвестна;
- ❖ Робер I Добрый, граф Артуа, — 34 года, погиб в битве при Эль-Мансуре, Египет;
- ❖ Альфонс, граф Пуату и Тулузский, — 51 год, причина смерти неизвестна;
- ❖ Карл Анжуйский, король Сицилии, — 58 лет, предположительно инсульт;
- ❖ Изабелла Французская, святая, — 45 лет, предположительно анорексия, вызванная длительными постами и туберкулезом.

(Сведения о рожденных детях Людовика VIII взяты из Chronica Albrici Monachi Trium Fontium 1232, Monumenta Germaniae Historica Scriptorum, vol. XXIII, p. 930.)

Так в чем же дело? Отчего младенцы умирали столь часто? Недостаточный уход? Только не в случае королевской семьи! Отвратительное акушерство? Позвольте не поверить — до Высокого Средневековья дошло множество античных



сочинений, посвященных родовспоможению; имелись и вполне современные трактаты наподобие «De passionibus mulierum curandarum, Trotula Major», написанному в начале XII века Тротулой, выдающейся женщиной-врачом из медицинской школы в Салерно, основывалась она опять же на римских трудах от Галена до Сорана Эфесского. Родовые травмы и опасные инфекции? Уже ближе...

Справедливости ради надо сказать, что в эпоху до появления антибиотиков и вакцинации детская смертность всегда была высокой — достаточно бросить взгляд всего на сотню с небольшим лет назад. Возьмем книгу А. Г. Рашина от 1956 года «Население России за 100 лет (1811–1913 гг.)» и взглянем на сухие статистические выкладки — пейзаж донельзя безрадостный. «По данным за 1908–1910 гг. количество умерших в возрасте до 5 лет составляло почти $\frac{3}{5}$ общего числа умерших. Особенно высокой была смертность детей в грудном возрасте». Может быть, советский автор необъективен и предвзят, речь ведь идет о проклятом царизме?



Смерть ребенка. Иллюстрация из Часослова, 1500, Франция.



Хорошо, откроем исследование Н.А. Рубакина «Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы», вышедшее в 1912 году. Ровно то же самое: «...в 1905 г. из каждой 1000 умерших обеих полов в 50 губерниях Европейской России приходилось на детей до 5 лет 606,5 покойников, т. е. почти две трети. Из каждой 1000 покойников мужчин приходилось в этом же году на детей до 5 лет 625,9, из каждой 1000 умерших женщин — на девочек до 5 лет — 585,4. Другими словами, у нас в России умирает ежегодно громадный процент детей, не достигших даже 5-летнего возраста».

В целом условия жизни русского крестьянина начала XX века мало чем отличались от условий французских пейзажей в веке XIV. Разве что появился керосин, некоторые орудия труда стали качественнее, однако соха за пятьсот лет практически не изменилась — Большая советская энциклопедия отмечает, что даже в 1928 году (!) в СССР использовалось больше 4,5 миллиона сох, а ведь первые упоминания этого земляпашеского инструмента в русских летописях относятся к XIII веку. Медицина же что там, что здесь на селе оставалась на уровне, близком к пещерному, невзирая на все усилия земских врачей и весьма жалкую попытку 1864 года внедрить систему народного здравоохранения...

Впрочем, не будем отвлекаться. Вечные спутники человека и столь же вечные убийцы: скарлатина, гепатит, дифтерия, корь, коклюш, паротит, ветряная оспа и туберкулез — в наши времена кажутся чем-то несерьезным и полузабытым. Разумеется, пока сам не столкнешься с этими инфекциями — хотелось бы напомнить, что смертность от дифтерии еще в 1930–1940 годы достигала 70 процентов от общего числа заболевших. А ведь были еще столбняк, угроза сепсиса при послеродовых осложнениях у матери (разрыв промежности, кесарево сечение и т. д.), грибковые инфекции. Добавим сюда аллергические реакции, анемии любого генеза вплоть



*Средневековые
болезни.*

до лейкозов, врожденные заболевания и прочее, что тогда распознать было невозможно а проігі, не говорим уже про хоть какое-то лечение.

Распознавать такие болезни и противостоять им научились совсем недавно, а пятьсот-семьсот лет назад не умели даже дифференцировать подобные заболевания. Ни в одной из летописей мы не встретим подробного описания скарлатины или дифтерии — средневековые термины стандартны: лихорадка, горячка, трясовица, изнурительный пот... Дети становились жертвами этих болезней в первую очередь. Те, кому посчастливилось перейти рубеж возраста в 5–10 лет и войти в зрелый возраст, или успешно переболели, приобретя иммунитет, или вовсе не были восприимчивы к заразе.

Была и еще одна опасность, куда более серьезная: натуральная, или черная, оспа. Родом оспа происходит из Центральной Азии и с Ближнего Востока; предполагается, что вирус Variola



передался людям от верблюдов уже в исторические времена: натуральная оспа описана в Библии; предположительно, Древний Рим с ней вплотную познакомился после германской кампании императора Марка Аврелия в 178–180 годах — легионы принесли заразу в Вечный город. В Темные века вместе с арабскими завоевателями она появляется в Испании и на юге Франции, но сведения о масштабных эпидемиях отсутствуют по упомянутым выше причинам — летописи практически не велись, и то, что происходило тогда в Европе, в том числе и на эпидемиологическом поле, нам почти неизвестно.

Однако на выручку снова приходит добросовестный св. Григорий Турский, неоднократно цитированный нами прежде. В книге V «Истории франков» он подробно описывает некую страшную эпидемию, постигшую королевство Меровингов в 580 году, — св. Григорий использует латинское слово *dysenteria* — «дизентерия», которое тогда могло обозначать любые болезни, характеризующиеся «внутренним расстройством», но тут же присутствует и термин *variola*, традиционно обозначающий оспу:

«...За этими знаменьями последовал тяжелейший мор. А именно: когда короли враждовали и вновь готовились к братоубийственной войне, дизентерия охватила почти всю Галлию. У тех же, кто ею страдал, была сильная лихорадка с рвотой и нестерпимая боль в почках; темя и затылок были у них тяжелыми. То, что выплевывалось изо рта, было цвета желтого или, вернее, даже зеленого. Многие утверждали, что там находится яд. Простые люди называли эту болезнь внутренней оспой; это вполне возможно, так как если ставили банки на лопатки или на бедра, появлялись нарывы, которые лопались, гной вытекал, и многие выздоравливали. Но и травы, исцеляющие от заражения, принятые как настой, очень многим приносили облегчение. Эта болезнь, начавшаяся в августе месяце, прежде всего поражала детей и уносила



их в могилу. Мы потеряли милых и дорогих нам деток, которых мы согревали на груди, нянчили на руках и сами, приготовив пищу, кормили их ласково и заботливо.

<...>

И было так, что в эти дни тяжело заболел король Хильперик. Когда он начал выздоравливать, заболел, еще не “возрожденный от воды и Духа Святого”, его младший сын. Видя, что он находится при смерти, они его окрестили. Когда ему на некоторое время стало лучше, заболел этой болезнью его старший брат по имени Хлодоберт. <...> После этого младший мальчик, страдавший сильным недугом, скончался. С глубочайшей скорбью его отвезли из виллы Берни в Париж и предали погребению в базилике святого Дионисия. А Хлодоберта положили на носилки и принесли в Суассон, в базилику святого Медарда, и, опустив его на могилу святого, дали обет от его имени. Но в полночь, задыхаясь и ослабев, он испустил дух. <...> В те же дни от этой болезни умерла и королева Австригильда, жена короля Гунтрамна. <...> И вот, истощенный этой болезнью, умер и Нантин, граф Ангулема».

По свидетельству Григория Турского, эпидемия свирепствовала два года, отличаясь немалой смертностью, впечатлившей даже привычных ко многим бедствиям франков VI века. Термин Variola ввел современник и коллега Григория, св. Марий Аваншский, также оказавшийся свидетелем вышеописанного мора.

Как можно заметить из приведенной цитаты, смертность особенно была высока среди детей; тем не менее есть обоснованные сомнения, что св. Григорий описывает именно оспу, поскольку представленная симптоматика практически на 100% совпадает с менингококковой инфекцией и менингеальным синдромом, при котором вполне возможна геморрагическая сыпь, похожая на оспенную. Если королевство поразила эпидемия менингита, франкам можно лишь посочувствовать:



и сейчас эта болезнь лечится с огромным трудом, а смертность крайне высока.

Крупная вспышка оспы в раннем Средневековье документально зафиксирована в 845–846 годах, когда викинги во главе с вождем скандинавов Рагнар Лодброком осадили Париж. Дело закончилось тем, что норманны город так и не взяли, ограничившись выкупом, — эпидемия сыграла свою роль.

И вот, начиная с IX века, сведения о натуральной оспе как всеобщем бедствии практически исчезают из европейских летописей почти на половину тысячелетия — снова болезнь массово появляется только в XVI веке с эпохой Великих географических открытий и начинает беспощадно косить население Франции и сопредельных стран. В эпоху Высокого Средневековья хроники велись очень прилежно, число их было обильно, но крупных оспенных эпидемий мы не наблюдаем — что, впрочем, не означает полное отступление оспы. Она, безусловно, была, но вспышки носили или крайне локальный характер, или...

А вот тут есть одно прелюбопытное допущение. Коровья оспа, вызываемая возбудителем *lacania virus*, была известна с древнейших времен, естественными ее носителями являются лесные мыши и мыши-полевки. Инфекция поражает крупный рогатый скот, а после аграрной революции Средневековья в X–XII веках количество стойлового и тяглового скота, сиречь коров, быков и волов, в крестьянских хозяйствах выросло на порядки по сравнению с Темными веками. Постоянно работающие с домашней скотиной крестьяне контактно заражались коровьей оспой, протекавшей гораздо легче оспы натуральной (наподобие легкой формы гриппа), и получали стойкий иммунитет к *variola*, который мать через плаценту могла передать ребенку.

Хотелось бы заметить, что к коровьей оспе очень восприимчивы домашние кошки, которых в Средневековье вовсе



Около 1500.
Июль: Жатва.
Часослов
Генриха VIII,
миниатюрист
Jean Fouquet

не уничтожали, как гласит очередной миф, а наоборот — их присутствие в доме поощрялось ради избавления от мышей и крыс. Тот факт, что домашняя кошка постоянно находится рядом с человеком, полагаем, неоспорим.

Поголовье крупного рогатого скота с наступлением Малого ледникового периода начало существенно сокращаться, в изменившихся климатических и экономических условиях крестьяне снова осознали выгоду и дешевизну разведения овец и свиней, массовая иммунизация населения через контакт с домашними животными снижается, и мы наблюдаем все более нарастающие вспышки натуральной оспы начиная с середины 1500-х годов — то есть когда Средневековье уже закончилось...

Обратимся к работе современной американской исследовательницы Мелиссы Снелл «Childbirth, Childhood and Adolescence in the Middle Ages». Автор, оговорив вышеизложенные причины детской смертности: неблагоприятный инфекционный фон, возможное снижение иммунитета или недостаточное питание, — справедливо замечает, что и после

Иллюстрация
из манускрипта
*The Wolfegg
Housebook*,
показывающая
жизнь
средневековья,
быт.
1475–1485



младенчества средневековых детей подстерегало немало опасностей.

В раннем возрасте тугое пеленание, а то и связывание ребенка в колыбели лентами, чтобы держать его подальше от возможных неприятностей, могло привести к смерти от удушья или, к примеру, пожара. Часты были случаи, когда мать или кормилица «приспала» ребенка, задавив во сне. С достижением активного возраста и при отсутствии постоянного наблюдения за детьми (родители весь световой день работают в поле, на ремесле или по дому) резко возрастает риск несчастных случаев — все что угодно, от падения с лестницы до утопления в близлежащем ручье; ребенок мог погибнуть на улице, раздавленный лошадью, упасть из окна и так далее.

Мелисса Снелл, при отсутствии вменяемых статистических данных, сходится на цифрах 30–50% смертности от



общего числа рожденных в возрасте от 0 до 14 лет — вспомним историю семьи короля Людовика VIII и поймем, что ученая недалеко от истины...

Теперь бросим беглый взгляд на исследование доктора археологии британского университета Рединга Мэри Льюис, специализирующейся в том числе и на палеопатологии — то есть изучении заболеваний и причин смерти по костным останкам. Исследование «Work and the Adolescent in Medieval England (AD 900–1550). The osteological evidence» проводилось с 2011 по 2015 год, на основе изучения останков 4940 скелетов детей и подростков возраста от 6 до 18 лет из 151 средневекового захоронения в Англии, причем доля жителей городов составляет 83%.

Как мы уже упоминали, в связи с резким занижением планки «детства» ребенок начинал активную трудовую деятельность в очень раннем возрасте, а институт городских подмастерьев принимал в свои ряды детей примерно с 10 лет, а иногда и раньше.

Результаты работы Мэри Льюис дают нам дополнительные штрихи к общей картине детской смертности в Средневековье, и в частности к профессиональным рискам. Краткая выжимка такова.

- ❖ Гигиена труда. У городских детей и подростков наблюдается широкое распространение остеохондроза, вызванное нагрузкой на плечи, локти, ноги. Отмечены артриты, переломы поясничных позвонков из-за нагрузки на поясницу, грыжа Шморля — изменение межпозвонкового диска в виде прорыва его хрящевой ткани в тело позвонка. Все это свидетельствует о неприемлемо тяжелых нагрузках.
- ❖ Инфекционное поле. Распространены туберкулез и невенерический сифилис — трепонематоз, передающийся



не половым, а контактным путем. В условиях городской скученности это была серьезная проблема — если в сельских районах туберкулез манифестировал после 18 лет, то у городских подростков он встречается с 14 лет. Женские скелеты, у которых были найдены следы трепонематоза, относятся к возрасту 14–16 лет.

- ❖ Травматизм. У городских девочек и девушек переломы встречаются во всех возрастных группах, в то время как в сельских районах девушки страдают от скелетных травм лишь после 17 лет. У сельских ребят появляется очень много переломов с 10 лет, что наверняка является следствием профессиональных обязанностей, работы с крупными домашними животными и сельскохозяйственными орудиями. Достаточно свидетельств межличностного насилия — переломы челюстей, выбитые зубы, переломы носа и ребер. С 18 лет похожие травмы появляются и у девушек, что может свидетельствовать о семейном насилии.

В сухом остатке: даже если ребенку повезло выжить после пятилетнего возраста, сохранялась немалая вероятность недотянуть до «взрослых» лет, причем что в сельских районах, что в городах присутствуют свои особенности и риски — в деревне выше детский травматизм, в городе хуже эпидемиологическая обстановка и условия труда.

Мы наблюдаем естественный отбор в его классическом виде: выживал тот, кто был физически крепче, обладал лучшим иммунитетом и лучшими наследственными данными. Конечно, обеспеченная семья в любом сословии могла себе позволить содержать ребенка с врожденными психическими или физическими дефектами, но в большинстве случаев такие дети быстро умирали от естественных причин.



Средневековая иллюстрация, Рождение Цезаря.



Наконец, следует вспомнить об инфантициде — явлении, известном со времен Античности, но имевшем у варваров Темных веков свои особенности: больной или слабый ребенок «выносился» из дома, его оставляли в лесу или в поле, обрекая на гибель, что в условиях голода было опять же одной из технологий выживания семьи.

Справедливости ради скажем, что так могли поступать и старики — по своей воле покидая дом, чтобы умереть в глуши и дать выжить более молодым. Этот языческий обычай сохранялся в архаичных родоплеменных обществах и после принятия христианства, — например, у франков или скандинавов, хотя и решительно осуждался Церковью. Оказать серьезное влияние на показатели смертности инфантицид в период раннего Средневековья вряд ли мог, а к IX–X векам практически исчез.

Вполне естественно, что столь вопиющее положение со смертностью детей вплоть до 14–16 лет оказало решающее влияние на среднюю и ожидаемую продолжительность жизни.

Женщина в мужском мире

Следующий миф о Средневековье гласит: женщина была абсолютно бесправна, являлась целью охоты инквизиции как потенциальная ведьма, образование заключалось исключительно в обучении искусству вышивания, а обязанности — в вынашивании дюжины детишек, из которых половина не доживет до совершеннолетия.

Снабжается эта унылая сказка общеизвестными иллюстрациями: знакомая нам прекрасная принцесса, заточенная в башне, уродливая бородавчатая ведьма из «Гензеля



*Гробница
Алиенор
в аббатстве
Фонтевро.*

и Гретель», забитая крестьянка и экзальтированная монашка. Четыре типажа, при виде которых хочется разрыдаться и вознегодовать — как так можно жить?!

Можно и не так. Возьмем в качестве примера не раз упоминавшуюся Алиенор, герцогиню Аквитанскую, графиню де Пуатье, королеву Франции и, позже, королеву Англии. Поскольку Гийом-Айгрет, единственный брат Алиенор и наследник герцога Гийома X, умер в возрасте четырех лет, юная герцогиня в 1137 году получает по завещанию отца одно из самых крупных, богатых и стабильных государств Европы — Аквитанию, включавшую в себя сеньориальные владения Пуатье, Ангулем, Сентонж, Перигор, Лимузен, Овернь, Иссуден, Деоль, Марш, Лимож и, наконец, Гасконь.

По сравнению с могучей Аквитанской державой королевский домен Франции выглядел жалким клочком земли, управляемым начавшими вырождаться и не самыми даровитыми потомками Карла Великого.

Опекуном тринадцатилетней Алиенор был назначен король Людовик VI, который моментально уяснил, что упускать столь богатейшее наследство будет преступной бесхозяйственностью и расточительством, которые ему не простят ни современники, ни потомки. Его величество сразу взял быка за



рога и, не медля ни дня, женил на Алиеноре своего семнадцатилетнего сына, тоже Людовика, вошедшего в историю под прозвищем Молодой.

Территория Франции мигом увеличилась едва ли не в четыре раза — представьте, что современная Россия за один день присоединила к себе всю Западную Европу, Австралию, весь Африканский континент и в довесок Иран и Ирак с Турцией и Монголией. Масштабы примерно одинаковые.

Столь выгодный марьяж был совершен очень вовремя, поскольку Людовик VI скончался всего через пять дней после бракосочетания сына, и Алиенор с неслыханной стремительностью становится не только самой богатой наследницей к западу от Альпийских гор, но и французской королевой...

Первые годы замужества Алиенор не отмечены никакими эпохальными свершениями — девочка выросла, училась и привыкала к парижскому двору, куда более скромному и небожному, чем в родных Бордо или Пуатье. Участие в придворных интригах можно не принимать во внимание, дело совершенно житейское и, наверное, даже скучное. Характер Алиенор начал проявляться к 1145 году, когда Людовик Молодой решил на «паломничество» в Иерусалим, что, переводя с церковно-куртуазной терминологии в прозрачные термины, означало объявление Второго крестового похода. Идею горячо поддержал святой Бернар Клервоский, вместе с Людовиком в поход собрались король Германии Конрад III и король Сицилии Рожер II.

А наравне с ними королева Франции Алиенор де Пуату с подругами.

Женщина-крестоносец? Почему бы и нет, собственно?

Во время подготовки к столь серьезному предприятию Алиенор развивает бешеную активность, стараясь поддержать мужа в благочестивых устремлениях. В течение 1146-го и в начале 1147 года она лично объезжает наследственные владения



Миниатюра
«Крестоносцы
итурмуют
Дамиемту».
Манускрипт,
Франция,
1330–1340.
Среди воинов
мы видим
женщину.

в Аквитании, собирая под знамена короля гасконских и пуатевинских рыцарей. Королева щедро подтверждает привилегии монастырей и дарит им земли — в обмен на финансирование крестового похода. Наконец, она создает отряд амазонок под своим командованием, благородные дамы учатся владеть копьем и держать конный строй. А какие имена, какие имена! Графиня де Блуа, Сивилла Анжуйская, графиня Фламандская, Феида Тулузская, Флорина Бургундская! Дамы-амазонки предпочитали мужскую одежду, и никто их за это не осуждал, даже от известного строгостью св. Бернара не последовало ни единого упрека...

Мы не будем вдаваться в подробности долгого перехода крестоносного войска от Парижа до Святой Земли, скажем лишь, что Алиенор и ее амазонкам впоследствии еще долго



ставили в упрек огромный обоз, сковывавший армию, — но как же королева может обойтись без прислуги, ковров, роскошного шатра или серебряной ванны?! Повоевать у ее величества не получилось — немедля по прибытии в Антиохию у Алиенор вспыхнул бурный роман с родным дядей, Раймундом де Пуатье, антиохийским князем, что дало повод для сплетен на пространстве от Византии до Кастилии. Впрочем, о легкомысленности королевы нам доносит лишь один из летописцев, Гильом Тирский, но тем не менее слухи ходили разные, что существенно повлияло на отношения Алиенор с Людовиком.

В 1152 году царственная чета развелась — формально аннулирование брака было обосновано дальним родством, которое предпочли «не заметить» пятнадцать лет назад. Второй причиной развода было отсутствие наследника, за все годы брака Алиенор родила двух девочек и мертвого младенца.

В действительности же окончательный разрыв с Людовиком основывался на полнейшей несовместимости характеров: королева была энергична, любила развлечения и роскошь, пыталась участвовать в политических делах. Людовик оставался чересчур, даже сверх меры религиозен, скучен и меланхоличен. Согласно обычаю, Алиенор де Пуату получила назад приданое — герцогство Аквитанское — и вновь стала единоличной правительницей своей замечательной (и очень богатой!) страны...

Гром грянул в мае того же года — в Париже вызвало оторопь и негодование известие о повторном замужестве герцогини: Алиенор остановила выбор на Жоффруа, графе Анжуйском и герцоге Нормандском, который по матери, императрице Матильде, дочери короля Генриха I Боклерка, имел права на английский трон и оспаривал его у двоюродного дяди, короля Стефана Блуаского.

Второе замужество Алиенор заложило под оба государства бомбу невероятной мощности, последствия этого марьяжа



Изображение
13-го века
Генриха II
и его детей
от Алиеноры
слева направо:
Уильям,
Генри, Ричард,
Матильда,
Джеффри,
Элеонора,
Джоан и Джон

были преодолены лишь четыреста лет спустя, когда герцог Франсуа де Гиз в 1558 году окончательно вышиб англичан из Кале, последнего английского владения во Франции. Но до этого пролились реки крови и состоялись тысячи сражений.

Герцогиня, собрав войско и деньги, помогает новому супругу отвоевать трон в Тауэре — Жоффруа вынуждает Стефана подписать мир и объявить Анжуйца своим наследником; правил он под именем Генриха II Плантагенета. Нормандия, Анжу, Аквитания и Гасконь формально становятся английской территорией, две трети всей нынешней Франции; при этом возникает еще одна коллизия: перечисленные земли оставались подвассальны королю Франции, и был создан прецедент: один король становился вассалом другого...

Алиенор рождает Генриху восьмерых детей, из которых совершеннолетия достигают семеро, трое становятся королями и королевами. Все дети Алиенор, включая Ричарда Львиное Сердце и принца Джона (впоследствии короля Иоанна Безземельного), по крови были французами и аквитанцами, не говорили на английском языке и столицей считали не угрюмый и нищий Лондон, а великолепные Пуатье или Бордо. Так возникла англо-аквитанская держава, которая имела



все шансы стать империей наподобие Священной империи германцев.

Впрочем, мы отвлеклись. А что же делала эта безусловно великая женщина после замужества за Генрихом II? Алиенор отроду была непоседливой и деловитой, ее совершенно не устраивали скука и праздность. Генрих Плантагенет являлся очень деятельным монархом, видимо, ему нравилось ремесло короля — отличный военный и прилежный администратор заслужил следующую похвалу от архидиакона, поэта и богослова Петра Блуаского: «Пока другие короли отдыхают в своих дворцах, он может застать врага враслох, и сбить его с толку, и сам все проверить».

Алиенор, получившая во Франции опыт государственной деятельности, усердно помогает мужу — она находится в постоянных разъездах между Англией и Аквитанией, лично инспектирует наследные владения, издает указы как от своего имени, так и от имени Генриха, вершит суд, отвечает на жалобы, выступает посредником в конфликтах феодалов.

Алиенор *правит*. И никто не считает власть женщины чем-то неприемлемым, вовсе наоборот — королева проявляет на поприще государственного служения немалые таланты!

Дальнейшие события больше напоминают безвкусную мелодраму, растянувшуюся на два десятилетия. Генрих охладевает к жене и к 1166 году заводит любовницу — «прекрасную» Розамунду Клиффорд, чье имя вошло во множество английских баллад, причем в самом положительном контексте: Розамунде противопоставлялась коварная и мстительная королева-иностранка. Мстительность Алиенор в данной ситуации вовсе не является поэтическим преувеличением — она не простила Генриху предательства, уехала из Англии на родину и вновь примерила на себя корону герцогини Аквитанской, занимаясь делами своих наследственных владений.



Брачный союз, который при иных обстоятельствах мог закончиться созданием новой европейской империи, распался. Оскорбленная Алиенор не стала размениваться на вульгарности, подсылая к сопернице убийц или отравителей, — она поступила радикальнее, взорвав англо-аквитанское королевство изнутри и подняв против супруга мятеж, причем подростки сыновья оказались на стороне матери. Мечты Генриха об империи были повержены во прах.

За подробностями этой истории мы отсылаем читателя к прекрасной работе французской исследовательницы Режины Перну «Алиенор Аквитанская». Скажем лишь, что после неудачного начала мятежа королева провела в плену у Генриха полных шестнадцать лет, была освобождена сыном Ричардом Львиное Сердце, когда тот унаследовал трон. Правила Англией, пока Ричард находился в крестовом походе, после его смерти помогала последнему оставшемуся в живых сыну, Иоанну Безземельному, продолжая играть немалую роль в европейской политике. Умерла Алиенор 31 марта или 1 апреля в Аквитании, в любимом аббатстве Фонтерво — это была очень долгая и невероятно насыщенная жизнь, в которой были триумфы и поражения, скорбь и потери, но главное: сломить Алиенор не могли никакие несчастья...

Но, может быть, пример герцогини Аквитанской уникален? Отнюдь нет. Вспомним императрицу Матильду, ожесточенно сражавшуюся со Стефаном де Блуа за корону Англии. Анна Ярославна, чистокровная русская, дочь князя киевского и жена Генриха I Французского, после смерти супруга почти десять лет оставалась правящей регентшей при малолетнем сыне Филиппе, утратив статус только после второго замужества за графом Раулем де Крепи. Жена Филиппа I, Бертрада де Монфор, тоже играла пусть и негласную, но весьма значительную политическую роль.



Не менее активно и успешно правила Францией королева Адель де Шампань, третья жена Людовика VII, после Алиенор Аквитанской и Констанции Кастильской — от власти ее отстранил сын, Филипп-Август, с наступлением совершеннолетия. Жанна Бургундская, супруга не обладавшего особыми талантами и сильным характером Филиппа VI де Валуа, показала себя неплохим специалистом в области экономики и руководила правительством Франции, пока муж сражался с англичанами. Бланка Кастильская, мать Людовика IX Святого, овдовев, столкнулась с мятежом феодалов и сумела навести порядок в государстве, действуя жестко и беспощадно — она получила прозвище «женщина-вираго», что можно перевести как «бой-баба». Наконец последней регентшей в интересующую нас эпоху являлась Изабелла Баварская, правившая королевством во время душевной болезни мужа, короля Карла VI Безумного.

Известнейшая писательница и поэтесса XIV–XV веков Кристина Пизанская в «Письме королеве Франции Изабелле Баварской» излагает тезисы, которые можно квалифицировать едва ли не как феминистские: *«...Королева, это величественная, почитаемая, благороднейшая, могущественная, суверенная фигура. Она является лекарством для королевства в тяжелые времена, матерью и утешительницей для подданных и народа. Она — вестница мира, последний источник сострадания, доброты, великодушия, милосердия. Исходя из заслуг, достойная правительница помимо официальной церемонии подлежит второй коронации символического свойства — “честью”*». Причем слово «честь» в данном контексте подразумевает честь социальную, а не сексуальную — ответственность перед обществом и Богом.

Сама Кристина Пизанская по крови к высшей аристократии не принадлежала, хотя ее отец Томмазо подвизался астрологом при дворе короля Карла V. Овдовев и оставшись с тремя детьми на руках, она поступает весьма странно для



Юпитер и его дары. Кристина Пизанская «Послание Офее Гектору».
Французский язык. XV век



Воинственная Минерва с мечом, и мудрая Афина Паллада с книгой благословляют своих последователей. Кристина Пизанская «Послание Офее Гектору». Французский язык. XV век



своего времени: вместо повторного замужества Кристина Пизанская сосредотачивается на литературе, благо у ее таланта имелись влиятельные поклонники наподобие герцога Жана I Беррийского Великолепного — большого ценителя искусств. Теперь представим коллизию: женщина в конце XIV века твердо решает зарабатывать на жизнь сочинительством — в эпоху, когда книгопечатание еще не изобретено, а рукописи переписываются в монастырях или по заказу богатых дворян. Однако Кристина вполне преуспела на литературном поприще, в частности, создав интереснейший труд «Книга о Граде Женском» от 1405 года, где, к примеру, есть вот такие строки:

«...Утверждение же, будто женицинам недоступно изучение законов, очевидно противоречит свидетельствам о деятельности многих женицин в прошлом и настоящем, которые обладали большими способностями к философии и справлялись с задачами гораздо более сложными, возвышенными и деликатными, нежели писаное право и прочие созданные мужчинами установления».

(Книга о Граде Женском. Книга I. Глава 11.)

И ведь не возразишь. Среди знаменитых писательниц Высокого Средневековья мы видим святых Бригитту Шведскую и Катерину Сиенскую. Глубокое поэтическое и философское наследие оставляет потомкам Хильдегард фон Бинген, ее стихи и песни популярны до сих пор. Неизвестная нам женщина, вошедшая в историю литературы под псевдонимом Компьюта Донацелла ди Фиренце, — первая, ставшая писать стихи не на латыни, а на итальянском языке.

Сохранился огромный пласт мистической литературы, созданной женщинами в монастырях: до нас дошли не менее сотни книг, среди которых стоит выделить «Книгу видений» францисканки Анджелы да Фолиньо. Мария Французская,



Настольные
игры
в Оксфорде.
Иллюстрация
из средневекового
манускрипта



много лет проведшая при дворе Алиенор Аквитанской, в XII веке становится настолько популярной поэтессой, что едва ли не затмевала славу Кретьена де Труа — выдающегося трубадура своего времени. Можно упомянуть Каstellоцу Кастильскую или Флорению дель Пинар, авторов куртуазной лирики.

А сколько имен мы не знаем и сколько рукописей, созданных женщинами, утеряно с течением столетий?

Словом, недостатка женщин в литературе Средневековья не наблюдалось, скорее наоборот. Но оставалась еще и наука — и не надо кривых усмешек, наука в те времена вполне успешно развивалась, хотя и не достигла сияющих вершин. В конце концов, никто не обвиняет античных римлян в том, что они не изобрели атомный реактор или вакцину от оспы, а ученых эпохи Возрождения не клеймят за отсутствие полетов в космос: всему свое время. Основное «женское» ремесло эпохи — медицина, хотя бы потому, что именно монастыри являлись центрами медицинской помощи и ухода за больными или ранеными. Отсюда пристальное внимание ученых монахинь к ботанике и классификации растений, минералогии и прочим сопутствующим дисциплинам.

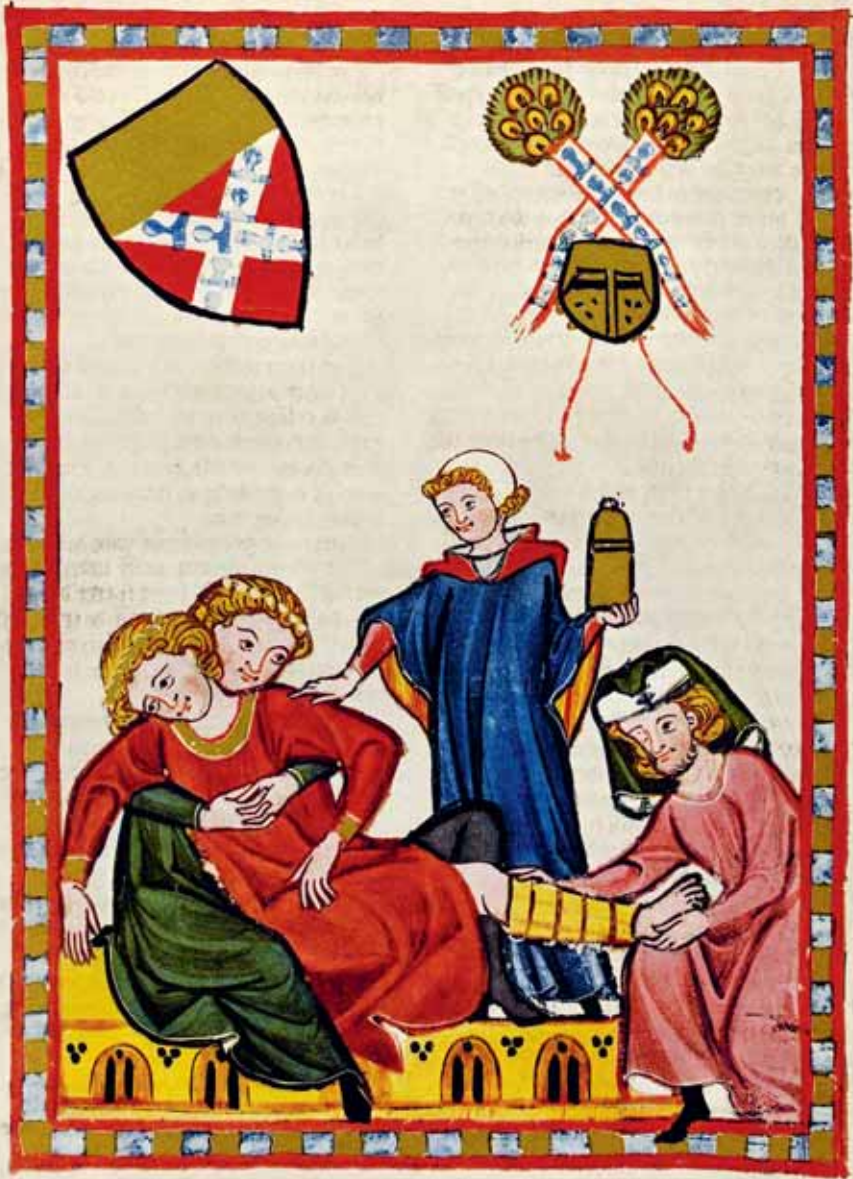
Выше мы упоминали о Тротуле из Салерно, в XII веке написавшей подробный трактат по проблемам акушерства



и гинекологии — да, он был основан на трудах римлянина Галена, однако являлся первым в Средневековье самостоятельным научным произведением на данную тему, причем использовался трактат весьма широко, о чем свидетельствует немало сохранившихся копий. Дошли сведения об Абелле ди Кастелломата, также преподававшей во врачебной школе Салерно, но несколько позднее, в середине XIV века; ее тексты не сохранились. Ребекка де Гуарна в это же время пишет свои сочинения о человеческом плоде. Да и в целом именно Салернская школа впервые после Рима выделяет фармакологию в отдельную науку...

Медициной занималась и Хильдегард фон Бинген — ее интересы не ограничивались стихами, музыкой и философией. Она была весьма разносторонней женщиной, мимо внимания Хильдегард не прошли вопросы об атмосферных явлениях, смене времен года, строении Вселенной, свойствах металлов и минералов, животных и растений. Конечно, ее сочинения выстраивались по общепринятой тогда схоластической схеме: применение античной философии к христианскому вероучению и подтверждению его непреложной истинности, — но их ценность для истории от этого не умаляется.

Как мы видим, для женщин тех времен не были закрыты ни политика, ни литература или наука, ни даже война: пример тому — «амазонки» Алиенор Аквитанской, собравшиеся в крестовый поход. Бесспорно, доступ в эти сферы имели только представительницы высших сословий и монашества, тогда как для низших классов уделом оставался труд. Однако в городах все больше женщин вовлекалось в процесс ремесленного производства, что требовало определенных профессиональных знаний, экономических навыков и достаточной образованности. В Парижской налоговой переписи 1292 года названы 172 профессии, которыми владели представительницы прекрасного пола, 6 цехов из 120 были исключительно





женскими; согласно аналогичной переписи 1313 года доля женщин среди налогоплательщиков составляла в городе 11,6%. Профессиональный разброс был весьма широк:

«...изготовление свечей, обуви, одежды, галантерейных (например, шляпок, перчаток) и скорняжных товаров, скобяных изделий (иглолок, булавок, ножниц и ножей), продуктов питания. Они держали постоянные дворы, таверны, были ювелирами, менялами, уличными торговцами, мойщиками, привратниками, банщиками, акушерками, врачами, мельниками, иллюстраторами книг, переплетчиками и позолотчиками, жонглерами, музыкантами и акробатами. Сохранились упоминания даже о женищинах-кузницах и каменщиках».

(Т. Б. Рябова. Женищина в истории западноевропейского Средневековья, 1999.)

И уж совершенно очевидно, что эти бизнесвумен обязаны были как минимум уметь считать деньги и поставить свою подпись в налоговой книге городского прево — а то ведь вороватый чиновник короля не преминет обсчитать бедняжку!

Впрочем, никто не отменял и летописных «принцесс, запертых в башне». Разумеется, таких принцесс отправляли в мрачное узилище исключительно в вопиющих случаях, наподобие описанных Морисом Дрюоном страстей, разгоревшихся из-за измены мужьям Бланки и Маргариты Бургундских с королевскими конюшими Филиппом и Готье д'Онэ — последние умерли далеко не самой приятной смертью, а обеих виновниц скандального адюльтера заточили в замок Шато-Гайар.

Нормальные же принцессы занимались тем, чем принцессам заниматься и положено: светскими развлечениями, игрой в куртуазную любовь, охотой и — иногда — политическими интригами. Но для того чтобы все перечисленное



Минерва дарует доспехи своим храбрым рыцарям.

Кристина Пизанская «Послание Офеи Гектору» Французский язык. XV век



делать правильно, в соответствии с культурой и этикой эпохи, следовало получить образование, описание которого из XIII века до нас доносит Жак д'Амьен: дама должна овладеть грамотой, чтобы читать романы; уметь писать, чтобы отвечать на записки возлюбленных; играть в шахматы, поддерживать остроумную светскую беседу, петь и играть на различных инструментах.

Не так уж и плохо для «мрачного» Средневековья.



Кратко осветим вопрос детства и взросления.

Если мы хотим привести наиболее показательный пример, то следует вновь отправиться в раннесредневековую Исландию и припомнить историю, изложенную в «Саге об Эгиле», повествующей о жизни знаменитого скальда Эгиля Скаллаgrimссона.

На дворе X век, ориентировочно 907 или 908 год. Эгиль со своим приятелем Тордом из Гранастадира (двор Грани) отправился играть в мяч на луг у берегов реки Квитау — своеобразный аналог футбола у древних исландцев был невероятно популярен. Ради игры собралось много людей, и взрослые и дети, последние гоняли мяч отдельно по понятным причинам: правила были жесткие, могут и зашибить ненароком, если полезешь играть к большим парням.

Эгиль вышел против более сильного противника по имени Грим, сын Хегга, отчего предсказуемо проигрывал. Кроме того, Грим бравировал своим превосходством в силе, что было обидно. Рассердившийся Эгиль попытался ударить Грима, но тот повалил Эгиля на землю и хорошенько вздул, добавив, что задаст ему еще крепче, если Эгиль не научится хорошим манерам. Свидетели этой сцены освистали поверженного Эгиля и насмехались над ним, что только подлило масла в огонь.



Эгиль, утирая кровавую юшку, ушел с поля, отыскивал друга Торда и объяснил, что произошло. Торд не долго думая сказал, что за подобное унижение надо отомстить, и дал Эгилю свой топор. Грим, сын Хегга, как раз метнул мяч, и другие игроки бросились за ним, а Эгиль подошел к Гриму и всадил топор глубоко в голову обидчика, убив на месте. После чего Эгиль и Торд вернулись домой.

Исландские саги в абсолютном большинстве случаев очень точны — устная традиция скрупулезно передавала все подробности, начиная от топонимов и личных имен до возраста участников событий. Так вот, Эгилю на момент вышеописанного инцидента было 7–8 лет, его дружку Торду не меньше 14 (раз он уже носил боевое оружие), а получившему за хамство топором по голове Гриму — 10–11 лет.

Кошмар, ужас и жуть? Да ничего подобного! Дома Эгиль встретил некоторое непонимание со стороны отца: *«Скаллаgrim был им не очень доволен»*. Оно и понятно, могли возникнуть неприятности наподобие кровной мести или выплаты большой виры за убийство. Мать, Бера Ингварсдоттир, наоборот, всецело действия Эгиля одобрила и заявила, что из него выйдет добрый викинг и, когда сын подрастет, ему следовало бы дать боевой корабль.

В общем, тогда эта история решительно никого не удивила и не шокировала. Дело житейское.

Слышу хор возмущенных голосов: это же дикие викинги! язычники! дремучая Исландия и некультурный X век! Столь варварские выходки наверняка были естественной частью их звериной натуры! Теперь-то понятно, почему они несколько столетий жгли, грабили и убивали, если их детям такое позволялось!

Возражение: дикость викингов, исландская дремучесть и языческая жестокость здесь абсолютно ни при чем. Причина — как поведения Эгиля, так и одобрения его поступка со



Средневековые игры в снежки. лист из манускрипта около 1510 года.



стороны матери — кроется совсем в другом: его считали *взрослым*. И он *сам считал себя взрослым*, действуя в соответствии с общепринятой у взрослых исландцев схемой поведения: обидели — отомсти. Случись же Эгилю в свои 8 лет, проливая горькие слезы, прийти к родителям и начать ябедничать на негодного Грима, расквасившего бедному ребенку нос, Скаллаgrim и Бера сперва ничего бы не поняли, а потом лично выдали бы отроку топор или что потяжелее: пускай чадо само разбирается, при чем тут мы?!

Давайте выяснять, в чем тут загвоздка.

Не столь давно мы говорили о заниженной планке детства в эпоху Средневековья — как у дворян, так и у простецов. Это во-первых. Во-вторых, давайте вспомним «маркировку» возрастов от Бернара Гурдонского: до 14 лет условное «детство», потом сразу «зрелость». Понятия «подросток» как некоего переходного возраста между ребенком и взрослым тогда не существовало в принципе — каждый из возрастов статичен и изолирован от других периодов жизни.

Детей и взрослых различали очень просто — смотрим приведенный пример с Эгилем. Можешь взять топор и зарубить оппонента? Значит, взрослый. Не можешь (еще не можешь) — ребенок. Если же человека считали взрослым, то никаких скидок не делалось — оправдать свои неразумные, бестолковые или преступные действия «малолетством» было решительно невозможно. Или — или, никакой середины, про «переходный возраст» и связанные с ним «проблемы» ты будешь семейным психологам через тысячу лет рассказывать...

Может быть, в средневековой Франции дела обстояли иначе, а дохристианская Исландия со столь кровавыми детскими жертвами являлась лишь досадным исключением? Обратимся к исследованию французского историка Филиппа Арьеса «Ребенок и семейная жизнь при старом порядке» — пожалуй,



*Игра
на качелях
в Оксфорде.*

первому в XX веке подробному труду, посвященному истории детства от Средневековья до Нового времени. Выводы Ф. Арьес делает, скажем прямо, отчасти шокирующие: в ту эпоху люди не задерживают своего внимания на детском периоде жизни, поскольку он не представляет для них ни малейшего интереса и даже не является частью реальности.

Доказательств тому предостаточно. Прежде всего — анализ средневекового искусства X–XIII веков, вообще не освещавшего тематику детства и такового абсолютно не замечавшего. На всех дошедших до нас миниатюрах дети ничем не отличаются от взрослых — одежда, лица, жесты ровно такие же, как у взрослых персонажей, иные только размеры. В уникальных случаях, когда изображается обнаженная детская натура (Арьес приводит пример из Псалтыри св. Людовика из библиотеки Лейдена, от 1190 года), рисуют маленьких



Мадонна с младенцем на престоле с ангелами; Мастер Варлунго (итальянский, флорентийский, около 1285 г. — около 1310 г.)



взрослых: мы видим у младенца Исмаила, сына Авраама, мускулатуру груди и живота, принадлежащие никак не новорожденному, но мужу.

Во всех известных нам источниках до XIII века включительно детская морфология, детские черты отсутствуют напроць — мы постоянно видим мужчин крошечного роста. В XIII веке появляется хоть какая-то дифференциация: «ангел», похожий на мальчика-служку при алтаре, «младенец Иисус», которого мы будем наблюдать на иконах и религиозных картинах вплоть до окончания Ренессанса, и «обнаженное дитя» — аллегория чистой безгрешной души, покидающей тело при наступлении смерти.

На этом, собственно, и все: средневековые живописцы детей игнорируют, они им безразличны. То же самое относится к мемуарной литературе эпохи: авторы практически никогда не описывают период своего детства — исключением является сочинение аббата Гвиберта Ножанского «*De vita sua*» («О своей жизни») начала XII века, где Гвиберт достаточно подробно рассказывает о своих ранних годах. Однако аббат сосредотачивает внимание на своей любви к матери, на религиозно-мистических переживаниях и учебе. Кстати, мать Гвиберта покинула дитя, когда ему исполнилось 12 лет, — ушла в монастырь, посчитав, что сын достаточно взрослый, чтобы позаботиться о себе.

По словам выдающегося советского медиевиста А. Я. Гуревича, «Гвиберт, по-видимому, *пытается осмыслить для самого себя этот трудный период своей жизни и внести порядок в хаос тогдашних переживаний*». Более ничего интересного из данного трактата мы почерпнуть не можем, но, как было сказано, «*De vita sua*» — редчайший уникум, хотя бы потому, что Гвиберт Ножанский вообще взялся описать свое детство. В прочих книгах воспоминаний эта тематика авторам совершенно чужда — будто они родились уже взрослыми...



Отсутствовал и специфический детский костюм, так нам привычный: Средневековье не знало шортиков, матросок, платяиц с бантиками и прочей «детской униформы». Как только младенец вырастал из пеленок, облачали его в точные копии взрослых одежд, скроенных в соответствии с ростом и, конечно же, половой принадлежностью ребенка. Пятилетний сын короля Франции по стилю одежды ничем не отличался от отца и его придворных — это был еще один признак стремительного приобщения к «взрослой» жизни.

Встает вопрос: являлось ли детство в эпоху Средневековья категорически отстраненной категорией социального бытия или нет? Упомянутый выше Арьес полагает: в ту эпоху абсолютно не учитывались психологические особенности детского возраста — это в отличие от Древнего Рима, где система школьного и подросткового воспитания была развита весьма глубоко.

На примере недавней цитаты из Григория Турского, описывавшего массовую эпидемию менингита в раннесредневековом королевстве франков, мы видим, что отношение к маленьким детям со стороны взрослых было не менее нежным, чем в современные времена, — достаточно вспомнить слова св. Григория: *«Мы потеряли милых и дорогих нам деток»*. Однако мы помним, что все западноевропейские королевства (Франция не исключение) ведут свой род от варварских государств, образовавшихся на месте павшего Рима, и некоторые варварские традиции прижились настолько крепко, что им следовали и спустя полтысячелетия после Меровея и Хлодвига.

Одной из таких традиций, присущих германским варварам, являлось воспитание ребенка в чужой семье, что способствовало укреплению связей между влиятельными родами, а при развитии феодальной системы играло важную роль в укреплении позиций семьи и сеньора. Разумеется, такая



*Перенос
близнецов,
иллюстрация
из средневекового
манускрипта.*

форма воспитания прежде всего относилась к мальчикам, из которых должны были вырасти не только храбрые рыцари, но и верные вассалы. Арон Яковлевич Гуревич утверждает, что *«отношения между воспитанником и воспитателем нередко были более тесными, нежели отношения между сыном и отцом»*; это подтверждается многочисленными средневековыми свидетельствами, хрониками и мемуарами.

Впрочем, существовала и домашняя система воспитания, но касалась она исключительно старших сыновей, наследующих по майорату. А поскольку семьи были многодетными и последующие сыновья не наследовали, зачастую их в малолетнем возрасте отдавали в монастырь — карьера на церковной стезе считалась не менее достойной и выгодной для семьи, чем карьера светская. Многие из выдающихся схоластов, ученых и писателей Средневековья обладали самым благородным происхождением, но в мире господства майората места им не находилось. Таких молодых людей принимала в свое лоно Святая Мать-Церковь и позволяла



полностью реализовать свои интеллектуальные возможности. Мы помним, что центрами учености и книжничества являлись именно монастыри, а обладай ребенок достаточным талантом, усидчивостью и хоть капелькой честолюбия, можно было бы просквозить не то что в аббаты или епископы, но даже в кардиналы, а то и в римские папы — папа же обладал властью, не сравнимой с влиянием любого из светских владык.

Однако все вышеперечисленное относится к дворянским семьям — сиречь к меньшинству. Средний класс, а именно горожане, также отдавал детей на воспитание коллегам по цеху, что означало ранний и достаточно тяжелый труд: вспомним приведенную выше статистику о травматизме городских детей. На селе дела обстояли значительно проще: чем больше рабочих рук в семье, тем выше шанс снять неплохой урожай и быстрее закончить сезонные работы, зачастую подразумевавшие еще и барщину. Как только крестьянский ребенок становился «дееспособным», то есть начинал ходить на своих двоих, соображать и помогать по хозяйству, он вливался в дружный семейный трудовой коллектив.

Арьес трактует средневековую цивилизацию как «цивилизацию взрослых» — на примере Эгиля Скаллагримссона мы видели, что мальчишка был полностью подготовлен для того, чтобы совершать взрослые поступки, а родители и окружающие соответственно к таким поступкам относились. Но это не означает, что «воспитание» как таковое отсутствовало вовсе, а период детства ориентировочно до семи-восьми лет был безрадостным и беспросветным. Археологами найдены детские игрушки той эпохи, а это означает, что отроков вовсе не оставляли без внимания. Однако и тут есть своя специфика — с чем играл семилетний мальчик-дворянин? Разумеется, с оружием, пускай и не заточенным. Во многих музеях Европы, включая Санкт-Петербургский Государственный Эрмитаж,



мы можем видеть детские доспехи, совершенно такие же, как у взрослых, но предназначенные для детей совсем небольшого возраста.

Сын короля Англии Эдуарда III Эдуард Черный Принц в 14–15 лет впервые участвует вместе с отцом в короткой фландрийской кампании, а через год более чем успешно командует одной из «баталий» английского войска в грандиозной битве при Креси. Когда часть французской кавалерии прорвалась к позициям Черного Принца, его приближенные отправили к королю гонца, рыцаря Томаса Нориджа, просить о подкреплении. Летописи сохранили весьма показательный диалог между Нориджем и королем:

— Мессир Томас, мой сын умер, или сражен, или столь тяжело ранен, что не может себе помочь?

— Отнюдь, монсеньор, на то воля Бога. Но он ведет жестокий бой. Весьма желательной была бы ваша помощь.

— Мессир Томас, возвращайтесь же к нему и к тем, кто вас послал, и скажите им от моего имени, чтобы они не обращались ко мне ни с какими прошениями, пока мой сын жив. И скажите им, что я им велю: пусть они позволят ребенку заслужить свои шпоры.

Скончался Черный Принц — безусловно, один из выдающихся английских военачальников своего времени — довольно рано, не дожив несколько дней до 46 лет, так и не унаследовав корону. В последние годы жизни здоровье Эдуарда было сильно подорвано — в 1367 году он заразился дизентерией, которая приняла хроническую форму с поражением печени. И в наши времена это заболевание лечится не без труда, а что говорить о медицине XIV века?

Про воспитание девочек мы уже мельком упоминали, и тут есть одна специфическая деталь: девушки в X–XV веках



были несравненно образованнее сверстников мужского пола из дворянской среды (монашество мы исключаем). Девочек обучали письму и чтению, игре на музыкальных инструментах, куртуазной речи. Они читали книги античных авторов и сочинения современников. Отсюда, собственно, и немалое количество женщин-ученых и писательниц, о которых мы рассказывали.

Необходимо упомянуть столь важную составляющую, как религиозный менталитет. Во-первых, главной, основной и всеобъемлющей добродетелью христианина является любовь к Господу, а уж затем ко всем остальным, включая семью и детей. Во-вторых, конечная цель земной жизни predeterminedена при рождении — спасение души после краткого и скорбного мгновения мирского бытия, к чему и следует стремиться всеми силами. Наконец, в-третьих: церковные авторы наподобие Пьера Абеляра достаточно подробно останавливаются в своих сочинениях на теме воспитания и образования детей, но католическая дидактика весьма однообразна, в отличие от дидактики древнеримской.

Что есть младенец? Верно, человеческий отпрыск, автоматически несущий на себе печать первородного греха Адама и Евы. Следовательно, присутствующий первородный грех будет толкать маленького человека к грехам еще большим: непослушанию, мелкому воровству, лжи, своеволию. При потакании сим прегрешениям со стороны взрослых ребенок вступит в пору юности и зрелости уже с вполне солидным багажом отягчающих совесть поступков. Что дальше? Разумеется, блуд, винопийство и чревоугодие, гневливость и все прочие неприглядные качества, присущие человеку повзрослевшему. И весь этот кошмар, ведущий к вечной погибели и геенне огненной, проистек от того, что в свое время ребенка строжайше не наказали за похищенный с кухни пирожок или дремоту во время мессы.



Лист из
манускрипта.
Швейцария,
1484/85

Средневековые авторы, писавшие о воспитании, заостряют внимание прежде всего на наказании — и наказания были суровые. Лишение пищи — это еще терпимо, пост полезен. Розги (кстати, прекрасно выполнявшие свою назидательную функцию вплоть до начала XX века) являлись обыденностью, никого не удивлявшей. Воровство каралось куда более беспощадно — сейчас мы удивляемся, как в Англии XVIII века могли вешать детей за кражу нескольких шиллингов, а ведь традиция эта напрямую проистекает из эпохи Высокого Средневековья.

Разумеется, казнь за столь серьезные проступки применялась исключительно к представителям низших слоев общества,



Иллюстрация
из средневекового
манускрипта
«Роман
о Розе»; 15 век,
Франция.

но за злодейское похищение того самого пирожка могли посадить на хлеб и воду даже герцогского сыночка, а уж выпороть чадо его светлости было делом самым благим и богоугодным. Так дворянин себя не ведет — сегодня пирожок, а завтра казнокрадство или трусость на поле боя?

Средневековый ребенок не был полностью оторван от жизни общества, как это зачастую происходит в наше время. Детей не «берегли» от суровой правды жизни — присутствие отроков и отроковиц на публичных казнях и экзекуциях было явлением самым заурядным и нормальным; считалось, что при детях можно обсуждать любые взрослые проблемы: от секса и политики до вопросов бизнеса или религии. «Целомудрие» эпохи Средневековья тоже весьма преувеличено жуткими рассказами о поясах верности с амбарными замками *на том самом месте* и леденящими кровь наказаниями за прелюбодеяние — бесспорно, если ты спишь



с женой наследного принца или принца крови, то воздаяние последует, и легким оно не будет (мы помним о братьях Готье и Филиппе д'Онэ, прославивших своими амурными похождениями Нельскую башню), но чем ниже была ступень социальной лестницы, тем более легкомысленно люди относились к любовным интрижкам.

В действительности дело обстояло несколько иначе, в чем мы могли убедиться и на примере французских этювов, где распущенное поведение считалось чем-то вполне естественным, пускай и предосудительным. Вопросы секса в привычном нам виде в литературе той эпохи практически не поднимались, а если и поднимались, то исключительно с осуждающих позиций. Но для грубоватого мужского общества, в котором с шести-восьми лет пребывал рыцарский отпрыск, подобные разговоры не являлись запретными.

Видимо, в дамской среде приличия блюлись более строго, однако, если учитывать, что для девочек возраст замужества считался оптимальным с двенадцати-тринадцати лет, некий курс сексуального ликбеза юная девица проходила если не в обязательном, то в факультативном порядке — об этой сфере жизни могли рассказать мать, кормилица, старшие сестры. Так или иначе, подданные короля Франции довольно успешно плодились и размножались, что указывает на отсутствие царства тотальной аскезы и запретных для обсуждения тем.

В завершение хотелось бы сказать, что Высокое Средневековье в плане воспитания детей и восприятия детства как такового существенно отличалось как от Античности, так и от более поздних времен. Древний Рим уверенно полагал детство «особенным возрастом»; римляне отдавали себе отчет в том, что ребенку необходимо не только психологическое, но и физическое развитие, много времени отдавалось спорту и упражнениям, кроме того, существовали как государственные, так и частные начальные и средние школы.

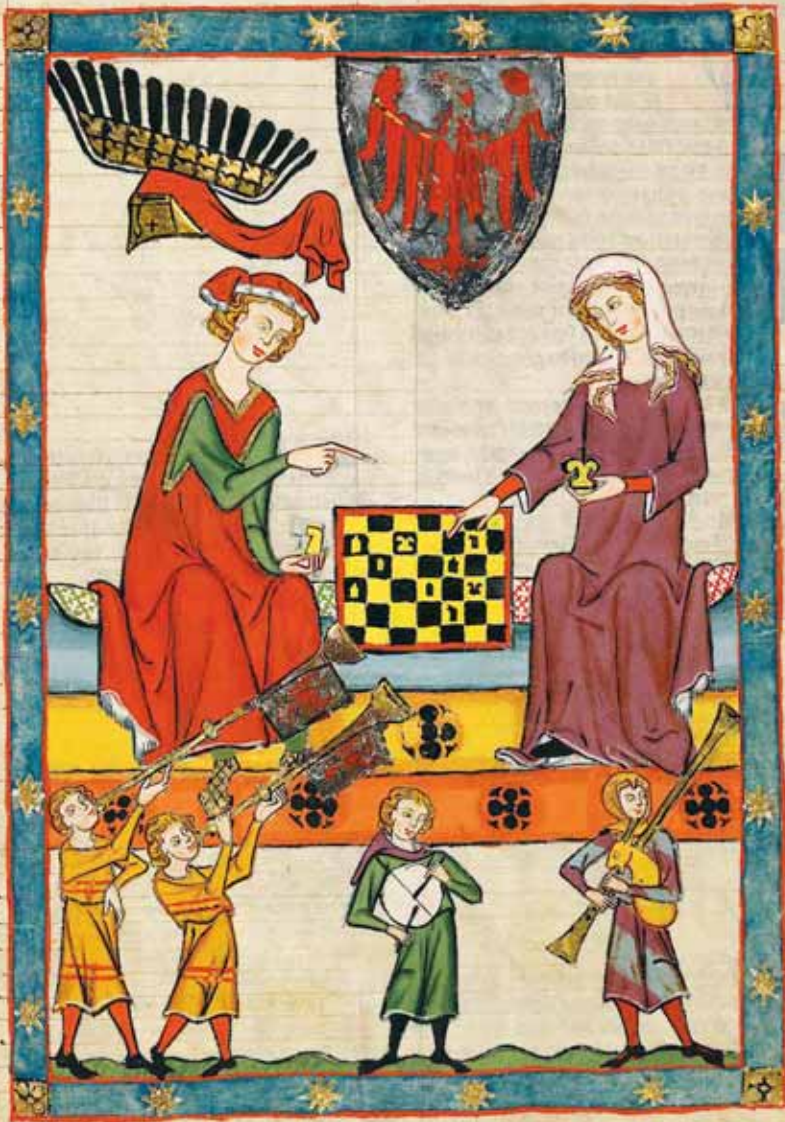


Эта схема была полностью утрачена в течение Темных веков, и примерно к 1000 году закрепились новая концепция: основой является религиозно-нравственное воспитание и воинские упражнения для мальчиков-дворян, когда их обучение всеразличным наукам есть дело второстепенное, отданное на откуп родителям или семье, где вырослел ребенок. В конце концов, если чадо его милости барона не способно даже свое имя написать, но великолепно владеет клинком и вольтижировкой в свои четырнадцать лет, да еще портит крестьянских девок по сеновалам, значит, так тому и быть — вырастет добрый рыцарь. Зачем ему наука? Письмо может секретарь или монах под диктовку написать.

В презируемой дворянством купеческой среде ситуация с грамотностью складывалась иначе — без знания цифири, бухгалтерского учета и законодательства купцом не станешь. Однако основная масса детей в те времена не получала того, что мы называем начальным и средним образованием. Были, конечно, увлекающиеся самоучки наподобие Жюль де Ре, сеньора де Монморанси-Лавала, но это скорее исключение, статистическая погрешность. Свет учености был сосредоточен в аббатствах и епископатах, тогда как прочие сословия не так чтобы накрепко погрязли в дремучем невежестве, но и особой образованностью совершенно не блистали.

Если бы вас угораздило родиться в среднестатистической дворянской семье в 1250 году, с младенчества лет до трех за вами бы присматривала кормилица, а вы были бы совершенно неинтересны своим родителям — ребенок, особенно маленький, недееспособен, а следовательно, полагается существом неполноценным.

«Полноценность» в понимании человека Средневековья подразумевает *отсутствие зависимости от других людей и способность к принятию самостоятельных взрослых решений*. Все прочее — ненормально.



Лист из Манесского кодекса. около 1300, Цюрих



Затем, лет примерно до шести, вы бы возились на ковре или соломе перед камином в главной зале замка с игрушками, выструганными конюхом или пожилым сержантом папашиной дружины, вас изредка одевали бы в парадные одежды и приводили на приемы или брали с собой на охоту, усадив впереди взрослого седла, но в остальном вы оставались бы предоставлены сами себе — можно играть с деревенскими мальчишками, ходить на речку или в лес, обязательно в церковь.

И лишь впоследствии отец, которого вы видите от силы раз в неделю, а то и раз в полгода (поскольку он выполняет вассальные обязанности перед сеньором), сообщает вам, что предстоит переезд в замок светлейшего герцога, где вы сперва будете пажом, пройдете все надлежащее обучение, и далеко не факт, что однажды вернетесь в семейное гнездо...

Мы наблюдаем *мир взрослых*, в котором ребенок не так чтобы совершенно лишний, но и «своим» его никак не назвать. Детство — как досадное недоразумение и пустая трата драгоценного времени.



ЧЕРЕДА КАТАСТРОФ XIV ВЕКА

Ориентировочно с конца XI по начало XIV века расцветает «золотая эпоха» европейского Средневековья. Достигнут сельскохозяйственно-демографический баланс, обширные пахотно-посевные площади способны прокормить растущее население и делать запасы зерна, численность крупного рогатого скота резко возрастает (а с ним и объемы удобрений на полях), климат стабилен — продолжительное теплое лето, умеренные осадки, отсутствие продолжительных засух. Европа получила три века комфорта, сытости и благополучия. Никто не отменял ни военных конфликтов, ни крестовых походов, а с ними не самых масштабных эпидемий наподобие вспышек натуральной оспы или детских инфекций. Но все эти эксцессы не носили глобального характера и не вызывали в жизни католического мира каких-либо чувствительных сдвигов.

Как уже было сказано, стабильность и процветание аграрной экономики способствовали резкому подъему культуры и искусства. Мы наблюдаем расцвет готики и светской куртуазной литературы, серьезный прогресс в богословии и схоластике, возрождение интереса к Античности и взаимопроникновение арабской и христианской культур на почве общения крестоносцев Святой земли с сарацинами — с последними вовсе не обязательно было перманентно враждовать, имели место и мирные десятилетия. Именно благодаря арабам в Европу проникает утерянная часть литературного и научного античного наследия.



Belle Époque Средневековья завершилась с немислимой стремительностью, заместившись чередой настолько всеоключающих бедствий, что XIV век вполне справедливо назвать наиболее черной полосой в истории не только Европы, но и всего евроазиатского материка от Китая через Гималаи в Центральную Азию и на Ближний Восток и далее до Португалии и Британии...

Давайте попытаемся отследить хронологию событий и понять, насколько глубоко погрузился во тьму наш материк.

Великий недород

Лето 1314 года выдалось самым обычным. Был снят хороший урожай, «продовольственные хабы» в крупных аббатствах и замках богатых землевладельцев вновь оказались заполнены зерном под крышу, было запасено достаточно корма для скотины на зимний период; рацион француза, как и обычно, дополняли множество овощей и зелени. Ничто не предвещало катастрофы, которая разразится уже в апреле следующего года.

Зима с 1314 на 1315 год оказалась несколько более прохладной, чем за последние годы, но на такие мелочи никто не обращал внимания. Чуть сильнее морозы, чуть больше снега в северных областях — Нормандия, Артуа, Фландрия. Полоса снега, что было не совсем привычным, опустилась южнее линии Тур-Дижон. Весна была поздней, то есть сев пришлось перенести на май, и в этом же самом мае произошло то, чего королевство не видело уже несколько столетий: зарядили бесконечные проливные дожди, температуры более соответствовали ранней весне, чем последнему месяцу перед наступлением лета; озимые или не взошли, или вымерзли — последний



Около 1500.
Июль: Жатва.
Часослов
Генриха VIII,
миниатюрист
Jean Poyer
(Hours
of Henry VIII)

факт являлся очень нездоровым сигналом, означавшим, что часть урожая, безусловно, погибла и следующая зима окажется тяжелой.

Лето 1315 года более напоминало потоп — дожди не прекращались по всей Европе от Британии до Литвы и Польши (хотя южнее Альп, в Италии и Греции, аномалия проявила себя в меньшей степени), поля превратились в сплошное болото, урожай оказался настолько мизерным, что в отдельных областях даже не компенсировал посевное зерно. Аналогичная обстановка была с сенокосом. Заготовить к зимнему сезону достаточное количество фуража не получилось, а это означало очевидную перспективу падежа скота — когда это стало осознанной реальностью, часть поголовья пришлось забить, но и тут возникла очередная проблема: отсутствие нужного количества соли для засаливания мяса. Соль в принципе была дефицитом и доходы тех сеньоров, на землях которых находились солеварни, на продаже этого ценнейшего ресурса росли как на дрожжах. Тем не менее добыча соли с прошествием веков увеличивалась весьма небольшими темпами, покрывая лишь



16 век
миниатюра
из Библии

лии 1315–1317 годов — чем больше осадков, тем годовичные кольца толще и светлее, в зависимости от количества впитанной деревом влаги.

К осени 1315 года стало окончательно ясно, что неурожай достиг фантастических масштабов; разумеется, недород в процентном соотношении разнился от региона к региону, сильнее всего пострадали Франция и Германия, в меньшей степени Восточная и Южная Европа. Цены на хлеб, — а мы помним, что со времен аграрной революции Средневековья, сделавшей выбор в пользу злаковых, как наиболее массового и дешевого продукта, ставка делалась только и исключительно на производство ржи и частично пшеницы, — начали стремительно расти.

стандартные потребности, не подразумевавшие массового забоя скота при чрезвычайных обстоятельствах. Возможно, Франция пережила бы Великий голод, начавшийся в 1315 году, с меньшими потерями, окажись достаточно запасов солины. Значительная часть мяса попросту испортилась...

Дендрохронологические исследования, проведенные в 2015 году американским климатологом Эдвардом Куком из университета Колумбия, подтверждают средневековые известия о неслыханном «потопе». На годовичных кольцах деревьев, растущих во Франции, Германии и Польше, остались яркие следы климатической аномалии



Умеренность и воздержанность; миниатюра из книги Валерия Максима «Относительно морали и обычаев» 1480, Дрезден. Валерий указывает Тиберию контраст между невоздержанностью крестьянами и умеренностью дворян.

Хроники сохранили известия о том, как в сентябре-октябре 1315 года английский король Эдуард II и королева Изабелла Французская, остановившись в аббатстве Сент-Олбанс со свитой, не могли приобрести хлеба — в округе его попросту не было, а запасы монастыря истощились. Если уж муку и зерно не смогли найти для монарха с супругой, то что говорить обо всех остальных? Король Франции Людовик X, собравшийся в очередной поход на Фландрию, вынужден был повернуть обратно, поскольку войско в прямом смысле этого слова увязло в грязище: дороги и поля развезло настолько, что рыцарская кавалерия не смогла по ним пройти.



Снова попытались засеять озимые, ровно с тем же результатом — весной 1316 года они не взошли. Зима была еще холоднее, чем предыдущая, снег сошел только к маю, о посевной думать практически не приходилось: «потоп» продолжался. Хлебный дефицит становится катастрофическим — истощается посевной фонд, поскольку он идет в пищу, подвоз зерна с юга мизерный, цены запредельные. Если год назад призрак голода лишь маячил в отдалении, то сейчас он стучится в любой дом — от крестьянской халупы до парижского замка Консьержери.

У дворян есть «стратегический резерв» — охота в лесных заказниках, куда простецам вход закрыт, да и выложить пяти-, а то и десятикратную сумму за зерно благородные господа вполне в состоянии. Но есть еще и городские жители, в прежние времена твердо убежденные, что благополучное и зажиточное село снабдит город всем необходимым, как это и происходило на протяжении минувших трехсот лет.

В 1316 году положение в городах даже чрезвычайным-то назвать сложно. Продовольствие отсутствует вообще — вспомним о недавнем забое скота, не говоря уже о хлебном неурожае, а равно резком снижении производства овощей: банальную репу или капусту тоже крайне трудно вырастить на грядках, превратившихся в жидкую грязь. Европейская экономика идет вразнос: впервые за многие века случился продовольственный кризис библейских масштабов. Продается все — от ценных вещей до утвари и недвижимости, лишь бы найти необходимый минимум пищи. Средний рост цен на зерно составлял 320% по сравнению с 1314 годом, то есть буханка черного хлеба, сейчас стоящая в России в среднем 35 рублей, обошлась бы в 120–140 рублей.

Из всего вышперечисленного проистекли уже знакомые нам по голодным периодам X века коллизии. Вспомнилась старинная традиция «выносить детей из дома» и оставлять



Эдуард II; неизв. художник, 1597–1618.



на голодную смерть в лесу, престарелых также выгоняли за ворота, в пищу употреблялись всевозможные суррогаты от лебеды до желудей и древесной коры, наконец, в некоторых областях дело кончилось каннибализмом.

Тут стоит вспомнить об известном всем архетипе «Гензель и Гретель» или, во французском варианте, «Жанно и Марго» — предположительно, эта милая сказочка ведет свой род из Лотарингии, пострадавшей от Великого голода 1315–1317 годов даже поболее, чем другие регионы Франции. Только что в разделе, посвященном средневековому детству, мы упоминали, что ребенок в те времена не был огражден от событий повседневности, и потому «детская сказка» в ее изначальном варианте, появившемся как раз в первой половине XIV века, больше напоминает хоррор авторства Стивена Кинга. Адаптированные версии, принадлежащие перу братьев Grimm и других авторов Нового времени, куда более прилизаны и политкорректны. В описываемую же эпоху похождения Жанно и Марго выглядели следующим образом.

...Началось все с того, что двое детишек случайно подслушали разговор папеньки и маменьки, обсуждавших кулинарную проблему и попутно точивших ножи: как бы зарезать Жанно и Марго и приготовить из них сытное жаркое с подливой. Дети, не будь дурнями, поняли, что голодные родители ничуть не шутят, и довольно резво удрали в лес, причем Жанно-Гензель, как умный мальчик, набрал камушков, чтобы отметить дорогу и вернуться, когда опасность минует.

Прожив несколько дней в лесу на ягодах и желудях, Жанно с Марго окончательно оголодали и решили вернуться в отчий дом — проверить, не изменилась ли ситуация. Изменилась, но не в лучшую сторону: папенька с маменькой где-то раздобыли хлеба (с учетом тогдашних нравов можно предположить, что украли или ограбили путника на дороге), а теперь искренне

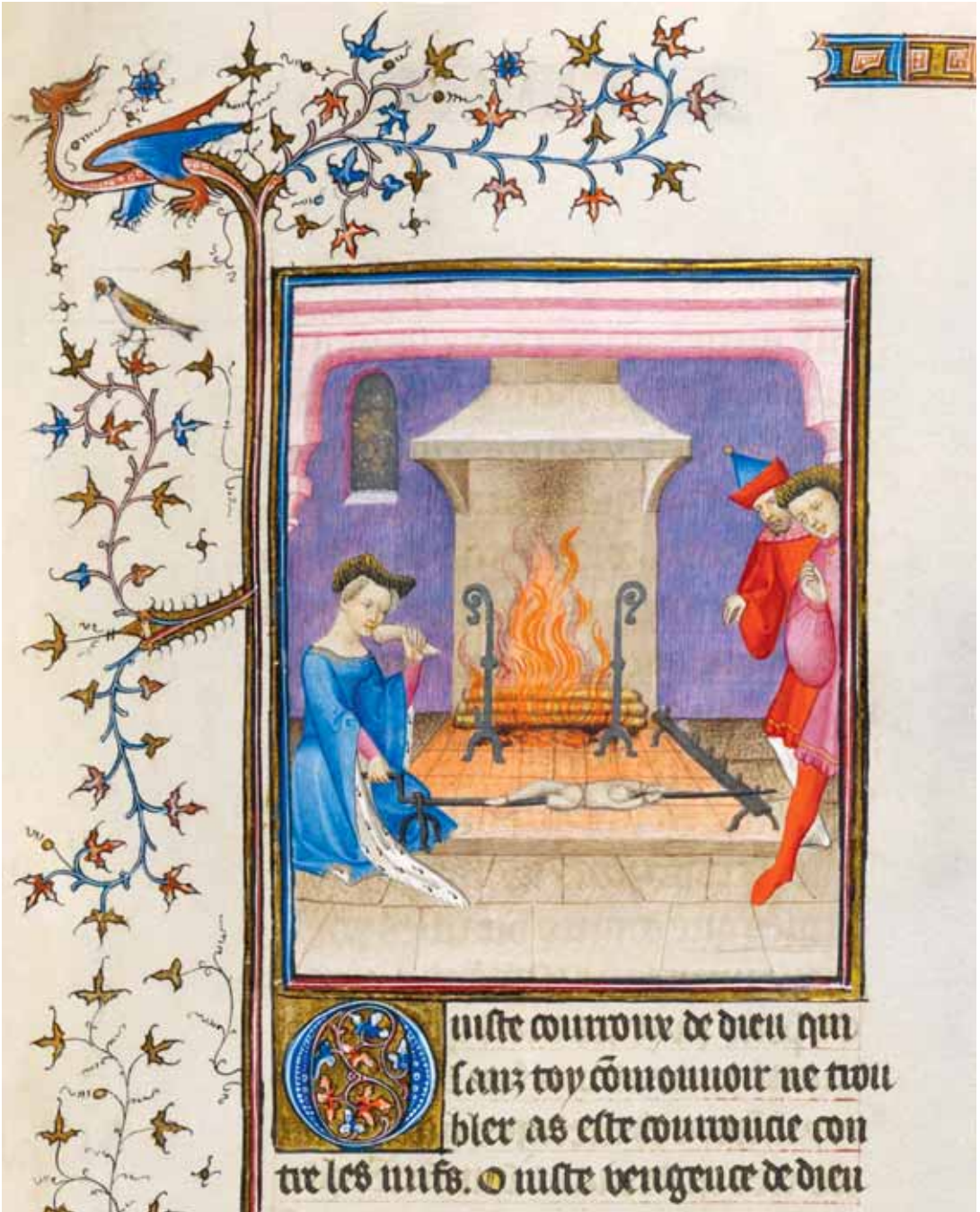


Иллюстрация 1410 года к Боккаччо.



сожалели об исчезновении детишек. Мол, хлеб наличествует, а мясная подлива подло сбежала.

Делать нечего: Жанно с Марго, стащив у родителей остатки хлеба, возвращаются в лес, причем Жанно на этот раз очень недалековидно отмечает дорогу хлебными крошками, которые немедленно пожираются столь же голодными птицами. И — о чудо! — дети наблюдают поразительное зрелище, несбыточную мечту каждого француза, пережившего Великий голод. Домик, сложенный из хлебных буханок! Да еще с наличниками из восхитительных пшеничных булок, которые может позволить себе не каждый дворянин. Дальнейшие события общеизвестны — ведьма, сладости, отправка ведьмы в печку.

Братья Гримм решили пощадить своих современников, не огласив счастливый финал этой занимательной истории. Жанно с Марго набивают мешки частями хлебного домика и с радостным посвистыванием возвращаются домой, где предъявляют добычу умиленным родителям. В числе добычи — не только ржаные и пшеничные булки, но и хорошенько прожаренная ведьма, которую детишки не забыли прихватить к родительскому столу. Далее следует пир горой и хеппи-энд.

С учетом невероятного распространения этого сюжета, навеки вошедшего в народный фольклор, можно понять, сколь сильно Великий голод повлиял на менталитет подданных короля Франции и кесаря Священной Римской империи. Дыма без огня не бывает, а народные сказания чаще всего основаны на реальных событиях, пускай и слегка приукрашенных фантазией. Так что нетрудно себе вообразить двух лотарингских подростков, зимой с 1315 на 1316 год сбежавших из родительского дома, дабы избежать смерти от отцовского ножа, набредших в лесу на домик лесника (отшельника, отшельницы, углежога, егеря и т. д.) и раздобывших себе пропитание столь предосудительным способом...



Ангел-хранитель с зеркальным изображением смерти;
Часослов, Фландрия, Брюгге, с.1460-1470



Ситуация начала выправляться к 1317 году, когда «потоп» закончился. К этому времени число жертв среди европейского населения составляло, по разным оценкам, от 10 до 20%, то есть из примерно 80 миллионов жителей Европы умерли от голода и сопутствующих ему болезней 8–15 миллионов. Точную цифру, скорее всего, мы никогда не узнаем, но потери были весьма ощутимы. Последствия Великого голода удалось преодолеть только к 1322 году при стабилизации урожая и климата.

Однако возвращение хорошей погоды оказалось лишь кратковременной иллюзией. Климатический маятник вновь качнулся. Мы уже рассказывали о похолодании Железного века в период ранней Римской республики, затем наступил Римский климатический оптимум, после него — раннесредневековый пессимум, и в итоге — климатический оптимум Средневековья. Холодная аномалия 1315–1317 годов просигнализировала Европе о наступлении длительного Малого ледникового периода, продолжавшегося вплоть до XIX века.

Эпоха благополучия закончилась. Зимы постепенно становились длиннее и холоднее, Джованни Боккаччо в своих сочинениях упоминает о том, что снег выпадал «даже в Италии» — явление, невиданное на протяжении столетий.



Ненадолго вернемся на крайний северо-запад Европы, а именно в Исландию и окрестности. Похолодание, начавшееся в 1315 году, послужило причиной гибели целой страны, о чем непременно следует упомянуть.

Приблизительно в 980 году от Р. Х. исландский викинг Эрик Ройди (Рыжий) был изгнан с острова за многочисленные преступления в составе организованной группы лиц — вы уже знаете, что Исландия по тем временам являлась страной



Цветная иллюстрация, лист из Хроники 1457 года; Австрия



эмигрантов, обладавших весьма буйными нравами, уравновешивающимися исключительно законами, принимаемыми общим советом — тингом. Даже по меркам древних исландцев Эрик Ройди был настолько необуздан и гневлив, что по решению тинга его выперли за пределы страны, лишь бы убрался побыстрее и подальше.

Эрик отлично понимал, что вернуться в континентальную Европу абсолютно невозможно — все земли заняты, да там его никто и не ждет. Вариантов было два: гипотетически существующий Винланд (сиречь Северная Америка и Ньюфаундленд) или неизвестная земля, которую в ясную погоду и в наши дни можно увидеть в солнечный день с горки возле современного исландского города Исафьордур. Чисто теоретически этот берег исландцам был известен — несколько десятилетий назад Гуннбьорн из Норвегии оказался возле той загадочной земли, сообщил, что берег изрезан фьордами и шхерами, но остаться там не пожелал: омываемая Гольфстримом теплая Исландия была куда комфортнее для проживания.

Делать нечего, с решением тинга не поспоришь: если ослушаешься, убьют и вырежут родичей. Эрик Ройди со своим семейством и соратниками отправился на север взглянуть, что же это за земля такая. С собой он прихватил не только чада со домочадцы, но и домашний скот, инструменты, походные кузны и прочие необходимые для основания очередной скандинавской колонии вещи. Новое место ему настолько понравилось, что вторично открытую землю он поименовал «Грайнланди», Зеленая земля — средневековый климатический оптимум превратил побережье в поросшие густой травой равнины, идеально приспособленные для выпаса овец и низкорослых исландских лошадок; ничейных территорий для заселения было предостаточно.

Позже Эрик рассказывал, что за три года изгнания он не встретил в Грайнланди ни единого чужого человека, во



фьордах было предостаточно рыбы, китов и тюленей, а значит, никаких проблем с пропитанием не возникало. Больше того, обжившие Грaйнланди викинги в экономическом плане вполне процветали: моржовый клык, тюленьи шкуры, вяленая рыба пользовались неплохим спросом в Европе, импортировалась же в основном древесина, поскольку леса в Грaйнланди отродясь не было...

Рассказывать дальнейшую историю скандинавских поселений на острове, который после Эрика Рыжего навсегда вошел в историю как Гренландия, мы не будем — кто желает, может поинтересоваться самостоятельно. Достаточно сказать, что колония была столь обширной, что в 1126 году, уже после христианизации, в поселении Гардар было основано епископство, на острове сооружены минимум пять христианских храмов, а сама колония в Грaйнланди аж до 1261 года являлась независимым государством с традиционной для скандинавов «республиканской» формой правления, где все вопросы решал тинг. Потом гренландцы присягнули норвежскому королю.

В XIV веке наступает Малый ледниковый период. Соседям-исландцам похолодание угрожает мало — вспомним о Гольфстриме, который, к сожалению, до Гренландии «не добивает». Кроме того, в Исландии предостаточно горячих источников и еще не вырублены окончательно реликтовые леса, исправно снабжающие население древесиной. На безлесном севере ситуация складывается куда хуже. Стремительно наступают ледники, снижаются посевные площади, урожаи все более бедны, зимы холодные и снежные. Одно из крупнейших гренландских поселений (Западное) пустеет к 1350 году. 28 лет спустя Гардарское епископство упраздняется, а церковные диоцезы ликвидировались только в одном случае — при отсутствии прихожан. Финальное свидетельство о гренландцах эпохи Средневековья датируется 1408 годом — запись



о браке в церковной книге последнего гренландского прихода Хвалси.

Вполне процветающая древнескандинавская республика в Гренландии прекратила свое существование менее чем за 70 лет, и причиной тому было очередное изменение климата в северном полушарии. Французам, немцам и датчанам следует поблагодарить Господа Бога за то, что их не постигла судьба потомков Эрика Ройди — вымерших, а точнее, вымерзших после того, как холод вновь окутал Северное полушарие. Бесспорно, с исчезновением колонии викингов в Гренландии могли быть связаны и другие обстоятельства — к примеру, вражда с появившимися на острове эскимосами-инуитами, сокращение спроса в Европе на рыбу и моржовый клык или невозможность строить собственные корабли (вся древесина импортировалась), но центральным фактором все-таки остается климатический.



Доселе продолжают споры о возникновении природной аномалии 1315–1317 годов, вызвавшей панъевропейский Великий голод. Мы уже описывали похожую историю, случившуюся в 535–536 годах и зафиксированную большинством европейских летописцев, но тогда наблюдалась пылевая взвесь в атмосфере («голубоватое солнце»), что со значительной долей вероятности свидетельствует о мощнейшем вулканическом извержении или падении метеорита. Вероятнее всего, события 1315 года связаны с другими глобальными природными изменениями: учеными называются замедление течения Гольфстрима или снижение солнечной активности, но опять же — это лишь догадки.

Твердо известно одно: «потоп», продолжавшийся два года, действительно имел место, ранее подобное явление не



*«Жизнь
Богородицы»
16 век
миниатюра
из Библии.*

наблюдалось (если и наблюдалось, то в хрониках не зафиксировано), а последствия оказались настолько серьезны, что ранее стабильная и сбалансированная европейская сельскохозяйственная экономика не выдержала кризиса, невзирая даже на достаточно прогрессивные по меркам эпохи инновации, реализуемые с XI века, — сиречь обязательный посевной фонд и создание резервных запасов.

Увы, средневековая аграрная революция так и не выработала у экономической модели иммунитета к сверхчрезвычайным



Трое живых
и трое
мертвецов;
Часослов,
Франция,
1490–1510

событиям — одно дело война, пусть даже продолжительная и истощающая ресурсы, и совсем другое — внезапная и долговременная климатическая аномалия, способная всего за пару лет выбить из равновесия сложившийся веками уклад и уничтожающая прежде всего незащищенное от подобных эксцессов городское население. Основные потери от Великого голода наблюдались именно в городах; на селе выжить было трудновато, но все-таки шансов оставалось больше.

Европу посетил первый из четырех всадников апокалипсиса — Голод, который привел с собой второго, с именем Смерть. Оставалось дожидаться еще двоих: всадника на красном коне — Войну и всадника на коне белом — Мор.

Оба не заставили себя ждать.



Всадник на белом коне

Как это произошло?
Почему это произошло?

Отчего на род человеческий пало столь тяжкое проклятие?

На все эти вопросы доселе нет внятного ответа. Однако истина бесспорна — никогда прежде и никогда в историческом будущем вплоть до сегодняшнего дня наш биологический вид не получал настолько грозного и всесокрушающего удара, способного поставить на грань выживания *Homo sapiens*. В записанной истории это был первый и, надеемся, единственный случай, когда цивилизация стояла на самом краю, на кромке: еще полшага — и тогда мы все обрушились бы в бездну, из которой нет возврата.

...В августе 2013 года из Ак-Суйского района Киргизии, прилегающего к китайской границе, пришло настораживающее известие: подросток, поймав сурка, не нашел ничего лучше, как его освежевать и сделать сурчинный шашлык. Не будем останавливаться на гастрономической ценности этого блюда, скажем лишь, что юный гурман вскоре почувствовал себя дурно, резко поднялась температура, воспалились лимфоузлы, а врачи, к которым обратился любитель жареных сурков, с ужасом констатировали: это бубонная чума, вызываемая палочкой *Yersinia Pestis*. Дело закончилось смертью пациента, отдельно заметим, далеко не самой легкой. В округе пришлось ввести строжайшие карантинные меры — как и много столетий назад, в настоящее время чума остается до крайности заразной и, невзирая на все достижения цивилизации, лечится с немалым трудом.

Видимо, нечто похожее произошло в промежутке между 1320 и 1330 годами, когда эпидемия чумы начала распространяться из Центральной Азии на восток; вполне возможно, что природный очаг находился как раз там, где произошел инцидент 2013 года. В любом случае, недалеко.



Ни единая летопись или хроника не сохранила имя того человека, с которого, собственно, и начался повальный мор. Совершенно очевидно, что жил он не в отдаленной изолированной деревне; вероятно, это был или караванщик, проходящий по Великому шелковому пути, просто путешественник, монгольский нукер, — так или иначе, самый первый носитель чумы достаточно общался с другими людьми, чтобы передать заразу, и тоже был любителем мяса сурка. Эти зверьки являются природными носителями чумной палочки, которая при употреблении сурков в пищу (или использовании их шкур) моментально передается человеку.

До катастрофических событий в Европе оставалось еще почти 20 лет. Первый удар Черная смерть нанесла по Китаю — хроники утверждают, что в провинции Чжили (ныне Хэбэй), расположенной в нижнем течении Хуанхэ, умерли почти 90% жителей; ориентировочно это произошло в 1331 году. Примерно в это же время чума поражает Монголию, проникает в Индию, уничтожает войнство султана Дели Мухаммада ибн Туглака и постепенно начинает распространяться далее на запад. Нет никаких известий о чуме в Корее и Японии, по всей видимости, эти страны, изолированные от континентального Китая, не пострадали.

К 1338 году чума возвращается к озеру Иссык-Куль и почти поголовно истребляет местную общину несториан (парахристианское учение, закрепившееся на Среднем Востоке) — в XIX веке археологами отмечено невероятно большое количество могил несториан, обитавших в районе Иссык-Куля, датированных 1338–1339 годами. Двумя годами позже чума появляется в Самарканде, Бухаре и Хиве, а за следующие пять лет распространяется вплоть до Дона и Волги, уничтожает жителей столицы Золотой Орды Сарай-аль-Джидид, о чем упоминается в позднейшем русском летописном своде 1497 года:



Рисунок, неизвестный автор, Германия, 16 век.



«Бысть мор силен под восточную страну: на Орначи, и на Азсторокань, на Сарай, на Бездежь, и на прочие градъы во странах тех, на босурмене, на Татары, на Орменъы, на Обезы, на Фрязи, на Черкасцы, яко не бысть кому погребати их».

Удивительное дело, но чума не стала распространяться на север, в сторону русских княжеств. Какой фактор здесь сыграл, сложно сказать — между Русью, находившейся в лесистом регионе, и Золотой Ордой располагались пространства Дикого поля, сиречь приволжских и донских степей. Возможно, что в 1346 году, когда чума опустошила Сарай-аль-Джидид, контакты между Ордой и их русскими данниками сошли на нет и ни единый носитель Черной смерти так и не попал на север? В любом случае распространение мора остановилось на границах Дикого поля, и чума выбрала юго-западную дорогу.

К 1346 году эпидемия также вспыхивает в Крыму, и ее причины до сих пор весьма сомнительны. Обычно приводятся свидетельства генуэзца Габриэля Мюсси, находившегося тогда в Каффе (ныне Феодосия), осажденной золотоордынским войском под командованием Джанибека, хана из рода Чингизидов. Якобы повальный мор начался в ордынском войске, и хан приказал забрасывать части трупов умерших в крепость с помощью катапульт, отчего в Каффе моментально началась эпидемия. Однако современные исследователи относятся к словам Мюсси с определенным скепсисом, поскольку основной путь распространения эпидемии — это крысы и блохи. Так или иначе, Джанибек предпочел отступить: армия была серьезно истощена болезнью и взятие принадлежавшей генуэзцам Каффы не представлялось возможным.

Далее, по мнению Мюсси, чума на генуэзских кораблях распространилась на Константинополь, Анатолию, Балканы и, наконец, Италию. Кроме того, появился второй смертоносный ручеек: Черная смерть вместе с караванами начала



Чума. Фрагмент миниатюры из итальянского манускрипта «Падуанской Библии» 1400 года.



проникать из Персии и Месопотамии на Ближний Восток, а оттуда — в Египетский султанат, который также был опустошен.

Дадим слово Умару ибн ал-Варди, Персия:

«В 747 (1346–47 Р. Х.) году приключилась в землях Узбековых чума, (от которой) обезлюдели деревни и города; потом чума перешла в Крым, из которого стала исторгать ежедневно до 1000 трупов или около того. Затем чума перешла в Рум, где погибло много народу», — сообщил мне купец из людей нашей земли, прибывший из того края, что кади Крымский рассказывал (следующее): «Сосчитали мы умерших от чумы, и оказалось их 85 тысяч, не считая тех, которых мы не знаем»».

А вот свидетельство египтянина Махмуда ал-Айни из Александрии:

«О чуме, подобной этой, никто (прежде) не слыхал. Число умерших в Мъисре и Каире доходило до 900 тысяч человек. Оказался недостаток во всех товарах, вследствие незначительности привоза их, так что бурдюк воды обходился в землях Египетских дороже 10 дирхемов... Не стало людей в домах; в последних были брошенные пожитки, утварь, серебряные и золотые деньги, но никто не брал их».

Арабских источников, повествующих об эпидемии, до наших дней сохранилось более чем достаточно, и все они на удивление однообразны: феноменальная смертность, колоссальная быстрота распространения болезни, неслыханная заразность. Ровно то же самое вскорости произойдет в Европе.

Знамения были очень нехорошие. Свидетельство об одном из них следует привести полностью, перед вами выдержка из «Nuova Cronica» флорентийца Джованни Виллани от



Цветная иллюстрация, лист из Хроники 1457 года; Австрия.



1348 года, о катастрофическом землетрясении в Альпах, Италии, Баварии и на Балканах.

«25 января 1348 года Господа нашего в день обращения святого Павла, в пятницу, в восемь с четвертью часов после вечерней или в пятом часу ночи, произошло сильнейшее землетрясение, длившееся много часов, подобного которому ни один из ныне живущих не припомнит... В Венеции городская колокольня треснула пополам и многим строениям пришел конец. Замки Тольмеццо, Дорестаньо и Дестрафитто обрушились почти целиком и задавили много людей. Замок Лембург, стоявший на холме, был потрясен до основания, землетрясение отнесло его на десять миль от старого места в виде кучи остатков. Высокая гора, по которой проходила дорога к озеру Арнольдштейн, раскололась пополам, сделав дорогу непроходимой. Два замка, Раньи и Ведроне, и более пятидесяти усадеб вокруг реки Гайль, во владениях графа Гориччи, были погребены двумя горами под собой, при этом погибло почти все население, мало кому удалось спастись.

В городе Виллахе, при въезде в Германию, обратились в развалины все дома, кроме одного, принадлежащего некоему доброму человеку, праведному и милосердному ради Христа. В Контадо и в окрестностях Виллаха провалились большие семидесяти замков и загородных домов над рекой Дравой и все было перевернуто вверх дном. Огромная гора разделилась здесь на две половинки, заполнила собой всю долину, где находились эти замки и дома, и загромодила русло реки на протяжении десяти верст. При этом был разрушен и затоплен монастырь у Арнольдштейна и погибло немало людей.

Река Драва, не находя себе привычного выхода, разлилась выше этого места и образовала большое озеро. В городской церкви святого Иакова нашли смерть пятьсот человек, укрывшиеся там, не говоря о других жертвах, всего же урон исчислялся третьей частью населения. Все церкви и жилища, среди них монастыри в Оссиахе



и Вельткирхе, не устояли, люди почти все сгнули, а выжившие от страха почти потеряли рассудок. В Баварии в городе Штрасбурге и в Палуце, Нуде и Кроче за горами рухнула большая часть домов и погибло множество людей. Все эти ужасные разрушения и бедствия от землетрясения допущены Господом не без важной причины и суть предзнаменования Божьего суда».

Землетрясение такого масштаба тоже было для европейцев внове — оно затронуло огромные пространства, Кипр, Италию, Грецию, южную Германию, Австрию. Джованни Виллани, к сожалению, умер от чумы в середине 1348 года, до последнего часа продолжая вести свою «Новую хронику», рукопись обрывается словами «Чума продлилась до...» — предсказанный им Божий суд состоялся.

Это было не единственное предзнаменование. В 1347 году появляется так называемая Cometa Negra, Черная комета, которую было хорошо видно над Францией и Англией. Пропитируем книгу «A General Chronological History of the Air, Weather, Seasons, Meteors, Etc.» доктора Томаса Шорта от 1749 года — автор в своих описаниях основывался на средневековых хрониках:

«...В небе над Францией была видна ужасная комета, названная Негрой. В декабре над Авиньоном появился столп огня. Было много мощных землетрясений, штормов, бурь и молний, погубивших множество людей; реки меняли свое направление; из огромных земных трещин текла кровь».

«Столп огня» в декабре — это, скорее всего, северное сияние, явление для южной Франции и впрямь довольно необычное. Сведения о могучем землетрясении подтверждены, а сообщения насчет «потоков крови из трещин» оставим на совести автора.



Календарная сцена. Март. Миниатюра 1520–1530; школа Симона Бенинга.



Происхождение Черной кометы 1347 года до настоящего времени остается дискуссионным, но, предположительно, тогда в небесах над Европой появилась так называемая «Большая комета 1680 года», она же комета Кирха или комета Ньютона, — открыл это небесное тело немецкий астроном Готфрид Кирх в декабре 1680 года, и эта комета стала одной из самых ярких в XVII веке, пройдя на расстоянии 930 тысяч километров от Земли. Есть обоснованная версия, что комета Кирха (точнее, ее осколок) вернулась в 2012 году, получив название C/2012 S1 (ISON), и разрушилась при прохождении перигелия из-за теплового и гравитационного воздействия.

Основанием для идентификации ISON с кометой Кирха и Черной кометой 1347 года является цикличность ее появления — один раз в 333 года, то есть в 1347, 1680 и 2012 годах, что даже послужило причиной появления конспирологических теорий о том, что чумной «вирус» якобы был занесен на землю с кометным веществом...

Годы, предшествующие Великой эпидемии, были невероятно богаты на самые зловещие и мрачные знамения, что соответствующе воздействовало на психику суеверных людей той эпохи. И, что характерно, дурные знаки не обманули — конец света разразился во всей своей необоримости и мощи.



Самое время рассказать о том, как протекает чума и какова была среднестатистическая клиническая картина.

Андроник, младший сын византийского базилевса Иоанна VI, заболел на рассвете и скончался к полудню — как мы видим, скоротечность болезни неслыханная. Обычно от момента заражения до полного развития чумы проходит от двух до десяти дней при бубонной форме, но здесь мы наблюдаем чумную



Чума в
средневековье.
рисунок 15 века

пневмонию (вторично-легочная форма) или, того хуже, чумной сепсис, способный привести к смерти за считанные часы, что и вышло в случае с Андроником.

Если у больного наблюдается легочная форма чумы, то возбудитель передается воздушно-капельным путем, наподобие гриппа или ОРЗ, что на порядки повышает риск заражения. Таким образом, один человек, больной чумной пневмонией, моментально способен передать Черную смерть всем окружающим, а дальнейшее распространение чумы идет по принципу цепной реакции. Если человек заболел легочной формой, спасти его крайне сложно и в наши времена, а что уж говорить о середине XIV века с медициной, находящейся в зачаточном состоянии?

Абсолютное большинство летописцев и свидетелей эпидемии в один голос утверждают: смерть наступала неизменно



быстро, почти мгновенно. Многие отмечают наличие кровозлияний на коже и темные септические пятна — не исключено, что эпидемия получила название Черной смерти именно из-за такой окраски кожных покровов больных. Добавим сюда помутнение сознания, бред, галлюцинации, кровавую рвоту и кровавый понос, кашель с отделением огромного количества кровянистой мокроты, содержащей миллиарды чумных палочек. Зрелище для человека неподготовленного — ничего подобного ранее не случалось и, само собой, вызывало оторопь, перераставшую в панический ужас.

Хроники зафиксировали точные даты появления чумы в Италии: октябрь 1347 года, Мессина, Сицилия. Эпидемия нанесла по Сицилийскому королевству удар, от которого оно не могло оправиться последующее столетие — дошло до того, что королевская семья Сицилии вымерла поголовно.

Микеле де Пьяцца, сицилийский летописец, оставивший нам подробную «Светскую хронику», винит в случившейся эпидемии генуэзцев, которые принесли чуму на своих кораблях, причем де Пьяцца вторит исходной версии Мюсси — галеры прибыли из Крыма.

«Трупы оставались лежать в домах, и ни один священник, ни один родственник — сын ли, отец ли, кто-либо из близких — не решались войти туда: могильщикам сулили большие деньги, чтобы те вынесли и похоронили мертвых. Дома умерших стояли незапертыми со всеми сокровищами, деньгами и драгоценностями. Если кто-либо желал войти туда, никто не презраждал ему путь».

Сравним слова Микеле де Пьяцца с приведенным отрывком из Махмуда ал-Айни: что в Мессине, что в сарацинской Александрии картина совершенно одинаковая. Умерших не хоронят, пустые дома с ценными вещами покинуты, двери



не заперты, выжившие пребывают в каталептическом шоке. А если учитывать запредельную смертность, — в отдельных регионах до двух третей, а то и трех четвертей населения, — то пейзаж вырисовывается донельзя скверный.

Параапокалипсис.



Очень добросовестно описал бедствие во Флоренции поэт, дипломат и ученый раннего Возрождения Джованни Боккаччо в «Декамероне»:

«Итак, скажу, что со времени благотворного вочеловечения Сына Божия минуло 1348 лет, когда славную Флоренцию, прекраснейший из всех итальянских городов, постигла смертоносная чума, которая, под влиянием ли небесных светил, или по нашим грехам посланная праведным гневом Божиим на смертных, за несколько лет перед тем открылась в областях востока и, лишив их бесчисленного количества жителей, безостановочно подвигаясь с места на место, дошла, разрастаясь плачевно, и до запада. Не помогли против нее ни мудрость, ни предусмотрительность человека, в силу которых город был очищен от нечистот людьми, нарочно для того назначенными, запрещено ввозить больных, издано множество наставлений о сохранении здоровья.

Не помогли и умиленные моления, не однажды повторявшиеся, устроенные благочестивыми людьми, в процессиях или другим способом. Приблизительно к началу весны означенного года болезнь начала проявлять свое плачевное действие страшным и чудным образом. Не так, как на востоке, где кровотечение из носа было явным знамением неминуемой смерти, — здесь в начале болезни у мужчин и женщин показывались в пахах или под мышками какие-то опухоли, разраставшиеся до величины обыкновенного яблока



«Чума
Флоренции
в 1348 году»,
как описано в
«I Decamerone»
Боккаччо,
гравюра
19 века.

или яйца, одни более, другие менее; народ называл их *gavoccioli* (чумными бубонами); в короткое время эта смертельная опухоль распространялась от указанных частей тела безразлично и на другие, а затем признак указанного недуга изменялся в черные и багровые пятна, появившиеся у многих на руках и бедрах и на всех частях тела, у иных большие и редкие, у других мелкие и частые. И как опухоль являлась вначале, да и позднее оставалась вернейшим признаком близкой смерти, таковыми были пятна, у кого они выступали.

Казалось, против этих болезней не помогали и не приносили пользы ни совет врача, ни сила какого бы то ни было лекарства: таково ли было свойство болезни, или невежество врачующих (которых, за вычетом ученых медиков, явилось множество, мужчин и женщин, не имевших никакого понятия о медицине) не открыло ее причин, а потому не находило подобающих средств, — только немногие выздоравливали и почти все умирали



на третий день после появления указанных признаков, одни скорее, другие позже, — большинство без лихорадочных или других явлений.

Развитие этой чумы было тем сильнее, что от больных, через общение с здоровыми, она переходила на последних, совсем так, как огонь охватывает сухие или жирные предметы, когда они близко к нему подвинуты. И еще большее зло было в том, что не только беседа или общение с больными переносило на здоровых недуг и причину общей смерти, но, казалось, одно прикосновение к одежде или другой вещи, которой касался или пользовался больной, передавало болезнь дотрагивавшемуся. Дивным покажется, что я теперь скажу, и если б того не видели многие и я своими глазами, я не решился бы тому поверить, не то что написать, хотя бы и слышал о том от человека, заслуживающего доверия.

Скажу, что таково было свойство этой заразы при передаче ее от одного к другому, что она приставала не только от человека к человеку, но часто видала и нечто большее: что вещь, принадлежавшая больному или умершему от такой болезни, если к ней прикасалось живое существо не человеческой породы, не только заражала его недугом, но и убивала в непродолжительное время. В этом, как сказано выше, я убедился собственными глазами, между прочим, однажды на таком примере: лохмотья бедняка, умершего от такой болезни, были выброшены на улицу; две свиньи, набредя на них, по своему обычаю, долго тербели их рылом, потом зубами, мотая их со стороны в сторону, и по прошествии короткого времени, закружившись немного, точно поев отравы, упали мертвые на злополучные тряпки».

Джованни Боккаччо выжил — возможно, он обладал иммунитетом к болезни или оказался слишком осторожен для того, чтобы близко общаться с больными. В его «Декамероне» фигурирует в основном бубонная форма чумы, но есть упоминания и о легочной.



*Чума.
Мертвые
прелаты
и священно-
служители.
Фрагмент
росписи
«Триумф
Смерти»
в Палермо;
1446 г.
неизвестного
автора.*

Давайте попытаемся перенести реалии Черной смерти на нашу эпоху. Из числа сотрудников вашего небольшого офиса умерли больше половины, смерть постигла вашего супруга/супругу, двоих из троих детей. Муниципальные службы не работают. Госпитали забиты умирающими и новых больных не принимают. Из медицинского персонала уцелела от силы треть. Исчезли полиция, армия и государственное управление — президент и половина правительства, скорее всего, мертвы. Не ходит транспорт, не летают самолеты, прекратили работу СМИ, нет электричества и воды — этим попросту некому заниматься: уцелевшие предпочитают запереться в своих домах и переждать эпидемию.

Весьма похожая ситуация складывалась осенью 1347 года в Мессине, Катании, Сиракузах, Трапани и других сицилийских городах. Трапани вымер более чем на 90%, де Пьяцца утверждает, будто Катания совершенно обезлюдела: «...город,



«Чума Флоренции в 1348 году», как описано в «*Il Decamerone*» Боккаччо, гравюра 19 века.



ныне стертый из памяти». В самом буквальном смысле этих слов Сицилия оказалась завалена трупами, но это было лишь начало.

Чума с неслыханной стремительностью распространялась по другим средиземноморским островам — Сардинии, Мальте, Корсике. В это же время, то есть к началу ноября 1347 года, Черная смерть объявилась в континентальной Европе, на южном побережье Франции в Марселе — здесь тоже постарались генуэзцы. До конца года образовались три крупнейших очага, откуда чума начала с устрашающей быстротой расползаться дальше — очаги находились в Сицилии, в Генуе и в Марселе.

Судьба Западной Европы была предопределена.



Для того чтобы оценить масштабы случившегося, следует взглянуть на статистику смертей среди высшего дворянства. Если некий король, герцог или граф скончались в период с 1348 приблизительно по начало 1351 года, когда эпидемия пошла на спад, то практически со стопроцентной вероятностью мы можем утверждать, что умерли они от чумы — течение Столетней войны в указанные годы по понятным причинам приостановилось (некому стало воевать), так что смерть дворянина на поле сражения ныне являлась маловероятной.

Наиболее распространенный способ избежать гибели, обещающий хотя бы призрачную надежду на спасение, тогда выражался в латинской формуле: *Cito, Longe, Tarde* — убраться из пораженной местности побыстрее, как можно дальше и сколь возможно надолго. Некоторые так и делали, но абсолютной панацеей это не являлось.

Если по сравнительно малонаселенной Центральной Азии Черная смерть распространялась со скоростью около ста



километров в год, то Западная Европа с ее густой сетью торговых трасс, как морских, так и сухопутных, была обюяна эпидемией за считанные месяцы: беги — не беги, но чума тебя все равно настигнет. Да и куда бежать, к примеру, королям Франции или Англии? Герцогу Бургундскому или Лотарингскому?

Неплохой вариант — запереться в своем замке в надежде переждать мор. Однако понятие о карантине, известное древним римлянам, вспомнили очень немногие, отчего в одних только королевских семьях Европы мы наблюдаем совершенно беспрецедентный уровень смертности. В приведенном ниже списке учитываются лишь короли и принцы крови, причем мы не берем всякую мелочь наподобие балканских княжеств.

- ❖ Англия: Вильям и Джейн, сын и дочь короля Эдуарда III.
- ❖ Шотландия: нет данных.
- ❖ Норвегия: нет данных.
- ❖ Швеция: нет данных.
- ❖ Дания: косвенно — Маргарита Датская, дочь короля Кристофера II и жена герцога Людвига IV Баварского.
- ❖ Франция: королева Жанна Бургундская, жена Филиппа VI, и Бонна Люксембургская, жена наследника трона Иоанна.
- ❖ Кастилия и Леон: король Альфонсо XI Справедливый.
- ❖ Португалия: нет данных.
- ❖ Арагон: королева Элеонора.
- ❖ Наварра: королева Жанна.
- ❖ Сицилийское королевство: регент Джованни Рандаццо, король Людовик Дитя.
- ❖ Священная Римская империя (и Королевство Чехия): Бланка Валуа, жена императора Карла IV.



*Молодые
знатные
женщины;
Фрагмент
росписи
«Триумф
Смерти»
в Палермо;
1446 г.
неизвестного
автора.*

- ❖ Папское государство: нет данных.
- ❖ Венгрия: нет данных.
- ❖ Польша: нет данных.
- ❖ Литва: нет данных.
- ❖ Государство Тевтонского ордена: Людольф Кениг, ранее магистр, в 1348-м — Великий Комтур.
- ❖ Ливония (провинция тевтонцев): нет данных.
- ❖ Болгарское царство: нет данных.
- ❖ Византия: Андроник, сын базилевса Иоанна VI.

Слова «нет данных» вовсе не означают, что в указанных странах из числа высшего дворянства никто не пострадал от чумы; сведения или не сохранились, или в условиях всеобщей паники не были документально зафиксированы. Так или иначе, потери составляют 50% от списочного состава августейших фамилий.



Мы знаем, что короли, королевы и принцы, в отличие от абсолютного большинства подданных, куда лучше питались, могли спрятаться в неприступных резиденциях и пользовались какими-никакими, но все-таки услугами врачей. Впрочем, польза от тогдашней медицины скорее составляла отрицательную величину — достаточно вспомнить одного из римских пап, коего лекари накормили толченым изумрудом, после чего понтифик скончался в страшных корчах от прободения желудка, вызванного каменной крошкой, и последующего за этим перитонита.

Никаких разумных и непротиворечивых объяснений происходящему ученые мужи XIV века дать не могли. О том, что такое микробиология, человечество узнает лишь несколько столетий спустя, а средневековая наука ограничилась миазматической и теллурической теорией — зловредные болотные и земные испарения, дурной «влажный и теплый» воздух, каковые и вызывают смертельную болезнь.

В принципе, рациональное зерно в этом было: легочная форма чумы действительно возникала «из воздуха», передаваясь воздушно-капельным путем. Одновременно среди профессоров Сорбонны и Болоньи бытовала еще и версия «контагии», унаследованная от Античности: римские ученые Тит Лукреций Кар и Марк Теренций Варрон многие века назад выдвинули версию об «атомизме», то есть о неких «болезнетворных скотинках» и «семенах болезни», проникающих в тело человека при общении с больным.

Последователей теории контагии высмеивали по вполне объективным причинам — недоказуемо. Да кто видел этих болезнетворных скотинок? Средневековая схоластика и подчиненная ей прикладная наука основывались на эмпирическом познании мира: опыт, опыт и еще раз опыт, умноженный на христианское вероучение. Если исследователь не наблюдает некое явление, значит, этого явления с большой вероятностью



*«Исцеление
больного»,
фреска 15 века.*

не существует — Господь Бог исключение, ибо Он есть существо по умолчанию непознаваемое.

Миазматическая же теория как раз подтверждается на практике. От болота смердит? Еще как смердит! Нездоровые испарения имеют место? Ну конечно же! Вероятность заболеть, проживая в нездоровой атмосфере болот, выше? Да, это очевидно каждому ребенку!

История сохранила для нас десятки изображений лечебных масок периода Черной смерти — в форме клюва. Значительная часть гравюр и рисунков относится к более позднему периоду, то есть к XVI и XVII векам, когда чума вернулась, но истоки появления столь своеобразного костюма относятся к великой эпидемии 1348 года, и причиной появления



Доктор в защитном костюме и маске против чумы, 17 век.



клювовидной маски «чумного доктора» оказалась именно миазматическая теория.

Дурной воздух? Отлично, от зловредных испарений можно защититься, и сделать это весьма просто: в «клюв» укладываются целебные травы и ароматические смеси (к примеру, ладан, лепестки роз или лавровый лист), сквозь них проходит воздух, которым дышит такой вот «врач»; ядовитость миазмов, несомненно, снижается. Если угодно, мы наблюдаем своеобразный прототип противогаза, да только помочь клювовидная маска никак не могла — штамм чумы, поразивший тогда Евразию, оказался настолько вирулентным и высококонтагиозным, что требовался костюм полной биологической защиты образца XXI века.

Когда Черная смерть принимала бубонную форму, у больного был пусть и небольшой, но шанс — особенно если рядом оказывался лекарь, хоть самую малость разбирающийся в хирургии. Даже самый обычный цирюльник, занимавшийся кровопусканиями в бане-этьюве, был способен вскрыть банальный нарыв, и, что характерно, во время эпидемии люди очень быстро поняли, что бубоны (то есть воспалившиеся лимфоузлы, пораженные чумной палочкой) вполне сродни невинному фурункулу — надо сделать надрез, выпустить гной и тем облегчить страдания зараженного. Иногда помогало, но чаще всего — нет. Особенно если учитывать, что с гноем из бубонов выходили и бесчисленные бактерии чумы, поражавшие всех находившихся рядом.

С легочной и септической формой Черной смерти дело обстояло совсем безнадежно: шанс выздороветь — один на миллион. О неслыханной скоротечности чумы свидетельствует хроника одного из францисканских монастырей в Авиньоне, тогда — папской столице. На вечерней мессе несколько монахов уже были больны, а когда братия разошлась на ночной отдых в спальни-дормитории, никто и предположить не мог,



что к заутрене почти никто не поднимется: всего за одну ночь в монастыре умерли около семисот монахов и послушников. Подобная статистика невольно наводит дрожь: столько смертей в такой сжатый срок.

Папа Климент VI прекрасно осознавал всю чрезвычайность ситуации и, в противовес распространенным стереотипам о косности и консерватизме Римской Церкви, пошел на экстраординарные по своим временам меры: против канонических правил разрешил вскрывать трупы для выяснения причин смерти (понятно, что никаких результатов эти исследования не дали), а когда стало ясно, что городские кладбища неспособны вместить столь невероятное количество умерших, освятил воды реки Рона, куда начали сбрасывать покойников.

Опять же, ни до, ни после описываемых событий Римско-католическая церковь ничего подобного себе не позволяла — впрочем, папа Климент руководствовался вполне прагматическими соображениями: похоронные команды, копавшие «чумные рвы» за городом, сами вымерли едва не наполовину, инфраструктура не справлялась, хоронить умерших было некому. Так почему бы не использовать в качестве братской могилы реку?

Мы неоднократно подчеркивали очевидный факт: человек эпохи Средневековья не был тупым или недалеким, его беда состояла в научном невежестве, помноженном на глубочайший мифологический, религиозный и фольклорный менталитет. Кроме того, устоявшиеся воззрения, проповедуемые священниками или людьми учеными, зачастую приводили к удивительным для нас казусам.

Немецкий исследователь Йоханнес Ноль в книге «Der schwarze Tod: Eine Chronik der Pest 1348 bis 1720» приводит следующий пример: жители итальянского побережья в разгар эпидемии сделали вывод, что чума распространилась



*Средневековый
город.
Нюрнберг.
Лист
из летописи
«Нюрнбергской
хроники»
1493 года*

из-за огромной туши кита, выброшенного на пляж и вонявшего столь нестерпимо, что выходы напрашивались сами собой — китовьи миазмы отравили всю округу и вызвали иные неисчислимыя бедствия. А если вспомнить библейскую легенду о Левиафане, морском монстре и пособнике дьявола, то очевидность этой версии лишь подтверждается!

Кое-где додумались до карантина, причем само это слово было изобретено венецианцами опять же в 1347–1348 годах. Правительство Венецианской республики, получив в ноябре-декабре 1347 года странные, а то и панические известия с Сицилии и из Генуи, быстро сообразило, что эпидемия распространяется с торговыми кораблями, и попросту закрыло порт на сорок дней.

Выбранный срок символичен — сорок (*quantra — um.*) дней Христос провел в пустыне, борясь с искушением, и уязвил дьявола, а следовательно, данный срок есть олицетворение



борьбы с силами зла. То, что Черная смерть являлась несомненным злом, было ясно всем и каждому. Надо полагать, что венецианцы ближе других приняли теорию контагии или же действовали по наитию — власти закрыли развлекательные и питейные заведения, осудили любые сборища (конечно же, за исключением посещений мессы), запретили ввоз товаров извне, учинили гонения на падших женщин — что это, если не карантин в классическом виде?

Увы, но столь суровые меры не спасли Венецию от Черной смерти, и потери республики составили от 50 до 60% населения с пиком смертности около шестисот человек в день. Но дож Андреа Дандоло и республиканский совет сделали главное: не допустили чумных бунтов, сохранили управление государством и свели экономические потери к минимуму.

В других городах и странах обстановка была куда страшнее. Страх и паника немедленно приводят к поиску виновных — человек, обуянный апокалиптическим ужасом, теряет рассудок. Мы знаем, что в ту эпоху идентификация личности и общества проходила по религиозному, а не национальному признаку: «свои» — это католики и (с некоторой натяжкой) другие христиане апостольских конфессий. «Чужие» — евреи и сарацины.

Поскольку европейские сарацины тогда жили исключительно в Испании, где продолжалась Реконкиста, гнев на смерть перепуганных европейцев пал на иудеев и прокаженных. Последние также были отверженными, причем именно с религиозной точки зрения: проказа считалась напастью, посланной за грехи, а значит, грешники-прокаженные, так же, как и евреи-хриstopродавцы, способны на всевозможные гадости и коварства, лишь бы насолить добрым католикам. В список обвинений входит отравление колодцев и ручьев, насылание многократно помянутых миазмов и создание «чумных мазей», то есть ядов, вызывающих чуму.



*Сжигание евреев
в 1338 году
в Деггендорфе,
Бавария; лист
из летописи
«Нюрнбергской
хроники»
1493 года*

Власти, у которых хватало своих забот, далеко не всегда препятствовали толпе, хотя, когда известия о массовых погромах добрались до Авиньона, Апостольский престол пригрозил отлучением за бессудные убийства иудеев — уж коли есть доказательства виновности иноверцев в «преднамеренном вреде», благоволите требовать расследования у инквизиции.

Кое-где парламенты городов и крупные феодалы брали иудеев под свою защиту — причиной была вовсе не любовь к евреям или страх папского отлучения, все гораздо прозаичнее: иудейские общины зачастую играли важную экономическую роль в банковском деле и торговле, а ни один король или герцог не станет истреблять подданных, приносящих пользу стране и доход в казну. В конце концов, у евреев был еще один выход: немедленное крещение, а следовательно,



вхождение в католическую идентификационную систему (см. схему «свой — чужой»).

Имели место и немалые косвенные потери. Умирали оставленные без ухода и надзора, но не заразившиеся старики и дети. Возникали стихийные пожары — достаточно было искры из очага, за которым никто не присматривал. Гибла в стойлах без пищи и еды домашняя скотина. Разлагавшиеся тела людей и животных вызывали вторичные инфекции. Исчезло продовольствие — рынки не работали, торговать на них было некому.

Проще говоря, наблюдался системный кризис поистине вселенских масштабов.

Вторая мировая война рядом с этим непостижимым для разума бедствием выглядит вполне невинно и безобидно хотя бы потому, что жертв от общего числа населения было гораздо меньше, а главное — война дело рук человеческих, а не грозная, неодолимая сила природы...



Всеобщий психоз привел к появлению двух кардинально противоположных явлений: так называемому «пиру во время чумы», с одной стороны, и истерии покаяния — с другой. Понятно, что, когда государственная власть фактически рухнула, управление потеряно, даже самого минимального надзора за порядком в опустошенных городах нет и в ближайшие месяцы не предвидится, в числе выживших найдется предостаточно маргинальных элементов, готовых воспользоваться столь благоприятной ситуацией. А это подразумевает грабежи, насилия, убийства и прочие преступления против личности.

Обороняться от таких «чумных разбойников» можно было исключительно своими силами — в Париже штат королевских



*Рукопись
(манускрипт)
королевского
пира (конец
16 века)*

сержантов в августе-сентябре 1348 года снизился на две трети за вопиющей смертностью, парижский прево с сожалением отчитывался перед королем Филиппом VI де Валуа о том, что контролировать положение в городе невероятно сложно, а то и вовсе невозможно.

Архетип «пир во время чумы» также восходит к годам Великой эпидемии. Если положение безнадежно, смерть тебя подстерегает буквально со дня на день, то почему бы не провести последние часы мирской жизни во всевозможных удовольствиях? Тем более что цены на вино и продовольствие обрушились, сотни домов со всеми их богатствами стоят пустые, припасов, сделанных до эпидемии, предостаточно.

Если не испугаешься — заходи и бери что хочешь, дабы потратить добычу на куртизанок, дорогие напитки и утонченные кушанья. Подобные развеселые компании за три года



Великого мора можно было видеть на пространстве от Кастилии до Шотландии и от Аквитании до Пруссии. Если один из бражничавших умирал, на его место приходил другой. В компанию принимали всех — дворян, ремесленников, бежавших из опустевших монастырей монахов, шлюх, купцов. Перед лицом смерти все равны.

Вновь обратимся к Джованни Боккаччо — как свидетелю, наблюдавшему чумные пиры своими глазами:

«...Некоторые полагали, что умеренная жизнь и воздержание от всех излишеств сильно помогают борьбе со злом; собравшись кружками, они жили, отделившись от других, укрываясь и запираясь в домах, где не было больных и им самим было удобнее; употребляя с большой умеренностью изысканнейшую пищу и лучшие вина, избегая всякого излишества, не дозволяя кому бы то ни было говорить с собою и не желая знать вестей извне — о смерти или больных, — они проводили время среди музыки и удовольствий, какие только могли себе доставить.

Другие, увлеченные противоположным мнением, утверждали, что много пить и наслаждаться, бродить с песнями и шутками, удовлетворять, по возможности, всякому желанию, смеяться и издеваться над всем, что приключается, — вот вернейшее лекарство против недуга. И как говорили, так, по мере сил, приводили и в исполнение, днем и ночью странствуя из одной таверны в другую, выпивая без удержу и меры, чаще всего устраивая это в чужих домах, лишь бы прослышали, что там есть нечто им по вкусу и в удовольствие. Делать это было им легко, ибо все предоставили и себя и свое имущество на произвол, точно им больше не жить; оттого большая часть домов стала общим достоянием, и посторонний человек, если вступал в них, пользовался ими так же, как пользовался бы хозяин».

(Декамерон. День первый.)



Голландская люстрация к Боккаччо, 1470–1490, Брюгге



Противоположным полюсом чумной истерии оказалось появление многочисленных желающих покаяться — очевидно же, что столь умопомрачительное бедствие послано роду человеческому за его несчетные, мерзкие и возмутительные прегрешения. Нечто похожее мы уже наблюдали перед «Тысячелетием», то есть ожиданием конца света к 1000 году нашей эры.

Черная смерть вызвала очередной неслыханный всплеск религиозного экстаза. Флагелланты, сиречь истязующие себя бичами, существовали и раньше, что было пусть несколько необычной, но не экзотической религиозной практикой — еще в XIII веке на улицах городов можно было наблюдать немногочисленные группы кающихся, раздетых по пояс и охаживающих себя плетьюми. Дело вполне благочестивое — умерщвление плоти и аскеза ведут к спасению души. Вплоть до эпидемии движение флагеллантов не носило массового характера, а церковные власти и инквизиция относились к ним вполне спокойно: в этом не наблюдалось никакой ереси или сектантства.

Вновь обратимся к книге Йоханнеса Ноля. Автор утверждает, будто по Европе прокатился слух, источник которого установить так и не удалось. Мрачные известия, передававшиеся из уст в уста, были таковы: в граде Иерусалиме с неба упала табличка белого мрамора, на которой золотыми буквами было начертано письмо не кого-нибудь, а лично Иисуса Христа, клеймящего грешников, не соблюдающих церковные каноны, святые заповеди и предающихся постыдным радостям мирской жизни.

За означенные гнусности Господь Бог и наслал на смертных чуму, причем Творец настолько разгневался, что в первоначальный план входило полное истребление рода людского, и только заступники, святой Стефан Первомученик (побитый камнями по приговору Синедриона в 36 году от Рождества



*Самобичевание.
Лист
из летописи
«Нюрнбергской
хроники»
1493 года*

Христов и лично знавший апостолов), а также святой Доминик де Гусман, уговорили Господа отсрочить наказание и покарать лишь самых закоренелых, дав остальным возможность спастись и покаяться.

В письме также указывалось, что, если безобразия не прекратятся, чума покажется раем земным по сравнению с дальнейшими проявлениями высшего гнева, а именно нашествием львов, пантер и мантикор, а также явлением несметного войска язычников, предводительствуемого новым Аттилой.

Надобно заметить, что практика «писем, упавших с неба» была весьма широко распространена — идеальное орудие религиозной и политической пропаганды, действовавшее с раннего Средневековья вплоть до Реформации и позднего



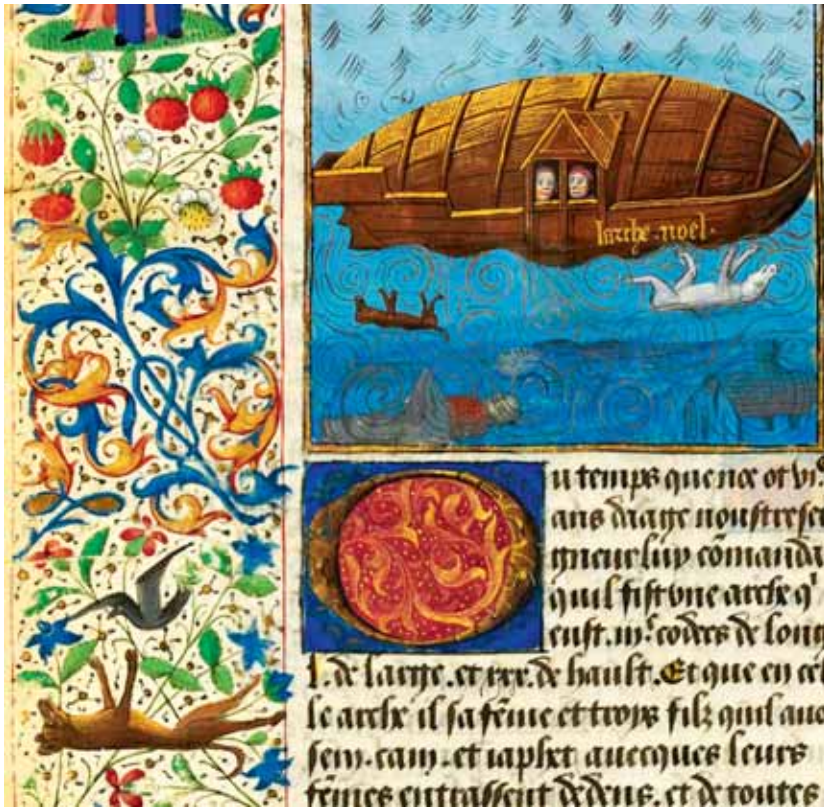
Ренессанса. Такие письма с различным содержанием не раз, не два и не десять «падали» на Рим, Авиньон или отдельные диоцезии, в зависимости от требования момента. Авторство тоже разнилось — Иисус, Богоматерь, апостол Петр, почитаемые святые. Этим же приемом впоследствии пользовались как гуситы, так и лютеране, только содержание депеш от небесных корреспондентов было прямо противоположным — обличение «обосновавшейся в Риме вавилонской блудницы».

Люди верили. Откуда взялось «иерусалимское письмо» (и существовало ли оно вообще), никто никогда не узнает, но последствия слухов о нем оказались до крайности впечатляющими.

Толпы по несколько тысяч человек, обуянные стремлением к немедленному массовому и публичному покаянию, странствовали меж городами, прилежно занимаясь самоистязанием и распевая лауды (песнопения собственного сочинения, призванные показать всему миру отречение от грешной жизни и стремление ко Царствию Божию). Подобная скученность в условиях эпидемии ни к чему хорошему не приводила — множество бичующихся остались лежать на обочинах дорог, распространяя трупное зловоние, но к еще живым флагеллантам присоединялись новые и новые сторонники.

Вполне естественно, что бичующиеся приносили с собой чуму во все населенные пункты, которые посещали, отчего как церковные, так и светские власти начали посматривать на это движение косо, в итоге флагеллантами заинтересовались инквизиция и, конечно же, Святой Престол. На протяжении последних двух веков католицизм столкнулся со значительным числом самых разнообразных ересей, и некоторые из них ставили под угрозу само существование Церкви — вспомнить хотя бы катаров-альбигойцев.

Авиньон никак не мог закрыть глаза на существование абсолютно неподконтрольного курии и региональным епископам



Наводнение.
миниатюра
15 века.

движения, возникшего спонтанно и не руководимого официальными прелатами — дело в том, что мания флагелланства охватывала в основном мирян, а не священников и монахов с их строгой дисциплиной, иерархией и монастырскими уставами.

Соответственно, и «проповедниками» у бичующихся были миряне, близкие к впадению в ересь: раздавались голоса о том, что для прямого диалога с Господом Богом флагеллантам достаточно силы своего покаяния, священники в качестве



посредников вовсе не обязательны, да и Святая Мать-Церковь с ее бюрократизмом, пышными обрядами и запутанной системой подчинения тут как бы вовсе ни при чем — появились сведения, что бичующиеся начали отправлять священные таинства самостоятельно, а это уже становилось крайне опасным. Когда же пошли разговоры о флагеллантах, сравнивающих собственную пролитую кровь со Святой кровью, стало ясно: подобной самодеятельности следует немедленно положить конец.

Папа Климент, основываясь на предыдущем опыте борьбы с подобного рода фанатическими движениями, скорее всего, твердо осознавал, что имеет дело с массовым помрачением сознания — психические эпидемии в Средневековье случались не раз, вспомнить хотя бы зарождение флагеллантства после проповедей святого Антония Падуанского. Пламенный францисканец, в сущности, не хотел ничего плохого, призывая паству к покаянию, но его красноречие в свое время вызвало в окрестностях Венеции всеобщую истерию, не одобренную церковными властями.

Что теперь прикажете делать?

Прямой запрет только усугубит ситуацию, да и выглядеть в глазах прихожан будет предосудительно: то есть как, *papa запрещает каяться?* И кто он после этого? Особенно в столь сложное и устрашающее время? Как обычно, папская курия победила хитростью: флагеллантство как таковое запрещено не было, но теперь добрый католик мог заняться благочестивым самоистязанием исключительно с одобрения приходского священника или личного духовника, только у себя дома и только в одиночестве — массовые акции признавались грехом.

Булла о флагеллантах подоспела весьма вовремя, поскольку движение бичующихся начало распадаться на отдельные секты наподобие «бьянки», обнаглевших настолько, что в числе выдвигавшихся тезисов было требование к папе Клименту



*Пасть дьявола.
Фрагмент
миниатюры
«Видений
Тундала» 1475*

отречься от тиары, передать авиньонский трон абстрактному «благочестивому и бедному папе» (где такого найти — они не задумывались), а священникам и Церкви — отречься от мирских богатств и стяжать лишь Царствие Небесное. Все это попахивало самой возмутительной ересью, и потому «бьянки» в итоге были разогнаны, а их предводитель вполне предсказуемо попал на костер.

Официальная доктрина Авиньона касательно эпидемии Черной смерти в целом не отличалась от версий, выдвигаемых в народе: столь тяжкое испытание ниспослано за бесчисленные и омерзительные прегрешения, пренебрежение к любви к ближним и искушение мирскими соблазнами.

В первые месяцы мора, когда и перед папским престолом, и перед мирскими владыками, и перед самыми обычными людьми предстала грандиозная картина надвигающегося апокалипсиса, почти ни у кого не было сомнений, что



грядет конец света. Возможно, такие настроения появились бы и в наши времена — представьте себе, что люди умирают на производстве, на улицах и в общественном транспорте, трупы валяются на автобусных остановках и платформах метро, едва ли не половина ваших знакомых скоротечно скончались, а государство перестало выполнять свои функции. И это в XXI веке, с нашими куда более глубокими и подробными знаниями о мире.

Что же тогда говорить об обитателях века XIV, для которых сомнений в существовании Господа Бога нет и быть не могло, а слова Святого Писания, повествующие об апокалипсисе, воспринимались буквально?

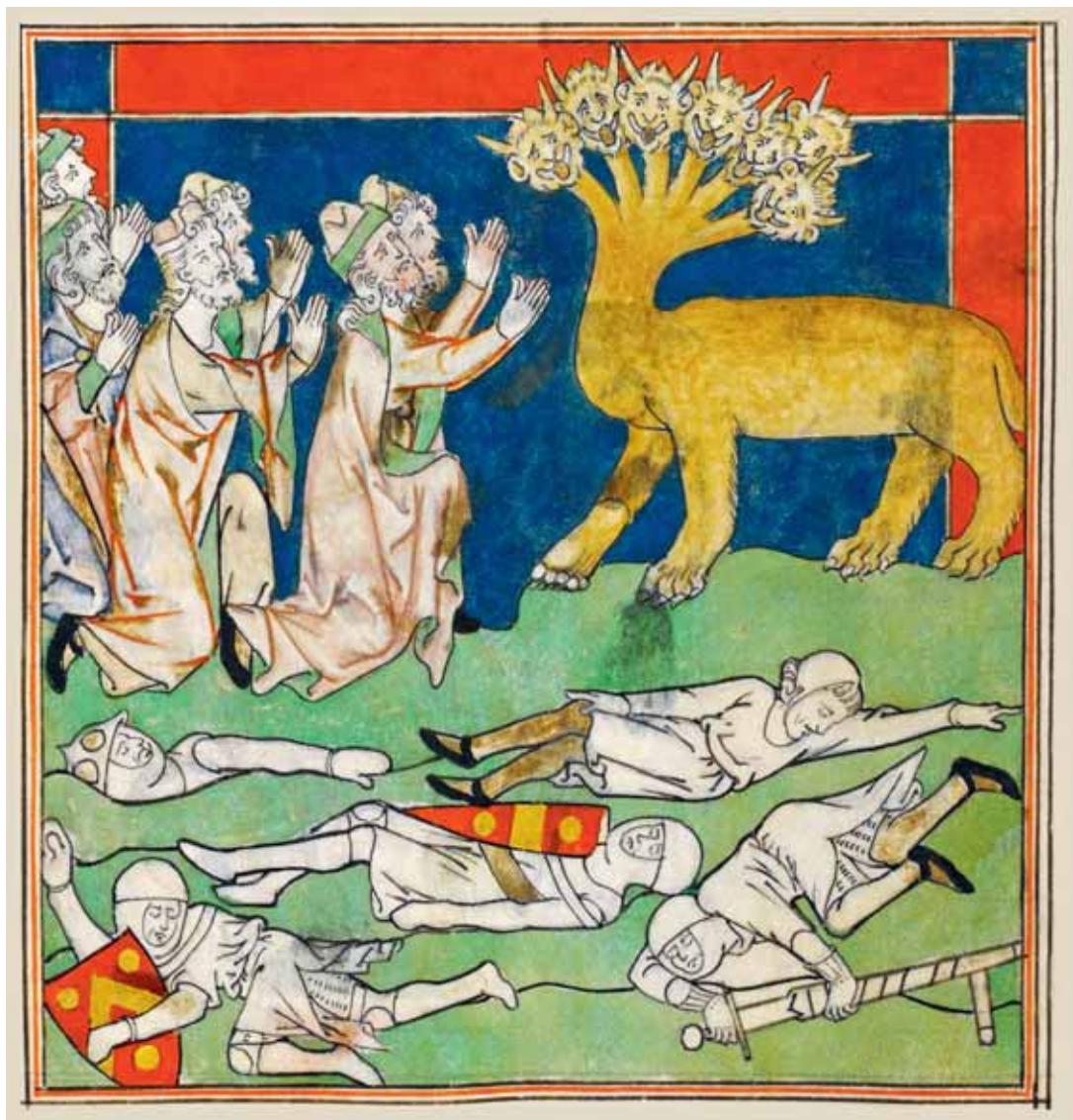
Однако время шло, но окончательный и бесповоротный конец света так и не состоялся. Папа римский уехал из Авиньона в свой загородный замок, благополучно переждав там эпидемию (умер он четыре года спустя от естественных причин в возрасте 61 года). Стало ясно, что наказание Божье не столь уж и всеобъемлюще — никто не спорит, в Авиньоне вымерло больше половины населения, от чумы скончались несколько кардиналов, но столь сложный и хорошо настроенный механизм Римской церкви продолжал работать, в отличие от многих потерпевших крах властных структур в европейских государствах.

Стоит напомнить, что центром католической вселенной являлся именно папский двор во главе с понтификом, ему подчинялись бесчисленные приходы, аббатства и епископаты, включая столь отдаленные области, как Ливония, Исландия или какие-нибудь Фарерские острова. Именно в Авиньон стекались все сведения об эпидемии и потерях, которые понес католический универсум.

Черная смерть же победоносно шествовала по Европе, и направление распространения эпидемии больше напоминало ход часовой стрелки. Из Южной Франции чума ушла



Иллюстрация из манускрипта 1450 года.



Апокалипсис; 1300–1325, Англия, Лондон



на запад и северо-запад в сторону Парижа с одной стороны (июнь — август 1348 года), расползлась по берегам Средиземного моря, проникнув в Испанию, также летом Черная смерть оказалась в Аквитании и Пуату, убив дочь английского короля, находившуюся близ города Бордо: несчастная леди Джейн со своим скромным двором ехала в Испанию к своему жениху, Педро Кастильскому, но уберечься не смогла.

В первых числах июля 1348 года чума перебралась через Ла-Манш — ее привезли с собой английские корабли, направлявшиеся из нормандских портов в метрополию.

В Англии бедствие Черной смерти наложилось на эпидемию ящура среди крупного рогатого скота, начавшуюся ориентировочно поздней осенью 1348 года, когда огромное количество крестьян погибло от чумы. За коровами и быками стало некому ухаживать, сотни деревень опустели, или в них осталось всего несколько жителей, имевших иммунитет к чумной палочке.

По отдельным сведениям, в Англии пало до двух третей сельскохозяйственных животных, что нанесло тяжелейший удар по и без того дышащей на ладан экономике, ослабленной Столетней войной.

Не миновала чаша сия и вроде бы изолированную в горах Шотландию. Лоуленд, то есть Низинные земли, вымер на треть, в Хайленде потери были меньше — хотя бы потому, что эпидемия здесь началась в декабре 1348 года и зимой связь между поселками и замками в высокогорье почти не поддерживалась из-за снежных заносов на перевалах. Примерно то же самое наблюдалось в Ирландии: Черная смерть безжалостно прошла по побережью и английским фортам, но слабо коснулась ирландских укреплений и деревень в горах.

Бич Божий ударил по Скандинавии — английские суда доставили чуму в Норвегию, адский пожар распространился на Швецию и Данию и ушел южнее, в Германию,



а оттуда — в северную Польшу, Пруссию и к русским княжествам, оказавшимся на пути чумы в 1350–1352 годах. Процитируем Никоновский свод, а именно фрагмент, касающийся эпидемии в Пскове.

«...Бѣсть мор во Пскове силен зело, и по всей земле Псковской, сие же смерть бѣсть скоро: храхне человек кровию, и в третій день умираше, и бѣше мертвии всюду.

<...>

Священницы не успеваху тогда мертвых погребати, но во едину ноць до заутриа сношаху к церкви мртввых по двадесать и до трицати, и всем тем едино надгробно пение отпеваху...; и тако полагаху по пяти и по десяти во едину могилу. И сие бѣше по всем церквам. И не бе где погребати мертввых...»

И снова кровохарканье — неоднократно упоминавшаяся легочная форма чумы. Происходившее в Пскове ничем не отличалось от происходившего ранее в Авиньоне, Париже или норвежском Бергене: погребение в братских могилах с общим отпеванием, невозможность похоронить всех умерших, массовые смерти среди духовенства — псковичам пришлось умолять архиепископа Новгородского Василия Калику (позже канонизированного) приехать в город и совершить молебен об избавлении от напасти. Василий не испугался, хотя уже был наслышан о чудовищных последствиях эпидемии в Скандинавии, явился в Псков, прошел крестным ходом, отслужил чин и отбыл обратно в Новгород, до которого не доехал — чумная пневмония убила архиепископа спустя два дня.

Якобы в Смоленске дело кончилось тем, что в живых остались всего четверо жителей, которые закрыли ворота города и ушли. С учетом доступных нам сведений о Черной смерти, если это сообщение и преувеличено, то ненамного. Белоозеро и Глухов вымерли полностью — *«вси изомроша»*.



Сцена из
Апокалипсиса,
Манускрипт,
Нормандия,
1300

*«...во всей земле Русстей смерть люта, и напрасна и скоро;
и бысть страх и трепет велий на всех человецех».*

(Полное собрание русских летописей. Том 10. 1965. Стр. 223–224.)

Великой эпидемии чумы Русь должна быть обязана за появление Дмитрия Донского, который, не случись Черной смерти, никогда не унаследовал бы Московское и Владимирское княжества.

До Москвы чума добралась с северо-запада через Новгород и Тверь. Тогдашний князь Симеон Иванович Гордый, сын Ивана I Калиты, заразился в апреле 1353 года (ему было всего 35 лет, по тогдашним меркам — самый расцвет) — болезнь



продолжалась около двух недель, отчего мы можем заподозрить бубонную форму чумы, а не молниеносную легочную.

Когда князь Симеон умирал, оба его сына, четырехлетний Иван и годовалый Симеон, уже скончались, отчего наследников не осталось — жена, Мария Александровна, дочь князя Тверского, к этому времени была беременна, и потому Симеон на смертном одре завещал княжества ей в надежде, что родится сын. Перед смертью он принял постриг под именем инока Созонта и отошел в мир иной 27 апреля 1353 года.

Поскольку наследник Симеона Гордого так и не родился (или родился, но умер во младенчестве — сведения отсутствуют), княгиня Мария предпочла уйти в монастырь, наследовал младший брат Иван Иванович, вошедший в русскую историю под именем князя Московского и великого князя Владимирского Ивана II Красного. Его преемником становится старший сын — Дмитрий Иванович по прозвищу Донской, одержавший победу в Куликовской битве. Тут стоит вспомнить афоризм Льва Николаевича Гумилева: *«На Куликово поле пришли москвичи, серпуховчане, ростовчане, белозерцы, смоляне, муромляне и так далее — а ушли с него русские»*.

Далеко не факт, что, не случись смерти от чумы Симеона Гордого и его прямых потомков, Русь получила бы независимость от Орды уже в 1380 году. Кажется, именно это и называется судьбой.



Существовали области, где чума вообще отсутствовала или которые пострадали очень мало. По непонятным причинам Черная смерть практически не затронула Силезию и Чехию, не было ее в Наварре, мор не зацепил Милан, чума не доплыла до Исландии — последнее вполне объяснимо, поскольку остров находится в немалом отдалении от Европы, то



*Сцена из
Апокалипсиса,
Манускрипт,
Нормандия,
1300*

зараженные экипажи кораблей попросту вымерли бы в пути до Северной Атлантики. Одновременно с этим имеются мутные известия о чуме в гренландских поселениях, о которых мы рассказывали выше.

Выкосив Русь, Великая эпидемия уткнулась в Дикое поле (откуда некогда начала свое шествие на Запад) и там сгинула, тем самым совершив полный оборот по часовой стрелке — через Дикое поле в Крым, Византию, потом в Италию и Францию, оттуда в Англию и Скандинавию, затем к русским княжествам.

Нет нужды говорить о том, что демографические и экономические последствия катастрофы 1348–1350 годов для



Западной Европы оказались настолько серьезны, что отголоски Черной смерти чувствовались и столетия спустя. Поскольку это событие оказалось для европейцев даже не потрясением, а гипнотизирующим шоком, записей об эпидемии было сделано предостаточно — вероятно, хронисты полагали, что фиксируют апокалипсис, и делали это с обреченной добросовестностью.

Точное количество жертв Великой чумы останется неизвестным, но кое-какие предположения можно делать на основе сохранившихся церковных и налоговых книг. Жан Фавье в книге «Столетняя война» упоминает, что в бургундском городке Живри в июле 1348 года от чумы умерли 11 человек (видимо, болезнь только появилась в городе), а далее следует шквальный обвал смертности. Август забрал уже 110 человек, в сентябре умерли 302, и это был пик, в октябре погибли 168, и в ноябре — 35. Итого — 626 официально зарегистрированных смертей, а о скольких мы не знаем? С учетом того факта, что Живри не являлся сколь-нибудь значимым центром и вряд ли его население по тем временам превышало 1–1,5 тысячи, статистика смертности удручает.

В столице происходило ровно то же самое: эпидемия в Париже началась в августе 1348 года и закончилась только через 11 месяцев с максимумом смертности к октябрю месяцу. Городская скученность, далеко не лучшее санитарное состояние и частичный паралич власти только способствовали распространению заразы. Французский летописец Жан Фруассар без всяких эмоций записывает в своей «Хронике»: *«Треть всех людей умерли»*, и у нас нет оснований ему не верить.

В среднесрочной же перспективе демографический провал должен был стать куда более серьезным, чем единовременные потери от Черной смерти: умерло огромное количество детей, миновавших самый опасный возраст — примерно до 4–5 лет. Как мы недавно выяснили, ребенок, выживший во



младенчестве и достигший возраста определенной самостоятельности, имел все шансы дожить до весьма почтенных лет. Здесь же оказалось выбито целое поколение тех, кому к моменту начала эпидемии исполнилось 6–14 лет. Спустя десятилетие у них не появится собственных детей.

В сельских районах катастрофа унесла до половины жизней. Очень пострадали нищенствующие монашеские ордена — францисканцы в первую очередь, поскольку на них возлагалась забота о больных. Число рабочих рук в городах сократилось настолько, что производство встало — на кладбище отправились как цеховые мастера, так и бесчисленные подмастерья, которые должны были перенять у старших ремесло. Следствием этого становится обрушение рынка рабочей силы, какого не наблюдалось даже во время Великого голода 1315–1317 годов, пускай тогда количество голодных смертей в городах составило около десяти процентов.

Чума чумой, но жизнь продолжалась — требовались продовольствие, оружие и вещи повседневного обихода. Приостановившаяся на время эпидемии Столетняя война подразумевала, что кто-то должен восстанавливать крепости и строить новые, а сильно поредевшая армия нуждается в солдатах-новобранцах. Вакантные должности умерших клириков надо замещать новыми священниками. Где взять специалистов в самых разных областях?

Руководство Французского королевства быстро сообразило, что принудительный труд может принести государству пользу, а поскольку после эпидемии расплодилось невероятное количество бродяг, покинувших опустевшие деревни и хутора, король Филипп VI издает строжайший указ: прево и коннетабли городов, куда стекались такого рода беженцы, обязаны привлекать бездельников к работе. И государству польза, и число опасных люмпенов снижается — праздность, как известно, ведет и к другим, более тяжким грехам.



Куда интереснее сложилась ситуация с неквалифицированной рабочей силой, которая, впрочем, при необходимости весьма быстро училась ремеслу. Отсутствие рабочих рук вызвало лавинообразный рост заработной платы — впервые за всю историю Средневековья наемный рабочий мог требовать повышения жалования и улучшений условий труда.

Альтернатива — уход к другому хозяину, а это означало снижение или полное прекращение производства, разорение и смерть — на этот раз не от чумы, а от голода. Рост выплат работникам в городах лишь подтолкнул сельскую миграцию — какой смысл горбатиться в поле от ранней весны до поздней осени с сомнительными видами на урожай, если в Париже или Реймсе неквалифицированный каменщик получает за месяц больше, чем вся крестьянская семья способна заработать за год?

Почти сразу же грянула инфляция. Рост жалований поднимал цены на товары, потребление увеличивалось, но одновременно повышение цен съедало заработанные деньги. Королевские власти тщетно пытались бороться с этим явлением, распространившись повсеместно, ограничивали уровень жалования и пытались регламентировать тенденцию к урбанизации и оттока сельского населения в город путем установки квот на прием на работу, но ничего не помогало.

Дисбаланс между спросом и предложением загнал экономику Франции, да и соседних стран в окончательный тупик. Существует мнение, что в будущем политика огораживания в Англии, когда пахотные земли отторгались в пользу увеличения площади овечьих пастбищ, основным своим истоком имела эпидемию чумы и неслыханное сокращение числа работающих на земле.

Во французской деревне Черная смерть привела к почти мгновенному разрушению традиционного и патриархального



*Иллюстрация
из рукописи
2 пол. 13 века,
Англия.
Сцена из
Апокалипсиса.
Банда
грабителей
и убийц.*

уклада. В старые добрые времена крестьянин твердо знал, что пашет он землю, принадлежащую благородному сеньору, отдавал ему часть урожая или ходил на барщину; в свою очередь, сеньор обязывался всемерно защищать своих подданных — нападение разбойников на деревеньку где-нибудь в Пикардии, Артуа или Лимузене означало одно: его баронская милость тотчас соберет вооруженных людей и как следует отметелит зловредных татей. Будут знать, как покушаться на земли и вилланов господина барона!

А что же теперь, когда село понесло столь невыносимые потери? Когда в крестьянской семье умер каждый третий, а местами и каждый второй? Что делать сеньору, не желающему терять доход от продажи урожая? Верно, искать наемную рабочую силу, поденщиков, батраков. Тех, кто готов обрабатывать землю за деньги, а не на основе старинных феодальных повинностей.



Это означает как повышение цен на сельскохозяйственную продукцию, так и очередной рост зарплат, только на этот раз не в городе, а на селе. И хотя Черная смерть вымела огромное количество едоков, повсеместно наблюдался застой цен на зерно вместо их снижения — свою роль играло крайне серьезное падение производства и невозможность его стабилизации в краткосрочной перспективе.

Наконец, чума вызвала к жизни невиданное ранее явление: сеньоры, чей доход серьезно сократился, начали требовать со своих крестьян денежный оброк вместо обычной части урожая — разумеется, это вызвало рост недовольства, который однажды выльется в Жакерию 1358 года, одно из крупнейших крестьянских восстаний своего времени.

Феодализм в его классическом виде начал умирать. От чумы.



Мы должны рассматривать XIV век как сплошную череду самых тяжелых кризисов, в итоге не оставивших от уклада эпохи Высокого Средневековья камня на камне.

Начиная с 1315 года и голодного «потопа» тех лет Европа более не знала покоя. Визит всех четырех всадников апокалипсиса поставил на Средневековье крест, и переломным моментом была именно Великая эпидемия. Начинается переходный период от Средневековья к Новому времени.

Великий голод, начавшаяся вскоре после него Столетняя война, последовавшая затем чудовищная эпидемия, разрушившая старые экономические схемы и ставшая причиной «революции городов» и резкого толчка к капиталистическому типу производства, крестьянские бунты и прочие глобальные катаклизмы этого столетия оказались, вне всяких сомнений, наиболее мрачным временем в европейской



истории, а численность жертв чумы в процентном соотношении оставила далеко позади обе мировые войны, вместе взятые.

Следует упомянуть, что «чумной век» не закончился, собственно, с великим мором 1348–1350 годов. Чума возвращалась и шла несколькими последовательными волнами:

- ❖ 1361 год: заболевших до половины, есть выздоравливающие;
- ❖ 1371 год: заболевших около одной десятой; многие выздоравливают;
- ❖ 1382 год: заболевших около одной двадцатой, выздоравливает большинство.

Отдельные вспышки отмечались и в XV веке, пускай они и не носили настолько разрушительного характера. Чума становится столь же привычным спутником человека, как ранее корь или дизентерия. Другое дело, что восприимчивость к болезни со временем стала в разы меньше, и впредь не наблюдалось настолько вопиющих потерь.

И что, вы думаете, получилось в итоге? В конце XIV и начале XV века происходит невероятный демографический взрыв, фактически восстанавливающий численность населения — да так, что можно было вести Столетнюю войну еще семьдесят лет. Немецкий историк медицины Генрих Гезер указывает: *«Множество вновь создаваемых семей оказались необычайно плодовиты — в таких браках очень часто рождались двойни»*. Природа компенсировала потери.

В целом вся эта история пахнет мистикой — столько несчастий одновременно, за несколько десятилетий, обычно не происходит. Заметим, что в будущем эпидемий масштаба Черной смерти никогда не случалось — в Лондон 1665 года завезли бубонную чуму, и это была последняя вспышка, не



распространившаяся дальше и со сравнительно небольшой смертностью.

Случись нечто подобное Черной смерти в Европе сейчас, из неполных семисот миллионов умерло бы миллионов триста — триста пятьдесят.

Чума, проказа и сифилис

Интересно влияние Черной смерти на другую эпидемию — проказу, которая достигла пика примерно через 200 лет после начала крестовых походов — в XIII веке. Эпидемическая ситуация с вроде бы малозаразной болезнью стала столь катастрофична, что в целях профилактики и изоляции больных Церковь создавала убежища для прокаженных — *lazaretti* (от Ордена лазаритов, устраивавших лепрозории в Палестине).

К моменту смерти Людовика VIII Льва (1229) во Франции (занимавшей тогда территорию вдвое меньшую, чем теперь) насчитывалось уже до 2000 лепрозориев, которым король на смертном одре завещал 10 тысяч ливров — сумма по тем временам оглушительная.

По свидетельству летописца Матвея Парижского, всего в «христианском мире» (читаем — католическая Европа и Святая земля) было около 20 тысяч лепрозориев. Масштаб немаленький, даже если считать, что в каждом лепрозории содержалось, допустим, по 20 больных. Итого почти 400 тысяч человек. Смело округляем в пользу увеличения и получаем полмиллиона при населении Европы где-то в 75–80 миллионов человек. Очень скверная статистика.

Нам возразят: было предостаточно других кожных заболеваний, которые «могли принять за проказу». Ничего подобного: симптоматика собственно проказы и дифференциация



Лист из книги
1666 года,
доктор
и помощник
вскрывают
жертву чумы.

с другими болезнями была отлично известна — вспомним короля Иерусалимского Балдуина IV Прокаженного: его воспитатель Гийом Турский обратил внимание на потерю чувствительности кожи у ребенка и безошибочно поставил диагноз. Так же безошибочно болезнь определяли и опытные лазариты с госпитальерами, клиническая картина с точностью описана в большинстве средневековых трудов по медицине.

Единственное, с чем могли перепутать проказу, — так это с сифилисом, но не с тем, который доказанно завезли из Нового Света через 150–200 лет, а с невенерическим (то есть половым путем не передающимся) трепонематозом, проникшим в Европу из Африки задолго до Колумба (может быть,



еще во времена Рима — следы сифилитического поражения найдены на костях у жителей Помпей). Обнаружены останки монахов-августинцев из Кингстон-апон-Халл с аналогичными повреждениями костей — и это примерно 1340-е годы. Невенерический сифилис передавался так же, как и проказа, контактно — через одежду, посуду и т. д.

После Черной смерти наблюдается феноменальный спад заболеваемости проказой и/или похожим на нее сифилисом. Через триста лет в 1664 году Людовик XIV торжественно закрывает последний французский лепрозорий за отсутствием больных. В XV веке по сравнению с XIV веком количество приютов для прокаженных во Франции сократилось с 2000 времен Матвея Парижского до 60 и далее неуклонно снижалось.

Спрашивается, что это было? Самая разумная версия: прокаженные успешно вымерли от чумы в 1348–1350 годах и носителей заразы стало даже не в разы, а на порядки меньше. Вторая версия: проказа — болезнь «теплолюбивая», встречается в основном в тропиках. Распространение в Европе во время средневекового максимума температур (когда в Шотландии без затруднений выращивали виноград, а в Нормандии не выпадал зимой снег) — вполне логично. Но вот наступает Малый ледниковый период, о котором мы недавно говорили, и проказа откатывается на юг. Дополнительно смотри пункт первый (носители вымерли).

Но самое интересное в другом. Последней пандемии чумы в XIX веке (пусть и не носившей такого жуткого характера, как катастрофа 1348 года) предшествовал резкий рост заболеваемости проказой и натуральной оспой, точно так же, как и в XIV веке (оспенная пандемия неожиданно возобновилась в 1871 году и продолжалась два года, приняв такой злокачественный характер, который не наблюдался даже в XVIII веке до появления прививок). Синхронность масштабного появления чумы и проказы, видимо, объясняется тем, что



Один
из гобеленов
в серии «Охота
на единорога»
около
1495–1505

возбудители этих болезней являются природно-очаговыми сапронозами. Выходит, та же последовательность событий, которая приводит к колебательным процессам в экосистемах лепрозного микроба, оказывает аналогичное действие и на экосистему бактерии чумы.

Одновременно можно предположить участие на пандемическом поле XIV столетия еще каких-то других игроков — высказывалось предположение о возможном наложении на чуму эпидемии некоей геморрагической лихорадки, но эта



гипотеза ныне окончательно отвергнута: британскими и американскими учеными в последние годы проведены исследования мягких тканей зубов умерших, найденных в «чумных рвах» XIV, XVI и XVIII веков соответственно.

Анализ бактериальных ДНК из пульпы зубов жертв эпидемий 1348, 1590 и 1722 годов доказал наличие *Yersinia Pestis*. Специфическая РНК-полимераза и нуклеотидная последовательность не отличается от современных штаммов бактерии чумы.

Человечество едва не истребила именно *Yersinia Pestis* — исчезающе крошечный микроорганизм размером всего 0,3–0,6 × 1–2 микрометра, мутировавший из сравнительно безобидной псевдотуберкулезной палочки в безжалостного монстра около десяти-двенадцати тысяч лет назад...



ИНКВИЗИЦИЯ: ЧЕРНАЯ ЛЕГЕНДА

Пожалуй, в общераспространенных представлениях об эпохе Средневековья нет жупела более страшного и отталкивающего, чем *Inquisitio Haereticae Pravitatis Sanctum Officium*, или же Святой отдел расследований еретической греховности. Перед инквизицией меркнут даже мифы о тотальном отсутствии гигиены и рассказы хронистов про кошмары Черной смерти.

Как только мы произносим вслух: «Инквизиция!» — воображение немедленно рисует абстрактную прекрасную девицу, злодейски сжигаемую на костре (в лучшем случае — пытаемую в подвале на дыбе), мрачных типов в доминиканских рясах, строящих козни против Джордано Бруно, а равно средства производства: цепи, кандалы, «железную деву», раскаленные прутья и прочие нехитрые, но вполне действенные инструменты дознания и убеждения.

Разумеется, в этих фантазиях несть числа сожженным на кострах ученым, иудеям и ведьмам. Фанатичные инквизиторы, попирающие испанским сапожком нежные зеленые ростки любой свободной мысли, уничтожают все разумное, доброе и вечное, до чего в силах дотянуться, в свою очередь, щедрой горстью сея глупое, злое и тленное. Любой человек, от герцога до вшивого золотаря, находится под неусыпным надзором *Sanctum Officium*, пишутся миллионы доносов, за коими следуют самые беспощадные кары.

Словом, тихий ужас.



Знакомая картина, вам не кажется? Если поменять здесь несколько специфических терминов на более привычные нам по 30-м и 50-м годам XX века, мы видим вполне аутентичное описание сталинской эпохи в изданиях наподобие «Огонька» времен В. Коротича — уровень демонизации практически одинаков. Тем не менее в реальности дело обстояло существенно иначе, и, хотя упомянутых испанских сапожков с дыбами никто не отменял, суд инквизиции в течение Высокого Средневековья считался куда более либеральным и снисходительным, нежели суд светский, никак не отличавшийся глубиной кротостью, состраданием к впадшим в грех и мягким отношением к преступникам.

Однако сам термин «инквизиция» в наше время вызывает только отрицательные коннотации и ассоциируется исключительно с мракобесием, террором и косностью.

Давайте выясним, что к чему.

Происхождение и целевые задачи

Как и все спецслужбы во все времена, инквизиция окружена множеством легенд, сплетен, мифов и просто досужих выдумок. Мы уже упоминали о том, что Sanctum Officium для католического универсума являлся глобальной системой внутренней и общественной безопасности, поскольку стержнем вращающейся вокруг Римского престола вселенной являлась Святая католическая религия и Мать-Церковь, руководимая и направляемая папой, его епископами и благочестивым клиром. Вполне понятно, что любые отступления от догматов и учения Церкви в таких условиях рассматривались в качестве тяжкого греха не только перед Богом, но и перед



обществом в целом — покушением на системообразующий институт Средневековья.

Инквизиция исходно была задумана как инструмент идеологической борьбы с ересями и преступлениями, в которых мог присутствовать элемент демонического — возможное «общение с дьяволом» и проистекающая из этого *maleficia*, сиречь причиненный магией материальный вред. Под таким вредом могли рассматриваться множество позиций, от вульгарной импотенции до падежа скота или гибели урожая от града, насланного ведьмой. Опять же стоит помнить, что мифологический и мистический менталитет людей того времени не подвергал ни малейшему сомнению реального существования как врага рода человеческого, так и любой мистики или волшебства. Это было совершенно нормально и естественно.

Понятие «ересь» расширявается следующим образом: под ересью Святая Церковь понимает намеренное отрицание артикулов и догматов католической веры, а также открытое и упорное отстаивание ошибочных воззрений. Еретиком полагается верующий, знакомый с католической доктриной и тем не менее отрицающий ее и проповедующий нечто, противоречащее ей.

Само слово *inquisitio* означает всего-навсего «расследование» или «розыск». Судья Священного трибунала при подозрении в ереси или колдовском нанесении ущерба имел право сам инициировать дело и следствие по нему — отсюда происходит рассматриваемый нами термин. *Sanctum Officium*, как специализированный церковный суд, был учрежден папой Иннокентием III в 1215 году, когда обстановка с распространением альбигойской ереси (катаров) на юге Франции стала не просто угрожающей, а совершенно нетерпимой.

Надобно заметить, что сначала папа Иннокентий ограничивался увещеваниями — осуждал в буллах учение ересиархов, отправлял в Лангедок ученых монахов для проведения



*Интерьер
зала заседания
инквизиции.
Подозреваемый
и инквизитор.
Бернар Пикар,
гравюра,
1722 год*

диспутов с еретиками, настаивал на проповедях в охваченных «гниением мысли» регионах и в целом до 1208 года рассчитывал победить в борьбе с альбигойцами строго интеллектуальными методами.

Однако когда катары перешли все мыслимые границы приличий, убив папского легата Пьера де Кастельно, стало окончательно ясно, что безмерно расплодившихся еретиков одним пастырским словом не унять. Разгневанный столь вероломным деянием Иннокентий III объявил крестовый поход против альбигойцев, продолжавшийся с различной интенсивностью 20 лет — с 1209 по 1229 год, и направил в Лангедок судебных специалистов инквизиции, обязанных проводить процессы над закоренелыми и упорствующими в заблуждениях еретиками.



Преемник Иннокентия Григорий IX в 1229 году подтверждает учреждение Священного трибунала и дополняет его папской инквизицией — фактически личной спецслужбой Апостольского престола, имевшей право проводить выездные заседания в любой точке католического мира и осуществлявшей общий контроль над региональными трибуналами, которые могли быть созваны при каждом епископстве.

Согласимся, что ничего дурного и предосудительного в создании такого рода учреждения, отвечавшего за идеологическую безопасность, не просматривается: любая упорядоченная система обязана защищать себя от представителей антисистемы наподобие катаров или вальденсов. Последние, кстати, распространились в городе Лионе с последней трети XII века и получили название от имени торговца Пьера Вальдо, проявившего наказуемую инициативу — он заказал перевод с латыни отдельных фрагментов Библии, превратно понял их и создал собственное утопическое учение. Вальдо отчего-то решил, что для возвращения к кристальной чистоте и нравственности раннехристианских общин непременно следует раздать все свое достояние нищим, жить в апостольской бедности и созерцательности, свободно читать и проповедовать Евангелие и блюсти чистоту нравов.

Как это обычно и бывает, благими намерениями была вымощена дорога в ад. Если в Риме никто особо не возражал насчет чистоты нравов и прочих библейских добродетелей, то экономическую подоплеку «лионских нищих» в курии разглядели очень быстро. Раздать имущество бедным — это, конечно, прекрасно, но кто в таком случае будет работать? А если так сделают все, от сеньоров до пахарей, что получится?

В 1179 году папа Александр III, приняв делегацию вальденсов, строго их отчитал, указав на несообразность учения с реальной жизнью, и запретил проповедовать — еретики, конечно же, не послушались. Следующий папа, с тревогой



наблюдая за расползанием вальденсов по Бургундии и Дофинэ, что наносило этим областям немалый материальный урон, попросту отлучил их от Церкви, каковое решение в 1215 году подтвердил Латеранский церковный собор.

И ведь в Европе, кроме вальденсов с катарами, хватало других еретиков — гумилиаты, «братья свободного духа», донатисты, обрезанцы, манихеи, богомилы, бегины и множество других. Эти секты не получали столь широкого распространения, как катарская ересь, которую пришлось в самом буквальном смысле этих слов выжигать огнем и мечом, но определенную опасность они также представляли и были объектами самого пристального внимания со стороны Sanctum Officium.

Инквизиция была создана для определенной и насущной цели — борьбы на идеологическом фронте и сочетала в себе функции следствия, розыска и суда одновременно. Как и было сказано, в этом нет ничего злокозненного хотя бы потому, что антисистема (как поименовал катаров Л. Н. Гумилев) вполне могла обрушить мироустройство Европы. Вот краткое изложение альбигойско-манихейской доктрины:

«Зло вечно. Это материя, оживленная духом, но обволокшая его собой. Зло мира — это мучение духа в тенетах материи, следовательно, все материальное — источник зла. А раз так, то зло — это любые вещи, в том числе храмы и иконы, кресты и тела людей. И все это подлежит уничтожению.»

Самым простым выходом для манихеев было бы самоубийство, но они ввели в свою доктрину учение о переселении души. Это значит, что смерть ввергает самоубийцу в новое рождение, со всеми вытекающими отсюда неприятностями. Поэтому ради спасения души предлагалось другое: изнурение плоти либо аскезой, либо неистовым разгулом, коллективным развратом, после чего ослабевшая материя должна выпустить душу из своих когтей.»



Сжигание книг. Нюрнберг. Лист из летописи «Нюрнбергской хроники» 1493 года



Только эта цель признавалась манихеями достойной, а что касается земных дел, то мораль, естественно, упразднилась. Ведь если материя — зло, то любое истребление ее любой ценой — благо, будь то убийство, ложь, предательство... все это не имело никакого значения. По отношению к предметам материального мира было все позволено».

(Л. Н. Гумилев. Этногенез и биосфера Земли.)

Стоило ли бороться с носителями подобной идеологии? Безусловно. Если все сущее объявляется абсолютным «злом» и «творением сатаны», а в обществе старательно культивируется негативный взгляд на мир, то здравомыслящая часть такого общества начинает сопротивляться — для обороны же потребно оружие. В роли последнего и выступила инквизиция. А хорошо или плохо, жестоко или милостиво — пусть Бог рассудит.



Создание черного мифа, окружающего инквизицию, началось примерно спустя два века после ее учреждения и продолжалось вплоть до XX столетия. Давайте обратим взор к не столь уж давним временам и вспомним имя Иосифа Ромуальдовича Григулевича, или же в литовском написании Юозаса Григулявичуса, — виленского караима, родившегося в 1913 году и, по выходе на пенсию уже в СССР, оставившего, пожалуй, наиболее подробные труды по истории инквизиции, на которых основывались последующие поколения советских ученых.

Иосиф Григулевич — сам по себе личность чрезвычайно занимательная. Без преувеличений можно сказать, что по его биографии можно снимать серию авантюрно-приключенческих фильмов в стиле Джеймса Бонда. С 1926 года он

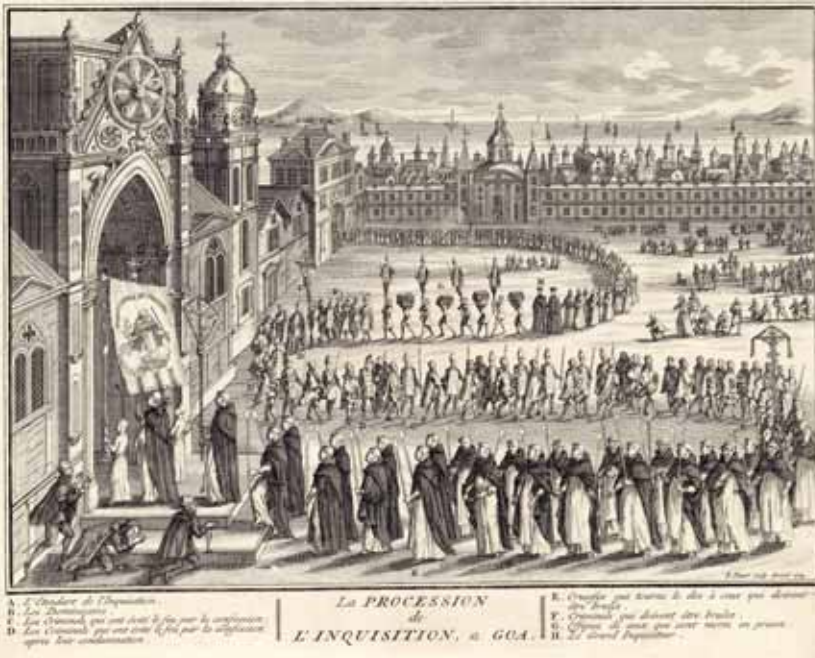


занимается революционной деятельностью в Польше и вступает в Компартию, после высылки из Польской республики учится в Сорбонне, с 1933 года входит в зарубежную номенклатуру Коминтерна. Работает по линии заграничной разведки НКВД в Аргентине и революционной Испании, организует покушение на Л. Д. Троцкого (неудачное), во время Второй мировой войны ведет диверсионную и саботажную деятельность на морских трассах ради предотвращения поставок стратегического сырья в Германию. После войны работает в Бразилии и Италии, опять же по ведомству разведки, а в 1951 году занимает пост посла Коста-Рики в Ватикане под именем Теодоро Кастро — этот факт считается едва ли не высшим достижением советских спецслужб!

В 1953 году Григулевич окончательно возвращается в СССР и после выведения за штат по возрасту начинает заниматься наукой. Основные направления — Латинская Америка, история католической церкви и этнография.

Фундаментальный труд Григулевича «История инквизиции (XIII–XX вв.)» был опубликован в издательстве АН СССР в 1970 году и стал апофеозом черной легенды. Как убежденный коммунист и материалист, автор не мог рассматривать тему с других точек зрения, кроме марксистско-ленинского исторического подхода, подразумевавшего обязательные отсылки к классовой борьбе и смене экономических формаций. Григулевич был образованным человеком, достаточно изучавшим документы как в Западной Европе, так и в Южной Америке, но отойти от основополагающих идеологических штампов не мог — если угодно, это тоже выглядело бы ересью.

Поэтому в его «Истории инквизиции» мы наблюдаем традиционную череду ужасов: желчные церковники, обслуживающие интересы эксплуататорского класса феодалов, не только громят прогрессивные идеи, но и руководствуются в своей деятельности самыми низменными мотивами, а именно



Процессия
Инквизиции.
Впереди идут
доминиканцы
с горящими
свечами; автор
Бернар Пикар,
гравюра,
1723 год

алчностью и сребролюбием. Григулевич делает упор на грех стяжательства, обуявший Sanctum Officium и пропитавший это учреждение от самых верхов до распоследних монахов, проводящих процессы в каких-нибудь замшелых медвежьих углах вроде Ливонии.

Приведем пример слога И. Григулевича (выдержка из гл. 1. «От Адама и Евы»):

«...В период разложения феодального строя “священны́е” трибуналы, как отметил К. Маркс в отношении испанской инквизиции, становятся в руках абсолютистской власти мощным инструментом подавления ее противников. С начала XVI в. Испания и Португалия используют инквизицию в целях колониального



порабощения народов Америки и Азии, в период Возрождения инквизиция ведет борьбу против гуманистического и рационалистического мировоззрения; в XVIII в. она объявляет войну просветителям и философам-материалистам, а в XIX в. — патриотам, выступавшим за независимость колоний, борцам за объединение Италии, за демократические реформы в Испании; папская же конгрегация инквизиции выступает против зарождающегося рабочего движения, социализма; предает анафеме революцию 1848 г. и Парижскую коммуну; наконец в XX в. ее главный враг — коммунизм, Советский Союз, страны социалистического лагеря».

Поскольку марксистская концепция истории основывается на взаимодействии экономических процессов, являющихся движущей силой развития общества, Григулевич применил эту схему и к инквизиции — по его разумению, основой деятельности церковного суда была экономическая заинтересованность в исходах разбирательств. То есть целью являлась конфискация собственности в пользу Церкви или феодала, реквизиция денег, недвижимости, земель и прочего имущества. Все разговоры о спасении души, борьбе с ересями, искоренением колдовства и так далее являлись лишь прикрытием стремления к обогащению.

Что и говорить, теория весьма однобокая. В целом даже сейчас марксистская материалистически-диалектическая доктрина никем всерьез не опровергнута и экономика действительно имеет решающее влияние на политические и исторические процессы, но столь узкий сегмент общественного бытия, как церковный суд, не мог оказать сколь-нибудь заметного влияния на экономику всей Европы. В процентном соотношении к численности населения инквизиторов было исчезающе мало — тысячные доли процента, и всерьез оказать влияние на экономическое взаимодействие они попросту не могли.



Более того, в судах Sanctum Officium наблюдалась определенная нехватка рабочих рук — трибуналы действовали отнюдь не постоянно, а созывались по мере необходимости, иногда спустя несколько лет после выявленных преступлений. В некоторых областях Европы собственной инквизиции вообще не было, и в случае появления угрозы ереси приходилось вызывать судей и следователей из крупных диоцезий, а то и из Рима или Авиньона, когда папский престол был перенесен в этот город...

Стяжательство или разбирательство?

Бесспорно, конфискация имущества еретика или вероотступника входила в юрисдикцию Sanctum Officium и применялась почти повсеместно. Широкой общественности по кинематографу и художественной литературе хотя бы в общих чертах известны два «экономически обоснованных» инквизиционных процесса — дело рыцарей-тамплиеров, продолжавшееся с 1307 по 1314 годы, и обвинение соратника Жанны д'Арк, маршала Франции Жиля де Ре в колдовстве, магических практиках, содомии, похищениях, многих убийствах и прочей неприглядной уголовщине в 1440 году. Материальная заинтересованность стороны обвинения в обоих случаях, без всяких сомнений, прослеживается, но, спрашивается, при чем тут инквизиция?

А вот при чем.

Разгром Ордена Храма был спровоцирован королем Франции Филиппом IV Красивым с, казалось бы, очевидной целью: тамплиеры владели во Франции множеством замков и земель,

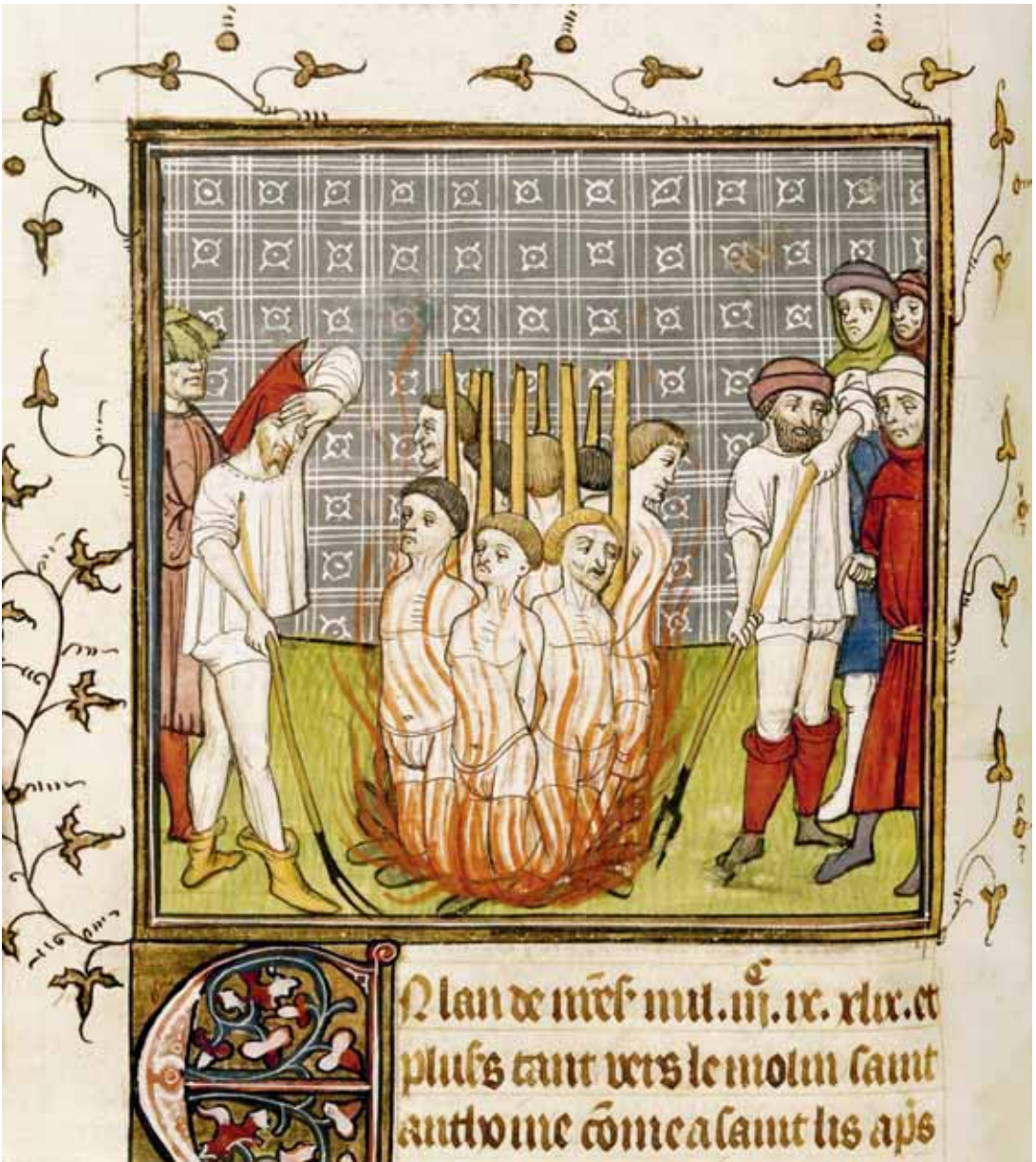


активно занимались банковской деятельностью, а его величество Филипп, король с немалой авантюрной жилкой, вечно сидел без денег.

Возникла здравая мысль: уничтожить обленившихся и разжиревших храмовников, ни в грош не ставивших персону короля, который вдобавок им немало задолжал. Если называть вещи своими именами, был задуман рейдерский захват ордена с использованием силовых государственных институтов. Такова общепринятая версия — инквизиция и римский папа Климент, находившийся в определенной зависимости от монарха Франции, были лишь инструментом для проведения полицейской операции против якобы ни в чем не повинных храмовников.

Сохранились документы Sanctum Officium, красочно повествующие о бесовских обрядах тамплиеров? Так кто ж им поверит — признания вырваны под пытками, а значит, доверять бумагам не имеет никакого смысла.

Тут имеется одна неприметная, но очень важная деталь. Собственно, Священный трибунал после процесса над тамплиерами не получил из наследия ордена ровным счетом ничего, за исключением мизерных судебных издержек. Король тоже был разочарован: добыча, прямая и косвенная, составила меньше миллиона ливров, из которых часть была долгами августейшей фамилии. В принципе, миллион ливров по тем временам — это хорошие, внушительные деньги, в пересчете по цене на золото примерно 10 миллионов долларов на сегодняшний день. Правда, надо учитывать, что покупательная способность драгоценных металлов в XIV веке была в разы выше, и сумму следует увеличить раз эдак в пять-семь. Но увы, миллион ливров — это меньше полутора годовых бюджетов королевства Франция, и реквизированных денег склонному к рискованным политическим и экономическим эскападам Филиппу IV надолго не хватило. Недвижимое же имущество



Сжигание тамплиеров, деталь миниатюры.



храмовников отошло к Ордену святого Иоанна Крестителя (госпитальерам).

Спрашивается, в чем здесь гешефт инквизиции? Таковой не прослеживается. Или же святые братья, участвовавшие в судебных процессах над тамплиерами, хотели добросовестно разобраться, поклонялись ли рыцари идолищу Бафомета, целовали ли при посвящении друг друга непристойным образом, проводили ли магические практики и отрекались ли от Христа? Сохранившаяся документация, весьма подробная, говорит в пользу последней версии — отношение к делу было самым серьезным и вдумчивым...

Перенесемся из 1307 года на столетие с лишним вперед и обратим внимание на инквизиционный суд, обвинявший Жилья де Монморанси-Лавалья, барона де Ре, в совершенно невообразимых и гнусных преступлениях, среди которых колдовство и алхимия выглядели невиннейшими забавами скучающего аристократа. Жилья де Ре своей мнимой или реальной деятельностью породил еще один архетип — «Синюю Бороду», вероломного убийцу и обманщика, на чьих руках кровь множества невинных жертв; однако определенные сомнения в объективности суда и приговора до сих пор имеются и озвучиваются.

Дело в том, что его милость барон был не просто баснословно богат, а считался в первой половине XV века кем-то вроде современного олигарха — он унаследовал колоссальное состояние, обширные земли, а самое главное — солеварни. Мы уже упоминали о том, что соль в ту эпоху была товаром стратегическим и стоила чрезвычайно дорого, иногда в меновой торговле заменяя собой деньги. Благодаря почти неиссякаемому источнику дохода, Жилья де Ре мог поддерживать золотом обнищавший двор французского дофина Карла (которого вскоре возведет на престол Орлеанская дева), финансировать военные операции того периода Столетней войны,



Процессия заключенных. Аутодафе. Гравюра. дата и время не указаны.

одалживать друзьям крупные суммы в золоте и серебре, коллекционировать неслыханно дорогие книги и вести богемный образ жизни с обязательными рыцарскими турнирами, охотами, пирушками и прочими дворянскими утехами.

Закончилось это расточительство тем, что после сожжения Жанны д'Арк и безвозвратной потери уймы денег, потраченных на насмников и боевые действия против англо-бургундцев, к 1435 году Жиль де Ре оказался на грани разорения и начал потихоньку распродавать свои феодалы. Однако у него оставались важнейшие и чрезвычайно ценные активы — собственно баронство де Ре, затем замок Шамптос, позволявший контролировать торговые пути по реке Луаре, а также стратегически важная цитадель Ингран — в этом районе велась добыча соли, а сам Ингран прикрывал границу между Бретанью и Анжу. На эти владения и положил глаз умный и рачительный сюзерен Жиль де Ре, герцог Бретонский Жан VI.

Барон де Ре и так слыл чудаком, пожертвовавшим значительной частью наследства ради Жанны д'Арк, которой он весьма симпатизировал, отказавшись от дальнейшей карьеры, получив в свое время звание маршала Франции и, по слухам, увлекся магическими и алхимическими науками — дело, с церковной точки зрения, предосудительное, но, когда алхимией занимался столь знатный и (когда-то) богатый человек, на столь экзотические забавы клирики смотрели сквозь пальцы. Главное, чтобы не было «материального вреда», *maleficia*.



Итак, мы наблюдаем серьезную заинтересованность Жана Бретонского в приобретении невероятно ценной как с экономической, так и с военной точки зрения недвижимости барона де Ре. По закону отобрать ее невозможно, за исключением одного пункта: если барон не совершил неких леденящих кровь преступлений перед Господом Богом и Церковью, не осужден и его имения не конфискованы. Наличные деньги, как это случилось в истории с Филиппом Красивым и тамплиерами, можно очень быстро проесть и потратить, а земля и прекрасно обустроенные замки — это долгосрочное вложение. За такой солидный куш можно побороться, особенно учитывая тонкий нюанс: Жиль де Ре продавал некоторые свои владения герцогу и его канцлеру, епископу Нантскому Жану де Малеструа *с правом выкупа*, то есть эта сделка более напоминала заклад.

Но и здесь имелись свои частности: по закону Жан Бретонский, как сюзерен, не имел права покупать земли своих вассалов, а потому контракты заключались на подставных лиц: его младших не наследующих сыновей Пьера и Жилия, на епископа Малеструа и даже на некую даму Ле Феррон, матушку герцогского казначея. Возвращать земли и замки герцог Жан не собирался категорически, а от теоретической возможности выкупа его могла избавить только смерть барона де Ре.

...Каковая смерть и воспоследовала 26 октября 1440 года после неслыханно короткого и скандального инквизиционного суда, на котором барона обвинили в перечисленных выше преступлениях, добились признания и вынесли смертный приговор. Сразу надо отметить, что причиной возбуждения дела оказалось нападение барона на замок Сен-Этьен-де-Мер-Морт в мае 1440 года — замок некогда принадлежал Жилью де Ре, но был продан Жеффруа Ле Феррону (через жену последнего), казначею герцога Бретонского, причем утверждалось, что Ле Феррон деньги так и не уплатил, отчего пришлось вразумлять должника силой оружия. И только через месяц



после этого события у епископа Жана де Малеструа *внезапно* появляются сведения о таинственных исчезновениях детей...

Подозрительно? Еще как!

Попутно с церковным судом (колдовство, дьяволопоклонничество и проч.) имел место и гражданский процесс (нападение на замок Сент-Этьен), остававшийся в тени. Обоими разбирательствами руководили кредиторы и злейшие враги Жюль де Ре — верный слуга герцога Бретонского Пьер л'Опиталь, сенешаль Ренна, и епископ де Малеструа. Стоит ли говорить о том, кому после казни барона отошло большинство его владений? Справедливости ради надо уточнить, что собственно баронство осталось за младшим братом Жюль де Ре.

Совершал Жюль де Ре приписываемые ему злодеяния или нет, был он оклеветан или действительно оказался опаснейшим серийным убийцей — это еще предстоит выяснить историкам будущего. Обе версии, обвинительная и оправдательная, существуют на равных, однако, как говорят в народе, нет дыма без огня: что-то наверняка было, пусть и не в столь грандиозных масштабах, о которых нас извещают материалы процесса. В этой истории мы наблюдаем очевидную материальную заинтересованность инквизиции в исходе суда, особенно если учитывать, что председательствовал на духовном суде епископ де Малеструа. Но опять же, самому трибуналу достались лишь крошечные суммы, покрывавшие судебные расходы, а главную прибыль получили его преосвященство епископ и герцог Бретонский.

Фактически мы видим конфликт хозяйствующих субъектов, сиречь феодалов, стремившихся заполучить ценнейшие владения оппонента. Как и в случае с тамплиерами, инквизиция выступила инструментом в споре, но свою основную функцию выполнила: обвиняемый сознался, колдовство, *maleficia* и убийства (в том числе и в ритуальных целях) формально



были доказаны, и Жиль де Ре честно заработал свой костер. Впрочем, после покаяния к нему проявили снисхождение и вместо сожжения задушили гарротой, а тело выдали родственникам для погребения...

Два вышеописанных прецедента в определенной мере могут подтвердить сентенции Григулевича о «материальной заинтересованности» инквизиции, однако мы видели, что выгодополучателями являлись король Франции (а с ним орден госпитальеров) и герцог Бретонский с присными. С другой стороны, какие доходы инквизиция могла получить после процессов над альбигойскими ересиархами, отрехшимися от всего земного и считавшими мирские блага и ценности «дерьмом дьявола», или, к примеру, «лионскими нищими», вальденсами, чье достояние составляли разве что драные штаны и перепоясанная вервием рубаха?

А ересь дольчинитов, или же «апостольских братьев», поднявших в Италии мятеж в 1306–1307 годах? Эти сектанты тоже стремились к евангельской бедности и созерцательной жизни, только делали это весьма своеобразно — попросту резали богатых, чтоб другим неповадно было, и это не считая иных сектантских забав, наподобие «общих жен» и прочего «военного коммунизма» образца начала XIV века. С дольчинитов тоже было нечего взять — голь, бось, рвань и обезумевший плебс, — но к процессу над фра Дольчино и его присными Sanctum Officium отнесся со всей возможной внимательностью и рвением, тщательно доказав вину и отправив еретиков на костер...

Так что же, спросите вы, злоупотреблений вовсе не было? Разумеется, были, и весьма значительные, как, впрочем, в любой судебной системе. Но пик пришелся на более поздние времена — если в раннюю эпоху инквизиция трудилась из соображений религиозного энтузиазма и ради спасения заблудших душ, то к финалу Средневековья и расцвету Ренессанса



Сжигание тамплиеров. Король Филипп IV Красивый; деталь миниатюры.



она зачастую становится подчиненной не Риму, а светским властям, действуя в интересах этих властей. Самый яркий пример тому — испанская инквизиция.

Со становлением национальных государств, когда примат религиозной самоидентификации сменился идентификацией этнической, папство начало ослабляться и более не являлось абсолютно непререкаемым авторитетом. В 1478 году папа дозволяет королям Испании учреждать собственную инквизицию и руководить ее работой. Особенно примечательно, что эта региональная инквизиция с помощью своей судебной системы могла полностью и с огромной эффективностью контролировать весь церковный аппарат Испании: священников, монашеские и духовно-рыцарские ордена, а с 1531 года даже епископов. Причем грозить апелляцией в Рим теперь становилось бессмысленно — вердикт Священного трибунала являлся окончательным и обжалованию не подлежал.

Это была колоссальная власть с не менее мощными рычагами принуждения и подчинения, однако таковы были требования эпохи: после Реконксты Испания остро нуждалась в объединении нации по религиозному признаку, и лучшего инструмента, чем подчиненная государству инквизиция, тогда попросту не существовало. Об этом мы еще поговорим позднее.



Вернемся, однако, к «черной легенде». Если Иосиф Григулевич был целиком и полностью советским или, скорее, «радикально-большевистским» автором, с соответствующей идеологической установкой и коммунистическим мировоззрением, то американец Генри Чарльз Ли (1825–1809) являлся протестантом со всеми вытекающими отсюда элементами предвзятости.



В начале XX века, когда Ли писал свою «Историю инквизиции», уже были доступны многие архивы трибуналов времен позднего Средневековья и Нового времени, каковыми автор всю пользовался. Его книга действительно стала сенсацией, в основном за смакование пикантных подробностей — поствикторианским леди и джентльменам надо было пощекотать себе нервы, почитав на ночь про пытки и холодные подземелья.

Бесспорно, фактологический материал в книге приводился колоссальный — тут следует сделать примечание, что благодаря Sanctum Officium и записям протоколов допросов современные исследователи Средневековья имеют возможность взглянуть на обычного человека того времени «под микроскопом» в буквальном смысле данных слов.

Стандартная историография Нового времени выглядела примерно так: «Король N женился на принцессе X, затем пошел войной на короля W из чего проистекли следующие события». История была «хроникой деяний великих людей», совершенно не обращая внимания на смердов, копошащихся под ногами их величеств, светлостей и преосвященств. Кому интересно, как жил и что делал какой-нибудь жалкий торговец зеленью или владелец сыроварни в никому не известном городишке?

А интересно это было как раз инквизиции.

Сохранился умопомрачительный массив документации Священных Трибуналов, чей подход к следствию даже скрупулезнейшим сложно назвать — забюрократизированность инквизиционного механизма позволяла собирать богатейший материал о свидетелях, обвиняемых, их родственниках, коллегах по цеху, а главное, об умонастроениях людей, попавших в поле зрения инквизиции. Что думает рыбак Джованни из Ливорно о его светлости герцоге Тосканском? А что он скажет о благочестивых пизанских клириках? Сильно пьющие,



Процессия
заключенных.
Аутодафе.
Гравюра.
Испания,
дата и время
не указаны

значит? Ах, брат Бонифаций ходит вечерами к вдове мельника? Секретарь, запишите во всех подробностях!

Тотальная фиксация инквизиторами любой доступной информации является для современного историка ментальности и социального историка истинным кладом Нибелунгов — благочестивым братьям надо сказать огромное человеческое спасибо и поставить в память свечку за то, что они донесли до нас голоса людей, о существовании которых мы бы никогда не узнали, причем голоса живые и искренние.

Вот примерно на таком материале и строил свое исследование Генри Чарльз Ли. Но одно дело — сбор фактов, и совсем другое — их оценка. Если Григулевич в своей книге



представил Sanctum Officium как феодально-эксплуататорский институт, то Генри Ли с точки зрения «протестантской этики» наблюдает исключительно политические амбиции в сочетании с клерикальным лицемерием. В итоге он припечатывает Священный трибунал беспощадной формулировкой — «чудовищный отпрыск ложного рвення».

Рвение — ложное, сиречь неправомерное. Юридическая же неправомерность, по мнению англосакса и протестанта, подразумевает нелегитимность описываемого в книге института. Особенно если речь идет об «инструменте политического подавления и террора» без каких либо гарантий «индивидуальных прав». Почти нет сомнений: случись у Генри Ли гипотетическая возможность подать в американский суд на инквизицию и отсудить миллион долларов, он бы так и поступил — все это укладывается в рамки его мировоззрения и менталитета.

Вот вам и еще один кирпичик в устойчивый образ инквизиции как главного пугала Средневековья.

Впрочем, Генри Чарльз Ли, добросовестно использовавший архивы и собравший уникальный материал, был далеко не первым обличителем Sanctum Officium, он лишь продолжил традицию, уходящую не так чтобы совсем в глубину веков, но весьма старинную.



Следующее известное имя в плеяде создателей «черной легенды» — испанец Хуан Антонио Льоренте. Также довольно занятный персонаж: католический священник и чудовищный графоман, по молодости сочинявший изумительно унылые пьески о пользе добра, которые не могли вызвать никакой иной реакции кроме зевоты и желания срочно пойти в кабак.



Родился Льоренте в 1756 году и, как многие отпрыски бедных дворянских семей, выбрал церковную карьеру, до поры до времени продолжавшуюся вполне успешно. Кроме написания нравоучительно-раздирающих мелодрам в свободное от исполнения служебных обязанностей время, он еще занимался каноническим правом, получил докторскую степень и всего в двадцать шесть лет был назначен на должность генерального викария епископата Калаоры — то есть стал первым заместителем епископа.

Вскоре стало ясно, что успехов на поприще Мельпомены Хуану Антонио Льоренте не снискать, а потому он приложил свой талант к философии, накатав устрашающее количество пустынных схоластических статей, позже взялся за жизнеописания местночтимых святых — работа крайне неблагодарная, но принесшая ему членство в Королевской академии святых канонов, литургии и церковной испанской истории в Мадриде, а это могло означать дальнейшее продвижение по службе и епископскую митру в будущем...

Но тут, как говорится, что-то пошло не так. Льоренте увлекается рационализмом и Декартом, начинает сомневаться в «папистском пути», но, поскольку кушать хочется, принимает назначение на должность комиссара Священного трибунала в городке Логроньо — то есть становится профессиональным инквизитором. Как мы помним, испанская инквизиция уже много столетий подчинялась королям, а не Риму.

Невзирая на отсутствие предков, привлекавшихся к суду по линии инквизиции и чистоту крови (никаких евреев и арабов среди пращуров!), через несколько лет Льоренте попадает под подозрение в сочувствии еретикам и (о ужас!) «просветительским» идеям, ставшим особо популярными после Великой французской революции. В итоге его обвиняют в причастности к делу янсенистской общины (ересь,



Мужчины, осужденные и приговоренные инквизицией к сожжению заживо; Бернар Пикар, гравюра, 1722 год

возникшая в XVII веке, проповедовавшая предопределение и необходимость наличия божественной благодати для спасения), после чего Льюренте снимают с поста секретаря инквизиции, отправляют в заточение в монастырь, конфискуют библиотеку и штрафуют на 50 дукатов. Видимо, непосредственных доказательств впадения в ересь не обнаружили, потому Льюренте отделался легким испугом и материальными потерями.

В 1808 году Льюренте неожиданно всплывает не где-нибудь, а в свите маршала Жоашена Мюрата, выдающегося соратника Наполеона. Бывший инквизитор приносит присягу новому королю Испании — Жозефу Бонапарту, правившему под именем Хосе I, и визирует конституцию. В 1809 году, после запрета инквизиции новыми властями, Льюренте становится руководителем архивной группы, которая изучает



*Мужчина
и женщина,
осужденные
и приговоренные
инквизицией
к сожжению
заживо; Бернар
Пикар, гравюра,
1723 год*



документы Священного трибунала и получает распоряжение приступить к созданию истории испанской инквизиции — разумеется, с бонапартистской и антиклерикальной точки зрения...

В 1813 году испанцы совместно с англичанами с грохотом вышибли французов из Испании, и Льоренте бежал в Париж по вполне понятным соображениям — ему грозила не только смерть за измену, но и суд инквизиции, восстановленной после свержения Жозефа Бонапарта. Судить было за что — бывший священник весьма рьяно содействовал французским властям в закрытии монастырей, конфискации церковного имущества и прочих непотребствах, возмутительных с точки зрения фанатичных испанских католиков. Ренегатства и сотрудничества с ненавидимыми оккупантами ему не простили, да и не могли простить.



Часть собранной документации по инквизиционной истории Льоренте вывез в Париж, часть «восстановил по памяти». Наконец, в 1817 году увидел свет его труд «Критическая история испанской инквизиции», целых четыре тома — графоманская юность сыграла свою роль. Моментально следуют переводы на английский, немецкий и голландский языки — то есть языки протестантских стран. Тиражи огромные, гоноары впечатляющие.

В чем причина такой популярности этой книги? Уже в заголовке мы видим слово «Критическая» — то есть не объективная, а именно критическая. Впрочем, «апологетическую» историю своего бывшего ведомства монах-расстрига и политэмигрант написать никак не мог. Советский историк, профессор С. Г. Лозинский характеризует данное сочинение следующим образом:

«...Этим успехом книга меньше всего обязана литературному таланту Льоренте или яркой характеристике действующих лиц в многовековой драме, пережитой Испанией; с внешней стороны Льоренте — посредственный писатель; язык, слог и манера его письма носят явные следы серых и нудных церковно-философских произведений, над которыми он корпел в течение трех-четырех десятков лет и от которых полностью не освободился даже тогда, когда идейно отошел от них сравнительно очень далеко. Причина громкой известности и широкой популярности “Критической истории” лежала в ее неимоверном богатстве документов. Они с фотографической точностью воспроизводили сугубо сложную и крайне запутанную процессуальную систему инквизиционных трибуналов. Они вводили читателя в самые потаенные уголки инквизиционных застенков, до того времени герметически закрытых и тщательно замурованных от постороннего глаза; эта таинственность особенно остро возбуждала людскую любознательность, не находившую удовлетворения ни



в фантастических измышлениях противников инквизиции, ни в цинично-лживой апологии ее друзей. Теперь перед читателем предстала правдивая картина, поразившая его своим реализмом и увлекшая его глубиной и искренностью убеждений автора, одновременно соучастника и жертвы кровавых деяний только теперь раскрытого сфинкса».

(Проф. С. Г. Лозинский. Хуан-Антонио Льоренте и его книга, 1936.)

Насчет «правдивости» и уж тем более «непредвзятости» нарисованной Льоренте картины существуют немалые сомнения. Антиклерикальной публике требовалась «клубничка» — таковой в «Критической истории» оказалось предостаточно, с избытком.

Как мы уже упоминали, значительную часть собранного в период с 1809 по 1813 год архива Льоренте не успел вывезти из Испании во время бегства, и, хотя страницы книги пестрят отсылками к реальным сохранившимся документам, в тексте часто встречаются ремарки наподобие «известный человек мне рассказывал», «со слов одного священника» или «по моим воспоминаниям» — то есть едва ли не половина зарисовок об ужасах инквизиции документально не подтверждена. Однако тогдашняя либеральная и просветительская общественность Европы услышала именно то, что хотела услышать: пытки, застенки, костры. С 1700 по 1808 год в Испании было сожжено 1578 человек! Кошмар! (Это в среднем по 15 человек в год, что ну никак нельзя назвать «массовым террором», да и есть весомые сомнения в точности цифр, приведенных Льоренте.)

Дальнейшая история Хуана-Антонио Льоренте еще интереснее. После грандиозного успеха «Критической истории испанской инквизиции» в 1822 году он выпускает пухлый двухтомник «Политические портреты пап» с описанием интриг в курии, скабрёзными подробностями и скандальными



Тюрьма, где заключенных инквизиции пытали различными способами. Справа кардинал, который наблюдает. гравюра, Амстердам, 1752–1789

анекдотами. Тут не выдерживает даже профессор Лозинский, работавший, заметим, в 1930-е годы и являвшийся марксистом не меньшим, чем И. Григулевич: «Написанная с большим подъемом, книга страдала местами некоторыми преувеличениями и подала повод к обвинению Льюренте в искажении фактов и в умышленном оскорблении памяти многих пап».

Вот так — «страдала местами некоторыми преувеличениями». И это в 1936 году говорит, подчеркиваем, бывший член редакции журнала «Атеист» и международного бюро Общества воинствующих безбожников, заведующий отделом религии и атеизма стран Европы и Америки музея религии АН СССР и прочая, и прочая. Проще говоря, Льюренте решил, что, если общественный запрос на «подвалы инквизиции» успешно удовлетворен, можно включать фантазию и ударить



по высшему авторитету — папству, используя самые вульгарные клеветнические приемы и грязные сплетни.

Однако не тут-то было! «Политические портреты пап» вызвали после публикации такую бурю негодования, что в конце 1822 года Льоренте выслали сначала из Парижа, а потом и вовсе из Франции — книгу признали не просто оскорбительной и диффамационной, но и непристойной. Льоренте возвращается в революционную Испанию, где ему уже не грозили преследования, и год спустя навеки исчезает из истории.

Однако его главный труд, «Критическая история испанской инквизиции», свое дело сделал — просвещенная Европа не стала разбираться, что там правда, а что вымысел или «некоторые преувеличения», и приняла изложенное на веру.

«Черная легенда» восторжествовала. Конечно же, огромную роль в ее поддержании и развитии сыграли просветители XVIII века — в их лучезарном мире современности, знаний и просвещения не находилось место этому олицетворению «мрачного Средневековья», с присущими ему грубостью, невежеством, приматом религии, предрассудками и прочими язвами эпохи. Достаточно вспомнить Вольтера и его лозунг относительно католической церкви: «*écrasez l'infâme*» — «уничтожьте подлую» или, в более адаптированной к русскому языку версии, «раздавите гадину».

Сюда же отнесем и Дени Дидро с его резко антиклерикальным романом «Монахиня» и определением «жестокость и варварство» в адрес Sanctum Officium в совместной «Энциклопедии» с д'Аламбером; Монтескье в своем «Почтительнейшем заявлении инквизиторам Испании и Португалии», от лица еврея осуждающий бесчеловечность, нарушение естественного закона и христианской морали — несть им числа. Эпоха просвещения почти завершила создание крайне отталкивающего и вызывающего ужас образа.



Впрочем, и Хуан-Антонио Льоренте не был создателем «черной легенды», он лишь впервые частично задействовал архивный материал. До него рассказы об инквизиции основывались или на слухах, или являлись протестантскими памфлетами, назвать которые «историческими исследованиями» язык не поворачивается.

В 1567 году в Гейдельберге вышел объемный труд неизвестного, взявшего псевдоним «Регинальд Монтанус» с названием «Коварства святой испанской инквизиции» (*Sanctae Inquisitionis Hispanicae artes*) — обычный набор саспенса для впечатлительных барышень и красноречивых лютеранских проповедников. Монтанус предположительно был севильским последователем Лютера, арестованным Священным трибуналом и впоследствии бежавшим из тюрьмы — в последнее поверить трудно, поскольку случаи побегов из инквизиционных тюрем относятся к разряду статистической погрешности, хотя, конечно, всякое случалось.

«Коварства» описывают собственно злоключения Монтануса, который за прогрессивные взгляды и борьбу с косными католиками был ввергнут в темницу вместе с такими же протестантами. Его рассказы также являются сводом невнятных сплетен вроде «один верный лютеранин говорил мне, что...» — далее мы наблюдаем слезливые подробности об испанских сапогах, дыбах и раскаленных прутьях, каковые, между прочим, повсеместно применялись и в протестантских светских судах, причем куда более часто и широко, чем в Священном трибунале.

В лютеранско-кальвинистской среде книгу приняли с восторгом, моментально перевели на английский — для подданных Елизаветы I и на французский — для пропаганды у гугенотов. Вопросы о том, почему незнамо как очутившийся в лютеранском Гейдельберге беглый севилец предпочел



скрываться под псевдонимом, а не выступил с публичным обличением (как тогда и было принято), не задавались: это было бы идеологически неверно.

Монтанусу вторит англичанин Джон Фокс, издавший в 1576 году неслыханно популярный мартиролог «Книга мучеников, или Деяния и памятники этих последних и бедственных дней»:

«...Жестокая и варварская инквизиция Испании, начатая королем Фердинандом и Елизаветой [т. е. Изабеллой], его женой, была учреждена против евреев, которые после своего крещения вновь проводили свои собственные церемонии. Теперь же она направлена против тех, в чьей приверженности истине Господа нельзя и на минуту усомниться [т. е. протестантов]. Испанцы и особенно их высокопоставленные священники полагают, что эта святая и священная инквизиция не может ошибаться и что святые отцы-инквизиторы не могут обманываться. Три сорта людей наиболее всего подвержены инквизиционной угрозе. Те, кто очень богат, ибо их имущество может быть отнято. Те, кто учен, ибо они [инквизиторы] не потеряют, чтобы их преступления и тайные злоупотребления были замечены и раскрыты. И те, чья честь и достоинство велики, ибо, чтобы не допустить их до власти, инквизиторы обесчестят их или опозорят».

(John Foxe. Acts and Monuments of These Latter and Perilous Days (1576 edition). Перевод Г. Зелениной.)

Филипп Лимборх, голландский богослов и, конечно же, протестант, издает в Амстердаме в 1692 году свою «Historia inquisitionis» на латинском языке, но и в данном случае архивные материалы не используются — да и откуда бы им взяться в постреволюционной Голландии? Бумаги или вывезены, или уничтожены. Лимборх основывается на летописях и исторических анекдотах, рассказывая об инквизиции в старые времена:



*Аутодафе под председательством Святого Доминика;
художник: Педро Берругете. 1493–1499. Музей Прадо, Мадрид*



Лангедок, Прованс, тамплиеры, вальденсы, катары. Ничего примечательного в его книге нет, но осуждение инквизиции как церковного института обязательно — а как же иначе?

А вот высказывание штатгальтера Голландии Вильгельма Оранского приблизительно от 1567–1568 годов — демонизируется не только инквизиция, но и Испания как главный военно-политический противник:

«...Все беды начались из-за жестокости и высокомерия испанца, который думает, что может превратить нас в рабов, будто мы индусы или итальянцы; нас, народ, который никогда никому не покорялся, но всех правителей принимал на определенных условиях. <...> Я был воспитан католиком, но ужасные мучения огнем, мечом и водой, которым я стал свидетелем, и план ввести здесь инквизицию еще худшую, чем в Испании, рассказанный мне королем Франции, заставили меня решить в сердце своем не покладать рук, пока не изгоню из этой земли испанскую саранчу. <...> Я беру на себя ответственность за сопротивление испанской тирании, ибо с возмущением смотрю на кровавые жестокости, худшие, чем преступления любого тирана античности, которые они обрушили на бедный народ этой земли».

В эпоху Реформации развернулась грандиозная война памфлетов: в Германии, Нидерландах, Англии, Швейцарии, гугенотских районах Франции проповедники яростно осуждали «римского антихриста», и, разумеется, особо доставалось главному жупелу католицизма — инквизиции. Нет, осуждали во все не за то, что она «жгла ведьм», — протестанты в этом деле преуспели куда больше! — прежде всего Священный трибунал был стражем ненавистного «папизма», а затем и испанского короля, основного противника англичан и голландцев. В весьма короткий срок «все испанское» становится предметом ненависти, осмеяния и осуждения — в основном по геополитическим



Святой Доминик и Альбигойцы, неизвестный год, Музей Прадо, Мадрид.



и лишь затем по религиозным мотивам. Острее всего тогда стоял вопрос колоний, а вовсе не преследований протестантов инквизицией, которая, впрочем, автоматически попала под раздачу только потому, что была испанской.

Что характерно, король Испании Филипп II Габсбург, будучи добрым католиком, свято уверенным, что Бог находится на его стороне и все хорошее рано или поздно победит все плохое, распространению рукописных и печатных гадостей об инквизиции, Церкви и Испании не препятствовал, а свою пропаганду практически не развивал — и вчистую проиграл главную информационную войну XVI века. Для всей Европы Испания (и испанская инквизиция заодно, как значимый символ государственного устройства) превратилась в заскорузлого консервативного монстра, всеми силами противящегося прогрессу и переменам.

Эта точка зрения преобладает доселе — объединены сразу две «черные легенды», испанская и инквизиционная. Кого ни спроси, сразу услышишь в ответ: «Испанцы убивали евреев в метрополии и индейцев в колониях, а кого не убили, тех сожгли инквизиторы» — в пример обычно приводится книга «Легенда о Тиле Уленшпигеле и Ламме Гудзаке» Шарля де Костера, пусть она вообще не является документальной, а опубликована и вовсе в 1867 году. Черно-белая легенда с «плохими испанцами и хорошими англичанами/голландцами» оказалась неслыханно живучей, хотя история этого вопроса тысячекратно сложнее и многограннее.

Испанский автор Хулиан Худеарис в произведении с красноречивым названием «La Leyenda Negra» (1914 г.) не без горечи пишет:

«...Атмосфера, созданная фантастическими историями о нашей родине, что вошли в свет во всех странах; гротескными описаниями испанского характера, как личности, так и общества;



Софонисба Ангиссола «Портрет Филиппа II» (около 1564 г.)



отрицанием или, по крайней мере, систематическим замалчиванием того, насколько красивы и разнообразны культура и искусство; обвинениями, которым постоянно подвергается Испания, созданными на основе преувеличенных, неверно интерпретированных или совершенно ложных фактов; и, наконец, заявлением, много раз воспроизведенным в книгах, казалось бы respectable-ных и истинных, обсужденным и усиленным зарубежной прессой, что наша страна является, с точки зрения терпимости, культуры и политического прогресса, прискорбным исключением среди европейских народов».

Как эти приемы знакомы и нам, в России, не правда ли?..

В Испании, от страха онемелой

Однако если копнуть еще глубже, то мы обнаружим, что непосредственное возникновение «черной легенды» относится к концу 1400-х — началу 1500-х годов и авторами ее оказываются испанские марраны, то есть крещеные иудеи.

Именно они впервые начинают процесс демонизации инквизиции, причем обоснование тому весьма прозаично и может быть сформулировано всего двумя словами: «Караул, грабят!»

Отсюда, из марранских хроник и памфлетов, корнями произрастают выводы что Иосифа Григулевича, что Чарльза Генри Ли, что Хуана-Антонио Льоренте.

Попытаемся объяснить, в чем тут загвоздка.

История евреев Пиренейского полуострова уходит, пожалуй, в доримские времена. Их самоназвание «сефарды» (ивр. סְפָרַדִּים («сфарадим») происходит от топонима «Сфарад» (סְפָרַד), подразумевающего территории, которые впоследствии



станут Испанией — это название встречается в Танахе (Ветхом Завете), в частности в книге пророка Авдии: «А переселенные [изгнанные] из Иерусалима, находящиеся в Сефараде, получают во владение города южные» (Авдия, 1:20).

В переводе книг пророков на арамейский язык, который сделал учитель Мишны Йонатан бен Узиэль (I век н. э.), слово Сефарад переведено как «Испамья». Поэтому иудеи и стали называть Испанию — Сефарад.

Если доверять сефардской легенде, часть колена Иудиного бежала из Иерусалима после 586 года до н. э., когда город был взят Навуходоносором и разрушен Первый Храм. В VI веке до Рождества средиземноморские морские трассы процветали, и добраться с побережья Палестины до малонаселенного Пиренейского полуострова никакого труда не составляло, особенно с помощью дальних родственников семитского происхождения, первоклассных мореходов — пунов, потомков финикийцев, устроивших многочисленные колонии по всему Средиземному морю. Сефарды (хотя их ныне осталось очень мало) до сих пор свято уверены, что ведут свой род от Иерусалимской аристократии и династии царя Давида, причем опять же нет оснований им не верить.

Происхождение и столь раннее заселение Испании — до Карфагена, до римлян, до варваров и уж тем более до арабов! — дало сефардам весьма существенные преференции.

Во-первых, с них автоматически снималось обвинение в событиях, произошедших во времена правления некоего скандально знаменитого прокуратора Иудеи. К моменту распятия Христа испанские евреи отсутствовали в Палестине четыреста с лишним лет, и сефарды физически не несли ответственности за приговор Иерусалимского синедриона и громкое «Распи его!».

Во-вторых, к своим новым владениям они отнеслись весьма по-хозяйски — за столько веков немудрено привыкнуть



Испытание огнем (Святой Доминик и альбигойцы); художник: Педро Берругете, 15 век, Музей Прадо, Мадрид



к новой родине и считать Пиренейские земли исконно своими. В-третьих, сефарды не прекращали богатейшую и древнюю традицию колена Иудиного: золотой и пурпурный кастильско-леонский геральдический львы ведут свой род от эмблемы царя Давида, хищник до сих пор красуется в Толедо, на синагоге, построенной Шмуэлем Ха-Леви Абулафией...

История испанских сефардов настолько обширна и насыщена событиями, что мы не станем углубляться в подробности. Скажем лишь, что сефарды достигли наивысшего расцвета во времена арабского завоевания, занимая высочайшие посты в иерархии испанских эмиратов эпохи Средневековья — вспомним хотя бы Шмуэля Ха-Нагида (993–1055), который становится великим визирем Гранады, а затем и величайшим полководцем Гранадского халифата, выигравшим минимум пять войн с Севильей, Малагой и другими соседями.

Согласимся, для еврейской внешней диаспоры это крайне необычное явление — невозможно представить себе какого-нибудь лавочника Моше-Рувима Зильберштейна из Нюрнберга, командующего армиями императора Конрада. Но сефарды — это не центральноевропейские ашкеназы, у них был совершенно иной менталитет и даже другие галахические правила; например шокирующее ашкеназов разрешение на многоженство, действующее доселе...

Шли века, началась Реконкиста. Сефарды попадают в сферу влияния христианских королей, которые первоначально относятся к новым подданным без малейшей неприязни. В упомянутой толедской Sinagoga del Tránsito (построенной вскоре после великой эпидемии чумы, в 1357 году) есть надпись на сефардском: *«Король Кастилии [Педро I] возвеличил и превознес Шмуэля Ха-Леви; и поставил его выше всех своих принцев...»*, а это о многом говорит. Сефарды занимают при христианских королях лидирующее положение в науке, медицине и экономике.



Отдельно заметим, что инквизиционные трибуналы в Испании того периода действовали как и везде в Европе, сиречь созывались по мере необходимости, однако на евреев (сефарды, разумеется, продолжали исповедовать иудаизм) святые отцы не обращали ни малейшего внимания — под юрисдикцию ранней версии Sanctum Officium *иноверцы* не попадали, инквизиция занималась исключительно ересями среди христиан. Испанский еврей мог привлечь к себе интерес Священного трибунала только в одном случае: колдовство и проистекающий из такового «материальный вред».

Тучи начали сгущаться с окончанием Реконкисты. Богатство и влияние сефардской общины вызывало зависть у плебса, а монархи, не желая терять поддержку подданных, начали постепенно вводить сегрегационные законы — ношение отличительных знаков, запрет христианам пользоваться услугами врачей-сефардов (последний не исполнялся и при королевских дворах, поскольку других квалифицированных медиков не было), создание гетто как отдельных районов проживания.

Наконец король Кастилии Энрике IV с неприличным прозвищем *el Impotente* (Бессильный, в том самом смысле этого слова) в 1449 году издает указ *Sentencia Estatuto*, воспреещающий сефардам (включая крещеных) занимать официальные государственные посты. На фоне развивающегося экономического кризиса и разорительной войны короля со знатью (борьба с кортесами) это выглядело преступной бесхозяйственностью.

В народе все чаще возникают бунты против иудеев — *Sentencia Estatuto* был принят как раз после подобного мятежа в Толедо, имевшего именно что экономические, а не вульгарно антисемитские причины: за долгие столетия в Испании к евреям настолько привыкли, что это было именно классовое, а не националистическое выступление; обездоленные бедные против зажавшихся богатых. Добавим, что у Энрике были и чисто политические соображения: многие сефарды поддерживали



Король Кастилии Энрике IV;
1892–1894 художник: Хосе Мария Родригес де Лосада



конфликтующее с королем дворянство — друзей, родственников и клиентов. В задачу монархии входило обрубить финансирование кортесов, что и было сделано столь неуклюжим образом. Следовало бы переманить влиятельных иудеев на свою сторону, но король этого сделать не смог или не захотел.

У сефардов был выход: отречься от иудаизма и принять крещение. Промеж собой иудеи таких называли «анусим» («принужденные»), у христиан прижился термин «марраны», от арабского «муррахам» («запрещенное») или «конверсос» («выкресты», «обращенные»). Кстати, все три слова не были оскорбительными или уничижительными — «конверсами», к примеру, обыденно называли послушников и послушниц монастырей, это был совершенно нейтральный термин, в отличие от иудейского *משומדים*, «мешумадим» («погубленные»), с безусловно негативной коннотацией.

Наступает эпоха Фердинанда и Изабеллы — королева Изабелла Кастильская чем-то напоминала Алиенор Аквитанскую, женщина столь же предприимчивая, работоспособная и упорная. Пиком ее деятельности становится 1492 год (мы же помним, что по одной из раннехристианских традиций на этот год назначался конец света, как на семитысячелетие от Сотворения мира?), увенчанный эпохальными событиями — взятием Гранады, поставившим точку в продолжавшейся семь столетий испанской Реконкисте, и открытием Колумбом Нового света, Вест-Индии.

Тогда же, 31 марта 1492 года, свет увидел так называемый «Альгамбрский эдикт», *El Decreto de la Alhambra*, текст которого с некоторыми сокращениями мы и приводим — для ясного понимания последовавших затем событий:

«...Короли Фернандо и Исабель, Божьей милостью короли Кастилии, Леона, Арагона и других владений короны...

<...>



Хорошо известно, что в Наших пределах живут некоторые плохие христиане, которые иудействовали и отрекались от Святой Католической Веры, что было вызвано в основном контактами между евреями и христианами. По этой причине в 1480 г. Мы приказали, чтобы евреи были отделены (от христиан) в городах и провинциях Наших владений и чтобы были выделены для них отдельные кварталы, в надежде, что вследствие этого разделения ситуация исправится. Мы также приказали создать в этих районах инквизицию. За 12 лет существования инквизиции Мы выявили многих виновных. Инквизиторы и другие люди сообщали Нам о большом вреде, причиняемом общением евреев с христианами. Эти евреи пытаются любыми способами подорвать Святую Католическую Веру и создают препятствия на пути верующих христиан в приближении к ней. Эти евреи обучают этих христиан своим обрядам и наставляют их в своей вере, делают обрезание их детям, дают им книги для их молитв, объявляют им дни постов, собирают их, чтобы учить их своим законам, сообщают даты праздника Пасха и затем дают им хлеб без дрожжей и мясо, приготовленное церемониальным образом, и рассказывают им о продуктах, от которых им стоит воздерживаться в области питания, и иное, требуемое для соблюдения законов Моисея, убеждая их в том, что не существует никакого иного истинного закона, кроме этого. Основываясь на показаниях как этих евреев, так и тех, кого они соvertsили, можно понять, что Святой Католической Вере был причинен большой вред и ущерб.

Хотя Нам было известно истинное средство избавления от этих пагубных явлений и сложностей, а именно прервать всякое общение между вышеупомянутыми евреями и христианами и выслать их за пределы всех наших владений, Мы удовлетворились изгнанием вышеозначенных евреев из всех городов и деревень Андалусии, где они нанесли, по всей видимости, наибольший вред, веря в то, что этого будет достаточно, и в этих, и иных городах, городках



Иудейская религиозная книга 14 века, Испанская Аггада.



и деревьях, находящихся под Нашей властью и в наших владениях эти мерги окажутся действительными, и эти явления прекратятся. Но Нам сообщают, что этого не произошло, и суды, произведенные над несколькими из вышеупомянутых евреев, которых назвали наиболее виновными в вышеуказанных преступлениях против Святой Католической Веры, не оказали должного воздействия, чтобы искоренить и эти преступления и правонарушения.

<...>

Касательно этого, Мы приказываем данным эдиктом, чтобы евреи и еврейки всех возрастов, находящиеся в наших владениях и на наших территориях, покинули их вместе с сыновьями и дочерьми, слугами и близкими и дальними родственниками всех возрастов в конце июля этого года и не смели возвращаться в наши земли и не проходили через них, так что если какой-либо еврей окажется на этих территориях либо вернется в них, то будет казнен, а его имущество конфисковано.

<...>

И для того чтобы евреи могли распоряжаться своими домами и всем своим имуществом, Мы берем их под свою охрану и опеку так, чтобы к концу июля они смогли продать или обменять свою собственность, мебель и любой иной предмет свободно по своему разумению. В этот промежуток времени никто не имеет права как-либо ущемлять их, оскорблять или относиться к этим людям несправедливо, или посягать на их имущество, а те, кто нарушит этот указ, подвергнутся каре за пренебрежение к Нашей королевской защите.

Мы даем право и разрешение вышеназванным евреям и еврейкам забрать с собой из наших владений свое имущество и увезти его по морю или по суше, за исключением золота, серебра, чеканных монет, а также иных предметов, запрещенных (к вывозу) законами королевства, не включая разрешенные предметы и ценные бумаги.

<...>



Дано в Гранаде 31 марта 1492 года от Рождества Христова. Подписано мной, Королем, и мной, Королевой, и Хуаном де Колома, секретарем Короля и Королевы, написавшим этот эдикт по приказу Их Величеств».

(Перевод с испанского Рафи Касимова.)

В преамбуле ясно сказано: «в *Наших пределах живут некоторые плохие христиане, которые иудействовали и отрекались от Святой Католической Веры*», то есть основной причиной появления «Альгамбрского эдикта» являлся криптоиудаизм обращенных марранов: тайное исповедание иудаизма при демонстративном и публичном исповедании католической религии.

Даже с точки зрения современной размытой этики «тайное иудействование» выглядит не особенно красиво: показно креститься, чтобы получить преимущества в торговле или карьере, ходить на мессу, принимать причастие, но при этом дома, за закрытыми дверями, блюсти седер, субботу, обрезать детей и совершать прочие обряды иудаизма. Тут, что называется, встает известная дилемма — или трусы, или крестик.

До Фердинанда и Изабеллы криптоиудаизм в судебном порядке не наказывался, но, как утверждает в книге «Изабелла Католичка» французский историк и профессор университета Бордо Жозеф Перес, «не из-за терпимости или безразличия, а по причине недостатка юридических инструментов, способных описать этот вид преступлений».

И действительно, нигде более в Европе подобная ситуация не наблюдалась — иудеи-ашкеназы Германии, Польши или Италии в абсолютном большинстве придерживались своего обряда. *Массовый криптоиудаизм* оказался юридическо-религиозным новшеством и вызовом христианскому единству Кастилии и Арагона.



*Иллюстрация
1340 года
к псалму
«Дурак говорит
в своем сердце:
«Бога нет».
Средневековая
сатира
на евреев,
который
здесь
представлен
в качестве
дурака.*

Итак, перед католическими королями встает «проблема обращенных», причем оба монарха терпели «иудействовавших» марранов со второй половины 1470-х по 1492 годы, до изгнания евреев из Испании — судя по тексту эдикта, данная проблема и впрямь приняла серьезный размах. Мы помним,



что в 1478 году папа Сикст IV даровал испанским монархам право на «собственную» национальную инквизицию — просьба была обусловлена не только государственными интересами, но и требованием создания соответствующей судебно-юридической базы для решения задачи принуждения марранов к исповеданию *одной-единственной* веры. Средневековый менталитет абсолютно не допускал двойственности: или ты католик, или иудей — криптоиудаизм вполне справедливо считался преступным лицемерием и осуждаемой ересью.

И вот тут-то в действие вступает государственная инквизиция Испании во главе с небезызвестным Томасом Торквемадой, коего «черная легенда» превратила в сущего монстра, бессердечное фанатичное чудовище. Вспомним строки американского пуританина Генри Лонгфелло:

*В Испании, от страха онемелой,
Царили Фердинанд и Изабелла,
Но властвовал железною рукой
Великий инквизитор над страной...
Он был жесток, как повелитель ада,
Великий инквизитор Торквемада.*

(перевод Б. Томашевского)

Но и тут есть нюанс — перевод стихов Лонгфелло от советского автора, литературоведа Б. Томашевского куда более устрашающ, чем относительно нейтральный оригинал, что свидетельствует лишь о всеобщем представлении об инквизиции в СССР:

*In the heroic days when Ferdinand
And Isabella ruled the Spanish land,
And Torquemada, with his subtle brain,
Ruled them, as Grand Inquisitor of Spain...*



*Аутодафе
и пытки.
Испанская
иллюстрация.*

По современным данным, за время руководства инквизицией Томаса Торквемады с 1483 по 1498 год к костру было приговорено 2200 человек, из них, скорее всего, реально сожжено около половины — на вторую половину приходится соломенные чучела обвиненных заочно, умерших или бежавших за границу еретиков. Это ориентировочно 75 человек в год, что тоже никак не назовешь глобальным террором...

Одиозный Хуан-Антонио Льоренте дает совсем другие цифры: Торквемада якобы виновен в том, что 10 220 человек погибли на костре, 6860 было сожжено заочно (то есть чучела или портреты), и 97 321 человек был подвергнуты конфискации имущества, тюремному заключению, изгнанию со службы и прочим репрессиям. Итого пострадали 124 401 человек в общей сложности. При этом Льоренте путается с датами,



уверяя, что Торквемада был Великим инквизитором не 15, а 18 лет, и признается, что для подсчета «прибегает к методу приближения» — что это за метод такой, он объяснить не удалось, и так сойдет.

Современный русский исследователь Сергей Нечаев в книге «Торквемада», вышедшей в серии «ЖЗЛ» в 2010 году, отмечает:

«...Карл Йозеф фон Хефеле в своей книге о кардинале Хименесе по этому поводу рассуждает следующим образом: “Первые фундаментальные данные, из которых исходит Льоренте, — это цифра в две тысячи жертв, которые он называет, ссылаясь на авторитет Марианы, в качестве сожженных в Севилье в первый год работы инквизиции, то есть в 1481 году. К счастью, у нас тоже есть под рукой „История Испании“ этого знаменитого иезуита... Мариана говорит, что при Торквемаде было сожжено две тысячи человек. А в каком году, согласно Льоренте, Торквемада впервые начал исполнять обязанности великого инквизитора? В 1483-м. Понимается ли сейчас, что этот историк говорит о двух тысячах жертв лишь в 1481 году, тогда как Мариана называет эту цифру за весь период деятельности Торквемады, который в 1481 году еще не был инквизитором? Правда состоит в том — и Льоренте мог бы знать это... — что две тысячи смертных приговоров, о которых идет речь, распространяются на много лет и на все трибуналы инквизиции королевства при Торквемаде, то есть на пятнадцатилетний период”.

<...>

Цифру две тысячи называют немало авторов. Это и Августин Боннетти (Annales dephilisiphie chretienne, 1863), и Филарет Шаль (Voyages d'un critique atraversla vie et les livres, 1868), и Джеймс Крейги Робертсон (History of the Christian church, 1873), и Мэлаки Мартин (Jesus now, 1973), и Стив Лак (Philip's world history encyclopedia, 2000), и Тоби Грин (Inquisition: the reign of fear, 2009), и многие-многие другие.



Даже проеврейский историк Генрих Грец в своей “Истории евреев” соглашается с этим. Некоторые же утверждают, что две тысячи человек — это число сожженных еретиков в период с 1481 по 1504 год, то есть до смерти королевы Изабеллы, а это гораздо больший отрезок времени, чем тот, когда Томас де Торквемада возглавлял испанскую инквизицию».

Словом, продолжающиеся уже несколько столетий жуткие разговоры о тирании испанской инквизиции и сожжении оной всего и вся, находившегося в зоне досягаемости, «несколько преувеличены». Однако разговор у нас идет не только и не столько о числе жертв Торквемады, а о возникновении «черной легенды» и ее основателях — марранах.

До изгнания сефардов из Испании в их руках было сосредоточено огромное количество собственности. Это не только земля, здания, предприятия или лавки — добавим сюда банки, ростовщические конторы, контроль за финансовыми потоками. И вот Фердинанд с Изабеллой ставят сефардов перед выбором: или крестись, или уезжай, перед этим распродав имущество. Заметим, что через двадцать лет сефардов ровно по тем же обвинениям в криптоиудаизме изгнали из приютивших их Португалии и Наварры — кастильский урок усвоен не был.

Уехали очень многие — в отдельных европейских странах иудеев не преследовали и никакой принципиальной разницы между сефардами и ашкеназами не видели, хотя она была очень существенной. Причем кое-где полностью «испанизированным» за многие столетия эмигрантов-сефардов принимали за этнических испанцев и очень удивлялись, узнав, что они исповедуют иудаизм.

Тут поневоле попомнишь «советского Джеймса Бонда» Иосифа Григулевича и его марксистские выкладки о примате экономики — в целом Григулевич был не так уж не прав.



После 1492 года абсолютное большинство претензий изгнанных сефардов как к Испании, так и к инквизиции носят выраженный экономический характер. Финансовая тема всплывает постоянно, затмевая даже сообщения о физических репрессиях против оставшихся в Кастилии родственников.

Документов изгнанных сефардов (то есть поколения, еще жившего в Испании) сохранилось множество. Заново напомним термины — «анусим» (принужденные к крещению) и «конверсос» (выкресты или обращенные).

Авраам де Торутиэль извещает нас из глубины веков:

«...Судьи короля начали вести розыск среди анусим и въяснили, что те остаются верными закону Бога Израилева, и осудили их на костер, а их богатства отошли королю. <...> Во главе отступников Израиля, еретиков и эцикуррейцев, стоял проклятый Лаван-арамеянин, Леви бен Шем Ра, который грешил и заставлял Израиль грешить хуже Иероваама. Он посоветовал королю завладеть синагогами и домами учения».

Шмуэль Ушке в своем памфлете рисует совершенно апокалиптическую картину:

«Король и королева послали в Рим за диким монстром, такой странной формѳы и ужасной наружнoсти, что вся Европа дрожит при одном упоминании его имени. <...> Монстр сжег множество детей моих [Израиля] огнем своих глаз и усыпал страну бесчисленными сиротами и вдовами. Своей пастью и мощными зубами он перемолол и проглотил все их мирские богатства и золото. Своими тяжелыми, полными яда лапами он растоптал их честь и величие, <...> обезобразил их лица и омрачил их сердца и души».

У Йосефа га-Когена наблюдаем аналогичные ужасы:



«[В Португалии анусим] постоянно бесчестили, осмеивали и ежедневно возводили на них клевету, дабы уничтожить их и захватить их достояние и владения».

(Все текущие и последующие до окончания раздела цитаты взяты из статьи к. н. Г. Зелениной «Только чтобы отнять деньги и чтобы ограбить». Корыстолюбие инквизиции в разных дискурсах о ней».

Источники:

1. *Hashlamat Sefer ha-qabbalah le-rabbi Avraham mi-Torutiel // Shtey kronikot ivriyot mi-dor gerush Sfarad / Ed. A. David. Jerusalem, 1979. P. 36.*
2. *Samuel Usque. Consolaçam as tribulaçoens de Israel / Ed. J. Mendes dos Remédios. 3 vols. Coimbra, 1906–08. Vol. 3. P. 26.*
3. *Joseph Ha-Kohen. Sefer Emeq ha-Bakha / Ed., introduction and comments K. Alnbladh. Uppsala, 1981. P. 65.)*

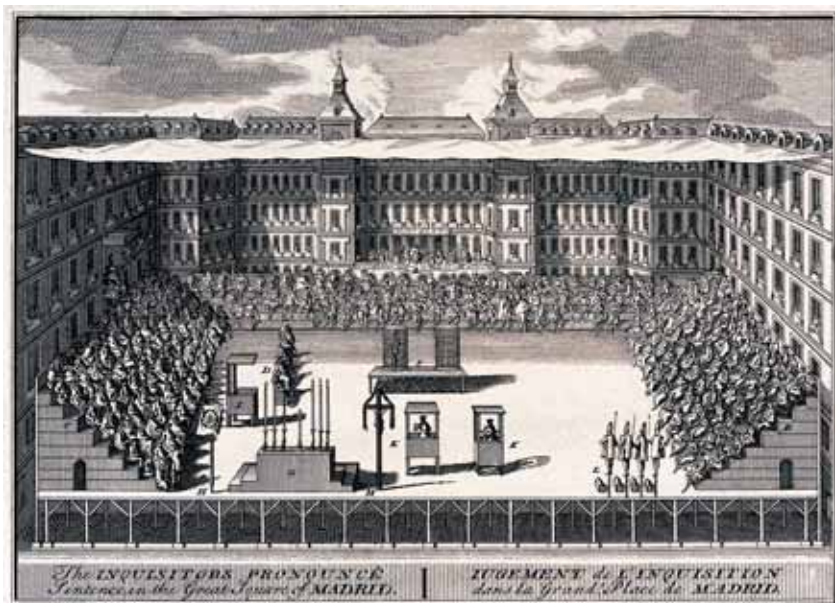
И ведь действительно обидно! Если принять, что сефарды и впрямь приехали на Пиренейский полуостров еще во времена Навуходоносора и прожили тут почти 2000 лет, прумножая богатство и влияние, пережили Карфаген, римских цезарей, варварских риксов, арабских эмиров и халифов, то изгнание в 1492 году поставило под удар целую субцивилизацию — не самую многочисленную, но старинную и уважаемую! Было от чего прийти в отчаяние и ярость!

В то же время инквизиция Торквемады и его последователей действовала совершенно законными методами с точки зрения что государственного, что церковного права. Веротступничество после крещения и криптоиудаизм являются преступлением? Безусловно! Конфискация имущества после доказательства вины и вынесения приговора предусмотрена? Да, конечно! И эти законы общеизвестны.

Так в чем же претензии?!

В данном случае мы наблюдаем еще и последствия несовершенства человеческой природы — попомнишь тут слова

*Аутодафе
на Главной
площади
в Мадриде
с речью
инквизитора
и толпой на
трибунах.
Гравюра.*



о том, что «нет ни эллина, ни иудея», как в грехе, так и в праведности. Смертный грех алчности был свойственен марранам в той же мере, что и всем прочим, а потому инквизиция неожиданно для себя становится инструментом обогащения для не самых чистоплотных конверсо — доносчику полагалась доля в конфискате. Таковых же было немало:

«...Число анусим намного увеличилось в Сефараде со времен фра Виченце. Они переженились с самыми аристократическими жителями страны и были очень уважаемы. [...] Фердинанд и Изабелла назначили инквизиторов над анусим, дабы выяснить, следуют ли они предписаниям христианской религии. Они превратили имя евреев в страх, поговорку и насмешку. Многие из них были тогда сожжены. Бог не поднял руки своей, дабы предотвратить их уничтожение. Один доносил на другого, юноша — на старика,



презираемый — на почтенного. А если женщина жаждала золотых и серебряных сосудов своей соседки или женицы, живущей в ее доме, а та не давала ей, то эта на нее доносила».

(Joseph Ha-Kohen. Sefer Emeq ha-Bakha. P. 60.)

«Вдобавок к врагам, были в то время и некоторые конверсы, которые предавали братьев своих во власть этого жестокого монстра. Бедность была толчком и причиной для большинства их злых поступков. Многие бедные конверсы приходили в дома своих богатых братьев попросить займы 50 или 100 крусадо на свои нужды. Если кто-либо отказывал им, они потом обвиняли его в иудействовании вместе с собой».

(Samuel Usque. Consolaçam as tribulaçoens de Israel. P. 26.)

Картина, согласимся, донельзя неприглядная. Отвратительная картина. Слышим возражение: но ведь это все произошло от действий инквизиции! Именно Sanctum Officium развязывает террор, провоцирующий доносы! Доля истины в этом есть, но будем объективны: не случись массовой проблемы «двоеверия» и фальшивого принятия католицизма с последующим тайным исповеданием старой веры, Фердинанд и Изабелла вряд ли решились бы на «Альгамбрский эдикт».

Абстрактным «антисемитизмом» появление указа не объяснишь — католические короли являлись государственными деятелями, взвешивающими все важные решения, и вульгаризированным «давайте выгоним евреев только за то, что они евреи» события 1492 года никак не являются. В конце концов, особых претензий к сефардам у предшественников их католических величеств еще столетие назад не было.

Снова вспомним о средневековой ментальности и концепции «свой — чужой» по религиозному признаку — если фальшивые «свои», то есть конверсы, живут двойной жизнью, внешне принимая одно, но внутри оставаясь другими, то что



можно ждать от них в дальнейшем? Одна измена и лицемерие подразумевают другие — завтра они поддержат врагов Кастилии, а послезавтра устроят мятеж, чтобы вернуть «старые порядки»? Нет, это решительно невозможно! Ересь двоемыслия следует искоренить, а особо упорных — истребить.

Торквемада, действуй! Именем короля и королевы, которым нужны преданные и прежде всего *честные* подданные!



Взглянем на вопрос с другой стороны, а именно — глазами центральноевропейских иудеев-ашкеназов, подвергавшихся в Германии страшным преследованиям в 1096 году, в начальный период Первого крестового похода.

В ашкеназской нарративной традиции это называется «События 4856 года», или же גזרות תתנ"ו, Gzerot Tatnu. До нас дошли три еврейские хроники Первого крестового похода, приписываемые бар Симсону, бар Натану и дополнительно «Анонимный рассказ старых преследований, или Анонимный Майнц» — все они повествуют о погромах еврейских общин в Шпейре, Вормсе, Кёльне и Майнце.

«События 4856 года» описывают сам ход преследований, смерть, самоубийства, столкновения с крестоносцами — упор делается на мученичество и страдания жертв стихийных банд. Акцент на материальную составляющую практически отсутствует — нет долгих и нудных описаний того, сколько золота было отобрано погромщиками, какое имущество пострадало или каков ущерб.

Ровно противоположное мы наблюдаем у сефардов в XVI веке. Практически все сочинения изгнанных из Испании евреев красочно и во всех подробностях повествуют о проблеме финансового ущерба — прежде всего упор делается на конфискации по итогам инквизиционных процессов



над криптоиудеями. Заметим, что тайное иудействование при надлежащем раскаянии первоначально трибуналом прощалось — накладывалось нестрогое наказание: покаяние, паломничество по святым местам, штраф. Но в случае рецидива инквизиция бралась за виновного всерьез: повторное впадение в ересь считалось тяжелейшим грехом, который практически однозначно вел на костер со всеми вытекающими, включая полную конфискацию имущества.

«Anales de la Corona de Aragón», то есть официальные католические хроники королевства Арагон от 1610 года меланхолично докладывают нам, что именно конфискации являлись главным камнем преткновения для конверсо:

«Начали волноваться и возмущаться новообращенные из числа евреев и кроме них многие дворяне и знатные люди, заявляя, что [инквизиционная] процедура нарушает вольности королевства, ибо за это преступление у них конфисковали имущество и не сообщали имена свидетелей, дающих показания против обвиняемых, и такая процедура новая, раньше никогда не применявшаяся, и она приносит убыток королевству. И по этому поводу устраивали многочисленные собрания в домах людей еврейского происхождения <...> Понимая, что, если прекратятся конфискации, эта канцелярия долго не продержится, и, чтобы добиться этого, предложили большие суммы денег <...> и начали среди конверсо сбор большой суммы денег, дабы послать в Рим, а также ко двору короля, и все по поводу конфискаций...»

Сефарды, что и говорить, были людьми очень богатыми, а потому в ход пошли скрытые мощные рычаги, вызвавшие невероятный скандал в самых высоких сферах. 18 апреля 1482 года (за 10 лет до изгнания сефардов, заметим, в разгар «кризиса двоеверия»!) папа римский Сикст IV, тот самый, что пять лет назад даровал право королям Испании на



Отвратительный средневековый еврей наносит удар молодому Адаму из Бристоля, Англия, ок. 1320. Лондон.



организацию государственной инквизиции, внезапно издает буллу, гневно осуждающую злоупотребления Священного трибунала в Арагоне и Валенсии: «...канцелярия по расследованию ереси движима не ревностью о вере и спасении душ, но страстью к богатству. Многие верные и преданные христиане по доносу <...> были без законных на то оснований брошены в светские тюрьмы, мучимы пытками, объявлены еретиками и повторно впадшими в ересь, лишены своего добра и имущества и переданы светской власти на казнь».

Одновременно папа Сикст аннулирует все полномочия государственных инквизиторов Кастилии и Арагона с требованием перевести трибуналы под контроль местных епископов (то есть в прямую зависимость Риму), а не короля с королевой.

Оскорбленный Фердинанд не полез за словом в карман и сочинил ответное послание, в котором самым дерзким тоном заявил, что, во-первых, сомневается в подлинности этой странной буллы, во-вторых, уверен в подкупе папы со стороны конверсо (Сикст был печально славен сребролюбием), в весьма резких выражениях осадил понтифика, давшего отпущение грехов осужденным инквизицией еретикам, и, наконец, прозрачно намекнул, что лучше бы его святейшеству доверить решение данного вопроса католическим королям и не совать нос не в свое дело. Мы тут, в Кастилии, сами разберемся.

Как и любой папа эпохи Ренессанса, Сикст был покровителем наук и искусств, а также тратил уйму денег на строительство — ему мы должны быть благодарны за Сикстинскую капеллу в Ватикане. Стоили такие проекты очень дорого, золота вечно не хватало, а потому утверждение Фердинанда о взятке со стороны конверсо может рассматриваться вполне серьезно — король неплохо знал своих подданных и их потенциальные возможности. Сикст IV предпочел замять



разгорающийся скандал и полностью капитулировал, чтобы еще больше не оконфузиться.

Есть и другие свидетельства о развернувшейся масштабной коррупционной деятельности — «Anales de la Corona de Aragón» с присущей исторической хронике бесстрашностью сообщает, что конверсо пытались дать взятки одновременно королю Арагона, верховному светскому суду и папе, лишь бы приостановить или вообще запретить работу Священных трибуналов. Это говорит об одном: «проблема двоеверия» и, как следствие, преследований за криптоиудаизм со стороны инквизиции стояла необычайно остро, из чего у марранов вытекали колоссальные проблемы с гешефтом.

Оставшиеся в иудаизме сефарды и некоторые крещеные марраны, уехав из Испании, Португалии и Наварры, создали две крупные диаспоры — западноевропейскую и османскую, причем у турок впоследствии они столь же необычайно преуспели, как и во времена Пиренейских эмиратов. Европейские сефарды селились в основном в Лондоне, Амстердаме, Гамбурге, Венеции. В европейских общинах начался процесс реиудаизации — ранее принявшие католицизм возвращались к вере Моисея. И конечно же, у эмигрантов постоянно сохранялась озабоченность о своих деньгах и партнерских капиталах, оставшихся у крестившихся родственников-конверсо в Испании — это были серьезнейшие финансовые риски, поскольку инквизиция не дремала и угроза конфискации имущества у криптоиудеев никуда не исчезла...

В первой половине XVI века сефардские общины и создают образ инквизиции как олицетворения алчности — алчность как главная движущая сила Священного трибунала. Мотив мученической смерти за веру в распространяемых по Европе памфлетах поначалу отсутствует, зато в ход пускается множество самых неприглядных эпитетов. Вспомним



недавно цитировавшегося Шмуэля Ушке: «дикий монстр из Рима ужасной наружности», «пастью и мощными зубами он перемолол и проглотил все их мирские богатства и золото», «тяжелые, полные яда лапы», «жестокий монстр» — и так далее до бесконечности.

Ключевые слова тут — «богатства и золото».

Постепенно формируется массовое мнение о Габсбургской Испании — государство, основанное на алчности, всепоглощающем сребролюбии, демонической ненасытности. Оба испанских «национальных проекта», то есть инквизиция и сразу за ней завоевание Вест-Индии, объясняются этой универсальной негативной характеристикой.

Законность требований инквизиции во внимание не принимается — хоть в Дании, хоть в Германии, Франции или Италии имущество еретика конфисковывалось, Испания не являлась каким-то выходящим из общего ряда исключением. Церковное право было обязательно для всех. Однако сефарды громче остальных кричали о беспрецедентном грабеже и в этом деле изрядно преуспели.

Затем в общий дискурс, созданный марранами, протестанты добавляют *жестокость* (Новый свет, Нидерланды, Италия), *мракобесие* — то есть подавление инквизицией любой свободной мысли, интеллектуального и духовного прогресса, а также *тирания*, идущая в паре с жестокостью — порабощение свободных голландцев и фландрийцев, вместе с обитателями Нового света.

Вот такая неприглядная триада родилась в итоге подавления марранского двоеверия и криптоиудаизма с последующим изгнанием сефардов с Пиренейского полуострова. Когда испанцы спохватились, было уже поздно — деточка выросла. «Черная легенда» прочно вошла в сознание соседей по материке, и выкорчевать ее не было уже никакой возможности.



В позднейшие времена мы можем наблюдать лишь последовательное развитие «черной легенды» инквизиции, наибольший вклад в которую внесли не марраны, а протестанты, лишь подхватившие эстафету. Впрочем, примерно через столетие-полтора после изгнания сефардский плач о потерянных деньгах (стало неактуально) начал замещаться на более возвышенные мотивы — теперь в марранских произведениях мы наблюдаем страдальцев за истинную и единственную веру Моисееву, коим противопоставляются наводящие жуть инквизиторы, самыми гнусными методами навязывающие язычество в виде христианства. Вот пример подобного творчества:

*...Мученик самъйй редкостнъйй,
Исповедник самъйй непорочнъйй,
Свет самъйй яркый,
Самъйй божественнъйй ум.*

*...Выхожу на смерть в огне
Во имя Г-спода.*

*...Эй, кощунственнъе антиохи,
Исполняйте декрет
Гнусной инквизиции,
Трибунала преисподней*

*...Горе тебе, народ без Б-га,
Которъйй слепо поклоняется идолам
<...> ибо сам Б-г угрожает тебе!*

*(Antonio Enríquez Gómez. Marrano Poets
of the 17th Century / Ed. and transl. by T. Oelman.
London, 1982. Перевод Г. Зелениной.)*



Подведем итог.

Мы проследили за четырьмя последовательными эшелонами создания вокруг инквизиции «черной легенды». Фундамент заложили марраны, мощнейшее развитие тема получает при Реформации и силами протестантов Sanctum Officium окончательно демонизируется; третий этап взяли на себя англичане и голландцы в рамках пропагандистской борьбы с Испанией, а финальную точку ставят просветители-гуманисты XVIII века, для которых антиклерикализм являлся столь же естественным, как солнечный свет.

Последователи наподобие Генри Чарльза Ли или Иосифа Григулевича лишь основывались на данном материале, старательно наработанном более чем за четыре столетия, в котором истина и вымысел сплетены настолько тесно, что различить их почти невозможно. Но мы можем четко разделить наше отношение к Испании до правления Фердинанда и Изабеллы (дружелюбно-нейтральное с романтикой Реконкисты) и после него — Пиренейская держава в лучшем случае внезапно превращается в холодно-чопорную страну, где благородные идалго в черных костюмах ищут несметных богатств, угнетают индейцев, разрушают Мехико, убивают смелых гёзов, обманывают доблестного капитана Блада, а над всем этим пейзажем простирает крылья Святая инквизиция — настолько всемогущая и безжалостная, что совершенно непонятно, почему эти фанатичные люди-механизмы не завоевали всю обитаемую Вселенную и сразу же не сожгли ее на костре во избежание какой-нибудь непредусмотренной инструкциями ереси...

Да потому, что феномен испанской инквизиции был сугубо локальным, обусловленным особенностями государственно-национального строительства на Пиренейском полуострове после Реконкисты. Так же, как и опричнина Ивана Грозного потребовалась исключительно Руси в строго определенный исторический момент.



Это была первая в истории масштабная информационная война, с невероятной безалаберностью проигранная Испанией и ее государственными институтами только потому, что испанцы, а равно испанская инквизиция, придерживались древнего постулата о караване и брешущей собаке, искренне полагая, что караван как шел, так и идет, что мир не меняется, а условное добро всегда побеждает зло.

Они ошибались и крепко поплатились за эту ошибку. Репутация страны, народа и Церкви оказались испорчены вплоть до XXI века.

КАЗУС БРУНО

Перенесемся с Пиренейского полуострова в Италию и обратим взор на едва ли не самую знаменитую «жертву» инквизиции — Джордано Бруно по прозвищу Ноланец. Сожгли его в 1600 году, и это, конечно, уже никакое не Средневековье, а самый конец Ренессанса и начало Нового времени. Однако в качестве иллюстрации к работе *Sanctum Officium* такая зарисовка необходима.

Из советского (да и современного) школьного учебника мы помним, что Бруно, великий ученый, отстаивавший гелиоцентрическую концепцию Коперника, был схвачен объятами религиозными предрассудками инквизиторами, осужден и сожжен на костре — разумеется, за свои невероятно прогрессивные мысли, совершившие переворот в науке и противные отсталым низколобым церковникам, не желавшим никаких перемен и отстаивавшим смехотворные библейские догмы.

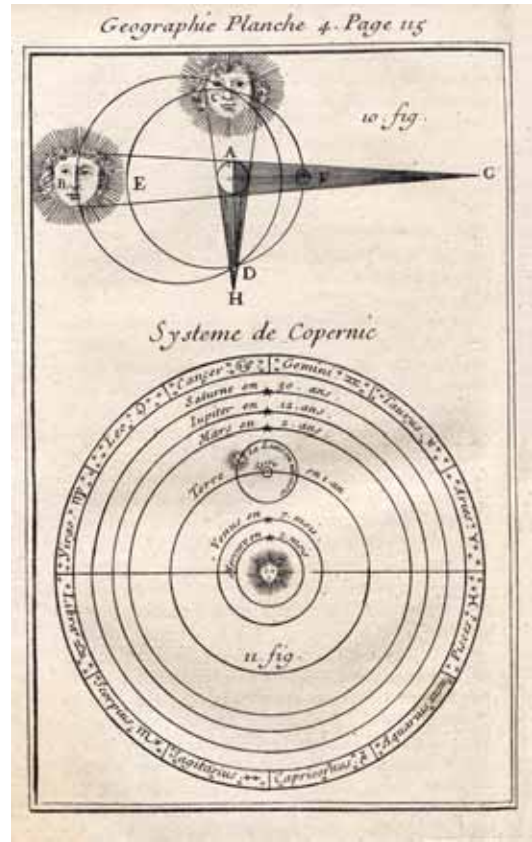
С какой стороны ни взгляни — безвинный агнец, отданный за заклятие свирепым волчищам из Священного трибунала.



Так что же это был за человек, являлся ли он ученым в традиционном понимании данного термина и почему злобные клерикалы отправили Бруно на костер? И, в конце концов, при чем тут Николай Коперник с его гелиоцентризмом?

Как раз ни Коперник, ни его теория о вращении Земли и прочих планет вокруг Солнца к истории обвинения Джордано Бруно почти не имеют отношения. Так, весьма косвенное.

Объект нашего внимания родился в 1548 году в Ноле, Кампания, получив при крещении имя Филипп. С десяти до пятнадцати лет он проходит курс домашнего обучения у дяди в Неаполе — судя по всему, семья была достаточно обеспеченной, чтобы позволить себе нанять в качестве учителя профессора Римского университета Виченцо Кале де Сарно. Затем Бруно поступает послушником в монастырь Сан-Доменико Маджоре — центр учености, где в свое время преподавал сам Фома Аквинский. В 1565 году Ноланец принимает постриг, взяв монашеское имя Джордано, и продолжает обучение в соответствии с тогдашними традициями — древняя и новейшая философия, арабские авторы, Николай Кузанский с его модной натурфилософией и, заметим, каббала. Попутно сочиняет сонеты и неплохие комедийные пьесы.



Система Коперника с солнцем в центре. Лист из франц. книги «География и космография»



Портрет
Джордано
Бруно, гравюра.

мат, козий сыр, хорошее вино, необременительные обязанности... Но всего через три года Бруно внезапно отзывают обратно в монастырь, где предъявляют обвинения не больше и не меньше, а по *ста тридцати пунктам*, в которых приходской священник умудрился отступить от догматов католической церкви. Просто уму непостижимо, как возможно за столь короткий срок наговорить столько глупостей, включая

В это же самое время начинает проявляться острая конфликтность его характера, которую апологеты Бруно с придыханием называют «замечательной искренностью и прямоотой». В Санта-Мария Маджоре он первый раз попадает под подозрение в ереси, поскольку осудил книгу «О семи радостях Пресвятой Девы» и вынес из своей кельи изображения святых, оставив только распятие — это был первый звоночек. Дело спустили на тормозах, и Джордано Бруно в 1572 году становится рукоположенным священником, получая приход в городке Кампанья.

Запомним: он *был доминиканским монахом и священником*. Это очень важный пункт.

Вроде бы — живи да радуйся. Доходная должность, прекрасный кампанский кли-



сочувствие арианской ереси! Вдобавок у него нашли запрещенные сочинения.

Бруно бежит из монастыря в Рим, где надеется объяснить-ся перед руководством доминиканского ордена, но, когда дело принимает совсем скверный оборот, тайно скрывается из Рима, отправившись далее на север — через Геную и Венецию в Швейцарию...

Затем начинается эпоха непрерывных странствий, сопровождаемых постоянными ссорами и грубостями. Перечислим главные этапы этого долгого и тернистого пути, занявшего полтора десятилетия.

Женева. Диспут с кальвинистами, скандал, обвинение в ереси теперь уже со стороны протестантов, тюрьма, бегство. Заключение Бруно о кальвинистах: *«Да искоренит герой будущего эту глупую секту педантов, которые, не творя никаких добрых дел, предписываемых божественным законом и природою, мнят себя избранниками Бога только потому, что утверждают, будто спасение зависит не от добрых или злых дел, а лишь от веры в букву их катехизиса».*

Тулуза. Бруно получает вакантную кафедру философии в Тулузском университете, где начинает читать вызывающие и откровенно провокационные лекции об Аристотеле, опровергая его учение, на котором строилась вся средневековая схоластика. Ссора с прочими преподавателями, изгнание с должности. Мнение Джордано Бруно о коллегах: *«...Конечно, эти люди не могут высоко ценить философию, — или ничего не стоящую, или ту, которую они не знают. Но кто открыл истину, это сокрытое от большинства людей сокровище, тот, подчиняясь ее красоте, становится уже ревностным блюстителем того, чтобы она не была извращаема, не находилась в пренебрежении и не подвергалась осквернению. Самые жалкие из людей — это те, кто из-за куска хлеба занимаются философией».*



(Переводим с бруновского языка на русский: «Вы, жалкие и ничтожные личности, не оценили мои взгляды на открытую мне истину».)

Париж. В Тулузе он успел получить докторский диплом и звание ординарного профессора, а потому мог быть принят в Сорбонну. Бруно ставит условие: никакого обязательного посещения мессы — что само по себе подозрительно, особенно для священника. Благодаря книге о мнемонике (развитии памяти) был замечен королем Генрихом III, вошел в круг парижской научной богемы, но опять рассорился со всеми, с кем только можно, и вынужден был уехать в Англию. Объяснял это низкими интригами католических обскурантов и замшелых аристотелистов — ничего нового.

Лондон. Поступление в Оксфорд. Английский вице-канцлер получает от Джордано Бруно удивительное письмо, которое наводит на определенные размышления о вменяемости итальянца. Бруно именует себя, любимого, «...доктором более совершенного богословия, профессором более высшей мудрости, чем та, которая преподается обыкновенно. Его знают везде, не знают только варвары. Он будит спящих, поражает кичливое и упрямое невежество; он гражданин и житель всего мира, перед которым равен британец и итальянец, мужчина и женщина, епископ и князь, монах и логик. Он сын отца-неба и матери-земли». (Цитируется по изд. Антоновский Ю. М. Джордано Бруно, его жизнь и философская деятельность, 1891 г.)

В протестантском Оксфорде он читает крайне странные лекции, от которых, как утверждали современники, «краснели стены богословской аудитории», причем это сопровождалось «своеобразным латинским языком». Пикантная подробность: скептики поговаривают, будто Джордано Бруно в Оксфорде читал лекцию, используя трактат флорентийца Марсилио Фичина «О жизни», посвященный проблемам магии, выдав его за собственное сочинение.



Педро Берругете, Знамение Богородицы обществу доминиканцев.
Музей Прадо, Мадрид; с.1499



Монахини
и монахи,
играющие
в битву
и в бейсбол
в Оксфорде.

Иллюстрация
из средневекового
манускрипта.

Итог предсказуем — из Оксфорда Джордано Бруно вышибли с громким скандалом, а мы можем оценить его высказывание о тамошних ретроградах: *«Созвездие педантов, которые своим невежеством, самонадеянностью и грубостью ввели бы из терпения самого Иова. Оксфорд — вдова здравого знания».*

Кажется, мы нечто подобное уже слышали совсем недавно?

Марбург. Попытка получить кафедру в университете. Причем Бруно нагло соврал, назвав себя «профессором римской теологии». Вежливый отказ, за которым последовал очередной взрыв неконтролируемой ярости — он грубо обругал ректора в его собственном доме и заявил, что *«факультет нарушил народное право и обычаи всех германских университетов и поступил против интересов науки».*

Виттенберг. Получение кафедры и очередное славословие самому себе перед ректором: *«Я питомец муз, друг человечества и философ по профессии».* Через два года — ссора с новым кальвинистским руководством, отставка.



Прага. Здесь друг человечества ничего не добился, кроме трехсот талеров, подаренных императором Рудольфом, за посвящение таковому книги «О ста шестидесяти положениях против математиков и философов своего времени». Ключевое слово здесь — «против». Все они философы, один я д'Артаньян.

Гельмштадт. Кратковременное пребывание в университете герцога Юлия Брауншвейгского. Здесь Бруно договорился до того, что пастор кафедрального собора Гельмштадта влепил ему отлучение от церкви — формального католика отлучили лютеране, это ли не достижение?! Изгнание из университета.

Франкфурт-на-Майне. Бургомистр не пускает буйного еретика в город, в результате Бруно селится в кармелитском монастыре за стенами, где пишет несколько книг.

Цюрих. Читает лекции по метафизике ограниченному кружку золотой молодежи, пользуясь поддержкой молодого и богатого дворянина Иоганна Генриха Гейнцеля фон Дегерштейна. Один из участников кружка, протестантский священник Рафаэль Эглин, впоследствии вспоминал о странной особенности Джордано Бруно: он диктовал свои мысли... *стоя на одной ноге*, причем делал это постоянно. Причины, по которым Бруно спешно покинул Цюрих, нам не известны, но, исходя из всего вышеизложенного, нетрудно предположить, что он опять совершил какую-нибудь дикую выходку. Гений, что возьмешь.

Тем временем во Франкфурте ищущий тайного знания венецианский аристократ Джованни Мочениго через посредника вступает с Бруно в контакт и приглашает в Италию, обещая содержание с проживанием в своем палаццо, в обмен на обучение «Луллиевому искусству» — тренировка памяти и способы изыскивать новые идеи. Наш герой принимает предложение и в марте 1592 года едет в Венецию, словно



*Священник
совершает
мессу.*

*Иллюстрация
из средневекового
манускрипта*

позабыв, что доминиканский орден точит на него зуб за дезертирство, а инквизиция прислеживала за похождениями Бруно в протестантских странах и изучала его сомнительные сочинения.

Вот такая одиссея. Столь подробное описание странствий Джордано Бруно было приведено ради более ясного понимания его кипучей натуры. Чрезмерно кипучей, и это еще очень мягко сказано...



«Так, а что же наука?» — спросите вы. Наука, которой Бруно якобы неустанно занимался на протяжении пятнадцатилетних странствий почти в десятке европейских университетов?

Давайте дня начала приведем выдержку из одной оксфордской лекции Джордано Бруно:

«...Природа души одинакова у всех организованных существ, и разница ее проявлений определяется большим или меньшим совершенством тех орудий, которыми она располагает в каждом случае. Представьте себе, что головка змеи преобразилась в человеческую голову и сообразно тому изменился бюст, язык сделался толще и развились плечи, что по бокам выросли руки и из хвоста расчленились ноги, — она стала бы мыслить, дышать, говорить и действовать, как человек, она стала бы человеком. Обратная метаморфоза привела бы к противоположным результатам. Очень возможно, что многие животные обладают более светлым умом и понятливостью, чем человек, но они стоят ниже его, потому что обладают менее совершенными орудиями. Подумайте, в самом деле, что бы было с человеком, будь у него хоть вдвое больше ума, если бы его руки превратились в пару ног. Не только изменилась бы мера безопасности, но сам строй семьи, общества, государства; немислимые были бы науки и искусства, и все то, что, свидетельствуя о величии человека, делает его безусловным властелином над всем живущим, — и все это не столько в силу какого-то интеллектуального преимущества, сколько потому, что одни мы владеем руками — этим органом из всех органов».

Немудрено, что такие вот заявления вызвали оторопь у профессоров Оксфорда. Даже современные поклонники Бруно осторожно замечают, что он «наговорил много



Николай
Коперник.
литография

тельным — папа Григорий XIII готовил переход с юлианского на грегорианский календарь (1583 г.), и для этой реформы оказались полезны наблюдения за светилами. В 1533 году в Риме была прочитана серия лекций с изложением теории Коперника, — их посетили папа Климент VII и несколько кардиналов, проявившие немалый интерес к гелиоцентрической гипотезе. В 1536 году Капуанский кардинал Николас Шенберг даже написал Копернику из Рима и попросил прислать копию трактата «в ближайшее возможное время».

Конечно, у Коперника оставалось множество оппонентов, в том числе и в церковной среде, но его книга не являлась

странностей». Так что же он преподавал? О чем писал? Чем делился? Чем-то действительно эпохально новым, прорывным, истинно верным?

Может быть, достижения Бруно связаны с пропагандированием идей Николая Коперника, изложенных в книге «О вращении небесных сфер»? Загвоздка в том, что этот научный труд, впервые полностью опубликованный в 1543 году (его предтеча, брошюра Коперника «Commentariolus», и вовсе появилась в 1514), был широко распространен, изучался во многих университетах, а отношение к гелиоцентрической системе со стороны католической церкви в те годы было нейтрально-спокойным и местами благожела-



*Молящийся монах.
Иллюстрация
из средневекового
манускрипта*

запретным плодом вплоть до 1616 года, когда римский понтифик Павел V вдруг решил, что она противоречит Святому Писанию. При жизни Джордано Бруно гелиоцентрическая концепция резко осуждалась как раз прогрессивными протестантами, а не дремучими католиками. Сдать человека в инквизицию за книгу Коперника или дискуссии о ее тематике во времена Бруно выглядело бы нонсенсом. Не осуждена Церковью? Не внесена в «Индекс запрещенных книг»? Так в чем же трудности, спрашивается?!

Джордано Бруно, безусловно, отчасти дополнил теорию Коперника, что опять же было ненаказуемо — он вполне разумно



счел, что звезды есть иные миры, множество таковых миров бесконечно, и созданы они (как он уверял инквизицию впоследствии) к вящей славе Господней. Вот его собственные слова, тщательно записанные секретарем Священного трибунала:

«...В моих книгах, в частности, можно обнаружить взгляды, которые в целом заключаются в следующем. Я полагаю вселенную бесконечной, то есть созданием бесконечного божественного могущества. Ибо я считаю недостойным божественной благодати и могущества, чтобы Бог, обладая способностью создать помимо этого мира другой и другие бесконечные миры, создал конечный мир. Таким образом, я заявлял, что существуют бесконечные миры, подобные миру Земли, которую я вместе с Пифагором считал светилом, подобным Луне, планетам и иным звездам, число которых бесконечно. Я считаю, что все эти тела суть миры без числа, образующие бесконечную совокупность в бесконечном пространстве, называемую бесконечной вселенной, в которой находятся бесконечные миры».

*(Джордано Бруно перед судом инквизиции
(краткое изложение следственного дела Джордано Бруно).
Вопросы истории религии и атеизма. Т. 6. М., 1958.)*

И ведь что характерно, не возразишь — с точки зрения наших современных знаний. В XVI веке такая доктрина, конечно, была революционной, даже граничащей с ересью. Именно «граничащей», не более — данный вопрос мог выноситься на богословский диспут, а там уж кто кого переспорит и переубедит.

Однако здесь есть тонкий нюанс, благодаря которому граница была перейдена.

Католическое понимание Бога — персонифицированное. Бог, как существо, обладающее разумом, способностью к творению, безграничным могуществом и прочими неизмеримыми



*Иллюстрация
из книги
Генриха
Кунрата
«Амфитеатр
вечной
мудрости»
1595 года.
увеличенный
фрагмент.*

и непознаваемыми смертным достоинствами, — Творец, стоящий вне природы и над ней. В философии Джордано Бруно, которую он ясно изложил в поэме «О безмерном и бесчисленном» и нескольких других книгах, персонификация исчезает: «[Бог] является божественным бытием в вещах», то есть религиозный смысл термина «Бог» исчезает, замещаясь абстрактными «природой» и «материей».



Ересь? Конечно ересь. Он декларирует отсутствие Бога как существа, пускай и непознаваемого человеческим разумом.

Больше того, в представлениях Бруно планеты существуют в герметической традиции — это живые божественные существа, которые вращаются по своей воле и имеют магические свойства. «Стоп, — скажете вы, — но при чем тут наука (например, вышеописанное и действительно верное строение вселенной) и магия? Как они сочетались в разуме Джордано Бруно?!»

Сейчас мы в очередной раз вспомним термин «менталитет». Как было неоднократно сказано, для человека Средневековья и Ренессанса волшебство, чудеса и мистика были вещами самыми привычными и естественными. Бруно не исключение, особенно в свете не самых известных подробностей его приобщения к оккультно-магической практике — герметизму.



Началось все в славном городе Флоренция около 1460 года. Тогда Флорентийская республика постепенно трансформировалась в так называемую «Сеньорию» — фактически, в диктатуру одного или нескольких аристократов. Сеньором Флоренции к тому времени был Козимо Медичи по прозвищу Веккьо (Старый) — деятель поистине незаурядный, основатель династии будущих великих герцогов Тосканских, банкир, щедрый меценат и один из самых выдающихся покровителей итальянского Ренессанса.

Как человек эпохи Возрождения, Козимо Веккьо коллекционировал предметы искусства и, разумеется, старинные книги, собирая библиотеку. Один из его агентов по приобретению манускриптов, греческий монах, доставляет во Флоренцию из Македонии рукопись, содержащую четырнадцать разделов-трактатов, якобы сочиненных лично Гермесом



Портрет Козимо де Медичи кисти Понтормо (Якобо Каруччи) 1518_1520,
галерея Уффици, Флоренция



Трисмегистом — античным божеством, на чьей мифологической биографии мы останавливаться не будем; желающие могут поинтересоваться этим персонажем самостоятельно.

Во Флоренции вскоре появилась так называемая «Платоновская академия» — элитное объединение богатых или просто талантливых граждан города, в которое входили дворяне, священники, поэты, художники, банкиры и прочие представители местной богемы. Академия вовсе не являлась учебным заведением — лекции там никто не читал, постоянных студентов не было, науки не преподавались. Более всего она напоминала дискуссионный философский клуб с некоторыми чертами оккультной секты, члены которой искали тайненькое знаньице.

Возглавлял Академию врач, философ, астролог и оккультист Марсилио Фичино, которого мы недавно вскользь упоминали, говоря о «странных» лекциях Бруно в Оксфорде. Занятия оккультными практиками совершенно не мешали Фичино совмещать магию с ремеслом священника — такое было время, в эпоху Возрождения подобные увлечения рассматривались как вполне невинные и приличествующие просвещенному человеку.

Советский профессор философии А. Ф. Лосев характеризует изыскания членов Платоновской академии следующим образом: *«...рассуждая о религии, они хотели охватить решительно все ее исторические формты. Доказывалось, что и католик, и буддист, и магометанин, и древний иудей, и даже все язычники идут к Богу, хотя с внешней стороны и разными путями, но по существу своему это один и тот же, всеобщий и единственный религиозный путь, который дан человеку от природы. Поэтому Моисей и Орфей — это одно и то же, Платон и Христос — это в существе своём одно и то же, католик и язычник — одно и то же».*

С точки зрения католической церкви и инквизиции такие выкладки выглядели безусловной и злостной ересью, но



флорентийских «академиков» никто не трогал — у них были слишком могущественные покровители, да и учение свое Марсилио Фичино с соратниками не распространяли, поскольку не стремились делиться с плебеями «элитарным» знанием, предназначенным только для избранных...

По указанию Козимо Медичи Фичино переводит македонские манускрипты на латынь, они получают название «Герметического корпуса» (от имени Гермеса Трисмегиста) или же «Поймандр» (по названию начального трактата); часть свода посвящена философии, часть астрологии, алхимии и магии. Общая характеристика текста — изложение Гермесом полученных им сверхъестественным путем божественных откровений, посвященных самым разным аспектам бытия. При этом Гермес ассоциируется еще и с древнеегипетским божеством Тотом, доносящим до смертных сокровенное знание Египта эпохи фараонов.

Сказать, что «Герметический корпус» произвел фурор — значит не сказать ничего. Для тех времен это была бомба, сенсация глобального уровня, особенно на фоне массового увлечения возрожденческой интеллигенции оккультизмом. Существованию практически всей эзотерики, от Ренессанса до наших дней, мы обязаны сеньору Козимо Медичи, чей агент



Марсилио
Фичино.
гравюра



Общий вид
Флоренции
1472 года

притащил во Флоренцию древние свитки — магия и гностицизм в них переплетены теснейшим образом.

(Заметка на полях: по ряду лингвистических и текстологических признаков данные рукописи были созданы около II–III веков н. э. на основе более древних трактатов и раннехристианских книг ради приобщения язычников к христианской концепции в понятной для политеистов времен античности форме.)

Первое печатное издание «Корпуса» увидело свет уже в 1471 году, а к концу XVI века мы видим более полутора десятков отдельных изданий, не считая дополнительных тиражей. Практически любой образованный человек эпохи мог ознакомиться с этими трактатами.

К чему было столь долгое разъяснение и при чем тут Джордано Бруно?

О, Бруно тут очень даже при чем! Неизвестно, когда в его руки попал «Герметический корпус», — возможно, что еще в ранние годы пребывания в монастыре Санта-Мария Маджоре или во время священничества в Кампанье, — но впечатление на молодого монаха этот манускрипт произвел неизгладимое,



о чем свидетельствует вся дальнейшая деятельность нашего героя.

Возвращаемся к парижскому периоду жизни Бруно и открываем книги «О тенях идей» и «Песнь Цицерона», посвященные мнемонике — тренировке памяти. В Средневековье и Ренессансе ученые мужи в своих трактатах традиционно основывались на работах античных авторов. Самое известное римское сочинение по мнемонике называется «Rhetoricon ad Herennium», «Риторика для Геренния», одно время оно приписывалось самому Цицерону и было написано примерно в 86–82 годах до Рождества Христова на базе более раннего греческого источника родосской ораторской школы.

Казалось бы, бери древнеримскую основу и развивай, как делают все уважающие себя ученые. Ничего подобного, мы простых путей не ищем! В работах Бруно классические античные корни почти полностью отсутствуют, зато магии с переизбытком. На первых же страницах «Теней» мы встречаем Гермеса Трисмегиста, спорящего с Филотеом (выступающим как персонификация автора, самого Бруно) и Логифером о книге, которую держит в руках Гермес, где говорится о Тенях Идей и герметическом искусстве памяти; сам подход к памяти рассматривается как главный инструмент в формировании мага.

М. В. Рассадин, священник и исследователь истории оккультизма в статье «Джордано Бруно. Герметическая традиция и ренессансная магия», замечает:

«...Его (Бруно) система мнемоники выглядит, как метод запечатления в памяти основных или архетипических астрологических образов и символов, используя которые в качестве мнемонических или талисманных, adept получает универсальное знание, создает магическую организацию воображения, магически



могущественную личность и обретает силы, резонирующие с силами космоса. Так что тот, кто овладевает этой системой, подымается над временем, и в его уме отражается вся природная и человеческая вселенная. Он станет подлинным Эоном (Aion), обладателем Божественной силы».

И чем дальше мы будем закапываться в сочинения Бруно, тем больше будем видеть в них античных и египетских духов, таинственных обрядов, упоминаний Каббалы, Тота, Юпитера, Цереры, Изиды, магического расположения звезд и планет, пространства Зодиака, «одушевленных предметов» и прочего махровейшего оккультизма — поразительно, какая немыслимая каша царила в голове этого человека!

Возьмем книгу Бруно «Изгнание торжествующего зверя» от 1584 года, в которой, как торжественно оповещается в современной аннотации, «естественнее всего вылилась проповедь новой религии человечества, проповедь, поставившая Бруно на исторической грани как творца и вдохновителя новой философии и культуры». Вот так, не больше и не меньше.

Новая религия в его видении должна была выглядеть следующим образом, цитируем:

«...О Египет, Египет! Только сказки останутся от твоей религии, сказки также невероятные для грядущих поколений, у коих не будет ничего, что поведало бы им о твоих благочестивых деяниях, кроме писем, высеченных на камнях. И сии письма будут рассказывать не богам и не людям; ибо люди умрут, а божество переселится на небо, но — скифам и индийцам или прочим таким же диким народам. Тьма возобладает над светом, смерть станут считать полезнее жизни, никто не поднимет очей своих к небу, на религиозного человека будут смотреть, как на безумца, неблагочестивого станут считать благоразумным, необузданного — сильным, злейшего — добрым. И — поверишь ли мне? — даже смертную казнь определят тому, кто будет исповедовать

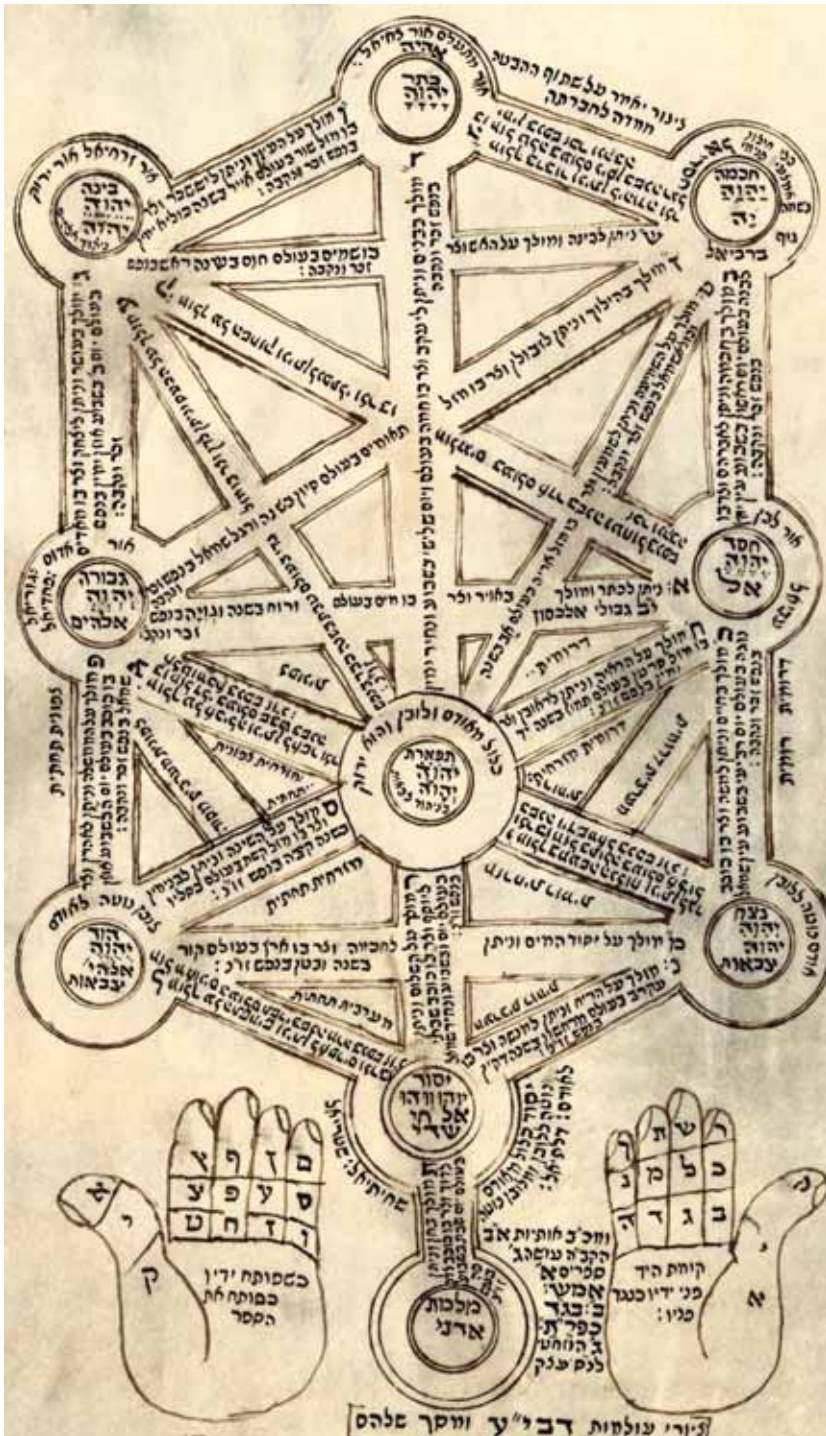


Иллюстрация из Каббалы, изображение Древа жизни, самого известного каббалического символа.

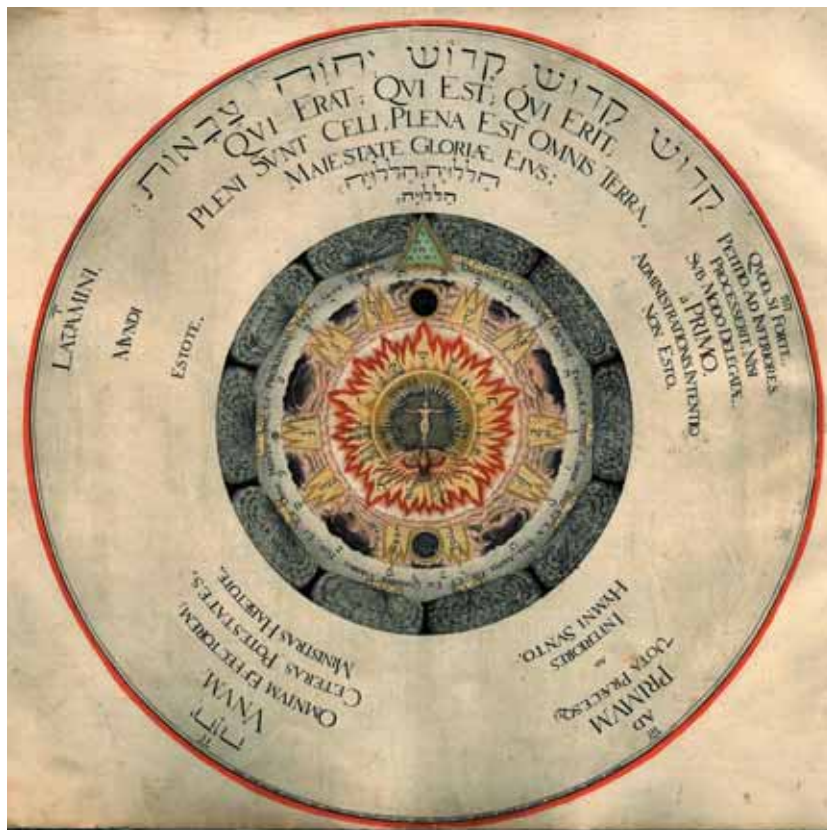


Иллюстрация
из книги
Генриха
Кунрата
«Амфитеатр
вечной
мудрости»
1595 года.

религию разума: ибо явится новая правда, новые законы, не останется ничего святого, ничего религиозного, не раздастся ни одного слова, достойного неба или небожителей. Одни только ангелы погибели пребудут и, смешавшись с людьми, толкнут несчастных на дерзость ко всякому злу, якобы к справедливости, и дадут тем самым предлог для войн, для грабительства, обмана и для всего прочего, противного душе и естественной справедливости: и то будет старость и безверие мира! Но не сомневайся, Асклещий, ибо после того как исполнится все это, Господь и Отец Бог, управитель мира,



всемогущий промгислитель, водным или огненным потоком, болезнями или язвами, или прочими слугами своей милосердной справедливости, несомненно положит конец этому позору и воззовет мир к древнему виду».

В сухом остатке: ожидается триумфальное воскрешение основанной на удивительной магии древнеегипетской религии, каковая сменит хаос и безнадежность, позволит воссиять потерянной с веками мудрости и волшебным знаниям былых времен — тому дано особое, уникальное знамение, пророчество, свидетельствующее о наступлении новой эпохи!

Теперь догадайтесь, что это за мистическое знамение.

Верно — гелиоцентрическая концепция Коперника, ясно дающая понять, по мнению Бруно, что свет Древнего Египта возвращается.

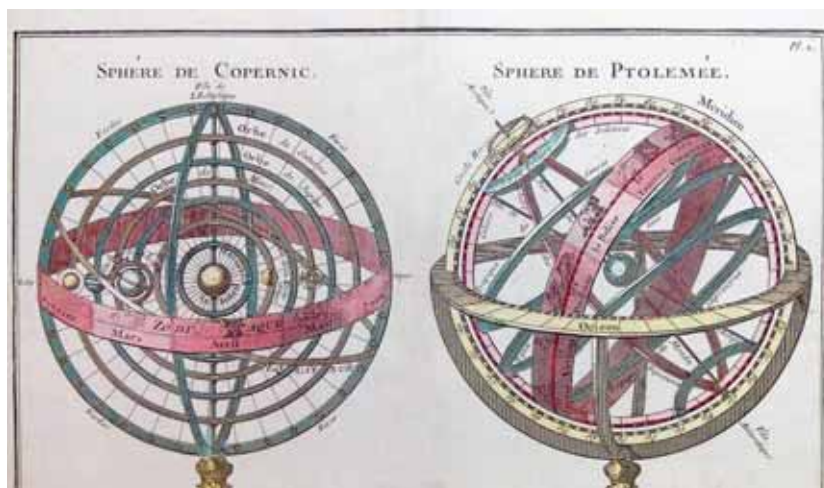
Вот такой, с позволения сказать, «ученый».



Можно без обиняков заявить, что на костер Джордано Бруно под руки привели Козимо Медичи, приказавший перевести «Герметический корпус», и интеллектуальная секта флорентийской «Платоновской академии» во главе с Марсилио Фичино, большим поклонником которого Бруно являлся. Герметика и оккультизм становятся его *idee fixe* до конца жизни, без них не обходится ни одно сочинение. Причем если Фичино пытался криво-косо примирить христианство и «древнеегипетскую магию», то Бруно пошел дальше и скатился к откровенному язычеству.

Слышим возражения: ну раз магия для тех времен была естественной и обязательной частью мировоззрения, так что ж в этом необычного?! Может быть, все научные трактаты тогда писались в подобной стилистике?

Гео- и Гелио-
центрическая
системы мира.



Берем с полки книгу Николая Коперника «О вращении небесных тел» — ведь именно вокруг нее и ломаются копыя. Открываем. На первых страницах читаем посвящение папе Павлу III, с упоминаниями великих ученых и философов античности: Плутарха, Цицерона, Лисида. А дальше?

А дальше мы наблюдаем сугубо научное произведение. Обоснование сферичности Земли и вращения планеты вокруг своей оси. Тригонометрия и таблицы синусов. Опровержение заблуждений Античности и в частности концепции Птолемея. Описание астрономических приборов, звездный каталог, движение Луны по замкнутой орбите, объяснение лунных и солнечных затмений, расчеты расстояний от Солнца до планет, принцип относительности движения и так далее. Никакой мистики и пространных оккультных пассажей.

Справедливости ради заметим, что герметическая традиция тогда была настолько сильна, что Коперник не удержался и процитировал фрагмент из «Асклепия» — трактата, в котором Гермес Трисмегист беседует с Асклепием о творении мира и божественной иерархии, — фрагмент, в котором говорится



о мистико-магическом почитании Солнца в Древнем Египте. Но и только.

Книга Коперника — это прежде всего математика, физика, астрономия. Как раз то, чего вообще нет у Бруно, являвшегося крайне посредственным математиком, зато «радикальнейшим из магов»; для него теория Коперника — это «иероглиф, герметическая печать, которая скрывает могущественные божественные тайны и в секрет которой он проник».

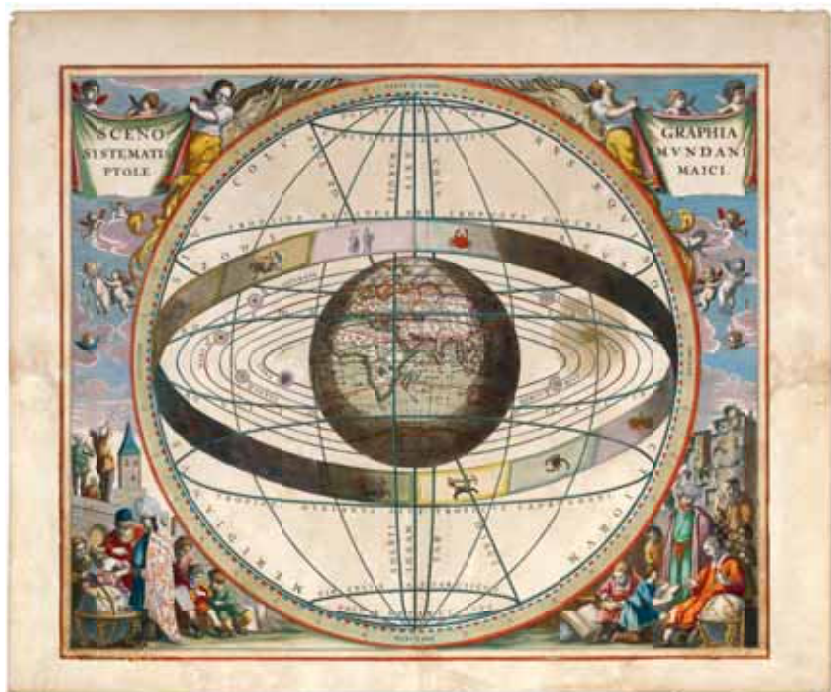
Сам Бруно относился к Копернику следующим образом, что ясно показано в сочинении «Великопостная вечеря»:

«...Коперник, достойный человек, совершил великое открытие и сам его не вполне понял, поскольку был всего лишь математик; Ноланец постиг истинный смысл чертежа Коперника, увидел в нем сияние божественного смысла, иероглиф божественной истины, иероглиф возврата египетской религии — одним словом, тайны, скрытые от жалких, слепых оксфордских педантов».

(Фрэнсис Йейтс. Джордано Бруно и герметическая традиция. Чикаго, 1964.)

Еще одной отличительной особенностью сочинений Бруно является невероятно сложное для понимания изложение материала; даже в XVI веке, когда вычурный язык трактатов считался проявлением хорошего вкуса и образованности автора, книги итальянца были неприятным исключением.

В 1588 году Джордано Бруно приезжает в Прагу, надеясь добиться расположения императора Рудольфа II, известного своим покровительством не только наукам, но и оккультизму, астрологии и алхимии. Императору посвящается книга «Сто шестьдесят тезисов против математиков и философов нашего времени», написанная неудобоваримым языком, непонятная по содержанию и включающая загадочные магические диаграммы — вероятно, Бруно предполагал,



Геоцентри-
ческая система
Птолемея.

что Рудольф, сам увлеченный герметикой, поймет «тайное послание» зашифрованное в «Тезисах», но его расчеты не оправдались.

Император не предложил итальянцу должность при дворе или в пражском университете, прислал три сотни талеров (обычный вежливый ответ в благодарность за посвящение книги), и с тем Бруно несолоно хлебавши вернулся в Германию. Тот факт, что он не сумел зацепиться в Праге, «столице магов», говорит о многом — вероятно, даже для Рудольфа II буйный Ноланец оказался чересчур «странным».

Мы уже упоминали о его чудовищном, запредельном самомнении: «...тот, кто пересек воздушное пространство,



проникнувший в небо, пройдя меж звездами за границы мира» — и маниакальных попытках ниспровергнуть авторитет Аристотеля и всех его последователей. Дело доходило вплоть до рукоприкладства. До нас донесен рассказ некоего Котена, библиотекаря аббатства Сен-Виктор:

«...Бруно вызвал “королевских чтецов и всех слушателей в Камбре”, были 28 и 29 мая (1586 года), приходившиеся на “среду и четверг недели Пятидесятницы”. Защищал тезисы Эннекен, ученик Бруно, занимавший “главную кафедру”, а сам Бруно занимал “малую кафедру, у двери в сад”. Возможно, это была мера предосторожности, на случай, если придется убежать, — и убежать действительно пришлось.

<...>

Бруно встал и обратился ко всем с призывом опровергнуть его и защитить Аристотеля. Никто ничего не сказал, и тогда он закричал еще громче, словно одержав победу. Но тут встал молодой адвокат, по имени “Rodolphus Calerius”, и в длинной речи защищал Аристотеля от Бруновых клевет, начав ее с замечания, что “королевские чтецы” потому не выступили прежде, что считали Бруно недостойным ответа. В заключение он призвал Бруно ответить и защититься, но Бруно молча покинул свое место. Студенты схватили его и заявили, что не отпустят, пока он не отречется от клеветы на Аристотеля. Наконец он от них освободился под условием, что на следующий день вернется, чтобы ответить адвокату. Тот вывесил объявление, что на следующий день явится. И на следующий день “Rodolphus Calerius” занял кафедру и очень изящно защищал Аристотеля от уловок и тщеславия Бруно и снова призвал его к ответу. “Но Бруно не появился, и с тех пор в этом городе не показывался”».

(Фрэнсис Йейтс. Джордано Бруно и герметическая традиция. Чикаго, 1964.)



Венеция,
площадь
Сан Марко.
Худ.: Джованни
Каналетто,
около 1720.

Желающих подробно ознакомиться с герметическими практиками Бруно мы и отсылаем к только что процитированной книге Фрэнсис Йейтс — там эта история изложена во всех подробностях. Мы же вернемся в Италию 1592 года, когда Джордано Бруно по приглашению Джованни Мочениго приезжает в Венецию.



Советская историография представляет Мочениго едва ли не inferнальным злодеем, именуя молодого венецианца «подонком», «предателем», «шпионом инквизиции» и даже предполагая, что приглашение, отправленное Бруно, было спланированной провокацией Священного трибунала, а сам Мочениго орудием в руках коварных инквизиторов.

Дело одновременно проще и сложнее. Большинство исследователей биографии Бруно слаженным хором утверждают,



что он готовился к некоей миссии, к завершению своих пятнадцатилетних изысканий и выходу на определенный новый уровень, видя себя если не мессией, то пророком и возгласителем «новой эпохи». В январе 1592 года римским папой становится слывший либералом Климент VIII, и с ним Бруно связывает определенные надежды — готовит для нового папы книгу «Семь свободных искусств», желает покаяться и даже снова носить монашеское облачение, но вне доминиканского ордена.

Что это? Прозрение? Осознание заблуждений? Нисколько! Это было ожидание неких «реформ» в его, Бруно, понимании — особенно на фоне сенсационных новостей из Франции о том, что Генрих Наваррский наконец-то одолел католическую Лигу, отвоевал себе корону и готовится перейти в католицизм — Париж, как известно, стоит мессы.

Джордано Бруно полагал, что пришло время глобальных изменений в государственном и церковном устройстве, и ему, выдающемуся магу и провозвестителю древней египетской религии, надлежит сыграть в них важную роль. Ждал «великих преобразований», в частности связывая их с именем короля Наваррского...

Полное отсутствие инстинкта самосохранения и святая уверенность, что в Риме его примут так же, как ранее в протестантских Англии и Германии или католических Париже или Праге, да еще дадут кафедру для проповедей в университете, сыграли с Бруно дурную шутку — такое поведение можно объяснить или гипертрофированным самомнением, которое Ноланцу было свойственно, или мессианским чувством, а скорее всего, сочетанием обоих факторов.

Больше того, Бруно, очевидно, не считал себя еретиком, вовсе наоборот: ему и только ему был открыт немеркнущий свет истины; он сам пишет о себе в третьем лице — «Хотя я



Венеция.
Лист из
альбома
16 века.

и не вижу твоей души, по идущему от нее сиянию я понимаю, что внутри у тебя солнце или даже больший светильник».

По приезде в Италию он сначала живет в Падуе, занимаясь магическими практиками и диктуя трактат «De vinculis in genere», повествующий о магических сцеплениях посредством любви и сексуальности, изучает герметические печати и влияние демонических сил — согласимся, от науки в нашем понимании такие практики весьма далеки. Затем Бруно переезжает в Венецию, в дом Джованни Мочениго, и пытается начать его обучение «искусству памяти».

Что же произошло спустя почти два месяца? Почему венецианский аристократ не задумываясь сдал Бруно инквизиции? Окажись приглашение в Венецию заранее подготовленной



ловушкой, надо думать, что Ноланца арестовали бы сразу же, а не тянули столько времени, да еще позволив несколько месяцев провести в Падуе.

22 мая 1592 года Мочениго вместе со своим слугой и полудюжиной крепких гондольеров запирает Джордано Бруно на чердаке своего дома, а 23 мая за подозреваемым являются стража и отцы-инквизиторы, препровождая его в тюрьму. Новый вопрос: зачем Джованни Мочениго нанял отличавшихся хорошей физической силой гондольеров — чего он опасался? Бруно был худощав и невысок ростом, к чему такие предосторожности?

Ответ, возможно, кроется в словах Мочениго, указавшего в доносе инквизиции, что «счел его [Бруно] одержимым». Судя по многочисленным свидетельствам, неконтролируемые и шокирующие припадки бешенства случались у Ноланца постоянно, причем во время приступов ярости «он говорил ужасные вещи», это не считая несносного конфликтного характера. Добавим сюда запись Рафаэля Эглина из Цюриха о странной привычке Бруно диктовать тексты стоя на одной ноге, очевидная мания величия, воспоминания очевидцев о лекциях в Оксфорде с их вычурным и малопонятным языком.

Джордж Эббот, впоследствии архиепископ Кентерберийский, так пишет о Бруно:

«...Когда этот итальянский Непоседа, величающий себя Philotheus Iordanus Brunus Nolanus, magis elaborata Theologia Doctor [Филотео Джордано Бруно Ноланец, доктор самой изощренной теологии и т. д.], <...> посетил наш Университет в году 1583-м, сердце его горело прославиться посредством какого-то достойного подвига, чтобы стать знаменитым в этом славном месте. Вскоре после нового возвращения, когда он скорее отважно, чем разумно, встал на высочайшем месте нашей лучшей и самой известной школы, засучив рукава, будто какой-то жонглер, и говоря нам много



о центре, круге и окружности, он решил среди очень многих других вопросов изложить мнение Коперника, что земля ходит по кругу, а небеса покоятся; хотя на самом деле это его собственная голова шла кругом и его мозги не могли успокоиться. <...> Если он станет и в третий раз издеваться над собой и своей аудиторией, они тогда поступят как им угодно. И, поскольку Иорданус продолжал оставаться тем же Иорданусом, они велели сообщить ему о своем долготерпении и о страданиях, которые он им доставил, и так, к великой чести этого человечка, положен был этому делу конец».

(The Reasons Which Doctour Hill Hath Brought, for the Upholding of Papistry, Which is Falselie Termed the Catholike Religion, 1604.)

Эпитеты у достопочтенного Эббота, безусловно, примечательные: «непоседа», «скорее отважно, чем разумно», «жонглер», «голова его шла кругом, а мозги не могли успокоиться», «человечек», «издеваться над собой и аудиторией».

Кстати, именно в этих записях мы встречаем обвинения Бруно в грубейшем плагиате — его якобы оригинальные лекции взяты едва ли не дословно из герметических сочинений Марсилио Фичино. Оксфордские профессора, услышав что-то знакомое, не поленились найти в библиотеке книгу Фичино и уличить «жонглера» — кстати, в данном слове, тогда имевшем значение «шут», «фигляр», наличествует откровенно уничижительный подтекст, да еще и сопряженный с магией: известно, что шуты связаны с дьяволом и хоронят их за оградой кладбища.

Таких свидетельств не одно, не два и не десять. Даже в тюрьме инквизиции у Бруно случаются вспышки гнева, он грозит сжечь тюрьму и разнести ее по камушкам, изрядно страшая сокамерников.

Вывод напрашивается сам собой: Джованни Мочениго, несколько недель наблюдавший Бруно у себя дома, чего-то испугался, причем испугался настолько, что для изоляции



Портрет Джованни Мочениго кисти Беллини, 1478–1485



постояльца позвал здоровяков-гондольеров и только потом побежал в инквизицию с доносом. Если считать самого Мочениго со слугой, то против тщедушного мага вышли восемь человек — не слишком ли много? Трое, четверо, еще понятно. Но восемь?! А вспомнив слово «одержимость», мы, кажется, нащупываем правильную версию.

В свете того, что мы знаем из воспоминаний современников и собственных записок Бруно, последнего даже «неуравновешенным» назвать трудно. Слишком корректная и расплывчатая формулировка. Сравнивая имеющиеся описания, на ум приходят формулы «истероидная психопатия» или даже «шизотипическое расстройство» с присущим таковому эксцентричным поведением, эмоционально-мыслительными аномалиями, аффектацией, «магическим мышлением», социопатией и невероятной физической силой во время истерических приступов, когда удержать больного становится крайне сложно.

Впрочем, психиатрии в XVI веке еще не существовало, и мы остановимся на термине «одержимость», в те времена означавшим практически то же самое, что и теперь: власть бесов над человеком...



Итак, после доносов Мочениго в действие вступает Священный трибунал, и следствие по делу длится больше семи лет — это для инквизиции колоссальный, выходящий за пределы разумного срок. Казусом Бруно занимались вовсе не провинциальные деревенские священники, а коллегия кардиналов, среди которых был столь выдающийся богослов, как Роберто Беллармино, впоследствии канонизированный. Настолько серьезный подход со стороны Ватикана к процессу над Джордано Бруно ясно говорит, что в руки высшей инстанции папской инквизиции попал уникальный феномен,



требующий длительного и самого вдумчивого исследования и изучения.

К нашему величайшему сожалению, до XXI века дошла лишь небольшая часть материалов процесса по обвинению Бруно, а именно венецианская часть следствия. Увы, но восемь пунктов финального обвинительного заключения, подписанные кардиналами и одобренные папой Климентом, или утеряны, или до сих пор находятся в закрытых архивах Ватикана. Мы в точности не можем сказать, почему многолетний процесс закончился именно костром, а не покаянием, заключением в монастырь или тюремным сроком.

Напомним, что тридцать с лишним лет спустя Галилео Галилей, тоже пострадавший на почве Коперниковой теории, после следствия и суда (длившихся всего два месяца!) отделался ссылкой в деревню Арчетри близ Флоренции под строгим надзором инквизиции. Вопреки общераспространенному мифу, Священный трибунал приговаривал обвиняемого к смерти в 2–3% случаев от общего числа процессов, и Джордано Бруно опять-таки умудрился в эти мизерные проценты попасть. Заметим, приговор утверждал самолично римский понтифик — казалось бы, какое дело папе до какого-то еретика?..

Так может быть, еретик был крайне необычный? Как мы уже сказали выше — феноменальный? Настолько, что его дело разбирали на высочайшем уровне наместника апостола Петра?

Очень на то похоже.

Если читать сохранившиеся протоколы венецианской инквизиции, становится ясно, что по меркам своей эпохи Бруно и так наговорил на десять костров. Конечно, Римская церковь к концу XVI века уже не являлась объединяющей и цементирующей силой европейской общности; уже давно примат религиозной идентификации человека начал сменяться идентификацией национальной, однако католицизм — институт



консервативный, особенно в условиях Реформации и новых вызовов, брошенных временем.

Когда же в руках инквизиции оказывается человек, задуривший головы сотням других католиков (и протестантов, чего скрывать), то с его деятельностью, взглядами и «философской» концепцией надо разбираться вдумчиво. Как писал в 1942 году итальянский священник Анджело Меркати о процессе Бруно, «...речь идет о предметах законной компетенции святой службы, об истинах веры и связанных с ними доктринах, которые ничего общего не имеют с наукой или с тем, что выдается за науку, даже тогда, когда является (плодом) богатой воображением фантазии...».

Вспомним, о чем мы говорили с самого начала: Джордано Бруно исходно являлся *католическим священником и доминиканским монахом*, а следовательно, и спрос с него не как с обычного мирянина, впавшего в заблуждения.

Так что же поведал этот беглый «священнослужитель» венецианцу Джованни Мочениго и сокамерникам в тюрьме инквизиции? Материалы допросов и следствия довольно обширны, потому приведем наиболее выдающиеся перлы Ноланца.



— ...**Т**акое состояние мира не может далее продолжаться, ибо в нем царит одно лишь невежество, и нет настоящей веры; что вера католическая нравится ему больше других, но и она нуждается в величайших исправлениях; что в мире неблагополучно и очень скоро он подвергнется всеобщим переменам.

— [Бруно] рассказывал, что однажды, то ли в Германии, то ли в Англии, при гаданиях по книге предсказаний, каждому выпадал какой-нибудь стих Ариосто, и ему выпал такой стих: «Враг всякого закона, всякой веры», чем он весьма



бахвалился, говоря, что ему выпал стих, согласный с его природой.

— Утверждал, что [наша] вера негодна Богу, и хвалился, что с детства стал врагом католической веры и что видеть не мог образов святых, а почитал лишь изображение Христа, но потом отказался также и от него.

— Говорил, что в Боге нет Троицы, и великое невежество и богохульство утверждать, что Бог троичен и един. Он сказал это в связи со своими уверениями, что теперешний мир погряз в величайшем невежестве, чем когда бы то ни было, ибо похваляется знанием того, чего не понимает, то есть Троицы, так как в Боге нет трех лиц, и безумие — утверждать это.

— Говорил, что Христос был злодеем и что ему легко было предсказать, что его повесят, раз он совершал скверные дела, совращая народы. И что Христос творил лишь мнимые чудеса и был магом, как и апостолы.

— Видя, как [сокамерники] осеняли себя крестным знаменем, он сказал, что не следует этого делать, ибо Христос не был распят на кресте, а был пригвожден к столбу с перекладиной, на каком тогда обычно вешали осужденных; и что крест в той форме, как ныне держат над алтарем, *есть знак, изображенный на груди богини Изиды*; этому знаку всегда поклонялись древние, а христиане украли его у древних, лживо утверждая, что такова была форма столба, на котором был распят Христос.

— Желая показать, что в Христе были все акциденции человека, [Бруно] сказал, что Христос совершал смертный грех, когда в саду отказался выполнить волю Отца.

— О Пресуществлении говорил, когда рассуждал о Троице, что хлеб не может превратиться в плоть, и что утверждать это — глупость, богохульство и идолопоклонство.

— Говорил, что мир вечен и вечно существовал и вовсе не был сотворен Богом.



— Говорил, что Авель был палачом животных и живодером, а Каин был честным человеком и поделом убил своего брата, ибо тот зарезал лучших его овец.

— Говорил, что Моисей был коварнейшим магом и легко победил магов фараона, будучи более опытным в магическом искусстве. И что он лгал, будто бы говорил с Богом на горе Синай, и что данный им еврейскому народу закон был выдуман и измышлен им самим.

— Говорил, что святой Фома и все учителя [Церкви] ничего не знают в сравнении с ним и что он мог бы разъяснить всем первым богословам мира вопросы, на которые они не могут найти ответа.

— Осуждал иконы и говорил, что это идолопоклонство, и издевался над ними, совершая грубые и нечестивые жесты.

— Высказывался также и о девственности Марии, и сказал, что невозможно, чтобы дева родила, смеясь и издеваясь над этим верованием людей...

— Во время заключения он по всякому случаю произносил ужаснейшие кощунства и больше двадцати пяти раз показывал кукиш небу, говоря: «Получай, пес, злодей, ... козел!» (*В оригинале непереводаемое ругательство: becco fottuo.*) А иногда, ночью, едва проснувшись, он кощунствовал ужаснейшим образом, называя Христа указанными словами, и иногда добавлял, что Бог — предатель, так как плохо правит миром.



Взятые произвольно пятнадцать пунктов из доносов и протоколов трибунала — это лишь мизерная часть зафиксированных документально свидетельств. С таким выдающимся багажом путь был только один — на костер. Отрицание Святой Троицы, девственности Марии, Пресуществления, совершенно возмутительное заявление о том, что «Христос



*Святой
Иероним в своей
келье. картина
16 века.
Мастерская
Маринуса ван
Реймерсвале*

грешил», откровенные богохульства, отрицание Библии вместе с учением Святой Матери-Церкви.

И, разумеется, магия — Христос был магом, апостолы тоже маги, Моисей, само собой, маг (как и фараон), крест — это символ Изиды, христиане, оказывается, украли и испортили истинный египетский крест.

Как венец этому всему — неизбывная, сжигающая гордыня: только он, Бруно, посвящен во все тайны мироздания, куда там Фоме Аквинскому или святому Иерониму, которых он постоянно называл «ослами».

Бог, по мнению Бруно, «плохо правит миром» — из чего следует, что Ноланец лучше знает, как это делать, а значит, уравнивает себя с Творцом?

За такие словеса и в нынешние-то вегетарианские времена христианин, будь он католик или православный (не говоря уже о рукоположенном священнике любой апостольской



конфессии!), может схлопотать анафему и отлучение от церкви. Что же говорить о XVI веке, где к подобным речениям относились с полной серьезностью?

Венецианская инквизиция терпеливо вела допросы, сравнивала показания, протоколировала. Бруно на допросах оправдывался, пытаясь увести следствие в сторону — был велеречив, сыпал схоластическими терминами, подменял тезисы, заявлял, что «его неправильно поняли», изощренно вилял и разводил многословную демагогию. Однако им занимались профессионалы — опять же, не обычные ученые монахи, а лично епископ Венеции, папский нунций города и Pater Inquisitor, то есть глава местной инквизиции.

Из мифа о «великом ученом» мы помним, что якобы обвинения строились исключительно на теории Коперника и гелиоцентризме, но, почитав протоколы Священного трибунала, выясняем, что это совершенно не так — лишь в нескольких пунктах упоминается «множественность миров», основной же массив документации посвящен богословию и, конечно же, магии.

В конце июля 1592 года венецианское следствие заканчивается, причем вполне безобидно — Бруно падает на колени перед Священным трибуналом и произносит: *«...Я смиренно умоляю Господа Бога и вас простить мне все заблуждения, в какие только я впадал; с готовностью я приму и исполню все, что вы постановите и признаете полезным для спасения моей души. Если Господь и вы проявите ко мне милосердие и даруете мне жизнь, я обещаю исправиться и загладить все дурное, содеянное мною раньше».*

Из чего следует: заблуждения (ереси) он признал, раскаялся, готов встретить свою участь и рассчитывает на снисхождение.

Очень хорошо — в таких случаях обвиняемые относительно легко отделялись, вспомним недавний пример с Галилеем. Максимум, что грозило Джордано Бруно после признания



вины, — ссылка в отдаленный монастырь, покаяние на хлебе и воде, а в самом неприятном случае — длительное заключение в тюрьме.

Однако от судьбы не уйдешь. Поскольку дело рассматривалось в наиболее высокой инстанции Венецианской республики, бумаги (скорее всего, с уже готовым приговором) отослали в Рим на утверждение — местная инквизиция явно пребывала в сомнениях.

В середине сентября из Ватикана внезапно приходит грозная бумага с внушительными печатями и подписями: незамедлительно выдать Джордано из Нолы папской инквизиции для продолжения расследования.

Через несколько месяцев, пока утрясались бюрократические вопросы, Бруно перевозят в Рим, где им вплотную начинают заниматься столь высокопоставленные персоны, как кардинал Беллармино.

Означало это лишь одно: Апостольский престол увидел в Бруно или немалую опасность, или доселе неизученный, не встречавшийся прежде феномен. А возможно, то и другое вместе.



Что происходило дальше, мы не знаем — сведения крайне отрывочны, документы по делу отсутствуют (или еще не рассекречены Ватиканом). Но срок заключения в Риме превосходил все разумные пределы, шесть с небольшим лет. Реконструировать ход процесса над Джордано Бруно мы не можем, а имеющиеся косвенные данные (например, письма обращенного в католицизм протестанта Гаспара Шоппа) не дают полной картины — якобы римским теологам несколько раз удавалось убедить Бруно в ложности его идей, но он или переназначал сроки торжественного «отречения от ересей»



*Скелет
и монах.*

хи весь материальный мир был также одушевлен: созвездие такое-то — это нимфа такая-то, у каждого водопада, камня, дерева или горы есть свой дух-покровитель и т. д. Фактически Бруно излагал ровно то же самое, только более изощренным языком.

2. Манихейские и неокатарские мотивы. Двойственность истины — от разума и от веры, примат духа над изначально грешной и сотворенной во зло материей. Сиречь телесное воплощение Христа однозначно является злом. Манихейство еще со времен альбигойских войн считалось гнуснейшей и опаснейшей ересью, а если оно входило в «религиозную миссию», в которую искренне верил Джордано Бруно, готовившийся нести через нее «свет истины», то приговор не мог стать иным.

или вновь начинал отстаивать свою точку зрения, отчего диспуты приходилось начинать сначала.

Как было сказано выше, восемь пунктов обвинения, по которым был вынесен смертный приговор, нам неизвестны. Остаются предположения из которых наиболее верными представляются три пункта.

1. Впадение в язычество — то есть герметическая теория Бруно об «одушевленности» всего сущего, планет, светил и материи и, как следствие, отрицание Господа Бога как Творца и Вседержителя. Для язычника дохристианской эпо-



3. Повторное впадение в ересь после раскаяния и отречения от заблуждений: такое не прощалось.

Сожгли этого «жонглера и непоседу» 17 февраля 1600 года в Риме, на Кампо дей Фьори. После чего про Бруно люди накрепко забыли на двести пятьдесят лет — нет никаких свидетельств о том, что его книги и учение хоть как-то повлияли на дальнейшее развитие науки, философии и даже герметики.

Нервический маг выпадает из истории цивилизации на несколько столетий, чтобы вернуться в виде героизированного и слащавого мифа о невинной жертве клерикалов и удивительном гении, павшем во имя прогресса...



Возникновению «легенды о Джордано Бруно» мы обязаны случайности, и датируется таковая легенда 1848 годом. В Италии гремит революция против австрийского владычества — восстали Ломбардия и Венеция, король Пьемонта Карл-Альберт Савойский объявляет войну Австрии. Провозглашенная Венецианская республика находится в осаде неприятеля.

Поскольку революция носила еще и антиклерикальный характер, новые власти снимают запрет с изучения церковных архивов, и в хранилище документов инквизиции города Венеция проникает ученый-палеограф по имени Чезаре Фукар. Он-то первым и обнаруживает материалы по делу никому не известного тогда Джордано Бруно, снимая с них копии. Четырнадцать лет спустя бумаги Фукара оказываются в руках Доменико Берти — римского профессора философии, депутата всех созывов итальянского парламента, а в 1866–1867 годах — министра народного просвещения в правительстве Италии. Сохранилось письмо Чезаре Фукара к Берти, датированное 2 января 1862 года:



Поющие
монахи,
фрагмент из
средневековой
рукописи

«...С величайшим удовольствием я исполняю вашу просьбу и сообщая сведения о процессе Джордано Бруно в святой службе инквизиции.

В 1858 г. наш благородный друг Николо Томазео просил меня оказать вам содействие в поисках документов, относящихся к итальянским философам. Сообщаю, что в архиве Совета Мудрых, или суда над еретиками, в Венеции хранятся материалы некоторых процессов XVI века, непосредственно относящихся к истории философии и религиозной реформации. Сообщаю также, что в свое время мне крайне трудно было добиться разрешения изучать их. Однако, как только эта возможность представилась, я снял копии с документов. Это было сделано мною в 1848–1849 гг., когда открылся доступ к архивам.

После восстановления иноземного владычества архивы вновь стали недоступными. При этих-то обстоятельствах меня,



в силу декрета от 20 декабря 1849 г., отстранили от научно-исследовательской работы как лицо, сильно скомпрометированное перед законным правительством. В связи с этим я был вынужден 20 января 1850 г. вернуть полностью все документы, взятые из архивов для исследовательской работы. В их числе были и протоколы процесса Джордано Бруно.

Позже я всецело отдался палеографическим изысканиям по истории Италии в Средние века и не имел возможности заняться подготовкой к изданию вывезенных из Италии копий документов.

Оставляю на вашу долю, дорогой друг, счастье опубликовать материалы, освещающие жизнь и философские идеи Джордано Бруно на основании его собственных слов, закрепленных в этих документах».

(D. Berti. Vita di Giordano Bruno da Nola, Firenze — Torino — Milano, 1868.)

Доменико Берти вцепляется в никому не ведомого персонажа как клещ в болонку — итальянской революции требовались великие герои прошлого! Особенно на фоне борьбы республиканцев с Папским государством (окончательно ликвидированным в 1870 году) и резко антицерковным настроем в среде интеллигенции.

Сначала Берти публикует инквизиционные протоколы в журнале «Новая антология», затем берется за книгу о загадочном философе старых времен — в итоге получается апологетический трактат «Жизнь Джордано Бруно из Нолы», увидевший свет в 1868 году. В книге и содержится основа мифа — величайший ученый, предвосхитивший эпоху прогресса и просвещения, сожженный церковниками за свободную и независимую мысль.

Дальше — больше. Имя Бруно становится одним из лозунгов итальянского национально-освободительного движения



за объединение страны, Рисорджименто. В подробностях никто копать не стал, безвинная жертва ненавистного папизма — и точка!

Не отыщись в архивах документов по делу Ноланца, фетишем антиклерикального движения стал бы кто-нибудь другой — Бруно лишь по чистому совпадению повезло внезапно вынырнуть из абсолютного забвения и оказаться востребованной личностью в конкретный исторический момент, для обслуживания конкретной идеологии.

Очередной виток истерии вокруг Джордано Бруно относится к 1884 году, когда папа римский Лев XIII издает энциклику «*Humanum Genus*», направленную против процветавшего тогда в Италии светского масонства, — членов лож понтифик именует «партизанами зла», а само масонство «сектами, в которых возрожден непокорный дух бесовский».

Ответный удар антиклерикалов не заставил себя ждать — логи, собрав нужное количество средств, заказывают скульптору-масону Этторе Ферари ростовую статую Бруно, но скульптор отказывается от денег и работает «ради идеи». Первоначально муниципалитет Рима запретил установку памятника, но после очередных выборов, на которых победили либералы, статую воздвигли непосредственно на Кампо дей Фьори, где и сожгли Ноланца. Назло папе и церковникам...

Оцените, с каким экстатическим восторгом в 1891 году описывает открытие монумента Юлий Михайлович Антоновский — народоволец, затем кадет и социал-демократ, а также член масонской ложи «Северная Звезда»:

«...Международный комитет по постановке памятника великому итальянцу обратился к умственной аристократии всех образованных стран с приглашением принять участие в торжестве его открытия, которое было назначено на 9 июня. Ввиду важности этого исторического события следующие слова воззвания,



Мадонна с Младенцем, Св. Домиником и Св. Фомой Аквинским; фреска, Италия, 1430 год, худ.: Анджелико, фра Беато. Государственный Эрмитаж.



составленного профессором Бовио, по нашему мнению, вовсе не звучат риторикой: «Кто бы ни направился в Рим на чествование воздвигаемого памятника, он будет чувствовать, что различия наций и языков остались позади, и он вступил в отечество, где нет этих перегородок. Присутствующие на открытии памятника, устанавливаемого с согласия и на денежные средства всех народов, будут свидетельствовать тем самым, что Бруно поднял голос за свободу мысли для всех народов и своею смертью во всемирном городе освятил эту свободу».

Никогда еще ни одному из мыслителей не открывался памятник при более торжественной и импонирующей обстановке, чем это было в Троицын день, 9 июня 1889 года, когда перед статуей Бруно преклонили свои знамена шесть тысяч депутаций и союзов не только из Италии, но из всего образованного мира. Тут были представители Германии, Франции, Англии, Бельгии, Голландии, Швеции и Норвегии, Дании, Венгрии, Греции, Соединенных Штатов и Мексики. Все улицы и площади Вечного города имели ликующий вид. На сагро dei Fiori толпилось в праздничных одеяниях несметное множество народа. У памятника Бруно разместились сто музыкальных хоров и около тысячи знамен и штандартов разных университетов и обществ. Частные дома и общественные здания были разукрашены коврами и гирляндами из цветов объединенной Италии.

Лишь несколько домов, окутанных в траур, да католические церкви, закрытые в этот день, напоминали об иной общественной силе, некогда торжествовавшей в этом же городе свою победу над идеями и личностью Бруно, а теперь отошедшей в область истории...»

(Антоповский Ю. М. Джордано Бруно: его жизнь и философская деятельность. Биографический очерк. — Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1891.)



Уяснили? Наш египетский волшебник, первый среди магов, оказывается, «поднял голос за свободу мысли для всех народов»!

Дальнейшие события описывать неинтересно. Скажем лишь, что еще до революции 1917 года в России прогрессивная интеллигенция успешно переняла миф, созданный Доменико Берти, и сделала Бруно одним из героев, павших за светлое будущее, — очерк революционера Антоновского тому яркий пример. Персонаж оказался весьма удобным и для советской антирелигиозной пропаганды — что может быть лучше ученого, пострадавшего за свои материалистические взгляды?

Легенда-апология жива доселе, хотя появилось немало исследований, опровергающих карамельную сказку, порожденную сеньором Берти.



Что же сказать в завершение раздела о Джордано Бруно? Вы наблюдали более чем достаточно примеров, чтобы осознать очевидный факт: «зловредная и жестокая инквизиция» имела дело с психически неуравновешенным человеком, в голове которого смешались самые невероятные гностические, герметические и философские идеи, а теория Коперника оставалась для Бруно лишь подтверждением его магических практик.

Папа Иоанн Павел II (Кароль Войтыла) в реабилитации Джордано Бруно отказал — действия инквизиции были полностью оправданы. Больше того, столь длительный ход следствия ясно показывает, что римский Священный трибунал делал все для того, чтобы еретик раскаялся и тем сохранил себе жизнь и спас бессмертную душу.

Вклад Джордано Бруно в науку можно оценить как нулевой, а то и отрицательный — он не открыл ровным счетом



ничего нового, на протяжении полутора десятилетий вбивал в головы студентам и желающим обрести «тайное знание» аристократам глупости о герметической магии, метафизике и «волшебстве Древнего Египта», а любые теории, подходящие для продвижения этих мыслей, приспособлял для себя по методу бузины в огороде.

Эта поучительная история рассказана прежде всего для того, чтобы читатель мог понять, как из препустого странствующего мага, шарлатана, демагога, метафизика и выдающегося нарцисса пропаганда сумела вылепить образ «величайшего мыслителя», а из инквизиции, добросовестно и совершенно законно пытавшейся наставить его на путь истинный, — бездушного монстра, хладнокровно уничтожившего «непризнанного гения»...



ЧАСТЬ II

УЖАСНЫЙ ВЕК, УЖАСНЫЕ СЕРДЦА



ПО ПАРИЖУ И ОКРЕСТНОСТЯМ

В этом разделе мы постараемся осветить сразу несколько различных тем, относящихся к финалу эпохи Высокого Средневековья и началу длительного переходного периода к раннему Новому времени. Отгремела великая эпидемия чумы, продолжается Столетняя война, в деревне Домреми родилась девочка, при крещении названная Жанной, а королевство Франция стоит на краю гибели...

Что нам стоит дом построить?

Поскольку о строительстве средневековых укреплений, архитектуре замка и его внутреннем устройстве написаны сотни исследований и популярный книг, давайте остановимся на малоизвестных подробностях — в частности, на финансовых, политических и даже религиозных особенностях возведения, пожалуй, одного из самых выдающихся шедевров фортификационного искусства эпохи, замка Шато-Гайар в Нормандии.

Прежде всего зададимся вопросом: в какую сумму вылилось строительство одного из самых грандиозных укреплений XII века, исправно служившего то Англии, то Франции несколько столетий подряд? Сколько стоит?



Стоит очень и очень дорого.

...Если мы и вспоминаем про замок Château Gaillard, то лишь в связи с историей, рассказанной французским писателем Морисом Дрюоном в книге «Узница Шато-Гайара», и весьма некрасивыми подробностями измены законному мужу Маргариты де Бургонь с конюшим Филиппом д'Онэ. Как помнят читатели, закончилась эта драма для обоих очень плохо (Маргариту убили во время заключения в Шато-Гайаре, а Филиппа казнили самым зверским образом), но сейчас речь несколько о другом — непосредственно о пристрашном узилище, исходно предназначенном для целей вполне утилитарных.

Мы уже упоминали о противостоянии Англии и Франции в борьбе за герцогство Нормандское. Историю Шато-Гайара так и вовсе пришлось бы начинать примерно с середины XII века и лихо закрученной мыльной оперы вокруг замужеств и разводов подробно описанной выше Алиенор Пуату, герцогини Аквитанской, впоследствии матери Ричарда Львиное Сердце, благодаря которому, собственно, и появился замок.

Скажем лишь, что после смерти короля Генриха II, Старого Гарри, умный и хитрый француз Филипп-Август воспользовался последствиями конфликта между Генрихом, Алиенор и их сыновьями, отобрав у англо-нормандцев замок Жизор — по тогдашним меркам колоссальное сооружение с двенадцати башнями, прикрывавшее нормандские владения англичан от притязаний Парижа.

От некогда знаменитого Жизорского замка в наши дни мало что осталось. Лишь остов могучего восьмиугольного донжона, над которым, впрочем, и тысячу лет спустя развевается флаг с львами Нормандии.

После потери Жизора и возвращения из крестового похода и австрийского плена Ричарду Львиное Сердце пришлось искать новое место для строительства пограничного

An Key got du des wunden. Die fünf tunc die hie vor got
fabrierten Schilten zu Josue bi er mize hilf len als er oaz tet als
nach sater



Миниатюра с изображением города, из немецкой рукописи около 1450–1500



Замок По.
Автор: Lafolaye,
Joseph-Auguste
(1828–1891)

укрепления. Монарх, разумеется, нашел таковое. Одна беда — на чужой земле. Мало того, что на чужой (какому-нибудь провинциальному дворянчику можно было бы просто заткнуть рот или осыпать милостями за уступку территории), так еще и на церковной. Последствия своей бурной деятельности этот король с замашками прапорщика просчитывать не умел, а мудрая мама Алиенор тогда была далеко, в родной Аквитании, и вразумить чадо не сумела.

В итоге чадо, как и всегда, получило неприятностей по полной программе. От всех заинтересованных лиц.

Местечко, что и говорить, со стратегической точки зрения было идеальное. Скалистая возвышенность на восточном берегу Сены, позволяющая доминировать над местностью и, главное, дающая контроль над торговым судоходством по реке. Отсюда проистекало множество выгод: налоги, пошлины (ибо



после всех своих безумных затей Ричард остался полнейшим голожопцем, потратив все накопления Старого Гарри и забравшись в колоссальные долги) плюс по необходимости — частичная блокада снабжения Парижа по реке. Париж, кстати, находился совсем рядом, меньше ста километров по прямой.

Ну что же, строим? Конечно, строим! Ради такого дела можно содрать с подданных и маменьки Алиенор еще денег — ибо проект оказался безумно дорогим даже по меркам XII века. Оценочная стоимость одного только замка — 15–20 тысяч ливров, в переводе на тауэрский фунт XII века от 5,25 тонны серебра, до 7 тонн серебра с учетом инфляционных рисков. Это притом что мощная крепость Дувр обошлась Старому Гарри в два с лишним раза дешевле, причем строили ее несколько десятилетий, постепенно! И то Гарри втихомолку поругивали за расточительность.

Но вот какая неувязочка: земли-то принадлежали архиепископу Руанскому! Его высокопреосвященство Готье де Кутанс вполне справедливо возмутился — грабеж среди бела дня! Ричард предложил деньги (надо думать, смехотворную сумму), но архиепископ отказал — епархия прибыльная, а все другие церковные владения сильно пострадали за время затяжной войны между Генрихом, Ричардом, Алиенор и Филиппом-Августом.

Что делает Ричард? Верно, совершает очередную стратегическую ошибку. Вместо того чтобы найти дополнительные средства, подмазать его высокопреосвященство или выбрать другое место для строительства ниже по течению Сены, он без разрешения архиепископа начинает строиться (осень 1195-го или весна 1196-го), захватив земли силой и тем самым смертно перессорившись с Церковью. Что в XII веке делать решительно не стоило — чревато самыми прискорбными последствиями.

Результат оказался предсказуем: Готье де Кутанс за королевское самоуправство обеспечил полновесный интердикт



Рыцарь ордена Золотого руна.



свечой, колоколом и книгой всей Нормандии, после чего отправился жаловаться на возмутительное самоуправство короля в Рим, папе. Вдогонку туда же поехали представители Ричарда, надеясь выиграть грядущую тяжбу.

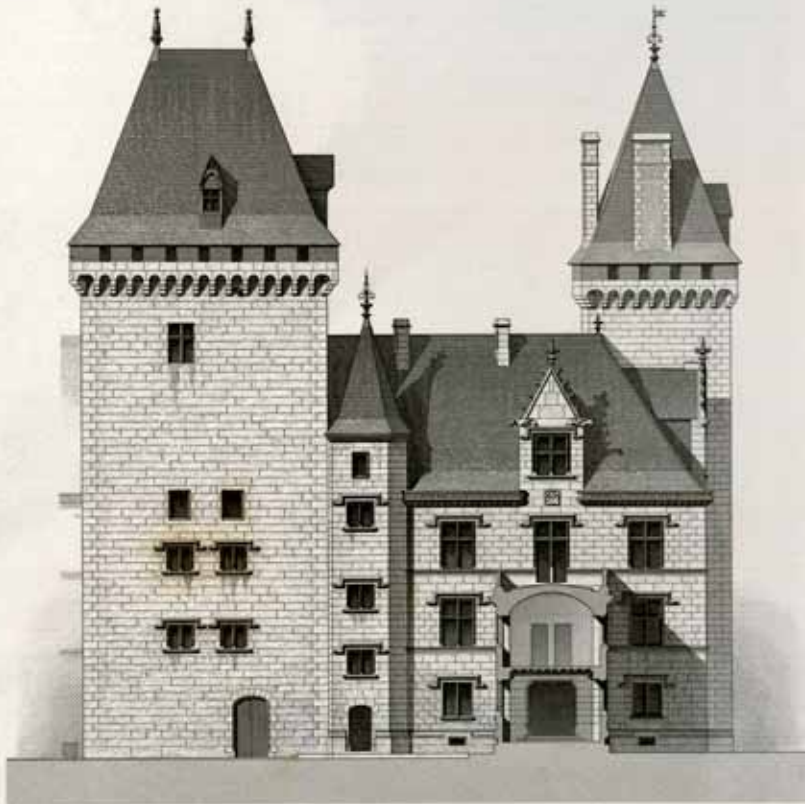
Ситуация сложилась крайне некрасивая, вызвавшая в народе ропот — отлучение от Церкви целого герцогства ради прихотей его величества становится настоящим бедствием. Как указывает летописец Роджер Ховеденский, *«непогребенные трупы лежат на улицах и площадях городов Нормандии»*. Интердикт означал полное отрешение жителей отлученной территории от церковных таинств; нельзя креститься, венчаться, отпевать, исповедаться. Хоронить в освященной земле тоже нельзя. Для своего времени — серьезнейшее коллективное наказание, означающее погибель души: тогда этому вопросу придавалось первостепенное значение!

Ричард, впрочем, не унывал и развернул грандиозное строительство. Для начала на Сене появился новый город — Пти-Андели, в котором жили рабочие, строители и снабженцы. Город также был необходим для создания и поддержания инфраструктуры будущего замка: кузни, конюшни, продовольственные и фуражные склады, мелкое ремесленное производство. Пти-Андели существует до сих пор, причем численность населения за столетия осталось почти неизменным, около пяти тысяч человек.

Несколько месяцев спустя, в 1197 году, напряженная ситуация разрешилась — папа Целестин III виртуально погрозил Ричарду пальчиком из Рима и предложил соломоново решение: вы нам — мы вам. Отдай архиепископу часть герцогских земель аналогичной доходности, а мы замнем дело и снимем отлучение? По рукам?

«По рукам!» — восторженно заорал Ричард, не успевавший нарадоваться на новую игрушку, и, разумеется, снова

COUPE SUR LES BUREAUX



Echelle de 0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 Mètres

Lafollye del.



CHATEAU DE PAU
COUR D'HONNEUR - BATIMENT NORD

V. A. NOBEL et C^o Editeurs

Imp. L'Espresso et C^o Paris

Замок По. Автор: Lafollye, Joseph-Auguste (1828–1891)



оказался в убытке: две епархии, переданные в качестве компенсации Готье де Кутансу превосходили епархию Андели по доходности если не в разы, то весьма существенно. Больше того, архиепископ получил во владение гавань Дьепп, что означало дополнительные доходы диоцезии с торговых пошлин. Считать деньги Львиное Сердце не умел никогда. Фу, какая низменная проза, не рыцарское это дело!

Напряженные труды и колоссальные финансовые вложения с военной точки зрения были оправданны: Шато-Гайар возвели в рекордный срок, два с половиной года. Есть версия, что строили замок по личному проекту Ричарда, поскольку упоминаний имен архитекторов того времени не осталось, при всей подробности описания строительства. Король приехал на новоселье и отпустил казарменную шутку: «*Que voilà un château gaillard!*» — что в свете далеко не всегда традиционной сексуальной ориентации Ричарда выглядело пошлейшей двусмысленностью: «Не замок, а прелестный юноша!» Так и повелось: «*Château Gaillard*».

В сухом остатке: потрачена умопомрачительная сумма денег, уйма человеко-часов и ресурсов, ссора с архиепископом (ложечки, конечно, нашлись, но осадочек остался) и недовольство подданных, вынужденных оплачивать королевские архитектурные эскапады. Многие, кстати, заплатили и бес-смертной душой — во время интердикта.



Давайте сделаем небольшое отступление и выясним, а что же представляли из себя французские деньги эпохи Высокого Средневековья? 20 тысяч ливров, потраченных на Шато-Гайар, — это много или мало?

Сначала разберемся, что такое собственно «ливр» как денежная единица.



Людвик IX Святой



Рассматривать так называемый «Парижский ливр» (*livre parisien*), начавший выходить из обращения в начале XII при Филиппе-Августе и почти окончательно исчезнувший при Людовике IX Святом, мы не будем. Обратимся к валюте, известной как «турский ливр». Эта денежная единица поставила рекорд по длительности использования — отменил турский ливр Бонапарт 17 марта 1803 года, окончательно заменив франком.

Итак. По присоединению к 1230 году к Франции Анжу и Турени Людовик Святой (король этот был весьма разумный и хозяйственный, назначивший в правительство прекрасно разбиравшихся в экономике чиновников) провел финансовую реформу, поручив чеканить национальную валюту от имени короны аббатству Сен-Мартен в городе Туре (монахи и раньше этим занимались, но под руководством Анжуйский династии, обосновавшейся в Англии, причем монета ходила не только в английских владениях на континенте, но и собственно в королевском домене Франции — еще с 1203 года, по указу Филиппа-Августа).

При Людовике IX турский ливр становится основным расчетным средством Франции с золотым содержанием 8,27 грамма золота или примерно 489 граммов серебра (фунт — отсюда и позднейшее название английской монеты). Деление на мелкую монету шло по двадцатиричной системе: 1 ливр равен 20 турецких солям (другое название — «гро турнуа», *gros tournois*, или «грош»; монета из высокопробного серебра весом 4,22 грамма) или же равен 240 турецких денье, или 480 оболлов (самая мелкая монетка в половину денье).

Существовали и другие монеты: тройной денье (лиард). В XIV веке появляются первые медные монеты — денье турнуа (1,5 грамма) и дубль (двойной) турнуа весом 3 грамма, — с соответствующим обозначением на реверсе: DENIER TOVRNOIS, DOVBLE TOVRNOIS. Занимался чеканкой



все-тот же турецкий монастырь св. Мартина, превратившийся фактически в госкорпорацию с частными активами наподобие современной ФРС Америки.

Золотой ливр с середины XIV века начал обиходно именоваться франком — благодаря надписи рядом с изображением Иоанна II Доброго де Валуа: FRANCORV REX, «Король франков».

Так что же можно было купить за эти деньги? С учетом того, что государственное жалованье, к примеру, начинающего адвоката в середине XIV века составляло 2–3 ливра в год, а судьи крупного города — 17–20 ливров (прочие заработки юристов составляли благодарности от клиентов). Данные мы приводим по ценам до Великого голода 1318 года и уж тем более до глобальной катастрофы Черной смерти 1348 года, окончательно обрушившей экономику Западной Европы.

В 1269 году различные боевые лошади, купленные для крестового похода Людовика Святого на ярмарках Шампани и Бри (Бар-сюр-Об, Ланьи, Провен), стоили в среднем 85 турецких ливров, но это, вероятно, были очень ценные животные, иногда привозимые из Испании и Апулии.

Общая стоимость боевого, парадного и упряжного коней для графа Робера II Артуа (того самого, из книг Мориса Дрюона) составляла 470 турецких ливров. Но Робер был невероятно богатым человеком и мог позволить себе такие огромные траты.

За 1 ливр можно было снять этаж дома в крупном городе на полгода с учетом обслуживания (питание, прачки, место для лошади в конюшне).

Ежедневное жалование хорошо вооруженному солдату из простолюдинов — полтора-два турецких денье (в состоянии войны, в мирное время — меньше).

Путешествие дормезом (повозка наподобие хорошо оборудованного дилижанса с печкой и кроватями) от Парижа



Лист из «Библии Людовика IX» (Библия Мацневского, Библия Моргана), Франция, Париж, 1240–1250. Знаменитая Библия крестоносцев, изображающая историю Ветхого Завета в свете средневековых/крестовых походов.



*Роза в замке
ревности.
Иллюстрация
к средневековому
«Роману о Розе»*

до Авиньона — 26 день. Но это бизнес-классом (из хроник архиепископа Руанского, ездившего так в Авиньон). Дормез передвигался медленно, но обслуживание было на высшем уровне: горячее питание, чистое белье, стол, сундук для книг и свитков, прислуга.

Кувшин красного вина нового урожая в приличном кабаке или на постоялом дворе — половина денье. Если с горячей пищей и ночевкой — полтора.



Корзина яблок на рынке — четверть обола. Молочный поросенок — два-три денье. Дойная корова — больше гро-турнуа. стакан черного перца горошком — два-три гро турнуа, на юге дешевле, на севере дороже. Специи как таковые стоили сумасшедших денег. Притом что обычные европейские приправы (мята, чеснок, лук) — копеечные.

Перепродажа деревни с домами и жителями другому феодалу — от сотни ливров и выше. Купить в провинции собственный дом в два этажа (вторичный рынок недвижимости) — 7–10 ливров, если очень хороший и новопостроенный — до 25–30 ливров.

Шато-Гайар, как было указано, обошелся ориентировочно в 20 тысяч ливров, но на самом деле сумму следует увеличить вдвое, поскольку необходимо учесть затраты на строительство города Пти-Андели и крепостной стены вокруг него, а также текущие расходы.

Государственный бюджет королевства Франция в 1307 году оценивается ориентировочно в 750 000 ливров. С учетом инфляции за минувшее столетие можно предположить, что бюджет Франции времен Ричарда и Филиппа-Августа был не больше 500 000 ливров (а в более бедной Англии и того меньше), Шато-Гайар обошелся Львиному Сердцу приблизительно в 10% госбюджета. Это колоссальная, запредельная для своей эпохи сумма.

Отдельно укажем, что приведенные курсы между золотом и серебром даются по временам Людовика Святого и ранних лет правления Филиппа Красивого — ибо при последнем, из-за его громких авантюр, началась гиперинфляция, вызвавшая снижение доли драгоценного металла в монетах и такие крупные неприятности, как бунт в Париже после «Ордонанса о максимуме цен» от 1304 года — за два года королевские выходки так надоели парижанам, что в 1306 они устроили «первую французскую революцию», вынудив



Филиппа Красивого временно уехать из столицы. Злые языки поговаривают, что подговорили горожан тамплиеры и потом за это заплатились разгромом Ордена, но эта версия сомнительна — Филипп был авантюристом, пускай и великим человеком, а расплачиваться за его политику приходилось народу...



Вернемся на берега Сены, где взметнулись к небу стены и башни Шато-Гайара. Будем объективны: замок получился хороший. Настолько хороший, что хозяйственный Филипп-Август немедленно положил на него глаз: во-первых, терпеть сумасброда Ричарда в двух конных переходах от Парижа было решительно невозможно, а во-вторых — вещь-то сама по себе неплохая. Надо бы прибрать к рукам.

Прибирать к рукам было что. Три кольца стен, разделенных сухими рвами. Из-за естественного рельефа доступ к замку был только с южной стороны. Новое слово в оборонительной технике, перенятое Ричардом у сарацин, — машикули, то есть выступы в верхней части стен с проемами-бойницами, позволяющими обстреливать пространство внизу. Практически нештурмуемый донжон с немаленьким бейли (внутренним двором).

Тактико-технические характеристики Шато-Гайара таковы:

- ❖ длина: 200 метров;
- ❖ ширина: 80 метров;
- ❖ высота: до 90 метров с учетом холма (основание над уровнем Сены в 15 метров);
- ❖ использовано 4700 тонн камня;
- ❖ донжон: внутренний диаметр 8 метров, высота 18;
- ❖ толщина стен: 3–4 метра.



Se y fery et
 suertay
 Et manteffoie
 Je escoutay

Se ie devoie leane nulle amie
 Le mueret qui estoit de chascune
 Elle ommre vne pucelette
 Qui assez estoit comte et nate
 Le nez auz ait blone coe vna lassi
 La cheve plus tendre quun poussin

front refusant souerz; vousline
 L'entrecail si nestoit pas vnie
 Ame fut assez maney y mesme
 Le nez ait bien fait a droiture
 Les yeulz ait pas come saulante
 Pour faire amie atons s'ome
 Douce a l'ame ait et saouree
 La face blanche et consolree
 La bouche petite et grossee
 Et au menton vne fossee

1490 -1500 Голландская иллюстрация к средневековому «Роману о Розе»



Постройка, что и говорить, циклопическая. Счастливый Ричард сделал Шато-Гайар своей официальной резиденцией — в Англии король не жил, считая своей родиной Аквитанию (по-английски он тоже не говорил). Львиное Сердце прилюдно хвастался, будто захватить замок невозможно, «даже если бы его стены были сделаны из масла».

Однако судьба сыграла злую шутку — наслаждаться Шато-Гайаром Ричарду довелось меньше двух лет: он окончательно погряз в авантюрах на континенте и даже начал брать верх над Филиппом, вынудив его к пятилетнему перемирию и уступкам. Сгубила самого блестящего рыцаря эпохи, разумеется, жадность — денег, как и всегда, не было, а тут пришли вести о кладе, якобы обнаруженном у графа Ашара де Шалю. В итоге при осаде замка Шалю-Шаброль Ричард получает арбалетную стрелу и через 10 дней умирает от заражения крови — 6 апреля 1199 года.

Похоронен Ричард Львиное Сердце, разумеется, в Аквитании-Пуату — в любимом матушкой Алиенор аббатстве Фонтерво. Англичанином он никогда себя не считал, полагая свою династию Аквитанской.

Новый король, Иоанн I Плантагенет (он же принц Джон, он же Иоанн Безземельный), между нами говоря, был полнейшая сопля и тряпка — особенно в сравнении с такой глыбой, как Филипп-Август, который медленно, но верно превращал захудалое королевство Франция в европейскую супердержаву. Для окончательного решения английского вопроса следовало вышибить англо-норманнов с континента обратно на остров. Чем Филипп и занялся с ослиным упрямством и напористостью носорога.

Первым делом необходимо убрать бельмо на глазу — Шато-Гайар.

Сказано — сделано. К таким вещам Филипп-Август относился серьезно и поэтому начал «правильную осаду»



Лист из Часослова герцога Беррийского.



Французское
вторжение
в Нормандию
1203 г.
Рукопись
14 века.

продолжавшуюся почти семь месяцев — с сентября 1203 года по март 1204-го. Принцип простой — бьем на земле, в небесах и на воде. Любая крепость при длительной осаде обязательно капитулирует, а мы ограничимся стрельбой из катапульт и требюше (в том числе установленных и на речных судах) и будем ждать.

Принцу (уже, впрочем, королю) Джону на Шато-Гайяр был плевать с колокольни Кентерберийского аббатства — своих проблем было превеликое множество. Финансы расстроены (спасибо Ричарду, кстати, оставившему брата фактически без штанов с огромным дефицитом бюджета), бароны бунтуют, война с Францией складывается неудачно — неудачно до такой степени, что восьмидесятилетняя матушка Алиенор, тряхнув стариной и припомнив бурную молодость, сама организывает оборону замка Мирабо и успешно отражает штурм.



Недоброжелатели шептались, будто Джон внес в конструкцию «абсолютно неприступного» Шато-Гайара некоторые «модификации», из-за которых замок и был взят, но, думается, это навет и клевета — неудачников всегда обвиняют во всех смертных грехах.

Причина падения замка вовсе не в мифических «улучшениях и достройках» Джона. Во-первых, жители новопостроенного Пти-Андели бросились спасаться от французов в Шато-Гайар, увеличив число людей за стенами в пять раз. Отсюда возникли проблемы с продовольствием. Во-вторых, никакой помощи из метрополии гарнизон не получал — и думать забудьте! Неторопливая средневековая жизнь не оставляла замкам никаких шансов при наличии времени у осаждающих, а времени у Филиппа-Августа было предостаточно. Когда солдату с крыш доедят — сами сдадутся.

Так и произошло. 36 английских рыцарей и 117 лучников капитулировали 6 марта 1204 года. Потери французов — 4 рыцаря, число простолюдинов и пехоты не уточняется. Таким образом, любимое детище Львиного Сердца прослужило Англии неполные семь лет и в итоге перешло во владение Филиппа-Августа, который замок отремонтировал, а затем использовал в своих целях, равно как и его потомки (см. Маргарита де Бургонь). Ну а во время Столетней войны началась чехарда:

- ❖ 1419 — Шато-Гайар взят англичанами;
- ❖ 1429 — взят французами (Жанна д'Арк, Ла Гир и Жиль де Ре отличились);
- ❖ 1430 — снова англичане;
- ❖ 1439 — снова французы, и теперь навсегда.

Генрих Наваррский в 1595 дает разрешение на частичный снос, в 1603 монахи-капуцины из Пти-Андели начинают таскать камушки для ремонта монастыря. Дело окончательно



Лист из
«Библии
Людовика IX»
(Библия
Мацневского),
Франция,
Париж,
1240–1250
Отмщение
Авраама



завершает кардинал Ришелье, ненавидевший замки как опорные пункты дворянской вольницы.

К XXI веку от Шато-Гайара остались лишь развалины, доселе поражающие грандиозностью задумки Ричарда — и сейчас некогда лучший замок Европы вызывает невольное уважение искусством строителей, трудившихся над ним восемь столетий назад...

Парижские крепости

Сядем на корабль и поднимемся вверх по реке Сене — до блестящей столицы Франции.

На сегодняшний день в Европе существует множество городов, сохраняющих свой облик неизменным на протяжении долгих столетий — Сиена, Брюгге, верхний город Бергамо. Однако если мы вернемся на пять-восемь столетий назад, то



узнать известную практически каждому столицу Франции будет абсолютно невозможно — с эпохи Высокого Средневековья Париж изменился столь радикально, что, окажись в нем сейчас один из подданных короля Филиппа Красивого, он не узнал бы родной город и решил, что его обманывают. Все, что осталось к XXI веку в Париже от прежних славных времен, — это общая география, течение Сены, холм Монмартр и несколько десятков исторических зданий. Даже Лувр, резиденция королей Франции, сейчас выглядит принципиально иначе, чем в Средние века.

Так давайте пройдемся по улицам старинного Парижа — города-крепости, города-твердыни. Города, постоянно ожидавшего нападения и максимально подготовившегося к любым неприятным неожиданностям.

Здесь мы не станем рассматривать самую знаменитую внутригородскую крепость Парижа — Бастилию, — как принадлежащую к более поздним временам. Бастилия была построена уже после эпидемии Черной смерти в 1370–1381 годах и принадлежит не «классическому» Средневековью, а зарождению раннего Нового времени.

Тут надо непременно вспомнить, что античная *Lutetia Parisiorum*, впервые упомянутая Юлием Цезарем в «Записках о Галльской войне», располагалась на острове Ситэ и, предположительно, стеной обнесена не была. С берегами Сены городок соединялся деревянными мостами, которые в случае атаки извне можно было сжечь. Первые укрепления появляются в III веке нашей эры, когда Римская империя начала приходить в упадок и Галлия оказалась под угрозой вторжения германских племен.

Правый берег реки считался непригодным для строительства по причине своей заболоченности, что нашло отражение в топонимике — достаточно упомянуть квартал Марэ, «Болото». В свою очередь, на левом берегу в эпоху поздней



Античности начал разрастаться город, оставленный ориентировочно после 280 года: из-за угрозы варварских вторжений его жители предпочли обосноваться в Ситэ, под естественной защитой реки. С начала IV века на восточной стороне острова появляется первая каменная стена, сложенная из блоков без использования раствора или цемента — материал для нее брали из старинных римских построек, в частности «арен Лютеции». По современным оценкам, стена была около двух метров в высоту и имела толщину у основания в два с половиной метра. Мосты, находившиеся на месте современных Пти-Пон и Гран-Пон, со стороны Ситэ прикрывали бревенчатые башни.

В течение нескольких последующих веков Париж неоднократно подвергался нападениям и разрушению, но всегда восстанавливался — очень уж было удобное место для контроля над судоходством по Сене. В эпоху викингов скандинавы не раз поднимались вверх по реке до самого города — нападения следовали друг за другом в 845, 856, 857, 866 и 876 годах, но были отбиты. В 885–887 годах последовала длительная осада Парижа викингами. К этому времени на обоих берегах Сены появились деревянные укрепления, построенные при императоре Карле Лысом — впоследствии они станут известны как Большая и Малая крепости, Гран-Шатле и Пти-Шатле.

Лишь с 1190 года появляется проработанная программа возведения укреплений вокруг города — возведению стен с многочисленными воротами-башнями парижане опять же обязаны королю Филиппу II Августу, монарху, обожавшему строительство и желавшему обезопасить свой любимый Париж от возможного нападения со стороны английских Плантагенетов, владевших Нормандией, — вышеописанный Шато-Гайар находился меньше чем в сотне километров от Парижа, то есть англичане могли подойти к столице за считанные дни.



«Сошествие Святого Духа» лист из «Часослова Этьена Шевалье» работы Жана Фуке (1452–1460), на которой с точностью передан вид Парижа середины 15 века



Филипп-Август считал приоритетной оборону правого берега. Строительство стены длиной 2600 метров с этой стороны велось с 1190 по 1209 год — к этому времени болота были осушены трудами ордена тамплиеров, которым был подарен значительный участок земли на правом берегу. Левобережная часть стены строилась с 1200 по 1215 год — наконец, Париж начал приобретать устоявшийся облик, который сохранится почти неизменным на протяжении следующих четырехсот лет. Там, где стены примыкали к реке, были построены однотипные «большие парижские башни» — каждая высотой



«Сошествие Святого Духа» лист из «Часослова Этьена Шевалье» (фрагмент) работы Жана Фуке (1452–1460), на которой с точностью передан вид Парижа середины 15 века, (увеличенный фрагмент)

25 метров и диаметром 10 метров. Среди них была и Нельская башня, известная большинству читателей по циклу романов Мориса Дрюона «Проклятые короли». Находилась она на левом берегу, где сейчас набережная Малаке, возле нынешнего моста Карузель.

В эти же годы появляется замок Лувр — землю под строительство за пределами городских стен Филипп-Август купил у епископа Парижского. Как мы уже упоминали, ничего общего с современным Лувром этот боевой замок, способный выдержать длительную осаду, не имел. Это было квадратное



Лист
из «Библии
Людовика IX»
(Библия
Мацневского),
Франция,
Париж,
1240–1250

сооружение размерами 78 на 72 метра, с мощной цитаделью в центре, десятью оборонительными башнями по периметру и широким рвом. Во времена Филиппа-Августа Лувр являлся чисто утилитарным сооружением — холодным, неудобным и совершенно неблагоустроенным; резиденция короля оставалась на острове Ситэ, в замке Консьержери, считавшемся одним из самых красивых дворцов Европы.

Тем не менее в случае проникновения противника за городские стены и захвата собственно Парижа, Луврский замок мог держаться не менее года, ожидая подхода подкреплений. Для своей эпохи это был шедевр фортификационного искусства, где были применены все современные достижения в данной области, включая скопированные с Шато-Гайара машикули — навесные бойницы. Цитадель являлась исключительно



солидным сооружением — высота 32 метра, диаметр 16 метров, толщина стены у основания 4,5 метра.

К сожалению, сейчас от средневекового Лувра почти ничего не осталось — замок Филиппа-Августа был частично снесен в XVI веке ради строительства ренессансного дворца, остатки северной стены разобрали при Людовике XIII, а в наши дни можно увидеть лишь основания древних стен в подвалах мюзезя.

Пройдемся по маршруту от Нельской башни до Гревской площади через остров Ситэ. Расстояние — приблизительно два километра. Наш путь пролегает вверх по левому (южному) берегу реки, оставляя за спиной собственно отель графа Амори де Неля (в 1308 году выкупленный Филиппом Красивым для своего сына Людовика Наваррского), отель Сен-Дени и монастырь Августинцев. Первая цель — Пти-Шатле.

Собственно от Пти-Шатле на остров ведет каменный Малый мост, а похожая на каменную коробку башня как была построена в 1130 году, так и сохранялась неизменной до сноса в 1782, единственная реконструкция была при короле Карле V в 1369 году, когда Пти-Шатле решили капитально отремонтировать (крепость пострадала при наводнении). В последующие эпохи оборонительные функции потеряла и использовалась как тюрьма.



Расскажем о военном значении Пти-Шатле и Гран-Шатле, ранние прототипы которых появились во времена постоянных набегов викингов VIII–IX веков.

Если в Англии и Ирландии норманны столкнулись с разобщенными королевствами и кланами, которые было легко разгромить поодиночке, то на материке существовала сила, способная всерьез противостоять нашествию с севера, — государство



Гобелен
из Байе

франков, объединенное в империю при Карле Великом. Если поначалу франки не воспринимали опасность всерьез, то после сообщений с Альбиона об атаках язычников активно взялись за обустройство обороны — прежние, чаще всего деревянные или земляные укрепления в новых условиях непрекращающейся войны оказались абсолютно непригодными для отпора викингам.

Франки весьма успешно перенимают итальянскую традицию строительства каменных крепостей, особенно укрепления монастырей, которые постепенно становятся важнейшими форпостами обороны. Но как остановить продвижение скандинавских кораблей по рекам? Одних засад явно недостаточно! Верно — необходимы каменные стационарные мосты, которые невозможно сжечь или быстро разрушить! Наконец, было введено «оружейное эмбарго» — указом Карла Великого и последующими капитуляциями его преемников под страхом смерти было запрещено продавать язычникам (хоть скандинавам, хоть славянам) оружие — в частности, знаменитые трехслойные клинки-каролинги с булатным сердечником.

Разумеется, всех этих мер было совершенно недостаточно. Франки упустили стратегическую инициативу, позволив викингам основать на побережье будущей Нормандии и в нижнем течении Сены укрепленные поселения, откуда скандинавы



начали совершать длительные экспедиции в глубину страны и, в частности, на Париж — тогда не являвшийся столицей (резиденция императоров находилась в Аахене), но уже имевший важное политико-экономическое значение как крупный торговый город.

В марте 845 года 120 кораблей викингов с общей численностью экипажей около 5000 человек поднялись вверх по Сене до Парижа. Традиционно считается, что командовал рейдом датчанин Рагнар Лодброк (Рагнар Кожаные Штаны), хотя некоторые исследователи полагают его персонажем полумифическим, а образ собирательным. Так или иначе, скандинавы сначала захватили и разрушили аббатство Сен-Дени близ города, разбили один из отрядов короля Карла Лысого, а в пасхальное воскресенье 28 марта подошли собственно к Парижу, тогда не выходявшему за пределы острова Ситэ.

Примечательно, что в эти дни в лагере норманнов началась эпидемия натуральной оспы — это одно из первых упоминаний оспы в европейских хрониках, и, судя по летописям, вспышка имела весьма серьезный характер. Дошедшая до нас легенда (не факт, что достоверная) гласит: якобы один из пленников-христиан уговорил викингов принять новую веру, и после молитв новообращенных болезнь утихла. Карлу Лысому пришлось уплатить за Париж колоссальный выкуп в 7000 ливров, что тогда примерно соответствовало двум с половиной тоннам серебра.

Впоследствии викинги неоднократно возвращались к стенам Парижа, но все предыдущие набеги затмила «великая осада» 885–886 годов. Данные о численности войска норманнов разнятся: по некоторым источникам, к городу подошли около 700 кораблей с 30–40 тысячами воинов — эти цифры сейчас считаются очевидным преувеличением. Вероятнее всего, кораблей было около 300 или немногим больше, но, так или иначе, этот флот считается одним из крупнейших за всю



эпоху викингов. Граф Эд Парижский (впоследствии король западных франков) и епископ Парижа Гозлен, командовавшие обороной, поначалу имели в распоряжении всего-то около 200 мечей — как обычно, франкские летописцы преувеличивали численность неприятеля и преуменьшали свои силы. Тем не менее разница в количестве нападавших и обороняющихся была очень существенной.

Опыт более ранних набегов на Париж позволил укрепить город — через Сену были возведены два моста (деревянный и каменный), прикрываемые башнями. Мосты не позволяли кораблям норманнов прорваться вверх по реке, так как даже самые небольшие дракары не могли под ними пройти. Флот неприятеля подошел к городу в конце ноября 885 года, были выставлены стандартные условия: уплата большого выкупа. Эд Парижский отказал, после чего началась осада — надо заметить, что за предшествующее столетие скандинавы переняли у европейцев и испанских мавров множество полезных новшеств в военной области, в частности, осадные машины, с помощью которых они предприняли первый штурм 26 ноября.

Плацдарм для нападения на Париж находился на северо-востоке, там, где сейчас находятся набережная Лувр и церковь Сен-Жермен л'Оксеруа. Штурм отбили, причем епископ Гозлен лично участвовал в обороне — времена беспомощных клириков уходили в прошлое, и служители церкви уже не чувались брать в руки оружие, чтобы защищаться от язычников.

27 ноября штурм повторился, но парижане сдаваться не собирались. Норманны попытались сжечь деревянный мост (ныне мост Менял), чтобы позволить кораблям продвинуться дальше, к юго-востоку от острова Ситэ, но у них ничего не вышло. После попытки взять город с наскока викингам пришлось обустраивать лагерь — предстояла длительная осада. Расположились они в районе Сен-Жермен де Пре, где ныне



*Здание суда
и Мост Менял,
фотограф
Эдуард-Дени
Бальдюз, 1854*

расположены одноименный бульвар, улица Жакоб и улица Бонапарт. В те времена там был прореженный выпасами и огородами лесной массив.

Благодаря решительности графа Эда Парижского «великая осада» стала первым примером удачного сопротивления превосходящим силам скандинавов. За первые два месяца, вплоть до января 886 года, происходили незначительные стычки, город обстреливался из метательных орудий, затем была предпринята новая попытка сжечь деревянный мост с помощью трех брандеров. Хотя цели достичь не удалось, викингам повезло — сильные дожди в феврале месяце вызвали подъем воды в Сене (реке довольно бурной и своенравной по сей день), опоры были подмыты, и мост рухнул, отрезав от города защитников башни на правом берегу (в будущем эта башня превратится в крепость Гран-Шатле). Оставшиеся



в ней двенадцать защитников сдать отказались, и были перебиты норманнами.

Викинги были нетерпеливы, и длительная осада вызывала у них разочарование. К началу весны большая часть их войска ушла в сторону Эвре, Шартра и долины Луары за добычей, возле Парижа осталось лишь двести тысяч норманнов — сумму выкупа они снизили всего лишь до 60 фунтов серебра, но снова получили отказ. Граф Эд сумел выбраться из осажденного города и отправился за помощью к императору Карлу Толстому.

Летом скандинавы предприняли еще одну, последнюю попытку взять город, и снова штурм не удался — это очень серьезно повлияло на боевой дух привыкших к быстрым и легким победам норманнов. Войско императора соизволило объявиться только в октябре 886 года и встало лагерем на горе Монмартр (тогда покрытой редколесьем), причем Карл Толстый решительно не собирался воевать — у него были совсем другие планы: в это самое время в Бургундии поднялся мятеж, и условием совершенно изменнического перемирия было монаршее дозволение викингам подняться дальше по Сене, чтобы они грабили не Иль-де-Франс, а бунтующих бургундцев. К этому присовокуплялся выкуп в размере 250 килограммов серебра.



Нормандские и саксонские щиты из гобелена Байе.



Эта история окончательно подорвала и так не самую позитивную репутацию Карла Толстого, прославившего среди франков трусом и изменником — во времена раннего Средневековья не было более тяжкого обвинения. В свою очередь, доблестный граф Эд, так долго оборонявший Париж от казавшихся непобедимыми норманнов, с боем покинувший город и также с боем вернувшийся в свою столицу, стал едва ли не национальным героем — франки осознали, что сопротивляться нашествию можно и нужно. В 888 году, по смерти нелюбимого народом и дворянством Карла, Эд Парижский был избран королем Франции.

После этих набегов две башни — Пти-Шатле и Гран-Шатле и становятся главными крепостями города вплоть до появления стен Филиппа-Августа. Враг ни в коем случае не должен был попасть в Ситэ, и оба укрепления столетиями оберегали покой сердца Парижа...



Город Париж в XIV веке состоял из трех «подгородов». То есть обособленных районов со своей спецификой.

1. Остров Ситэ. Колыбель города, древняя Лютеция. Город храмов и дворцов.

2. Университет. Левый (южный) берег Сены, знаменитые монастыри и не менее знаменитые учебные заведения — из которых Сорбонна важнейшее.

3. Собственно «Город» — правый (северный) берег. Он принадлежал купцам, торговцам, горожанам — Париж развивался в северную сторону. Там находился Гревский порт (основная речная гавань за Гревской площадью), там стоял Тампль, там выстроили знаменитый квартал Марэ, «Болото» — это болото осушили тамплиеры и создали одну из самых великолепных частей города.



*Причастие
Людовика IX
Святого, илл.
из рукописи
1300–1340*

Пройдем от Пти-Шатле по Малому Мосту, оставим по правую руку достраивающийся Нотр-Дам, повернем левее и выйдем к замку Консьержери. Замок начал строиться в 1120 году при Людовике VII, дворец Консьержери в Ситэ становился центром королевской власти. В 1187 году Филипп Август принимает в замке Ричарда Львиное Сердце, в 1193-м справляет свадьбу с Ингеборгой Датской, и в королевских грамотах впервые упоминается о «консьерже», получающем жалование за выполнение «малого и среднего правосудия» на дворцовой территории. Кроме того, по свидетельству летописца и врача Ригора (Rigord), Филипп Август приказал замостить зловонные топи вокруг дворца, запах которых ему докучал. Центр Парижа был окончательно осушен и одет в камень.

Людовик IX Святой (1214–1270) будучи королем добродетельным, не был лишен честолюбия. Он задался целью стать



Мост менял,
гравюра
Х. Уоллиса.

светочем западнохристианского мира и в 1239 г. приобрел святые реликвии Страстей Господних, выставил их во дворце, специально построив для них в рекордные сроки (1242–1248) роскошный реликварий — часовню Сен-Шапель.

В XIV веке при Филиппе Красивом замок Консьержери превратился в самый роскошный дворец в Европе, с элегантной архитектурой и сногшибательным внутренним убранством, поражающим великолепием любого гостя. Филипп поручил коадьютору (первому советнику короля) Ангеррану де Мариньи реконструкцию дворца, новый вид которого стал бы отражением королевского величия. Кроме того, перед Мариньи стояла задача сделать замок как можно более просторным, чтобы в нем поместились административные службы. По иронии судьбы, Мариньи стал после смерти патрона первым



узником внутренней административной тюрьмы Консьержери, откуда и отправился на виселицу.

Отойдем от замка Консьержери и направимся на мост Менял, Pont au Change, ведущий на правый берег. Уже тогда мост был застроен зданиями и являлся отдельным городским кварталом со своим прево. Кстати, часть действия знаменитого романа П. Зюскинда «Парфюмер» происходит именно на мосту Менял, там находилась лавка итальянца Бальдини. В отличие от событий романа, здания на мосту не рушились, их своевременно разбирали и перестраивали, предотвращая возможные инциденты.

Мы выходим на северный берег Сены и видим перед собой Гран-Шатле — олицетворение судебной власти королевской Франции. Главная после Лувра и Тампля крепость правого берега. Построили Гран-Шатле в 1130 году, на месте старой деревянной крепости, но со временем стратегическая ценность укрепления, прикрывавшего мост на Ситэ, была утрачена, и сюда переехал уголовный суд, служба сержантов короля и тюремное ведомство. Снесли Гран-Шатле при Бонапарте, в 1800 году.



У Гран-Шатле в городе была устрашающая репутация, поскольку главная тюрьма Парижа являлась огромным судебным комплексом со всеми полагающимися службами, от пыточных до городского морга, куда свозили жертв убийств, утопленников или просто неопознанных покойников. Однако какой-то исключительной жестокости в парижском судопроизводстве эпохи Высокого Средневековья мы не наблюдаем.

У нас есть непосредственный свидетель, некий Алом Кашмаре, секретарь суда, трудившийся как раз в Гран-Шатле. До нас дошел его труд «Уголовный регистр крепости Шатле»



Большой
Шатле.
Автор: Шарль
Мерион, 1861,
гравюра

(Registre criminel du Chatelet de Paris) за 1389–1392 годы — свод, описывающий 107 образцово-показательных судебных процессов, на которых приговор был вынесен 124 обвиняемым.

В России сей уникальный документ мало известен (из современных русских медиевистов к нему постоянно обращается в основном исследовательница Ольга Тогоева), хотя полный перевод представлял бы огромный интерес. Создавался «Регистр», вероятнее всего, как пособие по «судебной культуре» — охват тематики в тексте невероятный. Уголовные преступления, проституция, государственные и сексуальные преступления, есть один подробный процесс о колдовстве (рассматривал светский суд, а не инквизиция), оскорбления чести. В довесок имеются протоколы, письма об



апелляции, речи обвиняемых в суде, жалобы-кляузы и прочее, и прочее.

После изучения материалов «Регистра» делается, казалось бы, парадоксальный вывод: Высокое Средневековье как таковое по уровню само собой разумеющегося зверства в сфере наказаний вообще и смертной казни в частности далеко отстает от «прогрессивного» Возрождения и Нового времени.

В «Регистр» включены материалы процессов, некоторые из которых заканчивались для обвиняемого высшей мерой. Поскольку суд гражданский, а не инквизиционный, речи о сожжении не идет. И что же мы видим? Ни одной казни «с особой жестокостью» — чтобы обвиняемого разорвали лошадами или четвертовали, надо было натворить что-то совершенно невообразимое, прежде всего оскорбляющее королевскую власть или Святую Церковь: пример общеизвестен, Уильям Уоллес (1305), а до этого четвертование в Англии применялось и во все один раз — в 1283-м так отправили на тот свет Давида, государя Уэльского, оспаривавшего права Лондона на Уэльс. Во Франции в это время столь жестокой казни подверглись только братья д'Онэ, о которых мы уже неоднократно упоминали, но их преступление (прелюбодеяние с дамами королевской крови) вполне проходило по ведомству оскорбления величества.

«Регистр» упоминает исключительно о повешении (для простолюдинов) или отсечении головы (для благородных), и то смертная казнь применялась сравнительно редко — из 124 обвиняемых по «Регистру» на эшафот отправились всего-навсего 9 осужденных, в основном за измену и заговоры. Отдельно заметим, что пятьдесят лет спустя подозреваемого в серийных убийствах, педофилии и колдовстве маршала Франции Жиля де Ре всего лишь прилюдно задушили гарротой, тело даже не сожгли, как предписывал приговор, а стащили с костра и передали родственникам. Преступная мягкотелость или обычная судебная практика?

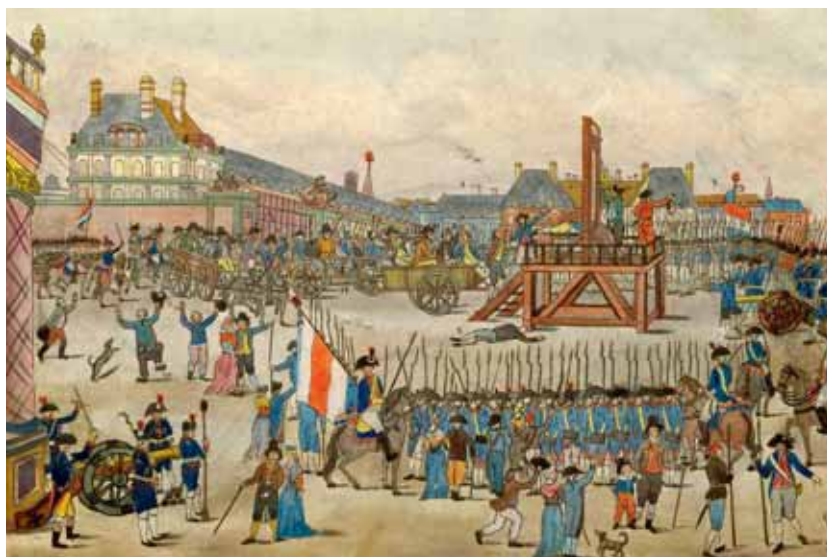


Вспоминается один любопытный эпизод: в 1470 году английский королевский суд приговорил к смерти Джона Типтофта, графа Вустерского за то, что после мятежа в Линкольншире он начал сажать бунтовщиков на кол по образцу Византии или Трансильвании. Графу Вустеру за поступки, «противные законам королевства», вполне цивилизованно отрубили голову.

Но вот подступает Ренессанс, а с ним и Реформация. Тут-то и началось самое неприятное — XVII век, протестантская Швеция, массовые посажения на кол мятежников в Скании (датские провинции, не Азия какая и не Иван Грозный — причем шведы инновационно втыкали кол между позвоночником и кожей жертвы). До XVIII века кол всюду применяется в Речи Посполитой (только Екатерина II запретила после очередного раздела Польши). Массово распространяются колесование и четвертование — вспомним судьбу Равальяка, Робера Дамьена и Жана Клемана (последнего разорвали лошадьми уже мертвым, 1589 год). В XVI веке появляется «железная дева», и тогда же, при Тюдорах, англичане изобретают килевание. О массовой эпидемии невиданного в Средневековье зверства времен Тридцатилетней войны мы вообще умолчим.

Заканчивается вакханалия насилия только с Французской революцией и изобретением промышленного вида казни — гильотины. По-буржуазному экономно и рационально. А первый расстрел как официальный вид казни состоялся в Англии в 1647 при Кромвеле. Средние века в плане пенитенциарной жестокости остаются вполне благополучной эпохой на фоне всего последующего: прецеденты имеются, но массового характера не несут. Скорее исключение — за проступки, из ряда вон выходящие.

Однако данные «Регистра» вовсе не исключают применение судебного насилия в Гран-Шатле. Собственно, к жестокому обращению с индивидуумом в рамках закона отношение



Казнь
Робеспьера.
Фр. революция.

в XIV веке было весьма философское, в том числе и со стороны обвиняемых, к которым применялась третья степень устрашения — а применялась таковая часто, но исключительно с санкции суда: каждый отдельный сеанс пытки должен быть утвержден и обоснован юридически.

Открываем «Регистр» и выбираем наугад несколько эпизодов. Вор на доверии — четыре раза отправлен в подвал к палачу, не признался. Ведьма с пособницей — два раза, одна призналась, другую так вообще оправдали, не доказав «maleficia», вредоносного магического воздействия. Громче всех вопил один дворянин, потерявший (а как выяснилось на следствии — продавший задорого) секретные письма архиепископа. Его, благородного, послали на дыбу — ужас какой!

Имело место совсем иное отношение к смерти — восприятие таковой как естественного момента жизни, с учетом перехода в состояние бестелесной души. Если казни не боялись,



то о душе заботились — следовало непременно исповедаться и получить отпущение, если к обвиняемому не допускают священника — публичная исповедь палачу на эшафоте.

Мы наблюдаем абсолютно другой стиль мышления и поведенческие схемы, нам кажущиеся немислимыми. Другая вселенная.

Любопытны расценки на пребывание в центральной городской тюрьме Парижа. Отсидка была платной: обвиняемый должен был заплатить определенную сумму, согласно своему социальному статусу: граф — 10 ливров (за такую огромную сумму обеспечивался максимальный комфорт), шевалье — 20 парижских су, экюйе (оруженосец) — 12 денье, еврей — 2 су, а «все прочие» — 8 денье. Дополнительно оплачивались еда и постель. «Прокат» кровати стоил в Шатле в 1425 году 4 денье. Если заключенный приносил кровать с собой, то платил только за место (2 денье).

Владения тамплиеров

Теперь на очереди, пожалуй, самое известное здание средневекового Парижа.

Первый Дом Ордена Храма в столице появился в 1139–1146 годах, когда набожный король Людовик VII (прославившийся в основном благодаря жене, герцогине Алиенор Аквитанской) подарил молодому Ордену участок на правом берегу — место не самое удачное, заболоченное и нездоровое. Рядом (ближе к реке) находились церкви Сен-Жан-ан-Грев и Сен-Жерве, то есть ориентировочно нахождение первой резиденции тамплиеров можно привязать к пространству, ныне ограниченному улицами Риволи, Вьей-дю-Тампл и Архивов. Ни одного изображения Старого Храма не сохранилось, но по описанию



*Сожжение
тамплиеров.*

Матвея Парижского башня напоминала Пти-Шатле, обычная архитектура эпохи — довольно мрачная квадратная коробка с узкими бойницами.

Храмовники оказались людьми настырными и на протяжении столетия осушали болота, разбивали огороды и строили инфраструктуру: мельницы, склады, конюшни и т. д. Они осушили и освоили квартал, расположенный



Казнь
Людовика
XVI, гравюра
1794 года
с картины
Чарльза Моне.

между улицами Веррери с юга, Беранже с севера, Тампль с запада и Вьей-дю-Тампль с востока. После приобретения в 1203–1204 годах двух цензив, одна из которых находилась к востоку от улицы Вьей-дю-Тампль (улица Экуфф, улица Розье, улица Паве), а другая — к северу от улицы Веррери (Сен-Круа-де-ла-Бретоннери), анклав ордена приобрел законченный вид. Он был окружен стенами и защищен привилегиями — в частности, все служители Тампля были неподсудны королевской светской власти. Внутри тамплиеры возвели великолепную церковь по образцу храма Гроба Господня (с ротондой и базиликой) и два донжона. Один из них, донжон Цезаря, датируется XII в., а второй — донжон Храма — второй половиной XIII столетия. Эти башни были построены на месте, где сейчас находится сквер, который выходит к мэрии третьего административного округа.

Исходно комплекс Тампля располагался за стенами Филиппа Августа, но Париж расширялся за счет появления новых предместий, все их население было бы невозможно укрыть в городе в случае осады. С началом Столетней войны стало



Снос Гранд
Шатле
в 1802 году.

абсолютно очевидно, что прежних укреплений совершенно недостаточно, и при короле Карле V начинается строительство нового периметра стен. В черту города входят Тампль и Лувр, площадь обнесенной стеной территории увеличивается с бывших 253 гектаров до 400 гектаров, Париж становится настоящим мегаполисом с численностью населения около 150 тысяч человек.

Следует отдельно заметить, что башня Тампль являлась самым высоким зданием Парижа (целых 57 метров, как Пизанская башня!), а принадлежащая храмовникам земля сравнилась по площади с островом Ситэ. Рядом с Гревской площадью на Сене находилась тамплиерская гавань с колоссальным грузооборотом — к началу XIII века духовно-рыцарский орден отходит от своих основных функций по защите Гроба Господня и превращается в разветвленную коммерческо-банкирскую компанию, вполне способную финансировать строительство столь грандиозных сооружений, как башня Тампль.

Когда Филипп IV Красивый решил расправиться с тамплиерами — так до сих пор и не выяснено, по политическим или



*Площадь
Шатле и Мост
Менял, какими
они стали при
Наполеоне III,
литография
1875–1882*



финансовым соображениям, — «полицейская акция» короля могла быть сорвана: парижский Тампль был способен обороняться весьма длительное время. Однако сопротивления тамплиеры не оказали, и весь комплекс, принадлежащий храмовникам, был захвачен людьми короля за одну ночь. После разгрома Ордена хозяйство отошло к госпитальерам и было известно в последующие эпохи как «аббатство Тампль», а башня перешла во владение королей Франции.

Тамплиеры строились тщательно и умело, башня Тампль простояла 588 лет, почти не подвергаясь реконструкции. Возможно, она сохранилась бы и до наших дней, однако Наполеон Бонапарт в 1808 году приказал разобрать старинное сооружение по идеологическим мотивам: именно в Тампле содержались перед казнью бывший король Людовик XVI, дофин и королева Мария-Антуанетта — для роялистов башня стала символом. Работы по разбору продолжались два года, и к настоящему моменту никаких следов Тампля в Париже не осталось, если не считать названий квартала и улиц.



В XII–XIV веках столица Французского королевства была не самым удобным городом — плотная застройка, обусловленная теснотой внутри городских стен, многочисленные башни, четыре крепости. Все было подчинено одной цели — обороне от внешнего противника. Облик города начал меняться во времена Бонапарта и стал абсолютно неузнаваемым в правление Наполеона III, когда префект округа Сена, барон Жорж Эжен Осман, начал перепланировку Парижа — начиная с 1854 года, было уничтожено более 60 процентов средневековой застройки и проложены бульвары. Старинная сеть парижских улиц исчезла навсегда — равно как и старый Лувр, Гран-Шатле, Пти-Шатле и Тампль. Но это уже совсем другая история...

Парижские символы смерти

Следует обязательно упомянуть об одной из уникальных достопримечательностей парижских предместий. Поскольку таковая расположена совсем рядом с Новым Тамплем, мы направимся от владений храмовников на северо-восток примерно на два километра в сторону горы Мучеников/Монмартра и окажемся возле Монфокона, Gibet de Montfaucon. Искомое место находится между воротами Сен-Мартен и воротами Тампль, на довольно крутом холме.

Средневековые традиции известны как «темное», «непросвещенное» и в целом как неслыханно упадочническая эпоха, где жить было неуютно, тоскливо, где орудовала страшная инквизиция и вообще права и свободы индивидуума неслыханно попирались. Однако мы уже выяснили, что в реальности все выглядело несколько иначе. С правами человека тогда дело тоже обстояло сравнительно неплохо — феодала могли запросто засудить за убийство не то что вассала, но



и сиволапого крестьянина. Единственно, наказания тогда были более жесткими и смертная казнь применялась, хотя ею старались не злоупотреблять.

Одна беда: на всех осужденных банальных деревянных виселиц в виде буквы Г не напасешься. Особенно в крупных городах вроде Парижа — обычные виселицы располагались на Гревской площади, и было их не более пяти-семи. Посему некую светлую голову осенила мысль оптимизировать процесс и заодно не создавать трудностей с захоронением останков казненных.

В результате была создана самая грандиозная виселица в Европе, известная под названием Монфокон. Первый прототип Монфокона появился при Филиппе-Августе, и окончательно этот удивительный «конвейер смерти» достроил коадьютор Ангерран де Мариньи при Филиппе Красивом.

Что же представлял из себя Монфокон?

На квадратном каменном фундаменте размером 12 на 14 метров в виде русской буквы П была построена трехуровневая виселица. На этой основе стояли 16 каменных столбов высотой до 12 метров, пересекаемые тремя деревянными поперечинами (каждый проем от двух до трех метров). Три яруса, что создавало возможность одновременно повесить 15 приговоренных с северной стороны, а с восточной и западной стороны по 18 приговоренных. В общей сложности — 51. При необходимости в одном проеме можно было разместить двоих, что повышало вместительность виселицы почти вдвое.

Южная сторона была обращена в сторону Парижа и являла собой лестницу, по которой можно взойти непосредственно в центральную часть Монфокона.

Разумеется, по полсотни человек вешали не каждый день. Даже не каждый год и не каждые пятьдесят лет. Поэтому Монфокон использовался по мере надобности, однако каждый повешенный цеплялся к виселице цепью до поры, пока труп не истлеет и не высохнет — зрелище в качестве



Гравюра на меди, Рим, 1691



Пляска
Смерти.
Вольгемут,
Михаэль, 1493.

назидания непокорным подданным. Когда наступала надобность освободить очередной проем для экзекуции, предыдущего гостя Монфокона снимали.

Утилизация останков также была предусмотрена. Большинство казненных хоронили в освященной земле запрещалось, поэтому внутри «коробки» фундамента был предусмотрен оссуарий, куда сбрасывались отходы производства. Вход в оссуарий с тяжелыми воротами запирался палачом города Парижа, ключ хранился у него же.

Если мы вспомним роман Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери», то именно в этой подземной камере Квазимодо последний раз обнял Эсмеральду:



«...Спустя полтора или два года после событий, завершивших эту историю, когда в склеп Монфокона принесли за трупом повешенного два дня назад Оливье ле Дена, которому Карл VIII даровал милость быть погребенным в Сен-Лоране, в более достойном обществе, то среди отвратительных человеческих остовов нашли два скелета, из которых один, казалось, сжимал другой в своих объятиях».

Увы, но судьба одного из создателей этого монументального сооружения — Ангеррана де Мариньи, талантливого финансиста, при этом нелюбимого высшим дворянством, закончилась именно на Монфоконе.

Виселица Монфокон верно служила Французскому королевству четыре с половиной столетия и была окончательно закрыта для экзекуций в 1760 году. В 1790-м снесли последние столбы. Сейчас следов Монфокона в Париже не осталось. Место, где находился Монфокон в современном Париже, округ 19, парк Бют-Шамон. Так что, гуляя по Парижу и этому парку, особенно после заката, следовало бы иногда бы оглядываться — вдруг вас потревожат беспокойные призраки давно почивших жертв супервиселицы?..



Вернемся в Париж по прежнему маршруту, через ворота Тампля, пройдем на запад вдоль крепостной стены до башни Сен-Дени и повернем налево, соответственно на улицу Сен-Дени, мимо аббатства св. Троицы и церкви Сен-Жиль по направлению к реке и центру города.

Наша цель — весьма сомнительная, но очень известная по художественной и исторической литературе достопримечательность, также тесно связанная с темой смерти: Cimetière des Innocents, оно же кладбище Невинных, или кладбище Невинноубиенных младенцев.



Все мы помним, что Париж, начинавшийся как римская Лютетия, исходно размещался только на острове Ситэ, а при римлянах хоронить в черте города было категорически запрещено из соображений гигиены. После христианизации и переноса столицы франков в Париж в городе возникло множество аббатств и церковных приходов, и в частности приход Сен-Жермен-л'Оксерруа — первая каменная церковь появилась в этом районе в XII веке при короле-строителе Филиппе-Августе. На территории приходов, в противовес навеки сгнувшимся римским обычаям, можно было создавать кладбища.

Само кладбище существовало чуть не со времен Меровингов, по крайней мере, один склеп, датируемый IX веком, был найден археологами в 1974 году — видимо, захоронение пострадало от грабежа во время очередного налета викингов на Париж при ранних Каролингах или Карле Лысом. В 1137 году Людовик VI распорядился перенести в этот же район, за пределы городских стен, рынок Шампо — что, ясное дело, привлекательности предместью не добавило. Благодаря кладбищу с неглубокими захоронениями вонь стояла такая, что хоть алебарду вешай, а рядом еще торгуют хряками-овцами-быками, тоже не обладающими пленительным ароматом.

Однако кладбище Невинных весьма неожиданно становится популярным местом встреч горожан. Эдакий скверик для культмассового отдыха: выпить с друзьями кувшинчик вина, поиграть в кости, устроить дуэль или назначить свидание — дело совершенно житейское. Монахи из Сен-Жермен сперва гоняли отдыхающих сами, кляузничали прево Парижа и в итоге дошли до самого Филиппа-Августа, потребовав положить конец неблагочинию. Набожный Филипп возмутился и повелел обнести кладбище стеной трехметровой высоты, кроме защитной, имевшей еще и чисто утилитарную функцию.

С целью придать дополнительное благолепие (раз уж кладбище посвящено невинным младенцам — тут исходно



Рисунок гробницы Людовика VII



хоронили некрещеных детей) в церкви при кладбище упокоили мальчика Ришара, вроде бы ритуально убитого евреями в Понтуазе, и чудес там творилось столько, что англичане, взяв Париж во время Столетней войны, утащили мощи к себе (правда, оставив на месте голову). Филипп-Август, что бы о нем ни сплетничали, вообще улучшал обожаемый Париж как мог — и кладбище обязано ему если не церковью, то как минимум расширением и упомянутой стеной.

Таким образом, стена (к которой были пристроены деревянные галереи) ограничивала кладбище Невинных по улицам Сен-Дени (Малая галерея, или галерея Нотр-Дам, всего в 4 арки), Железной улицей (Старая галерея, 19 арок), улицей Белья (17 арок) и знаменитой улицей Медников (галерея Прачек — именно там по всей длине вслед за эпидемией Черной смерти была нарисована знаменитая «Пляска Смерти», ставшая одним из самых распространенных сюжетов после Великого мора — танцующие скелеты).

Кладбище постепенно обрастало инфраструктурой. Построили башню «Богоматери-в-лесу» (предназначение точно не известно; предполагается, что это была колокольня и заодно ночью там устанавливались светильники), в центре установили башенку для проповедников, также имелись и совершенно непредставимые в XXI веке казематы для затворниц с двумя окошками — одно выходило на церковь, у второго прихожане могли оставлять еду: этот феномен опять же описан в «Соборе Парижской Богоматери» Виктора Гюго. Затворничали женщины добровольно, а самая знаменитая — Аликс ла Бурготт — умерла в каземате после 46 лет заключения, в 1460 году.

Предположительно, за тысячу лет существования кладбища Невинных там было похоронено около 2000000 человек, и, разумеется, такое количество останков ограниченная территория в 7000 кв. м вместить не могла. В одной могиле на разных уровнях могло находиться до 1500 останков разного



периода; могила уходила на 10 метров вглубь и поднималась на два метра от уровня земли.

Ходило поверье (вполне обоснованное, кстати), будто плоть здесь обращается в прах всего за девять дней — не так быстро, конечно, но постоянная циркуляция воздуха очень быстро мумифицировала тела, кости можно было вынимать из могил, сортировать и выкладывать на вышеупомянутые галереи — вот и пригодилась стена Филиппа-Августа. В освободившихся же могилах (чаще всего братских, для бедняков) хоронили новых умерших.

В последующие столетия огромный некрополь в центре Парижа начал раздражать общественность, особенно когда «вместимость» участка земли была окончательно исчерпана. Кончилось дело тем, что в 1765 парламент постановил закрыть все старые кладбища и перенести их за город, но, поскольку ни традиции нарушать, ни финансировать проект никому не хотелось, воз был бы и ныне там, только вот в 1780 году одна из братских могил прорвалась наружу. Точнее, не совсем наружу, а в подвал дома на улице Белья, заразив попутно все, до чего дошла, — последовала вспышка тифа.

Мэрия на этом поставила точку, и в 1786 году останки с кладбища были перенесены в катакомбы Парижа, где они и находятся по сей день. Заметим, что копали неглубоко — унесли только то, что находилось до глубины в 1,5–2 метра, — так что предположительно очень многие из двух миллионов парижан, похороненных на кладбище с его открытия, так и лежат, где положили, сиречь под фонтаном Невинных на популярной у туристов площади Жоашен Дю Белль...

На этом мы закончим краткую прогулку по средневековому Парижу и обратимся к делам куда более глобальным — войне, едва не погубившей Францию.



ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Вопреки распространенному мнению, в этот конфликт были вовлечены не только Англия и Франция. В войне напрямую участвовали еще как минимум полтора десятка государств — Португалия, Люксембург, Наварра, Фландрия, Бургундия, Генуя, Кастилия, Шотландия и другие.

Вероятно, впервые в Европейской истории после падения Рима в беспощадную схватку вступили столь крупные силы, война непосредственно задела пространства от Средиземного моря до моря Северного и от Испании до Германии, вовлекая в длившийся долгие десятилетия кровавый водоворот миллионы людей и колоссальные ресурсы.

Можно без особых преувеличений сказать, что Столетняя война являлась для своего времени именно «мировой» войной, в которой прямо или косвенно были задействованы все населяющие Европу народы, пусть даже и не участвовавшие в боевых действиях, но затронутые по политико-экономическим причинам. «Миром» тогда была лишь католическая (и частично православная) общность, замкнутая вселенная с приматом идентификации по религиозному признаку — все прочие, то есть мусульмане, язычники или совсем безвестные буддисты, лежали за пределами этого универсума.

Последствия же «первой мировой» оказались настолько глубоки и долгосрочны, что отголоски этой грозы, разразившейся над континентом, слышны доселе.

Отдельно отметим, что наши заметки не являются целокупной и полной историей Столетней войны: мы хотим



Portrait de Guillaume le conquérant.

LEFEB. 17.

Портрет Вильгельма Завоевателя, иллюстрация из книги «История завоевания Англии Норманами», 1838 года



остановиться лишь на отдельных, самых ярких эпизодах данного исторического события — финальной драмы Средневековья, открывшей ворота Новому времени...

Политическая обстановка

Для понимания дальнейшего хода событий необходимо дать скучную справку о предыстории этого конфликта. Традиционными границами англо-французской войны, которую принято называть Столетней, считаются 1337–1453 годы. Разумеется, в течение данного времени военные действия не велись непрерывно. Помимо того, что любой военный конфликт Средневековья был цикличен, опираясь на времена года (в распутицу и отчасти зимой не воюют), во время Столетней войны было еще несколько долгосрочных перемирий. Но давайте обо всем по порядку.

Указанные выше хронологические рамки — это скорее приблизительные границы затянувшегося военно-политического противостояния между двумя западноевропейскими монархиями. Однако истоки этой разрушительной войны намного глубже, и искать их следует в событиях XI и XII столетий.

Франция начала оформляться как централизованное королевство к концу X века. Тогда еще рано было говорить о территориальном или политическом единстве страны, тем не менее во главе уже стоял монарх из первой французской королевской династии Капетингов.

Наиболее крупные феодалы — герцоги и графы — вели себя по отношению к ранним королям из Капетингов весьма независимо. Понятие государственной границы и вовсе отсутствовало, а древнее право сильного зачастую решало самые серьезные государственные и политические вопросы.



*Вильгельм
Завоеватель
и Гарольд
во время битвы
при Гастингсе.
1280-1300,
средневековая
миниатюра*

Опираясь на право сильного, нормандский герцог Вильгельм и задумал пахивающее безумной авантюрой предприятие, высадившись в 1066 году на южноанглийском побережье. Несмотря на немногочисленность своего воинства, он с удивительной легкостью одержал череду побед над разрозненными англосаксонскими королевствами, за что и получил свое историческое прозвище — Завоеватель.

Таким образом, нормандский герцог стал королем Англии, сохранив при этом старинные владения на континенте. Это и положило начало растянувшимся на несколько столетий попыткам Нормандской династии английских королей и их преемников создать и удержать под своей властью единое государство от Британских островов до северной Франции, пользуясь политической слабостью Капетингов.

Для начала Нормандский дом захватил графства Мен и Анжу, а в 1154 году праправнук Вильгельма по материнской линии Генрих II стал королем Англии, основав династию Плантагенетов. Но еще до того, как Генрих занял престол, он женился на Алиенор Аквитанской, многократно здесь



упомянутой. К этому времени, как мы помним, Алиенор уже успела побывать супругой французского короля Людовика VII Капетинга.

Брак принес Генриху приданое в виде богатейших владений — Аквитании и Пуату. Разумеется, такое положение вещей накалило и без того не самые дружественные отношения между английским и французским престолами. В начале XIII века король Филипп-Август отвоевал у наследника Генриха II Иоанна Безземельного значительную часть владений. Под власть французской короны возвратились Нормандия, Мен, Анжу и Турень. Аквитания осталась под властью английских Плантагенетов. Это герцогство было причиной непрекращающейся вражды и взаимной подозрительности между Англией и Францией.

С годами тихий конфликт правящих домов стал перерастать в неизбежное столкновение государственных интересов Англии и Франции, вылившееся в Столетнюю войну. Войны прошлого, феодальные конфликты между сеньорами, крайне редко принимали масштаб крупных операций, затрагивающих обширные территории, и велись сообразно рыцарским правилам — единственным исключением были крестовые походы как война между цивилизациями: врагом являлись сарацины-мусульмане, а любой христианин автоматически становился союзником. Не было особой разницы между французом, баварцем или поляком, все они оставались представителями единой католической общности — как было многократно сказано, идентификация по принципу «свой — чужой» происходила по религиозному признаку.

Вокруг враждующих сторон начали собираться лагеря союзников, как правило, более слабых и бедных государств. К французской короне все больше тянулась соседняя с Англией Шотландия, которая не без оснований опасалась быть поглощенной королевством Плантагенетов. На союз с Англией



Вильгельм I Завоеватель (1027–1087), автор неизвестен, британская школа живописи, между 1618 и 1620; Далиджская картинная галерея



*Битва при
Бувине кисти
Ораса Верне,
1863 г. Битва
между войсками
французского
короля
Филиппом II
Августом
и англо-
фламандско-
немецкой
коалиции
во главе
с Оттоном IV.
Завершилась
победой
французов.*

стали рассчитывать богатые фландрские города. Хотя граф Фландрии считался вассалом французского короля, горожане этого мощного центра сукноделия и ремесел надеялись сохранить фактическую независимость; разумеется, с военной-политической поддержкой со стороны англичан. К тому же из Англии ввозилась необходимая для ткацкого производства шерсть. В XIII столетии, впрочем, как и во все времена, важнейшую роль играла экономика, а вместе с ней и деньги, получаемые Фландрией от обширной торговли сукном.

Все более очевидным становился факт, что в текущих условиях сохранение герцогства Аквитанского под английской властью и соперничество обеих сторон в богатой Фландрии могут разрешиться только вооруженным путем.

Локальные конфликты следовали один за другим. В 1215 году Франция воспользовалась вспыхнувшим в Англии недовольством политикой Иоанна Безземельного и отправила в Англию войска под руководством французского принца Людовика, легкомысленно приглашенного мятежными баронами на английский престол. Операция не увенчалась



успехом, и французские войска были выдворены за пределы острова два года спустя.

В 1295 году Франция заключила с Шотландией антианглийский военно-политический договор. Страны-соперницы начали искать союзников на Пиренейском полуострове, где английская монархия обрела поддержку в крошечной, но стратегически важной Наварре, а французская добилась союза с Кастилией.

Политическая обстановка в Западной Европе была накалена до предела, на повестку дня было поставлено неизбежное крупное столкновение между Францией и Англией. Английские короли не собирались отказываться от французских земель, французам же необходимо было расширить королевство и укрепить границы, а без присоединения сильно урезанной за несколько столетий территории герцогства Аквитанского («английской Гаскони») Капетинги не могли чувствовать себя хозяевами в собственном королевстве.

Толчком к началу серьезной войны, которая впоследствии обрела глобальные масштабы, стала сложившаяся династическая ситуация и здесь мы вновь вынуждены вспомнить о великой герцогине Аквитанской.

Зловещее наследие Алиенор

Королевские семьи Плантагенетов и Капетингов были связаны теснейшими родственными узами, что в определенных обстоятельствах могло позволить той или иной стороне претендовать на престол соседей.

Весьма плодovitая и обширная династия Капетингов неожиданно пресеклась в начале XIV века (тоже весьма нехороший знак, среди многих других, предварявших это ужасное



столетие!) — все трое сыновей французского короля Филиппа Красивого умерли, как и единственный внук по мужской линии, а корона перешла к младшей линии — Валуа. Это позволило англичанину Эдуарду III Плантагенету заявить свои права на французскую корону — по матери он являлся родным внуком Филиппа Красивого, то есть формально более близким родственником короля, чем усевшийся на трон Филипп VI де Валуа.

Герцогом Аквитании оставался английский король, но территория частично контролировалась французами еще со времен Филиппа II Августа, сто с лишним лет назад превратившего Францию из захудалого королевства, обладавшего крошечной территорией вокруг Парижа, в державу первой величины...

Филипп де Валуа в 1337 году совершенно недипломатично предъявляет Эдуарду Английскому требование вернуть титул герцогов Аквитанских хотя бы потому, что *de facto* на это владение претендовала Франция. В ответ на такую наглость король Англии вновь выдвигает претензии на французскую корону, хотя исходно он от нее отказался — согласно «Салической правде», принятой еще древними франками в конце V века н. э., наследовать могли только потомки по нисходящей мужской линии, а Эдуард был сыном Изабеллы: родной, но абсолютно не наследующей дочери Филиппа IV.

Сейчас, ввиду осложнившихся политических обстоятельств, англичанин отверг Салический закон, объявил, что право первородства стоит выше замшелых законодательных реликтов, а выкопать пункт правил давно позабытой «Салической правды» (с одобрением такового Генеральными штатами и Палатой пэров Франции) юристов заставил Филипп де Валуа — разумеется, с целью узурпации престола у законного претендента.



Joseph del. *1788.* *Horreé sculp.*
MONTMORENCY PRÉSENTE A PHILIPPE-AUGUSTE
LES ENSEIGNES ENLEVÉES AUX IMPÉRIAUX A LA BATAILLE DE BOUVINES.

Монморанси
приветствует
Филиппа II
Августа. Битва
при Бувине.

Формально правы были обе стороны. Законодательный кодекс салических («западных») франков почти восьмисотлетней давности давно утратил актуальность — в старинные времена военный вождь или король обязан был являться мужчиной: в конце концов, женщина ведь не поведет дружину в бой? Да и вообще, у варварских племен родство по мужской линии считалось приоритетным — допустим, семияродный дядя считался более близким родственником, чем брат родной матери. Пережитки родоплеменного строя и «военной демократии», к XIV веку уже являвшихся невообразимой



Король Эдуард III, неизв. художник, 1597–1618



древностью! Представьте, что в современной России вдруг начал использоваться закон от 1200 года...

Более позднее феодальное право ясно признавало наследование по праву первородства — во многих странах Европы, если не осталось других родственников, получить трон вполне мог внук монарха по женской линии. Были известны женщины-регентши, обе правили Францией (королевы Анна Ярославна и Бланка Кастильская), а уж пример королевы Англии Алиенор Аквитанской, фактически управлявшей, причем весьма успешно, страной во время отсутствия отправившегося в Третий крестовый поход Ричарда Львиное Сердце, был общеизвестен — происходило это всего чуть более столетия назад.

Действиями Эдуарда III, возможно, двигали и иные причины: его прапрадед, основатель династии Плантагенетов (и муж Алиенор), вынашивал идею создания империи, включающей собственно владения в Британии, Шотландии и Ирландии, а также обширнейшие земли на континенте — утраченные вскоре после его смерти, в XIII веке. По разным причинам этот проект не был реализован, а затем началось резкое возвышение Франции, вынудившей обитателей Альбиона убраться восвояси на свои острова. Прямых свидетельств тому мы не знаем, но предполагать можем — Эдуард решил воспользоваться «окном возможностей», чтобы использовать право первородства в целях геополитических: не только вернуть потерянные английские владения, но и стать единым королем Англии и Франции, то есть императором, подобным кайзеру Священной Римской империи, — и ведь не факт, что римский папа не одобрил бы столь благое начинание...

С чисто юридической точки зрения претензии Эдуарда являлись справедливыми, но и Филипп де Валуа царствовал законно по уложениям «Салической правды» как ближайший родственник по мужской линии, внук Филиппа III Смелого



и дядя последнего правившего Капетинга, Карла IV. Появился совершенно очевидный повод для войны — династический кризис, два теоретически законных претендента. А закон, как известно, что дышло...

Опять же, в 1337 году ни у кого и мысли не могло возникнуть, что начавшаяся война продлится (с тремя паузами продолжительностью до двадцати лет) аж до 1453 года, что за это время появится артиллерия, а рыцарская конница как основа вооруженных сил начнет постепенно уходить в прошлое. Что Франция явит миру, пожалуй, самую знаменитую святую своей эпохи (да и будущих времен) — Орлеанскую деву, Жанну д'Арк, — а мировая военная история обогатится именами прославленного впоследствии Шекспиром Фальстафа или воспетого Конан Дойлем и Дюма Черного Принца, Бертрана дю Геклена или маршала Жилия де Ре.

И уж конечно, ни в Тауэре, ни в Консьержери не предполагали, что спустя всего десятилетие после начала конфликта над Европой пронесется чудовищная буря, последствия которой оказались непредсказуемыми — подразумеваются общие потери населения, тотальная экономическая катастрофа и резкая смена типа хозяйствования впоследствии...



Что же представлял собой Салический закон, извлеченный французскими юристами из запыленных архивов?

Вопрос о наследовании короны — важнейший для любой монархии. Когда после смерти французского короля Карла IV прервалась прямая линия дома Капетингов, правивших страной с 987 года, собранию представителей родовитого дворянства предстояло решить вопрос о том, кого из непрямых наследников признать наиболее достойным королевского титула.



Ссылаясь на «Салическую правду» — варварский судебник, записанный около 500 года, члены собрания высшей французской знати вполне предсказуемо отвергли притязания «иностранца» Эдуарда III. Давайте взглянем, что же было записано в старинном своде и как древняя «правда» трактовала вопросы престолонаследия.

Раздел LIX. Об аллодах

§ 1. Если кто умрет и не оставит сыновей, и если мать переживет его, пусть она вступит в наследство.

§ 2. Если не окажется матери, и если он оставит брата или сестру, пусть вступят в наследство.

§ 3. В том случае, если их не будет, сестра матери пусть вступит в наследство.

Приб. 1-е. Если не будет сестры матери, пусть сестры отца вступят в наследство.

§ 4. И если затем окажется кто-нибудь более близкий из этих поколений, он пусть вступит во владение наследством.

§ 5. Земельное же наследство **ни в каком случае не должно доставаться женщине**, но вся земля пусть поступает мужескому полу, т. е. братьям.

Капитулярый V. Эдикт государя Хильперика короля

§ 1. По обсуждении, во имя Божие, со славнейшими оптиматами, антрустрионами и всем народом нашим постановили ввиду того, что право наследования не простиралось за Гаронну, чтобы (отныне) повсюду в государстве нашем передавалось наследство, как передают и получают его в остальных частях и как (получают его) туррванцы.

<...>



§ 3. Равным образом соизволили и постановили, чтобы если кто, имея соседей, оставит после своей смерти сыновей или дочерей, пусть сыновья, пока живы, владеют землею, согласно Салическому закону. Если же сыновья умрут, дочь подобным же образом пусть получает эти земли, как получили бы их сыновья, если бы оставались живы. А если умрет брат, другой же останется в живых, брат пусть получает земли, а не соседи. И если брат, умирая, не оставит в живых брата, тогда сестра пусть вступает во владение этой землею. Постановили также о некоторых этих землях при переходе их по наследству, что левды, которых имел мой отец, должны держаться по отношению их тех же обычаев, которых они держались (и раньше).

Выходит, по законам «Салической правды», Эдуард III и впрямь не имел оснований претендовать на французский престол. Точка зрения французов была однозначна: закон предыдущими королями отменен не был, а следовательно, он действует — что же до его неслыханной древности и архаичности, то юридическая практика и не такие прецеденты знала! Никто ведь не собирается отменять римское право, например?

Оскорбленный Эдуард Английский принимает фатальное решение: надо воевать. Париж стоит того!

Знала бы Алиенор Аквитанская, чем обернется для Европы ее легкомысленность и необдуманное замужество за Генрихом из Анжу!



Тут надо сделать обязательную ремарку: по состоянию на середину XIV века войны велись сравнительно небольшими профессиональными армиями, и назвать их опустошительными никак нельзя: наоборот, имущество старались беречь, поскольку оно должно было перейти новым



хозяевам, а восстанавливать разрушенное долго и дорого, особенно в условиях дефицита высококвалифицированной рабочей силы.

Основа армии — дворянская тяжелая кавалерия, в которой воевали практически все мужчины благородного происхождения, способные держать в руках оружие. Поскольку «планка детства» тогда была существенно занижена, а взросление происходило значительно раньше, многие дворяне участвовали в конфликтах уже с возраста 13–14 лет, и никто не считал это ненормальным. Двадцатипятилетний рыцарь считался опытным профессионалом. Также имелись пешие наемные войска, ополчения графств и городов и иностранные «военные специалисты» наподобие итальянских моряков — генуэзцы со своими кораблями составляли значительную часть флота Англии, без которого невозможно было проводить десантные операции и перевозку войск во Францию. Впрочем, Генуя предоставляла свои услуги и Филиппу де Валуа — только плати!

Не надо думать, что наши предки были глупее или непредусмотрительнее нас с вами: да, они были *другими*, но только не глупыми, а такие полезные понятия, как «стратегия», «господство на море», «логистика» или «разведка», европейцы в полной мере унаследовали от Древнего Рима — разумеется, звучали эти слова иначе, но смысл не менялся. Король Эдуард и его правительство прекрасно осознавали, что добиться успеха на территории противника, во Франции, можно только одним способом: английскому флоту требуется оперативная свобода на море, плюс поддержка с суши — следовательно, необходимо разгромить флот противника в генеральном сражении и создать укрепленные базы на побережье Нормандии, Артуа и Фландрии, откуда можно вести наступление в глубинную территорию неприятеля.



Английское везение и французские неудачи

Время в Средневековье текло медленно, жизнь даже в условиях войны была крайне неторопливой — скорость доставки новостей в «командные центры» зависела от конных гонцов и быстроты парусных судов, осады крепостей могли длиться месяцами и годами. Первые три года Столетней войны не были отмечены сколь-нибудь знаковыми событиями, кроме мелких стычек: противники накапливали силы, заключали союзы, искали наемников. Наконец, Эдуард Английский принимает решение нанести первый крупный удар — и именно на море.

Гавань Слэйс в Нидерландах (находившаяся всего в нескольких километрах от города Брюгге) являлась важной стратегической целью — во-первых, это был крупнейший торговый порт Северного моря, через который шел основной оборот английских товаров; во-вторых, в нейтральный Слэйс неожиданно вошли главные силы французского флота — Филипп тоже не дремал, понимая, что экономика противника серьезно зависит от данного перевалочного пункта, а значит, следует его захватить и ограничить английскую внешнюю торговлю. Французские силы состояли из четырех сотен кораблей, причем боеспособны были не более двухсот — в основном это были уже упомянутые выше генуэзцы и испанцы. Общая численность экипажей по тем временам была колоссальной: более 30 тысяч человек, основная боевая сила — генуэзские стрелки.

Англичане моментально уяснили степень опасности и энергично приняли меры противодействия. В наспех собранной эскадре насчитывалось примерно двести пятьдесят кораблей с лучниками и абордажными командами на борту.



*«Английские
войска
осаждают
Ла-Рошель»,
Бельгийская
средневековая
летопись*

Король Эдуард, лично командовавший флотом, отдает приказ к атаке. Здесь мы дадим слово германскому историку и капитану первого ранга Кайзермарине Альфреду Штенцелю (1832–1906), написавшему в 1889 году книгу «История войны на море»:

«...24 июня 1340 года, рано утром, при хорошей погоде, английский флот находился перед Западной Шельдой, но не мог атаковать неприятеля из-за противного ветра; о направлении ветра в источниках ничего не говорится, но, вероятно, он был северо-восточный. Вследствие этого англичане повернули к северу, чтобы подойти к неприятелю с другой стороны, французы, по-видимому, воображали, что англичане не хотят вступить в бой; по некоторым



сведениям, они даже разомкнули связывавшие их корабли цепи, чтобы пуститься в погоню за неприятелем. Однако, как только английский флот отошел на достаточное расстояние, чему помог и прилив, Эдуард III приказал изменить курс, и вскоре после полудня флагманский корабль адмирала Марлея, шедший в голове линии, начал сражение. <...> Корабли эти были прежде всего осыпанты тучей стрел с палуб и с марсов; затем выжили вперед корабли с тяжелой пехотой, забросили abordажные крюки и начали abordажный бой. Французы храбро оборонялись. В самом начале боя данным почти в упор залпом корабельной артиллерии они вывели из строя одну английскую галеру и потопили следовавший за флотом транспорт. Серьезные повреждения получил и «Томас», флагманский корабль Эдуарда. Но при равном мужестве, преимущество оставалось на стороне англичан, корабли которых могли передвигаться. <...> Сам король участвовал в abordажной схватке и был легко ранен. Корабли первой французской линии были один за другим захвачены; бой продолжался много часов и, несмотря на долготу дня, затянулся до самой ночи. Вторая и третья линии отказались от дальнейшего сопротивления, экипажи покинули корабли и стали искать спасения на шлюпках, но с такой поспешностью, что лодки перевертывались, и масса людей при этом погибла. Нападение с тыла на отступающих французоз фламандских рыбаков, возмущенных учиненными теми грабежами, еще больше усилило панику».

В итоге первого крупного сражения Столетней войны легкие и маневренные генуэзские галеры, видя разгром на тяжелых кораблях, обратились в бегство и сумели уйти. Весь остальной флот Франции был или захвачен или уничтожен, оба командующих погибли (один в бою, второй был сразу повешен англичанами за «военные преступления», а именно — за совершенно варварские грабежи на фламандском побережье), французские потери исчисляются несколькими



тысячами погибших (точное число не известно, а английские хроники с якобы 30 тысячами убитых доверия не заслуживают). В свою очередь, англичане о своих потерях не упоминают вовсе, французы же говорят о 4000 потерь у неприятеля — следовательно, истина лежит где-то посередине...



Первые годы Столетней войны были настолько удачными для Альбиона, что в те времена у многих британцев существовала твердая уверенность в быстром и победоносном завершении конфликта.

Историческое значение битвы при Креси и предшествующего таковой сражения при Обероше трудно переоценить. Эти столкновения армий английского короля Эдуарда III Плантагенета и французского Филиппа VI де Валуа положили начало закату классической рыцарской эпохи средневековой Европы — благородные дворяне пали от стрел и копий низкородных простолюдинов. Примененная англичанами тактика и мобильные войска короля Эдуарда оказались эффективнее закованных в броню рыцарей, а скорострельный и дальнобойный английский лук (longbow), чьи стрелы могли пробивать доспехи всадников, — смертоноснее генуэзских арбалетов.

Битва при Слэйсе принесла англичанам безусловное господство на море и контроль над Фландрией; вдобавок она нанесла существенный урон боевому духу французов. Тем не менее Филипп VI и его окружение сдаваться не собирались — Франция была крупнее и богаче Англии, на стороне родоначальника династии Валуа оставались немалые людские и материальные ресурсы, а могущество хозяина Консьержери со времен великого государя Филиппа-Августа никогда не подвергалось сомнению.



*Битва
при Слэйсе.
Миниатюра
из «Хроник»
Жана
Фруассара,
15 век*



До прихода невысказанной исторической катастрофы — эпидемии Черной смерти — оставались считанные годы, но и они дались Франции весьма нелегко. В отличие от Филиппа-Августа, успешно противостоявшего внутренней оппозиции, победившего Плантагенетов, изгнавшего островитян из владений на континенте и существенно расширившего королевский домен за счет отбитых у англичан территорий, первый Валуа не сумел сконцентрировать все силы на отражение наступления с Альбиона. Так, в течение 1345–1347 годов армия короля Филиппа потерпела три сокрушительных поражения,



и французская корона на долгое время потеряла контроль над событиями, что едва не привело Францию к быстрому поражению.

После победы при Слэйсе англичане не торопились начинать операции собственно на территории противника и отдаляться от берегов Ла-Манша — в Тауэре прекрасно понимали, что сначала необходимо укрепиться в крупных портах, создав надежные и защищенные базы снабжения. В июне 1345 года Генри Гросмонт, граф Дерби и герцог Ланкастер, по приказу короля Эдуарда высадился в Гаскони и направился в рейд по французскому побережью. Не встретив серьезного сопротивления, за лето он смог захватить несколько французских замков, включая город Бержерак и крепость Оберош, где оставил солидный гарнизон, после чего отправился обратно в Бордо.

Чтобы пресечь английскую экспансию, французский граф де Л'Иль собрал армию в 7000 клинков и осадил захваченный Оберош. Из Тулузы были доставлены несколько осадных машин, что только усугубило положение осажденных: французы начали обстрел крепостных башен, готовясь к штурму. 21 октября Генри Гросмонт выступил на помощь защитникам замка, успев собрать лишь 1500 английских и гасконских солдат и надеясь соединиться по пути с остальными английскими войсками. К Гросмонту успел присоединиться граф Стаффорд со своими людьми. На спешном военном совете англичане решили напасть неожиданно, не дожидаясь подхода основных сил.

Оставив прислугу и обозы в лесу, всадники Гросмонта ворвались во вражеский лагерь, а английские лучники и арбалетчики начали стрелять из леса, перекрыв путь к отступлению. Французы, как раз занятые ужином, не успели построиться и организовать отпор; пехотинцы обратились в бегство, оказавшись под смертоносным ливнем английских стрел. Французские рыцари, вставшие лагерем с другой стороны замка,



немедленно бросились на помощь соотечественникам, но им в тыл ударил гарнизон Обероша. Французы потерпели поражение, многие дворяне попали в плен, включая тяжело раненного графа де Л'Иля.

После конфузии при Обероше французы в течение полугода не были способны вести серьезные боевые действия. Филипп потерял связь с войсками в Нормандии и Лангедоке, благодаря чему Гросмонт сумел занять важные позиции в Гаскони и стал одним из любимых полководцев Эдуарда. Однако битва при Обероше оказалась лишь прелюдией к грядущему позору французского рыцарства.

Король Эдуард решил закрепить успех военной кампании, и уже в следующем году, 12 июня 1346 года, английская армия высадилась в Нормандии — предположительно, на полуострове Котантен к югу от города Сен-Вааст-ла-Уг. Никакого сопротивления французы не оказали, поскольку местное ополчение разбежалось еще при виде вымпелов английской эскадры на горизонте, а рыцарское войско было сосредоточено достаточно далеко — к северу от Парижа. Англичане устремились в глубь материка — 25 июля они дошли до Кана, также быстро захватив и разграбив его. По свидетельствам историков, английская армия могла проходить по 8–10 километров в день, что по меркам той эпохи являлось весьма существенным темпом — особенно если учитывать обоз и скорость передвижения пехоты.

Положение французов усугублялось еще и тем, что с северо-запада в страну вторглись союзные Эдуарду фламандцы. Филипп объявил всеобщую мобилизацию с точкой сбора в Руане, откуда 31 июля дворянское войско и отправилось навстречу англичанам. Некоторое время армии двигались вдоль разных берегов Сены, параллельно друг другу, а 12 августа войска Эдуарда оказались всего в 30 километрах от Парижа — то есть столица находилась всего в одном конном переходе.



Портрет Генри Гросмонта герцога Ланкастерского. из рукописи 1430 года



Филипп приказал готовиться к обороне города, но 14 августа англичане переправились через Сену и двинулись на север, к Сомме, и французы отправились вслед за ними. Командиры Филиппа попытались заманить противника в ловушку между Сенной и Соммой, но Эдуард успешно избегал столкновений. 23 августа англичане вновь уклонились от боя и на следующий день заняли удобную позицию на склоне возвышенности у местечка Креси-ан-Понтье. На тот момент общие силы противников составляли около 12000 у англичан и 25000 у французов, причем последние задействовали только чуть более половины от общего числа ратников.

Англичане расположились на холме, что и рогоі обеспечило им тактическое преимущество. Войско было разделено на три отряда: центр заняли рыцари под командованием короля, правый фланг прикрывал наследник трона Эдуард, получивший прозвище Черный Принц, а также графы Уорвик и Оксфорд, левый — граф Нортгемптон. Английские рыцари спешились и смешались с отрядами лучников и копейщиков, встав с простолюдинами бок о бок, — король справедливо рассудил, что сражение в конном строю на вершине крутого холма немисливо. Солдаты выкопали немало узких и глубоких ям для защиты от прямого удара кавалерии.

К 26 августа к холму подошли французы, чьи силы оцениваются примерно в 12000 тяжелых всадников и 4000 гемузских арбалетчиков. Армия короля Филиппа очень сильно растянулась; когда передовые отряды находились всего в десяти километрах от Креси, король решил перестроить войско и дожидаться подхода арьергарда. Французов подвела отвратительная, редкостно бездарная организация — приказы не исполнялись или толковались превратно, арьергард продолжал двигаться вперед, нарушая строй, а когда солдаты оказались уже в пяти километрах от поля грядущего сражения, остановить и перегруппировать отряды стало невозможно. Солнце светило



французским стрелкам в глаза, арбалеты сильно пострадали от недавнего дождя, а пехотинцы до начала боя прошли не менее 28 километров в полном снаряжении. Начинать битву в такой ситуации было решением самоубийственным.

Тем не менее французское войско начало атаку, и на поданных Филиппа моментально обрушился град английских стрел. Симметричного ответа не последовало — арбалет способен выпускать лишь три-пять стрел в минуту против десяти выстрелов длинного английского лука. Генуэзцы (наемные войска во все времена не отличались высокой надежностью) тут же бежали, что привело в бешенство Филиппа — король совершает еще одну, фатальную ошибку, направив в бой тяжелую рыцарскую конницу, окончательно смявшую отступающих арбалетчиков. На скользких склонах холма образовалась свалка — разбегающаяся пехота мешала всадникам разогнать лошадей для лобовой атаки. Именно на это и рассчитывали англичане, щедро посыпавшие неприятеля стрелами, наповал сражавшими даже закованных в броню рыцарей. Слово французскому летописцу Жану Фруассару:

«Тогда произошла ужасная давка и суматоха, лошади подымались на дыбы и опрокидывались; английские лучники стреляли наверняка, рыцари на земле, неспособные подняться, добивались копейщиками».

Французы беспрестанно продолжали наступать на холм в течение всего дня. Последние совершенно бессмысленные попытки пробить оборону англичан совершались уже в полной темноте, очевидно, лишь для того, чтобы показать врагу рыцарскую доблесть. Во время этой смертоносной карусели рыцари успевали по несколько раз участвовать в атаках, отдыхая и меняя коней. По свидетельствам очевидцев, лучники спускались с холма, чтобы подобрать стрелы, но ясно, что



много стрел во время боя не подберешь — скорее всего, англичане заранее позаботились об огромном числе боеприпасов в обозе.

Некоторым дворянам удалось пробиться к лагерю короля Эдуарда — Фруассар перечисляет имена рыцарей, павших в рукопашной битве на холме и в стане врага: граф Алансон, граф Фландрский, граф Блуа, герцог Лотарингии, граф Оксера, граф Сен-Поля. Но серьезную угрозу для англичан представлял только отряд французских и немецких рыцарей под командованием Жака д'Эстраселя, столкнувшихся в отчаянной схватке с воинами принца Уэльского: наследник английского престола сам активно участвовал в бою. Во время столкновения знамя принца упало на землю, но было немедленно поднято. В остальном, англичане не пытались оставлять свои защищенные позиции и контратаковать. Король Эдуард еще перед боем запретил солдатам отвлекаться на взятие пленных и снятие доспехов с убитых до окончания сражения.

Филипп де Валуа также принимал участие в сражении — стрелами под ним были убиты два коня, а сам он ранен в лицо. Погиб и оруженосец Филиппа. Король покинул поле боя поздно вечером, отступив в Амьен.

Оценка потерь обеих армий как английскими, так и французскими источниками той эпохи представляется сомнительной — как это обычно бывает, обе стороны старались преуменьшить число погибших у себя и преувеличить у противника. Однако тот факт, что Франция понесла тяжелейшие и невосполнимые потери среди дворянства, и тогда не отрицали — под Креси пали 11 принцев и около 1200 рыцарей, не считая пехоты. Как мы помним, тяжелая дворянская кавалерия в XIV веке являлась основой «профессиональной» рыцарской армии, а потеря не менее трети дворянства, способного держать оружие в руках, оказалась почти равной поражению в войне — давайте представим, что перед Курской битвой



*Битва
при Креси
1346 года,
миниатюра
15 века
из «Хроник»
Жана
Фруассара*

в 1943 году СССР внезапно лишается трети своего танкового парка и артиллерии, основной ударной силы...

Завершением катастрофического для Филиппа де Валуа сражения стал неслыханный позор французского рыцарства — штандарт и королевское знамя, Орифламма Святого Дени, были брошены на поле боя и затем подобраны английскими солдатами.

Впрочем, битва при Креси стала лишь первой в долгой череде сражений, в которых французы с неслыханным упорством наступали на одни и те же грабли, никак не учитывая предыдущий печальный опыт...



После Креси англичане двинулись на север, однако дальнейшие события показывают, что Эдуард не до конца понимал стратегическую важность своей предыдущей победы: вражеская армия была стерта в пыль и развеяна по ветру. Выжившие французские рыцари и король Филипп не представляли, что противопоставить английскому войску, выигравшему две битвы подряд, практически не понеся потерь.

У англичан был выбор: объединяться с фламандцами (что планировалось еще до победы при Креси), осадить город и гавань Кале, чтобы прочно укрепиться на материке, или сразу попытаться взять Париж. Впрочем, сейчас невозможно сказать, какими силами обладал Филипп после Креси — страна находилась на грани хаоса, дворянство пребывало в шоке от чудовищных потерь, а новую армию французский король смог собрать лишь в следующем году.

Надо полагать, что Эдуард трезво оценивал обстановку и выбрал наилучшее решение: англичане двинулись в сторону Кале. Важность этого форпоста трудно переоценить — порт мог обеспечить надежный тыл и постоянные поставки фуража и боеприпасов, а также контроль за обширнейшим участком побережья.

Войско Эдуарда достигло Кале в начале октября 1346 года. Командующий французским гарнизоном Жан де Вьенн незамедлительно закрыл перед врагом ворота. Началась осада.

Город окружали двойная стена и двойной ров, вокруг которых располагалась сильно заболоченная местность, где невозможно было установить тяжелые осадные орудия. Эдуард не располагал сведениями о числе защитников города и не рискнул брать Кале приступом. Более того, разрушать стены и башни категорически не следовало — городу предстояло стать английским оплотом. Дальнейшая тактика была отработана столетиями: брать крепость измором, благо время

Diese den Eingang zu den vesten mit löcher die stutzen dar und
sollend in die spitz der löcher gån.



Лист из рукописи 1459 года



играло на Эдуарда. Англичане расположились к западу от города, отдельные отряды охраняли подходы с юга. Возникли трудности с блокадой гавани Кале: основные силы британского флота находились или собственно в Англии или во Фландрии, какое-то время было невозможно пресечь поставки провианта в Кале морем.

К тому же Жан де Вьенн эвакуировал морем из Кале женщин, стариков и детей — Эдуард не стал этому препятствовать: избавление от лишних ртов существенно облегчало жизнь осажденных, но Плантагенет собирался стать королем Франции, а значит, не следовало истреблять будущих подданных.

Осада обещала быть долгой. Англичане выстроили близ Кале небольшой город для зимовки с торговой площадью, где дважды в неделю открывался рынок — называли его Нувилль, «Новый город». Существует он до сих пор.

Во время первых месяцев осады Филипп де Валуа не предпринимал никаких действий против англичан. Возможно, катастрофа при Креси повергла его в глубочайший душевный кризис; следующий совет король собрал только в марте 1347 года, когда и попросил военной помощи у дворян и духовенства. Дворяне быстро ответили на призыв неудачливого монарха, откликнулись даже вассалы Геннегау и Брабант.

К июлю в Аррасе собралась колоссальная армия, во много раз превышающая числом войско Филиппа при Креси: летописцы заявляют о 200 000 мечей, что, впрочем, является очевидным преувеличением. Вероятно, к началу похода Филипп стоял во главе пятидесятитысячной армии, в любом случае численно превосходившей войско Эдуарда. Поскольку фламандцы не разрешили французам проходить через их земли, а Филипп не хотел открытого конфликта с соседями в условиях войны с Англией, его армия 27 июля встала в пяти милях к западу от Кале.



*Бой
тридцати —
знаменитый
эпизод
Столетней
войны.*

Тем временем Эдуарду надоело наблюдать, как в гавань осажденного города то и дело заходят корабли с провиантом, и он решил отрезать морской путь к Кале. На отмели между морем и гаванью англичане возвели форт Рисбенк и установили на нем дальнбойные метательные орудия. Вдоль всего водного пути поставили волнорезы и дамбы, чтобы усложнить путь кораблям.

Однако решающая битва так и не свершилась. Филипп решил, что занял крайне невыгодную позицию, и начал длительные переговоры с Эдуардом, рассчитывая вызвать его на



бой в более удобной местности. В итоге переговоры стали лишь прикрытием для отступления французов. В ночь с 1 на 2 августа они спешно покинули лагерь, и дальнейшая судьба Кале была предрешена. Защитники города видели со стен, как французская армия заняла площадь в несколько гектаров и ожидали начала сражения вплоть до утра 2 августа. В итоге измученные защитники решили сдать город — что остается делать, если сам король от них отрется?!

Защитники Кале были помилованы Эдуардом, однако прошли через унижительную процедуру: городские нобили пешком принесли королю Англии ключи от ворот Кале, с непокрытой головой и петлей на шее. Более никаких репрессий не последовало: было бы весьма недальновидно устраивать террор среди людей, которых Эдуард собирался сделать своими подданными. Правда, исходно шестеро нобилей были приговорены к смерти, но за них заступилась английская королева, и казнь отменили. Кале стал английским городом на ближайшие 211 лет, до 1558 года.

Вскоре короли Британии и Франции заключили перемирие, которое продлится вплоть до лета следующего года. Однако 1348 год станет для Европы вестником самого ужасающего бедствия за всю историю материка, с древнейших времен вплоть до XXI века...



Позволим себе немного отвлечься от хода боевых действий, и обратимся к будням войны. Как мы помним, во время битвы при Креси Черный Принц запретил английским солдатам спускаться с холма и снимать с поверженных французов доспехи — а они были невероятно дороги.

Так в чем же причина столь древней и уважаемой традиции, как мародерство на поле боя?



Возьмем для примера «Йоркские завещания», охватывающие период XIV–XV веков. Вот, допустим, отрывок из завещания каменщика (не простого, а солидного подрядчика) плюс собственника крупного рогатого скота — то есть человека богатого, который мог бы и не поминать в завещании горшки-крынки. Март 1409 года:

«...В гостиной, содержимое которой оценивается в 44 шиллинга и 8 пенсов, называются большой стол для еды, маленький обеденный стол, три пары подставок для ног, три скамейки, кресло, железный экран для камина, тазы, кувшины для умывания, диванные подушки, разная декоративная ткань, прялка, большая свеча, подсвечник и другие мелкие вещи. В жилой комнате: два новых покрывала, одно стеганое одеяло, один матрац, валик под подушку, семь подушек, тридцать простыней, тридцать локтей льняной ткани, шерстяное одеяло, три занавески, сундуки, одна деревянная кровать. Всего на сумму 16 фунтов стерлингов 14 пенсов. В кладовой: серебряный сосуд за 43 шиллинга 4 пенса, два плоских серебряных сосуда, семнадцать серебряных ложек, три медных подсвечника, одна четверть, литровый горшок, солонка, десять глиняных горшков, полотенца, салфетки разных размеров, свечи. Всего на 8 фунтов стерлингов 8 шиллингов 2 пенса. На кухне: восемь медных горшков, три



Иллюстрация из рукописи 16 века, Нюрнберг. Обучение солдат.

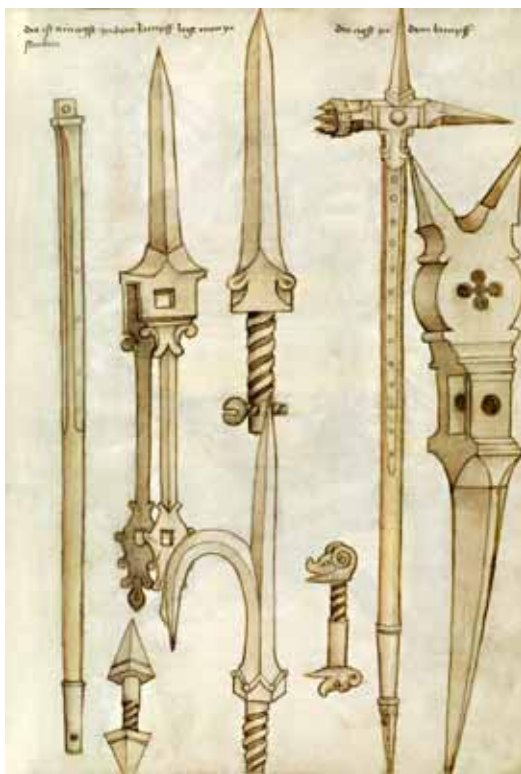


Иллюстрация
из Средневековой
боевой книги
1459 года

от медных подсвечников или подставок для ног и заканчивая стегаными одеялами. О предметах роскоши, являющихся произведениями искусства, мы вообще умолчим.

Посему производитель ширпотреба, как правило, горожанин и цеховик, есть человек общественно-полезный, уважаемый и обеспеченный. Неизмеримо выше стоят элитные мастера: оружейники, ковщики, ювелиры, стеклодувы — те, кто производит вещи для дворянства.

До промышленной революции еще сотни лет, предметы обихода редки и ценны — их может использовать не одно

сковородки, три вазы, три железных вертела, железный треножник, каменные ступы, тазы. К кухонному хозяйству причисляются: корова с телятком, петух, четыре курицы, две утки. Общая сумма 59 шиллингов 7 пенсов».

И нечего смеяться. Ларчик открывается достаточно просто: основную массу населения той эпохи составляло трудовое peasantry, способное производить разве что мед/лен/пеньку и прочие сельхозпродукты. Дворяне, по понятным причинам, ничего не производили, а вот прослойка мастеровых, особенно умелых, настоящих профессионалов, была очень и очень невелика. Отсюда большой дефицит и столь же немалая ценность предметов строго прикладных — начиная



поколение семьи. Отсюда и такая подробность в завещаниях. Сейчас никому и в голову не придет завещать старый сотовый телефон, поскольку производятся они в колоссальных количествах при низкой себестоимости, а вот 500–700 лет назад почтовых голубей завещали поштучно, с точным описанием, кому из родственников какая птица отходит. То же и с тканью, оружием, резными стульями, посудой et cetera. Дефицит!

Пленение рыцаря в полном доспехе или снятие доспеха с убитого врага могло сказочно обогатить пехотинца, оруженосца или рыцаря, успевших отхватить столь богатый трофей. Если пленный жив, то за него следует немалый выкуп. Цена стандартного рыцарского снаряжения в среднем превышала 100–150 турецких ливров, а если захватить доспехи богатого графа или герцога, с позолотой, фигурной ковкой и прочими излишествами, после войны можно обеспечить себя безбедную старость с собственным трактиром, коровками, овечками и женитьбой на сравнительно молодой вдовушке!

То же самое относится к оружию или лошадям — выше мы приводили цены на боевых коней, некоторые из которых стоили целое состояние! Даже какая-нибудь суцая безделица, например снятого с трупа перстня с изумрудом или найденных в шатре бежавшего врага серебряных тарелок могла сделать простого солдата вполне обеспеченным человеком.

А потому жестокие схватки за трофеи по окончании (и даже во время!) сражения были делом самым обыденным, житейским и естественным. Немудрено, что Черный Принц, понимая, что на кону стоит судьба королевства, под страхом виселицы распорядился не собирать трофеи, пока враг не будет окончательно повержен — дисциплина прежде всего, а уж после боя кому как повезет...



Внастоящий момент мы имеем слишком мало достоверных сведений о планах воюющих сторон — Франции и Англии — на летнюю кампанию 1348 года, однако можем выстраивать логичные предположения, основанные на итогах событий последних лет войны, а именно череды поражений Франции и взятия королем Эдуардом стратегически важной гавани-крепости Кале.

Во-первых, Англия получила несомненное преимущество, забрав под контроль немалый отрезок побережья неприятеля, как на севере, так и в Гаскони-Аквитании, отчего король Эдуард III имел возможность вести наступление вглубь Французского королевства одновременно с двух направлений, причем при оперативной свободе и господстве флота на море. Во-вторых, армия Франции была серьезно ослаблена после сражения при Креси, когда погибло более 1200 дворян, составивших ядро тяжелой кавалерии — то есть около трети от общего численного состава французской рыцарской конницы. Потерявший уверенность в себе Филипп VI де Валуа вместо того, чтобы дать англичанам в августе 1347 года решительное сражение под Кале, принял решение отступить и заключить с Эдуардом перемирие, а король Англии временно предпочел укреплять Кале, новое владение на континенте, и накапливать силы — приближалась зима, а воевать в это время года в те времена было затруднительно. Видимо, новая кампания с наступлением на ключевые города Франции — на Париж со стороны Кале и на Орлеан от Гаскони — планировалась после весенней распутицы 1348 года, что представляется единственно разумной стратегией.

Но с поздней осени 1347 года в Консьержери и Тауэр начали приходить смутные известия о некоем моровом поветрии на юге — в королевстве Сицилийском, Генуе, на Корсике,

Das ist ein münchens kappe die im hinden an der rücken sit die
 firt man of der vran cadere ans vorman vnde se spuz vnd may
 mauch gunde obnan sol sy wffhopper sin mit liden vnd coddeler mit huren
 vnd andren dinger die dar zu gehorend / es sol mit starcken holzweck
 zafamen gestiget sin Spiegel mit yser das es notdierfig ist das im
 schyner stam oder starck gestofft ist schade vnan die an mueren
 kunst so richt im der spuz of oint der ame schiben dem klomet
 hynath alle die dar hin sind



Лист из рукописи 1459 года



Мальте и в Сардинии. Судя по хроникам, тогда ни один из конфликтующих королей не воспринял угрозу всерьез — как мы уже упоминали, новости распространялись медленно, со скоростью хода конного гонца или парусника, а вскоре известия из Средиземноморского региона и вовсе перестали приходить, поскольку их некому стало отправлять.

Экономический аспект

Понятие «глобализация» применительно к экономике — это вовсе не изобретение XXI века. Ровно то же самое существовало и шестьсот-семьсот лет назад. Банковская деятельность практически ничем не отличалась от сегодняшней — разве что отсутствием компьютеров. Орден тамплиеров, храмовников, стал первым таким финансовым учреждением — именно тамплиерам мы обязаны появлением понятия «банк» в привычном нам виде. Они изобрели систему банковских филиалов, аккредитивы, чеки, ввели понятие «текущий счет», любой человек мог положить деньги в тамплиерский банк, к примеру, в Париже, взять чек, и по нему получить средства в Венеции в соответствии с курсом валют. Кстати, первый (известный нам) в истории Европы договор о валютном обмене относится к 1156 году — двое братьев берут ссуду в банке в размере 115 генуэзских монет с условием возврата банковским агентам в Константинополе суммы в 460 византийских золотых монет (безантов). Во второй половине XIII века совокупный ежегодный оборот храмовников достигал 50 с лишним миллионов ливров — это фантастические, невообразимые суммы!

Появляется и система кредитования — ссуды ремесленникам и крестьянам, а также дворянству, распространяется



Лист из турнирной Книги 1525 года



ипотека. Новые банковские дома основывают богатые купцы из Ломбардии, дающие кредиты под залог имущества, так называемые «ломбардные операции», откуда и произошло всем нам известное слово «ломбард». Слово «банк» ведет свое происхождение от итальянского banca, как называли стол, где раскладывались монеты и стояли весы, отсюда же происходит и понятие «банкрот». Дадим слово Маттео Виллани, родному брату отлично известного нам Джованни Виллани, оставившего потомкам «Новую хронику» и описание ужасного землетрясения 1348 года. Маттео был серьезным финансистом своего времени и верить ему мы можем безоговорочно:

«...Наши компании ныне ведут своими средствами большую часть европейской торговли и питают почти весь мир. Англия, Франция, Италия и многие другие прежде преуспевающие государства оказались от нас в непокрываемой долговой зависимости, и, поскольку их годовых доходов не хватает даже на выплату процентов по займам, они вынуждены предоставлять нашим торговцам и банкирам все новые и новые привилегии. Наши представители взяли под свою руку сбор налогов, таможеню и скупку сырья во многих государствах».

Маттео Виллани, как сказали бы сейчас, входил в совет директоров крупной банковской компании «Filippo d'Amadeo Reguzzi». Кроме дома Амадео Перуцци банковско-ростовщическим ремеслом во Флоренции занимались семейства Барди, Аччаюоли, Бонаккорзи, Кокки и другие, а предприятие семьи Перуцци в начале XIV века начинает создавать масштабнейшую финансовую систему, которую можно прямо назвать «глобализацией под контролем корпораций», или, как выражались, ничуть не стесняясь, сами флорентийцы, «золотую сеть».



Французский
манускрипт
1410.

Чем заканчивается надувание кредитного пузыря в наше время, отлично известно. Крупнейшая экономическая катастрофа Высокого Средневековья имела самое прямое отношение к Столетней войне — а именно, банкротство банковских домов Барди и Перуцци, в результате которого европейская экономика покатила в пропасть и была окончательно добита Черной смертью, выкосившей колоссальные людские ресурсы — прежде всего трудоспособное население.

Эдуард III Плантагенет был авантюристом в хорошем смысле этого слова — он ввязывался в громкие аферы, лишь



имея неплохие виды на успех. Другое дело, что удача ему не всегда сопутствовала — так произошло во время очередной войны с Шотландией 1327–1328 годов, в которой Англия потерпела поражение и признала шотландскую независимость. Кредиты на эту войну были получены у флорентийцев Барди, равно как и контрибуцию пришлось платить из предоставленных ими займов.

Начинается Столетняя война. Долги английской короны выросли до совершенно невероятной суммы — немногим меньше 2 миллионов флоринов (900 тысяч семье Барди и 700 тысяч Перуцци), при доходе казны в 60–65 тысяч фунтов в год. Эдуард объявляет дефолт по долговым обязательствам в 1340 году, его примеру следует Филипп де Валуа (А чего мелочиться-то?! Если англичанам можно, почему нельзя французам — особенно в условиях войны?), дома Барди и Перуцци в 1344 году банкротятся, потянув за собой десятки менее солидных фирм, тысячи вкладчиков остаются без средств, что приводит к дефолту сразу нескольких королевств и даже папской курии, учреждения далеко не самого бедного.

В сухом остатке — почти моментальный коллапс экономики всей Европы, весьма напоминающий недавний кризис 2008 года и ныне существующий «пузырь деривативов»: экономические законы во все времена работают одинаково. Снова обратимся к записям сеньора Виллани:

«...Для Флоренции и всего христианского мира потери от разорения Барди и Перуцци были еще тяжелее, чем от всех войн прошлого. Все, кто имел деньги во Флоренции, их лишились, а за пределами республики повсеместно воцарились голод и страх».

Как известно, беда одна не приходит, а каждый новый катаклизм тянет за собой другой — после долгих веков благополучия, экономического процветания, стабильного роста



населения и продовольственного изобилия всего за несколько десятилетий Европу посетили три всадника апокалипсиса из четырех: Война, Голод и Смерть: стремительно менялся климат, неурожаи следовали один за другим, началась Столетняя война, благодаря ей рухнула и финансовая система. А зимой с 1347 на 1348 год прибыл и четвертый — во всей своей мощи и необоримости. Черная смерть, о которой мы уже подробно рассказывали.

Тотальная война как знак конца света

После Великой чумы

Как мы упоминали, войны в Средневековье велись сравнительно небольшими профессиональными армиями, в основном дворянскими — военное ремесло в феодальном обществе являлось привилегией благородного меньшинства. Лишь в итальянских городах-республиках наподобие Генуи или Венеции в армию на постоянной основе привлекались все граждане — вспомним о скандально знаменитых генуэзских арбалетчиках, во многом благодаря которым король Франции потерпел поражение при Креси.

Столетняя война совершает резкий переворот в сознании, прежде всего французов — исходно феодальный конфликт между Плантагенетами и Валуа со временем меняет форму, превращаясь в национально-освободительный, то есть ранее в Европе невиданный! В этом состоит одна из важнейших особенностей Столетней войны — подданные французской короны, христиане, как и все прочие европейцы, менее чем за один век начали ощущать себя именно что французами:



нацией, сплоченной единой идеей изгнания захватчиков обратно на Альбион.

Англичане во время взятия Кале или сражения при Креси еще не были оккупантами в общеизвестном смысле этого слова, но к началу XV века они таковыми становятся. Как писал исследователь Жан Фавье, *«...средний француз из города или деревни поначалу ненавидел англичанина за то, что тот — солдат, а потом за то, что тот — англичанин»*. Очень скоро ситуация начала меняться, и военные короля Эдуарда начинают восприниматься как захватчики, посягающие на французскую национальную идентичность...

Но и это еще не все. Столетняя война становится всеобщей — что также прежде было неизвестно Средневековью! В старые добрые времена феодальный конфликт заканчивался сравнительно быстро и не нес угрозы целому государству, кроме того, имущество старались не уничтожать и беречь — оно должно было перейти во владение другого сеньора. Ныне положение изменилось: англичане жгли урожай, что означало последующий голод; восстанавливать разрушенное не имело смысла — не в этом году, так в следующем захватчики обязательно появятся снова. Война из события чрезвычайного и не самого частого становится повседневной реальностью, продолжаясь годами и десятилетиями, что вело к дальнейшему усугублению и без того ужасного экономического положения Франции, вызванного недавним ураганом Черной смерти. Вновь дадим слово Жану Фавье:

«...Сожженная рига, которую не отстраивали, опасаясь нового налета через год или десять, означала, что обработка земель здесь сократится надолго. Судно, затопленное в фарватере, разрушенный мост, разоренная мельница означали не просто временное несчастье, а паралич всей экономической жизни области».



Саксонский воин и датский пират, иллюстрация из книги «История завоевания Англии Норманами», 1838 года



Кроме того, Франции не повезло с монархом — примерно так же, как в свое время не повезло Англии с Ричардом Львиное Сердце, разорившим королевство ради своих рыцарских причуд, начиная от Третьего крестового похода и заканчивая авантюрами на континенте. Ричард был рыцарем, но не государственным деятелем, а его противник Филипп II Август являлся прежде всего очень талантливым политиком и администратором, что позволило в начале XIII века очистить от англичан огромные области Франции и заложить фундамент дальнейшего величия королевства.

Увы, но Филипп VI де Валуа так и не осознал, что с началом Столетней войны и после Черной смерти ситуация кардинально изменилась и ему стоило бы последовать примеру своего мудрого пращура, — он предпочел остаться рыцарем, а не королем. Франция же в конце 1340-х годов находилась на последней грани, особенно если учитывать все недавние поражения и нарастающий внутренний политический кризис — король терял уважение знати, а Генеральные штаты, после позорной сдачи Кале и отказа Филиппа спасти своих подданных, в 1347 году ясно выразили свое отношение к монарху:

«...Вы пошли в онгие места с честью и при великом отряде, понеся великие расходгы и великие затратгы. Вас там обесславили и заставили вернуться с позором. Вам навязали перемирие, хотя враги пребывали в вашем королевстве... Онгыми советами вы были обещенгы!»

Король прямое оскорбление о «бесчестье» или проигнорировал, или вынужден был смириться с реальностью.

Помимо войны, финансовой неразберихи и неурожаев, вызванных «годами большой сырости» начиная с 1345 года, был нанесен еще один тяжелейший удар — эпидемия Великой



Ричард Львиное Сердце в лагере крестоносцев, иллюстрация из книги «История завоевания Англии Норманами», 1838 года



Портрет
короля Филиппа
VI

чумы всего за несколько месяцев взорвала рынок рабочей силы. Мы помним, что смертность во время эпидемии превышала все мыслимые пределы как в городах, так и на селе — что крестьяне, что мастеровые вымирали целыми семьями, весной 1348 года в условиях повального мора не были засеяны огромные площади, а те, что успели засеять, некому было убирать. То же наблюдалось и в городах — уцелевшие ткачи,



златошвей, гончары или суконщики лишились наследников своего дела и подмастерьев...

«А что же Столетняя война?» — спросите вы. Понятно, что эпидемия временно остановила боевые действия, но, как известно, Эдуард III был человеком упрямым и целеустремленным, старавшимся доводить любое дело до логического конца.

Черная смерть и в области военного дела произвела очередную переверот — появилось так называемое «новое рыцарство». Если ранее рыцарство как таковое являлось социальным статусом с обширной и крайне запутанной системой вассалитета, то ныне, с появлением в Англии ордена Подвязки и ордена Звезды во Франции, картина радикально изменилась. Оба ордена, говоря откровенно, уже в те времена выглядевшие сущими анахронизмами, навевавшими воспоминания о тихих и благополучных временах первых крестовых походов, подразумевали личную и добровольно принятую клятву верности одному из королей. Жан Фавье сообщает нам:

«...Можно было принадлежать к двум соперничающим родам. Быть просто вассалом обоих воюющих монархов. Можно было — как аквитанские вассалы или нормандские “верные” Наваррца — быть подданным короля Франции и вассалом иностранного короля как феодального сеньора. Можно было, не поступаясь честью, получать от обеих сторон ренты, накладывающие на вас обязанности и даже делающие вас клиентом. Но принадлежать одновременно к обоим этим орденам нового рыцарства было нельзя. Клятва, которую рыцари этих орденов давали своему сеньору и господину, вносила ясность в право и мораль, потому что считалась важней всех прочих клятв. <...> Рыцарский орден в том виде, в каком его придумали монархи XIV века, снова предполагал верность безо всяких условий и соперников. Каждый из королей рассчитывал отныне прочно держать в руках “свое” рыцарство».



Надо сказать, что ни Эдуард III, создавший орден Подвязки весной 1348 года, ни сменивший на престоле умершего в 1350 году Филиппа VI король Иоанн Добрый не являлись изобретателями «нового рыцарства». Орден с принесением личной клятвы государю впервые учредил король Кастилии и Леона Альфонсо XI за восемнадцать лет до пришествия Великой чумы (кстати, Альфонсо сам пал жертвой Черной смерти). Конфликтующие монархи Англии и Франции ухватились за эту идею не ради того, чтобы «узреть исток и красу всего рыцарства, культуру смелого благородства, доблестей и бесконечных завоеваний», как был записано в одном из куртуазных романов XIV века, — в условиях войны это был шаг чисто политический и прагматичный. Цель очевидна: объединение дворян вокруг фигуры короля и ликвидация прежней неразберихи с оммажами разным феодалам. Особенно это было необходимо новому королю Франции, в которой феодальная разобщенность могла привести к расколу королевства.

Не вышло — по крайней мере, у французов. Орден Звезды закончил свое существование уже в 1352 году в одной из малоизвестных битв Столетней войны — неподалеку от бретонского Бреста, где англичане разбили армию под командованием маршала де Неля. Была использована обычная английская тактика, прекрасно показавшая себя при Креси — командиры короля Эдуарда заняли крутой холм, поставив за спешившимися рыцарями лучников, неприятель пошел в лобовую атаку и был уничтожен. Погибло более шестисот французских дворян, еще около полусотни членов Ордена Звезды попали в плен — уроки Креси выучены не были. Более в летописях этот орден не упоминается, тогда как британская Подвязка существует по сей день...

Король Иоанн Добрый, пользуясь временной передышкой в войне, пытался провести военную реформу — он прекрасно осознавал, что ни чума, ни экономические потрясения не



Англо-норманский рыцарь 12 века, иллюстрация из книги «История завоевания Англии Норманами», 1838 года



Иоанн II
Добрый
приказывает
арестовать
Карла Злого.
Хроника
Фруассара

заставят Эдуарда отказаться от притязаний на французский трон. Появилась особая военная администрация, призванная надзирать за численностью и качеством вооружения войск, как дворянских, так и наемных. Одна беда — оплата солдатам оставляла желать лучшего, а, как мы указывали выше,



инфляционные процессы продолжались, при этом падало качество монеты и содержание в ней серебра. После Черной смерти серебряная монета обесценилась шестикратно, но тарифы оставались прежними — очень многие начинали подумывать о том, что король излишне скуп, а значит, следовало бы уйти к другому нанимателю.

Обычно Столетнюю войну делят на четыре этапа — Эдвардианский, Каролингский, Ланкастерский и финальный, причем Эдвардианский период считается с 1337 по 1360 год, когда был заключен мир в Бретиньи. Мы же предполагаем, что первый этап завершился на десять лет раньше, в 1350–1352 годах, когда отгремела Великая эпидемия и обе воюющие стороны оказались в принципиально новых условиях: демографических, экономических и политических. Да, были близки катастрофа при Пуатье, пленение короля Иоанна, крестьянские восстания, но все это произойдет в новом, неизведанном мире. Мире, прошедшем через ревущее пламя Черной смерти.

Война продолжается при новом короле

Возможно, пессимистично настроенные французские летописцы XIV века были правы, утверждая, что «Господь отвернулся от Франции». Для таких слов имелись веские основания: всего за несколько десятилетий ранее процветавшее, богатое и стабильное государство скатилось к краю пропасти. Провалы наблюдались во всех областях — экономика, внешняя и внутренняя торговля, армия, наконец, демография: последствия эпидемии будут сказываться еще в течение полутора веков.

Безусловно, играла свою роль и низкая компетентность нового короля, Иоанна II Доброго, продолжавшего в изменившихся исторических условиях мыслить феодальными



категориями. Для него (как, впрочем, и для Эдуарда Английского) война между двумя королевствами продолжала лежать в плоскости отжившей свое системы «вассал — сюзерен», что не позволяло в полной мере апеллировать к патриотизму и национальной идентичности французского народа.

После событий чумного мора 1348–1352 годов первыми пришли в себя англичане, худо-бедно восстановившие финансы и готовые продолжать войну до победного конца, тем более что Англия находилась в более выигрышном положении, обладая крупными плацдармами на материке. Старший сын короля, Эдуард по прозвищу Черный Принц, в сентябре 1355 года начал военные операции в Аквитании и Лангедоке, сделав базой принадлежащую Альбиону Гиень — рейд по тылам французов отвлек бы значительную часть армии Иоанна де Валуа, позволяя подготовить крупное наступление на севере.

Принц Уэльский разорил графство Арманьяк, сжег пригороды Тулузы и разграбил предместья Каркассона и Нарбонна — устояли лишь городские крепости-ситэ. Эдуард не скрывал, что никакой стратегической цели в этом молниеносном набеге не было: удержать захваченные районы было невозможно из-за минимального финансирования экспедиции и малого для оставления в Лангедоке гарнизонов числа солдат. В это же самое время король Англии совершил рейд в графство Артуа. Тактическая цель была очевидна: показать силу и запугать местное население, что и было с успехом достигнуто.

Характер Столетней войны начал стремительно меняться — уяснив, что разгромить Францию в одном или нескольких генеральных сражениях в текущий момент невозможно, англичане приняли стратегию разорения территории противника, максимального подрыва экономики и деморализации мирного населения. Следовало убедить французов, что король Иоанн как сюзерен не в состоянии их защитить. Жан



Фавье весьма точно сформулировал, как выглядел дальнейший ход конфликта:

«...Война бесконечно начиналась заново: набеги без иной задачи, кроме грабежа, и без иной конечной цели, кроме порта для отплытия обратно. Войско прошло — уцелившие города и деревни на мгновение переводят дух в ожидании следующего налета».

Для того чтобы понимать последствия английских рейдов, надо вспомнить, что экономика XIV века являлась прежде всего аграрной, а, как известно, сельскохозяйственный цикл — дело долгое. Пашота, посев, сбор урожая, обмолот, складирование или доставка зерна до потребителя, мельница — и только потом уже пекарня. Если из цикла выпадает любой из этапов, хлеба не будет — вытоптанное или сожженное поле, разрушенная мельница или овин лишают смысла год работы крестьянина. Мы ведь помним о «хлебной стратегии» продовольственной безопасности Средневековья?

Отсюда взлет цен, инфляция, весьма сомнительная возможность импорта (дороги небезопасны!) и прочие неприятности. В итоге Лангедокский поход Черного Принца за 1355 год снизил стоимость французской серебряной монеты практически на 80 процентов.



Иоанн II
Добрый,
король Франции
(1364)



Государственные расходы Франции тем временем стремительно росли. Правительство Иоанна Доброго наконец-то осознало, что одним финансированием полевой армии не обойдешься — требовалось укреплять города и держать в них постоянные гарнизоны, то есть заботиться о гражданском населении и городской промышленности, которая могла попасть под следующий английский удар.

Денег не было, содержание серебра в монетах падало. Спешно созданные Генеральные штаты после долгих обсуждений все-таки ввели «военный налог», но собираемость такого оставляла желать лучшего. Кончилось все девальвацией ливра и усугублением кризиса. Война тем временем продолжала настойчиво стучаться в двери — близилась кампания 1356 года, на организацию которой будет потрачена масса усилий, ресурсов и денег. Итоги же окажутся не просто неутешительными, а абсолютно провальными, даже в сравнении с поражением при Креси десять лет назад...



Командование короля Эдуарда не собиралось менять тактику, в прошлом показавшую себя весьма эффективной: следовало заставить французов воевать на несколько фронтов. Черный Принц по-прежнему оставался в Гиени, а его младший брат, принц Джон Гонт, герцог Ланкастер, был отправлен на нормандское направление. Кстати, Джону едва исполнилось 16 лет — это снова к вопросу о «планке детства» в эпоху Высокого Средневековья. Тогда человек в столь нежном по нашим меркам возрасте вполне мог командовать (с помощью опытных советников, конечно же) крупной армией, причем более чем успешно. Эдуард III остался в Лондоне, возложив всю ответственность за летнюю кампанию на сыновей.

Du wilt overdencken an die ghebruyken die ple-grabbe kenne van
vordick vord fien dat vorder amey sghem sghen van sief fien gont langd
stangen die grabbe behuttent die wall voor overdencken vord ghand siefte
te vord vordic sy vordicent abvordicent sy vordicent sy vordicent sghem
vordicent sy ghand sy sghem



Лист из рукописи 1459 года



Можно было бы сказать, что повторился предшествовавший битве при Креси «марш к Парижу»: Ланкастер отправился на Вернон и Руан, повторив сомнительные подвиги Черного Принца в Лангедоке, сиречь не пытался захватить крепости, а просто разорял округу. Иоанн Добрый со своей армией бросился на перехват неприятеля, однако и здесь его настигла неудача: за французским войском тащился внушительный обоз, тогда как англичане действовали налегке. Навязать им сражение не получалось. Наконец, в июле случился форменный конфуз — в районе городка Ль'Эгль в Нижней Нормандии армии встретились, французы построились к бою, король Иоанн послал к Ланкастеру герольдов, чтобы в соответствии с рыцарскими традициями вызвать противника на битву, но...

За ночь Ланкастер приказал своим отрядам рассеяться, оставив в качестве прикрытия две сотни кавалеристов, которые, выполнив задачу по отвлечению французского войска, также без особых затруднений скрылись. Преследовать англичан никто не стал — да и как это было возможно?! Тяжеловооруженное рыцарское войско при всем желании не способно гоняться за несколькими отрядами налетчиков, не обремененных поклажей и обозными телегами. Иоанн Добрый плюнул — какая наглость, не ответить на вызов! — и совершил очередную фатальную ошибку: повел армию на осаду крепости Бретей, напрочь позабыв, что в Гиени находится ставка Эдуарда Черного Принца, который отнюдь не бездействовал, умело расставляя силки...

Жан Фруассар меланхолично сообщает нам о масштабной, но совершенно бесполезной осаде Бретей:

«...Люди установили и воздвигли большие орудия, каковыя днем и ночью метали снаряды на крыши башен, нанося немалый ущерб. И велел король Франции великому множеству плотников

Dies ist am tollub, was kleine stuf leeren gefället mit stamm
voccannan mit schaeffer, y sol die berg abgelouffen den
selben mügendt gewerpnet lute. nach lousen von die
wunden, wuifort mit den schaeffer, y sol was coor am ist



Рукопись 1459 года



выстроить итурмовую башню в три яруса высотой, каковую бы возили на колесах туда, куда требовалось. На каждый ярус вполне могло войти две сотни человек и всем пособить. И была она снабжена бойницами и обтянута кожей, дабы выдержать сильный обстрел. Иные называли ее “котом”, другие же — осадным устройством. ...В то время как ее сколачивали и ладили, окрестным крестьянам было велено принести и доставить дерево в великом множестве, и свалить его во рвы, и засыпать сверху соломой и накрыть тканью, дабы подвезти оное орудие на четырех колесах к стенам ради сражения с теми, кто пребывал за оными. И так добрый месяц заполняли рвы в том месте, где желали приступить к итурму и применить “кота”».

Иллюстрация Пока происходила вся эта неопишуемая красота с могучими осадными башнями, фашинами и перестрелками, Черный из рукописи 16 века, Принц, выяснив, что французское войско накрепко застряло под Бретеем, со своими отрядами выступил из Бордо на Нюрнберг. Перигор, Лимузен и Берри. Ланкастер в свою очередь пошел на соединение с братом — точка встречи была назначена в районе города Тур. Иоанн Добрый с ослиным упрямом



продолжал осаду, и крепость все-таки сдалась при условии сохранения жизни ее защитникам. Можно было праздновать победу. Обе английские армии в это время уже находились в долине Луары, только на разных берегах реки. Король Франции бросился им вслед, рассчитывая наконец-то дать генеральное сражение.

Иоанн искал битвы, и он ее получил.

Крах при Пуатье

Самое любопытное в этой истории состоит в том, что Черный Принц, хорошо осведомленный о численности французской армии, существенно превосходившей его силы, решил предложить мирные переговоры, отослав к Иоанну посредников во главе с папским легатом, кардиналом Перигорским. Тем более что французы находились в более выгодном положении — дорога к отступлению на Бордо оказалась перерезанной, войско Черного Принца располагалось на стыке рек Эндр и Вьенна, а Ланкастер доселе не переправился через Луару. Войско Иоанна в это время бодро продвигалось в сторону Пуатье.

Кардинал Перигорский уехал от французского короля ни с чем — самоуверенный Иоанн полагал, что настало время отплатить англичанам за все былые поражения и обиды, а лично Черному Принцу — за прошлогодний разбой в Лангедоке. Долгожданная встреча произошла юго-восточнее города Пуатье, причем принц Эдуард успел, как и во времена Креси, занять господствующие высоты.

В воскресенье 18 сентября 1356 года начинать сражение не решились — во-первых, святой день, во-вторых, кардинал продолжал разъезды между лагерями, пытаясь уговорить августейших особ решить дело миром. Принц Уэльский и впрямь



не был уверен в своих силах — около десяти тысяч англичан и союзных им наваррцев против двадцати тысяч французов! Он предложил королю Франции освободить всех пленных, вернуть французам крепости, взятые за время летней кампании и — грандиозная уступка! — заключить перемирие на длительный срок в семь лет.

Иоанн категорически отказал. Его условие было однозначно: немедленная капитуляция неприятеля. Черный Принц, понимая, что изменить решение ослепленного гордыней француза невозможно, пытался за воскресенье хоть как-то укрепить лагерь кольями и рвами, способными остановить рыцарскую кавалерию

Французы приняли следующую диспозицию: двумя небольшими конными отрядами планировалось отсечь английских лучников и уничтожить их, после чего пешее войско пойдет вперед на возвышенности. Рыцарство проложит путь армии, прочие дворяне будут драться в пешем строю. Раздавались разумные голоса, в частности от маршала Жана де Клермона, что выбранная тактика слишком опасна, куда проще взять англичан в осаду и дожидаться, когда у них кончится невеликий запас продовольствия. Король отверг эту идею с негодованием — ему хотелось добыть победу в сражении.

Черный Принц решил перегруппировать силы и приказал отрядам левого фланга отойти под прикрытие леса. Французская кавалерия атаковала отступавших и моментально попала под залпы лучников, бивших с фланга, — сражение толком еще и не началось, как рыцарская конница потеряла строй и смешалась, понеся большие потери. Атака была отбита. Маршал Арнульф д'Одрегем был ранен и попал в плен, маршал Жан де Клермон убит. Тут же король Иоанн совершил новую глупость: пешее войско предприняло наступление по заболоченному берегу речушки Моиссон, к западному флангу противника. Началась общая свалка, постепенно превратившаяся в несколько



Битва
при Пуатье,
1356 года;
Средневековая
миниатюра

отдельных крупных схваток без всякого единого командования. Иоанн Добрый не понимал, что происходит и куда движется его войско, управление армией было потеряно.

Последовала очередная ошибка бесталанного короля: вспомнив о гибели одиннадцати принцев крови при Креси, Иоанн приказал своим сыновьям, возглавлявшим крупные отряды, отступить — его *внезапно* осенило, что на поле боя находится вся мужская ветвь фамилии Валуа и, если король вкуче с наследниками будут убиты или пленены, англичане моментально достигнут своей главной цели: короны Франции, из-за которой, собственно, и началась эта война.



Наконец, битва добралась и до резервного отряда, возглавляемого лично Иоанном Добрым — можно считать французского монарха недалеким политиком и весьма посредственным полководцем, но он оставался рыцарем, обладавшим достаточной личной храбростью, чтобы взять в руки секиру и сражаться наравне со своими подданными в пешем строю. «Хроники» Жана Фруассара сообщают:

«Король Иоанн, со своей стороны, показал себя добрым рыцарем, и если четверть его людей вела бы себя так же славно, как и он, то победа в этот день досталась бы ему. Однако те, кто оставался с ним и исполнял свой долг, насколько это было в их силах, были либо убиты, либо взяты в плен. Едва ли кто-нибудь из тех, кто был с королем, пытался бежать. Среди убитых были герцог Пьер де Бурбон, герцог Афинский, коннетабль Франции...»

Цвет рыцарства погиб в первой атаке. Пешее наступление не привело к существенным результатам. Шотландские наемники, совершенно не жаждавшие оказаться в английском плену, отступили. Благодаря гениальному озарению короля, отряды принцев ушли с поля боя. Черный Принц, уяснив, что французская неорганизованность и невыполнение приказов лишь усугубили положение неприятеля, перешел от обороны к атаке. Это был разгром.

Видя, что все кончено, король Иоанн Добрый сдался гасконскому рыцарю Дени де Морбеку — история сохранила именно это имя, хотя на поле боя многие оспаривали право на столь ценного пленника. Тем не менее де Морбек отвел короля к Черному Принцу и сэру Уорику, английскому маршалу. Пленение на войне для королевских особ позором не являлось, позором было бегство.

Французская армия, набранная на последние оставшиеся в казне деньги, перестала существовать. Потери оказались



не менее ужасными, чем при Креси, — погибли более 2500 рыцарей, 2000 попало в плен, общее же число погибших с французской стороны так и остается неизвестным — обычно приводятся цифры от 5000 до 8000.

Политические последствия битвы при Пуатье были не менее кошмарными. Король был пленен. Наследник Карл де Валуа принял на себя регентство, когда страна оказалась на грани банкротства. Более того, Генеральные штаты и парижане были вправе спросить с дофина за огромные средства, потраченные на снаряжение войска, потерпевшего столь возмутительное поражение при двукратном численном превосходстве!..

Королевство оказалось обезглавлено. Экономика лежала в руинах. Начались внутренние мятежи, включая Жакерию 1358 года. Казалось, более худших времен Франция еще не переживала, однако последующие события доказали: самое страшное еще впереди.

Военные будни

Историки традиционно оперируют событиями Столетней войны с точки зрения королей и герцогов, описывают знаменитые сражения, политическую ситуацию, однако почти никогда не пытаются взглянуть на события этой грандиозной битвы со стороны ее обычных участников — людей, втянутых в феодальный конфликт, в ходе своей вековой эволюции закончившийся национально-освободительным движением.

Напомним, что люди эпохи Высокого Средневековья в массе «глупыми», «легковерными» или «ограниченными» вовсе не являлись. Скорее наоборот — зачастую какой-нибудь подданный короля Франции XIV века значительно превосходил наших современников в гибкости мышления, способности



делать верные выводы на основе весьма скудных сведений, а главное — в памяти и массиве усваиваемой информации.

Среднестатистический монах мог помнить наизусть 39 книг Ветхого и 27 книг Нового Завета, плюс огромное количество богослужебных и иных канонических текстов. В те времена не было Интернета и смартфонов, рукописные книги являлись сравнительной редкостью и были достоянием высших классов, а потому полагаться следовало лишь на свой опыт и свою память.

Все вышеизложенное в равной мере касается и военного дела. Для примера возьмем один из эпизодов Столетней войны, описанный нами ранее, — рейд Эдуарда Черного Принца в Лангедок в октябре 1355 года. От города Бордо в Гиени, где находилась основная база Черного Принца, до столицы Лангедока Тулузы около 250 километров, а до Нарбонна у побережья Средиземного моря — все четыреста. С учетом того, что отряды принца Эдуарда двигались не по прямой и атаковали сразу несколько лангедокских городов, общее расстояние существенно увеличивается.

Операция по устрашению французов была проведена блестяще и с минимальными потерями, завершившись к концу ноября, когда Черный Принц вернулся в Бордо с обозом, нагруженным богатой добычей. Вдобавок его «мобильное войско» взяло городки Монжискар, Капельнодари, Монреаль, Клерак и Тоннен, сожгло предместья Тулузы, Лиму, Каркасона и Нарбонна. Солидный успех, при том что в XIV веке подробных карт местности не существовало. Так как же передвигалось английское воинство, успевая внезапно появиться под стенами неприятеля, осуществить молниеносный налет и практически безнаказанно скрыться?

Карты как таковые, разумеется, были — в двух разновидностях. Первая, так называемая *Marra Mundi*, представляла собой «общеобразовательную» картину обитаемого мира,



*Карта
Портулан –
средневековая
морская карта
1492 года
португальского
происхождения.*

изображенную с точки зрения католической космологии. Иерусалим в центре мироздания, более или менее точные очертания Европы, абстрактное изображение Terra incognita с мифическими государствами наподобие царства пресвитера Иоанна. Словом, никакой практической нагрузки Марра Mundi не несла. Однако более прогрессивные с технической точки зрения средневековые моряки ориентировочно с конца XIII века начинают составлять так называемые «портуланы» — сравнительно подробные карты морских побережий с изображением мысов, заливов, эстуариев рек, гаваней и прочих подробностей, существенно помогающих в навигации.

К сегодняшнему дню сохранились десятки средневековых портуланов как европейского, так и арабского происхождения. Заметим, что в те времена моряки уже всю пользовались



Средневековая
карта мира
Mappa Mundi

компасом, изобретенным ближе к концу XII века. На суше дела обстояли значительно хуже — ни один из сохранившихся средневековых архивов не содержит подробных карт и планов местностей, сколь-нибудь пригодных в военном деле. Будь они в ходу в XIV веке, хотя бы одна-две копии непременно дошли бы до нас, но...

Скорее всего, такие карты в эпоху Столетней войны напроочь отсутствовали. Тем не менее известна «Пейтингерова



таблица» — подробнейшая карта Римской империи, перерисованная в XIII веке с оригинала, восходящего ко временам Октавиана Августа, с указанием городов и отличных римских дорог.

Зацепимся за слова «римские дороги». Римская империя построила в провинции Галлия огромное количество стратегических трасс, некоторые фрагменты которых сохранились и две тысячи лет спустя. Королевство Франция в эпоху Столетней войны могло похвастаться пускай и несколько запущенными, но великолепными дорогами — частью античного наследия; строили римляне добротнo, даже не на века — на тысячелетия.

Via Domicia (Домициева дорога) вела из Италии через всю южную Францию и Нарбонн к Пиренеям и Испании. Ее ответвление, Via Aquitania (Аквитанская дорога), уходила от Нарбонна на северо-запад, через Тулузу к Бордо — ставке Эдуарда Черного Принца. Заблудиться на пути от Бордо к Тулузе было невозможно: Via Aquitania использовалась долгие столетия, об этом важнейшем торговом пути знал любой. Двигавшемуся по нему войску следовало только высылать вперед дозоры, во избежание засад и нападений с флангов. Собственно, Лангедокское направление для рейда по тылам французов было выбрано Черным Принцем не случайно — цели можно достичь максимально быстро (напомним, набег продолжался чуть больше месяца).

Но старая римская дорога — это лишь часть обязательных знаний столь талантливoго полководца, как Эдуард, принц Уэльский. Вне всякого сомнения, перед наступлением на Лангедок «штаб в Бордо» разрабатывал вполне подробный план набега, принимавший во внимание множество частности и деталей. Следовало непременно учитывать, что у французов в Лангедоке и окрестностях имелись значительные силы — войско коннетабля де Бурбона и графа д'Арманьяка в Бокере

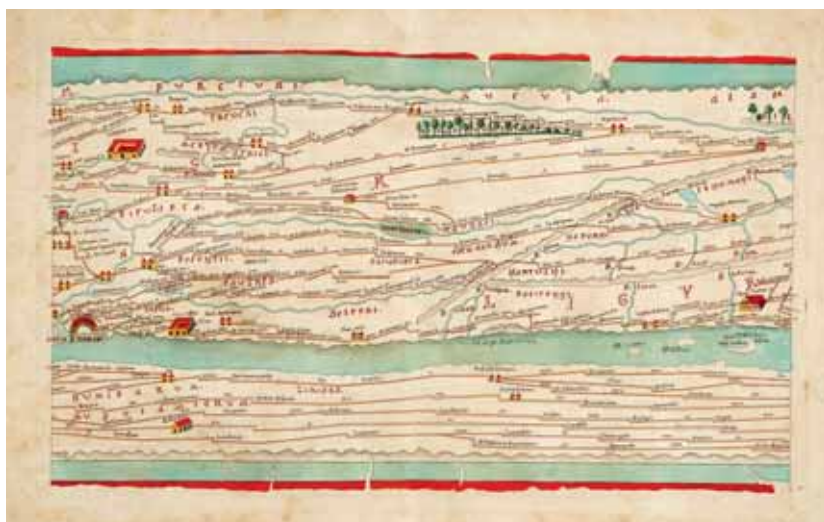


или солидный гарнизон в Тулузе под командованием маршала Жана де Клермона.

Черный Принц и его командиры обязаны были прекрасно ориентироваться на местности и принимать мгновенные решения в зависимости от ситуации. Тут им помогала разведка — эту исключительно важную для государства и военного ведомства структуру весьма чтили еще со времен Древнего Рима. В Средневековье разведка действовала не менее активно, чем сейчас, а то и более, поскольку из «технических средств» разведчик той эпохи для связи мог пользоваться разве что чернилами с пергаментом и голубиной почтой, в крайнем случае — конным гонцом. В остальном же приходилось полагаться исключительно на свою память и наблюдательность.

Схемы шпионажа практически не отличались от современных — разведка была «бытовая» и «стратегическая». В первом случае использовались простые люди, подкупленные или запуганные: показать короткий путь или удобный брод, рассказать, сколько солдат находится в городке, найти колодец, дезинформировать противника или распространить панические слухи. Этим занимались низы общества — бродячие монахи, желающие подзаработать крестьяне или городские подмастерья, небогатые купцы, для которых «деньги не пахнут». Сложнее дело обстоит с людьми высокопоставленными — епископами, банкирами, купеческими прево, аббатами. Они имели доступ к секретным сведениям и могли участвовать в важных советах, а взамен за предательство получать немалые блага — торговые льготы, передачу земельных владений, наконец крупные денежные выплаты.

Тем не менее практически вся средневековая разведка была «любительской», ни в одной стране Европы в XIV веке не существовало отдельного ведомства, специально отвечавшего за этот важнейший государственный институт, — за исключением, пожалуй, Византии, где некогда даже создали



??????

Карл V
 Мудрый
 ????????

собственный военный «спецназ»: подразделения скульптаторов и антецессоров, отвечавших, соответственно, за разведку и рекогносцировку в боевых условиях. Однако история доносит нам слова Жана де Бюэя, современника Жанны д'Арк: *«Государь должен третью часть расходов отдавать на шпионов».*

Конечно, шпионство и измена для дворянина времен Столетней войны являлись делом не просто бесчестным и позорным, а полностью губящим репутацию. Но тут, как говорится, есть нюансы. Частый переход французов на сторону англичан рассматривали как уход от одного сеньора и признание другого сеньора в категориях феодального права — если твой сеньор не выполняет свои обязанности перед вассалом, ты вправе принести оммаж другому, и никто тебя за это не осудит. Вместе с тобой переходят и секреты предыдущего господина, которому отныне ты ничем не обязан, если не дал клятву перед Богом хранить таковые.

Лангедокский набег Черного Принца не имел никакой стратегической цели — только подрыв экономики и торговли



неприятеля, нанесение максимального ущерба и демонстрация силы. Однако это вовсе не означало, что войско вышло в поход по принципу «пойди туда, не знаю куда», — английские командиры отлично понимали, куда именно следует направиться, представляли себе расстояния и не хуже нашего были знакомы с терминами «снабжение», «логистика» и им подобными, хотя звучали они, разумеется, совершенно иначе.

Простой паренек из деревни

После немыслимого поражения при Пуатье и пленения короля Иоанна Доброго казалось, что дни Франции сочтены, но судьба подарила королевству шанс — регентом становится дофин, впоследствии вошедший в историю как Карл V Мудрый, чье правление станет первым проблеском надежды после десятилетий поражений, природных бедствий и утери обширных территорий...

Ранее мы неоднократно касались проблемы устойчивых стереотипов, сложившихся в наши времена о периоде Высокого Средневековья. Вот уж воистину несть им числа — заблуждения касаются самых разных областей жизни, от уровня интеллекта людей того времени до вопросов демографии, гигиены или медицины, каковая, разумеется, отнюдь не блистала выдающимися достижениями, но в отдельных случаях приносила определенную пользу.

Еще один традиционный стереотип можно сформулировать следующим образом: достичь серьезных карьерных успехов тогда мог исключительно человек, принадлежащий к высшим слоям общества, тогда как самому обычному горожанину, крестьянину или бедному неродовитому дворянину пути к славе и важным государственным должностям были закрыты. Судьбу решало происхождение, а не личные таланты.



В какой-то мере это утверждение можно считать справедливым — наличие благородной крови, связей и влиятельных родственников давало куда больше шансов пробиться наверх, но, согласимся, такое положение дел сохраняется и поныне. Тут стоит напомнить, что, к примеру, римский папа Лев III, тот самый, что короновал императорским венцом Карла Великого, являлся сыном городского обывателя, а папа Николай IV был выходцем из анконской фермерской семьи. Сделать блестящую карьеру на церковном поприще мог и простолюдин, поскольку в этой сфере оценивалось не только и не столько происхождение, сколько образование, начитанность и личные способности. Однако и в светских государствах встречались люди, поднявшиеся из самых низов к сияющим вершинам.

Одним из таких счастливиц был Бертран дю Геклен, ставший для Франции национальным героем, стоящим практически на одной ступени с Жанной д'Арк. Заметим, что написание его имени в русском языке разнится: приняты две версии: «Дюгеклен» и «дю Геклен» — мы будем оперировать последней, как калькой с французского Bertrand du Guesclin.



Средневековые миниатюры и надгробный памятник в аббатстве Сен-Дени дают нам возможность сделать выводы о внешнем облике Бертрана дю Геклена: пухлое лицо, высокий лоб с залысинами, коротко постриженные вьющиеся волосы, крупные глаза и невыразительный подбородок. Он был похож на доброго дядюшку-трактирщика, готового принести посетителям добрый стакан бургундского и хорошо прожаренное седло барашка, но внешность, как это нередко бывает, оказалась весьма обманчива...



??? Золотая монета 1364 года с изображением Карла V ??????



Отец Бертрана, Робер дю Геклен, владел крошечным феодалом Ла-Мотт-Брон неподалеку от Динана в Бретани — городок Брон сохранился до наших дней, а тогда он представлял собой очень скромный дворянский замок с окружившими его деревенскими домами. Старшая ветвь этой семьи владела куда более внушительными шато Плесси-Бертран и Мот-Жан, потомки же младшей ветви удовольствовались малым. Робер дю Геклен не был богатым человеком, и его наследства не хватило бы на всех его десять выживших детей — кстати, прекрасный показатель, с учетом высокой детской смертности в ту эпоху.

Французский историк Ив Жакоб в книге «Bertrand du Guesclin: connétable de France» от 1992 года приводит не самые лестные для будущего великого полководца слова трубадура Кувелье из Турне, составившего весьма подробное жизнеописание дю Геклена: «...’enfant le plus laid qu’il y eût de Rennes à Dinan» — «самый уродливый ребенок в Ренне и Динане» — с короткими ногами, слишком широкими плечами и длинными руками, некрасивой круглой головой и смуглой «кабаньей» кожей. Он с детства общался с простолюдинами — кормилица Бертрана была из деревни Брон, играл с деревенскими мальчишками, отдавая много времени физическим упражнениям, характер имел задиристый и драчливый, часто ссорился с матерью и братьями. На первый турнир Бертран попал в 1337 году, в возрасте семнадцати лет, а позже избрал военную карьеру — как пишет Жан Фавье, он сделал войну своим ремеслом «*столь же по необходимости, сколь и по душевной склонности*». Единственное занятие, достойное нищего дворянина из бретонского медвежьего угла!

Бертран дю Геклен выжил во время эпидемии Черной смерти и обратил на себя внимание во время войны за Бретонское наследство между графом Блуасским и домом Монфоров. Сражался Бертран на стороне Блуа, которых поддерживала



Франция. Возможно, его несносные выходки грубияна были частью цельного характера, включавшего почти безрассудную смелость, уравновешиваемую способностями тактика, рассудительностью и хитроумием.

Тем не менее рыцарские шпоры дю Геклен получил лишь в возрасте 35 лет от шателена города Кан Эсташа де Мареса — это можно было считать крупным успехом, поскольку тысячи других дворян, ставших «солдатами удачи», до старости не добивались рыцарского посвящения. Бертран воевал на незначительных должностях в Нормандии и Бретани, позднее, как рыцарь-баннерет (то есть рыцарь, способный вести в бой отряд под своим знаменем), помогает в 1363 году графу Карлу Блуасскому провести летнюю кампанию; затем, 29 сентября 1364 года, участвует в неудачной попытке снять осаду англичан с города Оре — Карл де Блуа в этом сражении погиб, а дю Геклен был вынужден сдаться: его меч переломился.

За предыдущие заслуги энергичный и целеустремленный дю Геклен получает от французского дофина и регента Карла V серьезную должность генерал-капитана всей Нормандии (нечто наподобие военного губернатора). Поскольку Бертран начинал свою военную карьеру с самых низов, этот выбор дофина оказался правильным: под командование дю Геклена попали в том числе и рутьеры, наемники, которым генерал-капитан вовремя выплачивал жалование и раздавал вино, а также лично контролировал набор новых солдат, не принимая в войско совсем уж отпетых маргиналов.

Проблема рутьеров, которым было безразлично, кого грабить, стояла на севере Франции особенно остро, чем и объясняется желание Карла V как можно быстрее от них избавиться, отправив куда-нибудь повоевать — крайне желательно подальше и на возможно больший срок. Тут выдалась



прекрасная возможность избавиться от Карла Наваррского, графа д'Эвре — уже был издан указ о конфискации владений союзного англичанам наваррца, осталось претворить его в жизнь.

Лучшей кандидатуры, чем дю Геклен, не нашлось — он не корчил из себя «безупречного рыцаря» и старался действовать хитростью вместо ударов в лоб и торжественного вызова противника на бой через герольдов. Вполне достаточно внезапного налета, чтобы не дать противнику закрыть городские ворота, устроить западню или напасть на рассвете — это война, а не рыцарский турнир. За десять дней дю Геклен берет крепости Карла Наваррского, позволявшие последнему контролировать судоходство по Сене (а следовательно, и торговлю), и 16 мая 1364 года громит наваррско-гасконское воинство в битве при Кошереле, опять же используя хитрость — ложное отступление, а затем введение в бой двух сотен конных рыцарей, находившихся в засаде, с выходом во фланг и тыл противника.

В апреле 1364 года в Англии умирает плененный при Пуатье король Иоанн II Добрый, Карл V получает корону и дает Бертрану дю Геклену полный карт-бланш и свободу действий для ведения операций в районе Нижней Сены. Кстати, через год, в марте 1365 года, между Карлом Злым и Карлом V де Валуа был заключен договор, сохранявший за наваррцем занятые им нормандские владения, французам же, кроме прочего, отходило графство Лонгвиль, которое вскоре было даровано Бертрану дю Геклену — безвестный бретонский дворянчик становится французским графом, и это притом, что новоиспеченный граф как раз сидел в плену у англичан после упомянутого выше поражения при Оре и ждал выкупа, который вскоре оплатит король...

Можно сказать, что король Франции Карл V Мудрый и Бертран дю Геклен нашли друг друга, составив идеальную



*Бертрана
Дю Геклена
назначают
коннетаблем
Франции*

рабочую пару, — мы как-то упоминали, что первые короли из династии Валуа являлись не столько государственными деятелями, сколько рыцарями, мыслящими и действующими в феодальных категориях безвозвратно уходящей в прошлое системы «вассал — сеньор». Карл, не зря заслуживший свое прозвище, после пленения браво размахивавшего при Пуатье секирой Иоанна Доброго и нескольких лет регентства твердо осознал, что задачи главы государства несколько иные — администрирование, подбор кадров, экономика, дипломатия.



Воевать же должны опытные практики наподобие дю Геклена, который мало походил на идеального рыцаря из куртуазных романов, обладая здоровым цинизмом профессионала — для бретонца война являлась прежде всего ремеслом, а не романтическим приключением. Отсюда и выдающиеся успехи будущего коннетабля.

Вдохновленный пусть и незначительными, но все же победами, в 1365 году Карл V решается на проведение Испанского похода с целью свержения короля Кастилии Педро I Жестокго, уморившего голодом в тюрьме свою нелюбимую жену и родственницу короля Франции Бланку де Бурбон. Кроме этого, на трон Кастилии имелся претендент, симпатизирующий Франции, — сводный брат Педро, Энрике де Трастамара. Командующим назначили Бертрана дю Геклена, поставив ему целью убить сразу трех зайцев — увести из Франции рутьеров, надоевших своими бесчинствами хуже горькой редьки, вывести из игры Карла Наваррского, который сосредоточил бы внимание на событиях в Испании, и, само собой, посадить на кастильский престол ставленника Парижа.

Ради приличия и финансирования от папского престола экспедиции придали вид «крестового похода против мавров Гранады», но все отлично понимали, что истинные намерения французов совершенно иные. Собранное войско выглядело, мягко говоря, экстравагантно. Жан Фавье уверяет нас:

«...Не менее причудливой была армия. В ней рядом с победителем при Кошереле можно было увидеть бывших победителей при Пуатье, таких, как Эшташ д'Обершикур, рутьеров из наваррской армии, расформированной в Нормандии, бывших участников бретонских войн. В общем, странное сборище висельников, наводившее на население такой же ужас, как во времена, когда французский король еще не собрал их вместе. Губернатор Бургундии Жан де Сомбернон даже не хотел их пропускать через свою территорию; он



забыл, что это королевская армия. Вынужденный уступить, он велел “очистить всю провинцию” — иначе говоря, предоставил дю Геклену идти по опустошенной местности. Города Конта-Венессен были переведены на осадное положение».

И снова успех — весной 1366 года Бертран дю Геклен выполнил все поставленные ему задачи, разбил Педро Жестокого, сделал королем Энрике де Трастамара и получил от него в подарок герцогство де Молина — теперь этот безродный простец (вполне заслуженно!) стал не только французским графом, но и кастильским герцогом. Увы, но в ход событий снова вмешались англичане, заключившие в сентябре того же года Либурнский договор, объединивший силы Эдуарда Черного Принца, Карла Наваррского и беглого Педро Жестокого, надеявшегося с помощью англичан отвоевать трон у Энрике. Их армия направилась в Испанию из Бордо, прошла через знаменитый Ронсевальский перевал, где за 600 лет до этого погиб храбрый Роланд, и нанесла поражение войскам Энрике и рутьерам дю Геклена, который в очередной раз попал в плен.

Черный Принц принял дю Геклена как почтеннейшего гостя и увез знаменитого пленника в Бордо, где начали происходить весьма подозрительные странности. Англичане откровенно тянули время, не особо торопясь с назначением выкупа, что было нарушением всех мыслимых рыцарских традиций и дворянской этики — якобы Черный Принц предпочел бы видеть слишком опасного французского военачальника пленником, чем снова сталкиваться с ним на поле боя.

Возмущенный дю Геклен учинил выходку полностью в своем эпатажном стиле — сам громогласно объявил сумму выкупа в 100 тысяч флоринов, что по тем временам было деньгами совершенно умопомрачительными. Вдобавок в высшем



Король
Кастилии
Педро I
Жестокый.
Художник:
Хосе Мария
Родригес де
Лозада.



обществе начали ходить разговоры, наносящие прямой ущерб репутации Черного Принца: будто бы он нарочно удерживает прославленного француза из трусости. Вопрос пришлось незамедлительно решать, причем ситуация выглядела донельзя абсурдно: англичане начали торговаться с дю Гекленом за понижение суммы выкупа. «Что вы, месье Бертран, зачем так много, давайте остановимся на более приемлемых для вашего суверена деньгах!» Как говорят в нынешние времена, дю Геклен окончательно затроллил Черного Принца и его окружение сначала безобразным торгашеством «на понижение» за свою собственную голову, а в итоге поставил всех в тупик окончательным решением: «Я не стою меньше 60 тысяч флоринов, и точка!»

Пришлось соглашаться, лишь бы быстрее избавиться от этого невоспитанного скандалиста — скрывать нечего, Бертран таким был с юности...

В начале 1368 года англичане, явно не без облегченного вздоха, отправили державшего в кармане огромный кукиш дю Геклена из Бордо в Тулузу, а наш хитрец снова достиг своих целей: он сумел хорошенько помотать нервы неприятелю, бросив тень на реноме Черного Принца, а заодно показать королю Франции и будущим потенциальным нанимателям, что стоит действительно очень дорого. Правда, впоследствии дю Геклен возместил всю сумму выкупа Карлу V и поручившимся за него благородным дамам, продав свои земельные владения в Испании королю Арагона Педро IV Церемонному...

Как мы уже сказали недавно, Карл Мудрый был не рыцарем, а политиком, предпочитая рутинную работу чиновника и бюрократа громким подвигам на поле брани. Совместно с дю Гекленом и другими военачальниками королем была выработана стратегия «пассивной обороны» — весь предшествующий опыт Франции в Столетней войне доказывал, что



постепенное отвоевывание территорий с гарантированным финансированием на фоне стабилизации экономики куда лучше решающего сражения, в котором за считанные часы может быть не в лучшую сторону predeterminedo будущее государства — как это произошло при Креси или Пуатье. Дворянство роптало, желая славы и сражений, но слишком горячие головы остудил дю Геклен, заявив на одном из советов следующее:

«...Те, кто говорит о сражении с англичанами, отнюдь не видят опасности, каковая может из того проистекать. Я не говорю, что с ними не должно сражаться, но хочу, чтобы это делалось при нашем преимуществе, как и они хорошо умеют пользоваться таковым, когда дело касается их».

Выйдя с вышеописанным скандалом из английского плена, дю Геклен почти два года воевал в Испании, поддерживая Энрике де Трастамара, а по возвращении в Париж, 2 октября 1370 года, получил из рук Карла Мудрого клинок коннетабля Франции. Говоря современным языком, эта должность была чем-то средним между министром обороны, главнокомандующим и главой совета национальной безопасности.

Выше коннетабля в XIV веке стояли только сам король и принцы крови, а полномочия были самыми обширными. В том же 1370 году дю Геклен командовал операциями в Берри и Лимузене, укрепил Перигор и стал угрожать английским коммуникациям, отрезая пути к отступлению в сторону Гиени. К зиме от оккупантов — а именно так начали воспринимать англичан французы — были освобождены Мэн и Анжу. Весной 1371 года старый противник Валуа, Карл Наваррский граф д'Эвре, принес тесный оммаж королю Франции. Казальсь бы, череда беспрестанных поражений закончилась.

Наконец, в 1372 году дю Геклен вошел в город Пуатье, затем перед французской армией открыла ворота крепость



Гибель
Бертрана
Дю Геклена
при осаде города
Шатоннеф-
де Рандон

Ля Рошель — Франция получила важнейший порт на западном побережье, способный всерьез конкурировать с Бордо, а Карл V даровал амнистию всем местным баронам, ранее поддерживавшим своих северных сюзеренов Плантагенетов. Стратегия методичного вытеснения англичан с занятых территорий продолжала действовать и в дальнейшем: французам покорилась Бретань, но в июне 1373 года англичане устроили показательный набег под командованием принца Джона Ланкастера от Кале до Бордо, сжигая и уничтожая все, до чего могла дотянуться рука. Остановить их дю Геклен не смог.

Здесь нет смысла описывать все сражения и кампании, в которых участвовал Бертран дю Геклен, — его подробные



биографии от разных авторов издавались неоднократно. За десять лет пребывания в должности коннетабля он практически не покидал седла, действуя на всех фронтах Столетней войны — Нормандия, Гиень, Шаранта, Авранш, Бурбоннэ, Жеводан. Умер коннетабль 13 июля 1380 года в походе, во время осады крепости Шатонеф-де-Рандон в Лангедоке, предположительно от скоротечной ангины: дю Геклен выпил в жару холодной воды и слег.

По завещанию, прах следовало упокоить в его родной Бретани, но в летнюю жару тело начало быстро разлагаться, невзирая на все усилия бальзамировщиков. В итоге была применена весьма оригинальная, но распространенная в те времена практика «вываривания» — останки несколько часов кипятились в огромном чане, заполненном смесью воды, вина и специй, плоть отделялась от костей, которые затем были перевезены в Париж и упокоены в усыпальнице французских королей Сен-Дени.

Dilaceratio Corporis — «разделение тела» — считалось исключительно королевской привилегией, и получается, что у Бертраана дю Геклена насчитывалось четыре могилы, из которых уцелели три. Урна с внутренностями находится в церкви Св. Лаврентия в Пюи-ан-Веле, Овернь; сердце — на родине, в Динане; плоть в Монферране (ныне Клермон-Ферран) — эта урна не сохранилась после революционных событий 1793 года. Наконец, остов покоится прямо напротив гробницы, которую Карл V Мудрый приказал подготовить для себя. Даже после смерти король и его первый рыцарь остались неразлучны.

Нескладный деревенский задира прожил долгую и насыщенную самыми невероятными событиями жизнь, в которой было все: громкая слава полководца, победы и поражения, плен и громкие дворянские титулы, но прежде всего — тяжелый труд настоящего профессионала, для которого война была истинным призванием...



Азенкур: все те же грабли

Многие поколения историков продолжают ставший навязчивым спор: как — ну вот как?! — французы на протяжении десятилетий с невероятным постоянством ухитрялись совершать одни и те же ошибки, напрочь игнорируя опыт предыдущих сражений? Доселе ученые мужи таскают друг дружку за бороды, выясняя, почему французское командование, отлично зная о возможностях английских лучников, в очередной раз не учло этот важнейший фактор, отчего вновь было продемонстрировано полнейшее отсутствие дисциплины и организованности в рыцарской кавалерии, как полевая разведка проморгала выдвижение англичан в начальной фазе сражения и так далее до бесконечности...

Но давайте будем последовательны и вспомним предысторию битвы при Азенкуре.

В конце XIV века Францию охватила гражданская война — столкновения шли между герцогом Бургундским Жаном Бесстрашным и его братом, Людовиком Орлеанским. На престоле воссел Карл VI Валуа, с 1392 года страдавший тяжелым психическим расстройством и справедливо получивший прозвище Безумный. В Англии дела обстояли ненамного лучше. Королевство Плантагенетов было ослаблено смутами и восстаниями в Ирландии и Уэльсе, началась очередная война с Шотландией. Хотя большую часть своего правления король Ричард II провел именно в борьбе с Ирландией; после его свержения и воцарения Генриха IV ирландский вопрос еще решен не был, а после восстания Оуайна Глиндур Уэльс на несколько лет вышел из-под юрисдикции Лондона и стал независимой страной. Ко всему прочему, стычки со скандинавами серьезно потрепали британский флот, что также не способствовало активной экспансии на материк.



*«Бал обьятых
пламенем»
Карл VI,
сгрудившийся
под юбкой
герцогини Берри
в середине слева,
и горящие
танцоры
в центре.
Средневековая
иллюстрация
из Хроники
Столетней
войны 14 века.*

На некоторое время в Столетней войне установился период затишья — Англия и Франция занимались своими внутренними делами, временно позабыв о надоевшем и почти бесперспективном конфликте.

В начале XV века ситуация начала меняться. Новый английский король Генрих V решил продолжить славное дело своих предшественников и наконец-то заполучить корону Франции, тем более что соседнее королевство было серьезно



ослаблено непрекращающимся экономическим кризисом и гражданской войной. В 1415 году английское войско высадилось на континенте и осадило прибрежный город Арфлер, как важный опорный пункт на море. Крепость продержалась лишь месяц, после чего одержавшие победу англичане двинулись в сторону Кале на зимовку.

Памятя о поражениях прошлых десятилетий, французы некоторое время не решались давать генеральное сражение в поле, предпочитая отступать под защиту городских стен и отсиживаться в замках. Однако новый коннетабль Франции Шарль д'Альбре, располагая немалым численным превосходством, решил дать англичанам бой, дабы остановить их продвижение по королевству и поднять боевой дух армии.

Первейшей оперативной задачей коннетабля было не допустить отступления противника в сторону Кале под прикрытие мощной крепости и принудить англичан к открытому сражению. Англичане, стоит отметить, помимо того, что серьезно уступали противнику в числе бойцов, были измотаны недавней осадой Арфлера, дизентерией, нехваткой продовольствия и напряженным походом.

Внутрифранцузская политическая обстановка оставляла желать лучшего. Если герцог Иоанн Бесстрашный после известий о взятии Арфлера и марше англичан вдоль реки Соммы к Кале отказался от поддержки короля, запретив своему сыну Филиппу присоединяться к армии, и даже предупредил сочувствующих бургундцам дворян Пикардии, чтобы те не брались за оружие, то герцог Орлеанский привел свой контингент из полутысячи латников и полусотни арбалетчиков. Страна, раздираемая кровавым конфликтом между партиями арманьяков и бургиньонов, вновь не смогла объединиться против внешнего противника...

Численность войск Англии и Франции перед сражением доселе остается гипотетичной. С англичанами все относительно



*Исторические
Хроники
Генриха
Пятого,
миниатюра
1485 года*

понятно — большинство хронистов указывают число в 6–6,5 тысячи человек, из которых около 75 процентов были лучниками без серьезной латной защиты, а все прочие — конные рыцари и небольшое количество пехоты.

Прямо противоположная ситуация складывалась во французской армии, собранной в Руане и отправившейся на Сомму перехватывать войско Генриха V Английского. Традиционно костяк составляла рыцарская тяжелая конница — по разным данным дворян было не менее 10 тысяч, но какая-то часть из них должна была сражаться в пешем строю. Сюда надо добавить огромную массу пехоты, состоявшей из набранных по селам и плохо обученных крестьян, городского ополчения, наемников-рутьеров и солдат городских гарнизонов. Ангерран де Монстреле, пикардийский дворянин, участвовавший в битве и впоследствии ставший летописцем герцогов Бургундии, в подробной книге «Хроника Монстреле» утверждает, будто перед началом сражения французы выстроили 8000 кавалеристов, 4000 лучников



и 1500 арбалетчиков в авангарде и до 700 всадников по флангам, не считая арьергарда.

Эти выкладки считаются некоторым преувеличением, но и сведения хрониста Жеральда из Берри, утверждающего, что французов в общей сложности было всего-то около 10 тысяч, доверия не вызывают. Остановимся на золотой середине, предположив, что против 6 тысяч англичан вышло 13–15 тысяч (не учитывается обоз и прислуга) подданных Карла Валуа и его союзников — в любом случае серьезный перевес в силах был на стороне Франции.

В других условиях кавалерия и огромная масса пехоты смяли бы немногочисленное английское войско за кратчайшее время, но гладко бывает только на бумаге, а овраг оказался выкопан преизрядный. Подвела погода.

Сильные ливни продолжались с 19 октября 1415 года, когда англичане перешли Сомму и начали марш на Кале. Ледяной дождь не прекращался вплоть до вечера 24 октября, когда обе армии встретились. Французская кавалерия построилась и всю ночь провела в седлах — к рассвету и рыцари, и лошади были уже вымотаны до крайности. Земля размякла до состояния густой каши. Англичане, наоборот, были уверены, что находящиеся всего в полукилометре французы не станут атаковать по грязи, это противоречило всем известным правилам воинского искусства, и на ночь поставили палатки, где смогли хоть как-то отдохнуть после тяжелого перехода...

Ветеран сражения при Пуатье, старый герцог Жан I Великолепный Беррийский (через пять дней ему исполнится семьдесят пять лет, а в битве при Пуатье он участвовал в шестнадцать), безусловно, что-то чувствовал и посоветовал отложить битву или выбрать более удобную местность. Ему отказали. Однако Жан Беррийский, памятуя о судьбе своего отца, короля Иоанна Доброго, категорически настоял на том, чтобы ни король Карл Безумный (у него была к тому времени



Герцог Жан Берри покидает Париж, чтобы встретиться с герцогом Бретани, миниатюра 1480-83 гг. ; иллюстрация из Хроники Столетней войны 14 века.

ремиссия, и его величество пока не был подвержен тяжелым психопатическим приступам), ни наследник трона в бою не участвовали. Вероятно, герцог Беррийский тем спас французскую монархию и дом Валуа — особенно если учитывать последствия азенкурской авантюры.

Д'Альбре намеревался заставить противника напасть на его войско, чтобы избежать тактической ошибки Креси, когда англичане успели укрепиться на холме, недоступном для тяжелой французской конницы. Французы стояли на пути неприятеля, выжидая атаки, так как время играло им только на руку: у англичан заканчивалось продовольствие, а идти, кроме Кале, им было попросту некуда.



Утром англичане построились в три отряда с выстроенными треугольником на флангах лучниками, причем центральным отрядом командовал лично Генрих V, правым крылом — герцог Йоркский, левым — лорд Кэмойс. Чтобы защитить лучников от французской конницы, англичане приготовили острые деревянные колья и вкапывали их в землю, создавая некое подобие частокола — при атаке рыцарский конь наткнулся бы на острие. Прошедший ливень сыграл на руку — в мокрую землю вкапывать колья было значительно легче. Фланги англичан тоже были защищены: лес Трамкур справа и селение Азенкур слева. В тылу остался незащищенный обоз. Считается, что в лесу Генрих спрятал какое-то количество лучников и всадников, но это маловероятно, учитывая невеликую численность его войска.

С рассветом 25 октября стороны подготовились к битве и стояли друг против друга, выжидая активных действий противника. Напряженная пауза заняла порядка четырех часов, пока Генрих не решился на первый шаг. У англичан было крайне мало шансов на победу при атаке, но еще меньше у них было времени. Продвинулись англичане недалеко, ровно на дальность полета стрелы из длинного валлийского лука. Под град стрел попал авангард французов, состоящий из пехоты, которая ничем не могла ответить лучникам на такой дистанции. Арбалетчики остались в тылу, и у них также не было возможности быстро контратаковать, вдобавок стрелки попросту не видели, что происходит впереди, за авангардом.

Французам, или не заметившим выдвижение противника, или не принявшим его во внимание, осталось перейти в наступление как можно быстрее, смять лучников и ликвидировать основную угрозу. Кавалерия двинулась с флангов, увязая в грязи и теряя лошадей. Началась резня, упавших с коней всадников безжалостно добивали, о пленении речь пока не шла.



?????
 «Пейтингерова
 таблица»
 1825 года
 ?????

В бой пошли коннетабль д'Альбре и герцог Орлеанский. Спешенные рыцари с трудом передвигались по размякшей почве, навстречу им двигались отступающие всадники из первой волны атаковавших, топчущих свою пехоту. Дворяне в тяжелых доспехах вынуждены были преодолеть не менее 300–400 метров по жидкой грязи, прежде чем вступить в рукопашную, шпоры и обувь вязли в глине, на близком расстоянии убойная сила лучных стрел возрастала.

На подмогу первой линии французов подошла вторая, битва разрасталась. Д'Алансон смог пробиться к Генриху Английскому, сражающемуся в первых рядах. Генрих отбил атаку французского графа, натиск ослаб, и англичане увидели третью волну неприятеля, продвигающуюся к бою среди грязи и трупов.

Тогда английский король пошел на запредельно отважный и наглый поступок. Он направил к французам посла



с сообщением, что готов их пощадить и милостиво позволяет им покинуть поле боя. Рыцари д'Алансона, видя, какая участь постигла авангард, на это предложение согласились. Из оставшегося на поле боя французского воинства на англичан напали лишь де Фокамбер и Изамбер д'Азенкур с небольшими отрядами, причем второй атаковал незащищенный английский обоз, к которому уже направили плененных французов, которых могли освободить соотечественники. Узнав об этом, Генрих приказал убить пленных — английский рыцари не согласились на это по двум причинам: очевидное нарушение правил войны и боязнь потерять богатый выкуп. Французских рыцарей расстреляла из луков чернь, что было абсолютно невымыслимо в прежние времена...

Жан Фавье пишет:

«...Гекатомба французского рыцарства, начавшись под стрелами, была завершена мечами и топорами английских латников, которым их диспозиция дала возможность всем вместе атаковать французскую "баталию", неповоротливую из-за слишком тесного построения. В большинстве французцы не могли даже развернуться, чтобы использовать свое оружие. Это было не сражение, это были давка и резня.

К вечеру земля была усеяна трупами. Среди убитых было и несколько англичан, в том числе герцог Йорк, двоюродный дед короля Генриха V. Но в битве погибли тысячи французов: оба брата Иоанна Бесстрашного — герцог Антуан Брабантский и граф Филипп Неверский, герцог Иоанн Алансонский — потомок Карла Валуа, Эдуард, герцог Барский. Погиб и коннетабль Шарль д'Альбре, граф де Дре. Он отчасти нес ответственность за стратегическую ошибку, какой было это боевое построение».

Ошибкой было не только боевое построение, заставившее рыцарство биться в условиях «бутылочного горлышка» под роем стрел. Коннетабль не учел ни рельефа местности, ни



погодных условий, ни состояния почвы после долгих дождей, ни усталости армии. Потеряв лошадей, многие рыцари вместо того, чтобы продолжать битву в липкой глине, предпочитали сдаться, рассчитывая на последующий выкуп, однако многие погибли после приказа Генриха перебить пленных. Справедливости ради отметим, что английский король, поразмыслив, распорядился прекратить расстрел связанных французов, но приказ или не пришел вовремя, или был проигнорирован.

Так или иначе, данный инцидент оставил на репутации Генриха несмываемое пятно. Пожалуй, это был первый прецедент в истории феодальных войн, когда коронованная особа распорядилась не просто уничтожить пленников, но еще и сделать это руками простолюдинов, из которых набирались лучники. Законы рыцарской войны были самым бесстыдным образом попорчены.

Впрочем, в этот день повезло и нескольким французам — те, кто успел добраться до незащищенного обоза победителей и впоследствии удрать, немало поживились на грабеже. Исчезла даже корона Генриха V, и судьба венца доселе остается неизвестной — видимо, мародеры ее распилили, а камни впоследствии продали.

Как ни странно, серьезных военно-политических последствий эпическая победа англичан при Азенкуре не вызвала. Генрих V решил, что для кампании 1415 года будет вполне достаточно взятия Арфлера и уничтожения значительной части французского рыцарства, а потому после благополучного прибытия в Кале сел на корабль и 19 ноября отплыл в Англию. Столетняя война вновь взяла паузу — на два года.

Поражение в борьбе с внешним врагом крайне негативно отразилось на обстановке в самой Франции, катализируя процессы гражданской войны — герцоги Бурбонский и Орлеанский попали в плен (к принцам Генрих проявил толику уважения), психическое состояние короля Карла после азенкурской катастрофы вновь ухудшилось до полной



недееспособности, старик Жан Беррийский впал в тяжелейшую депрессию и через несколько месяцев умер, королева Изабелла Баварская пребывала в состоянии растерянности, а восемнадцатилетний наследник трона, Людовик, герцог Гийенский, скончался в декабре этого же года от острой дизентерии...

Назрел опаснейший династический кризис.

Единственным уважаемым, влиятельным и опытным политиком во Франции остался герцог Бургундии Жан Бесстрашный, яростный противник партии арманьяков, ставивших на династию Валуа. Год спустя Жан Бургундский предлагает дружбу и помощь английскому королю, признавая за ним и его наследниками право на французский трон, назвав Генриха тем, кто *«...по праву король Франции, и тех, кто по праву будут королями Франции»*.

Судьба страны не просто повисла на волоске. Этот волосок был перерублен клинком Бургундца. Де-факто независимая Франция прекратила свое существование, осталось оформить это положение де-юре.



ЖАННА

На грани окончательного краха

После определенной стабилизации положения Франции в Столетней войне при короле Карле V Мудром и последующем воцарении Карла VI Безумного королевство в итоге вновь оказалось в положении, которое даже критическим назвать сложно — скорее оно было безнадежным. К череде проигранных битв наподобие Креси и Пуатье добавилось поражение при Азенкуре, в стране началась гражданская война между бургиньонами и арманьяками, а когда в Англии династия Ланкастеров сменила Плантагенетов и утихла междоусобица, англичане, не желавшие отказываться от претензий на французскую корону, вновь вторглись на материк.

Мы не станем описывать долгую и сложную историю конфликта бургиньонов и арманьяков, внутренних неурядиц и распрей во Франции, а потому ограничимся констатацией факта: по договору в Труа от 21 мая 1420 года наследником французского трона и преемником Карла VI Безумного назначился король Англии Генрих V Ланкастер, законный наследник дофин Карл де Валуа от трона отстранялся, в Париже при поддержке бургундцев обосновался французский наместник, а после неожиданной смерти короля Генриха V регент — Джон Ланкастер, герцог Бедфорд.

Все это означало, что Франция полностью потеряла независимость и перешла во владение английской короны. Разумеется, дофин Карл договора в Труа не признал, бежал из Парижа и основал свой двор в городе Бурж при поддержке



южных областей Франции. Положение дофина несколько облегчалось тем, что после смерти Генриха Английского королем стал младенец Генрих VI, до совершеннолетия и коронации которого должны были пройти долгие годы. Ключевое слово здесь — «несколько», ибо «буржский королек» практически не располагал реальной военной силой, а его призрачное королевство было готово рухнуть — хватило бы одного решительного удара, который англичане не преминули нанести.

Главнейшей стратегической точкой на карте фронтов Столетней войны к 1428 году стал город Орлеан, все еще находившийся под контролем верных дофину Карлу сил. Переоценить значение Орлеана крайне сложно — владевший городом контролировал дороги на юг и юго-запад. Если бы англичане перешли реку Луару и соединились с войском в принадлежавшей им Гиени, то открылась бы перспектива широкого наступления в южные провинции. Оборонять их правительство в Бурже за отсутствием серьезных укреплений не могло. Словом, взятие Орлеана и, главное, каменного моста через реку означало для остатков Франции Валуа стратегическое поражение и окончательную потерю государственности.

Летом 1428 года регентский совет под председательством Бедфорда принял решение любой ценой захватить Орлеан и перейти Луару. В Кале высадилась армия под командованием графа Солсбери, которая в октябре подошла к городу, попутно захватив крепости на Луаре, а сам Бедфорд со ставкой переехал из оккупированного Парижа в Шартр — поближе к месту действия. Началась осада, к которой французы успели подготовиться. 21 октября граф Солсбери скрытно переправил на противоположный берег небольшой отряд, захвативший форт Ла Турель, прикрывавший мост. Французский командующий, Жан бастард Орлеанский, впоследствии более известный как граф Дюнуа (титул он получил только



Карл VI нападет на своих товарищей в порыве безумия; иллюстрация из Хроники Столетней войны 14 века.



в 1439 году), приказал разрушить несколько пролетов моста, и город остался без подвоза продовольствия. Впрочем, положение англичан было ничуть не лучше: снабжение оказалось из рук вон плохим, на дорогах было беспокойно, в окрестностях орудовали отряды сторонников дофина и партизаны из числа крестьян, которым английские грабежи давно стояли поперек горла.

В феврале 1429 года произошла так называемая «Битва селедок» — попытка французов перехватить обоз из трехсот телег с провиантом, отправленный из Парижа в помощь осаждающим. Как верно заметил историк Жан Фавье, закончилась эта история тем, что французы опозорились, а осаждающие ничего не выиграли:

«...Карл Бурбон, граф де Клермон, стоял с армией в Блуа. Он решил перекрыть путь селедочному обозу — как говорили, из трехсот подвод, — который Фастольф вел к Орлеану для пропитания осаждающих во время поста. Но Карл имел глупость бросить в бой своих шотландцев, не дождавшись вылазки орлеанцев, на которую мог рассчитывать и знал, что может. Англичане успели заметить его приближение и укрепились близ Рувре-Сен-Дени, укрывшись за подводами. Конница графа де Клермона стала посмешищем, дав себя перебить среди перевернутых бочонков с сельдями... Горожане остались одни, едва смея надеяться, что придет новая армия, чтобы снять с города осаду. Моральный дух упал ниже некуда. Осада не могла длиться вечно. Теперь защитникам не хватало провизии и боеприпасов. Но они знали, что капитуляция — это резня, пожар, грабеж».

Тем не менее Дюнуа начал раздумывать о сдаче города, хотя отлично понимал, каковы будут последствия — англичане волной выкатятся на юг и запад, в Аквитанию и Лангедок, соединившись со своими силами в Гиени, а «буржское



королевство» закончит свои дни в позоре. Дофин Карл, в это время находившийся в Шиноне, тоже потерял последнюю надежду — среди окружения принца все чаще раздавались голоса о необходимости немедленного бегства в Шотландию или Кастилию, а это означало бы окончательную гибель Франции и исчезновение королевства из мировой истории.

Вот на таком безнадежном фоне и начали происходить невероятные, фантастические странности, связанные с никому не известной девушкой из деревни Домреми.



Можно с уверенностью сказать, что феномен Жанны д'Арк абсолютно уникален — *никогда ни до, ни после ее внезапного появления*, подобного вспышке сверхновой на небосклоне мировой истории, сопоставимых событий не происходило. Да, мир видел беззаветных героев и творящих чудеса святых, но они не вызывали столько споров, сомнений и вопросов, как Жанна. Дискуссия о том, *что же это было в действительности*, ведется практически шесть веков, то утихая, то снова разгораясь.

Жанне посвящены десятки книг и исследований, от сухих и скучных биографических трактатов до конспирологических сочинений, но точного ответа на приведенный выше вопрос так и нет. Поставить финальную точку в «деле Жанны д'Арк» мешает нефакторизуемая переменная — признаваемый даже скептиками-материалистами элемент мистики, частица сверхъестественного, несомненно, присутствовавшая в событиях, развернувшихся весной 1429 года и завершившихся костром в Руане 30 мая 1431 года.

Может возникнуть вопрос — зачем в сотый раз поднимать историю Жанны в свете всех предыдущих изысканий, когда весь ее путь от деревни Домреми до площади в Руане расписан едва ли не поминутно? Проблема заключается в том,



что большинство исследователей опирается на голые факты: Жанна пошла туда, Жанна сказала это, Жанна сделала то, из чего проистекли такие-то события, — не слишком обращая внимание на мифологический и религиозный менталитет людей начала XV века. Без учета средневекового образа мыслей рассматривать историю Жанны бессмысленно. Давайте сделаем попытку выяснить, на каком фоне совпало несколько уникальных факторов, без которых победа Франции в Столетней войне была бы практически невозможна...

Кто она такая?

Самая главная странность во всей этой истории состоит в том, что появление Жанны случилось очень вовремя — ни годом раньше, ни годом позже: в 1428 году надобности в «сверхъестественном» еще не было, в 1430 году оказалось бы слишком поздно. Жанна д'Арк прибыла ко двору отчаявшегося дофина в тот самый момент, когда судьба Франции была предрешена, опоздание даже на полтора-два месяца привело бы к непоправимому.

Второй момент — традиционно о Жанне говорят как о «крестьянской девушке», но и тут имеютсястораживающие детали. Разумеется, о дворянском происхождении будущей национальной героини Франции и речи не шло (конспирологические версии мы отмечаем), но семья была весьма и весьма зажиточна: отец, Жан д'Арк, владел немалым наделом земли (около 20 гектаров) с пашней, лугами и лесом, содержал большое стадо овец и даже взял в аренду у местного сеньора небольшой замок Иль, где можно было складировать шерсть и зерно, а в случае военной опасности укрыть домашний скот.



Стефан Лохнер. "Святые Матвей, Екатерина Александрийская и Иоанн Евангелист", 1450.



Мод Адамс (1872-1953) как Жанна д'Арк
Худ.: Альфонс Муха, Дата: 1909

Мать, Изабелла Роме де Вутон, происходила из семьи обеспеченных ремесленников, двое ее ближайших родственников были священниками, а прозвище Роме (римлянка), по мнению исследователей, происходит от того, что Изабелла некогда совершила паломничество в Рим — для обычных крестьян или горожан в то время дело крайне редкое.

В семье было пятеро детей, при этом Жанна, скорее всего, была самой младшей. От французского историка Оливье Анна известно и об одном умершем ребенке. В условиях очень высокой детской смертности периода XV века пять выживших детей из шести — прекрасный показатель сам по себе: это подразумевает нормальное питание и хороший уход. В целом можно говорить о том, что Жанна не была «темной деревенщиной» и воспитывалась во вполне благополучной социальной среде.

Она могла выучиться не только пасти овец, но и хорошо ездить на лошади (что впоследствии очень пригодилось), общаться с дворянами, останавливавшимися в доме отца на постой, и постоянно посещать приходскую церковь, слушая



проповеди священников — и это не считая родственников матери, трудившихся на церковном поприще. То есть, до 16–17 лет круг общения Жанны составляли не только крестьяне, но и представители других сословий. Тем не менее сохранившиеся документы показывают нам, что латынью Жанна не владела.

Пункт третий: общеизвестная «мистическая» составляющая — первые «голоса», принадлежащие архангелу Михаилу, святой Екатерине Александрийской и святой Маргарите Антиохийской Жанна начала слышать ориентировочно в 12–13 лет — необходимо уточнить, что это возраст полового созревания и гормонального сдвига. Все это происходило на фоне «тотальной войны» как образа жизни уже нескольких поколений — война была неизбежным злом, неотступным, неотвратимым и постоянным.

Деревня Домреми ощущала это на себе в полной мере — в 1425 году какие-то рутьеры угнали весь скот, но домашних животных удалось отбить с помощью соседского сеньора и его вооруженных людей. В 1428 году на Домреми напала шайка бургиньонов, и жителям пришлось спасаться бегством и укрываться в расположенной в 10 километрах к югу маленькой крепости Нефшато (кстати, и Домреми, и Нефшато существуют по сей день). Деревню разграбили, приходская церковь сгорела. Разговоры о войне велись постоянно, хотя бы потому, что перед обитателями Домреми стоял вопрос



Художник: Карло Кривелли,
Св. Екатерина Александрийская



выживания. Несомненно, это также оказало существенное влияние на Жанну — по показаниям всех знавших ее лично современников, девочку очень впечатлительную и набожную.

Четвертое: непременно следует учитывать фактор абсолютной религиозности человека того времени. Ни агностиков, ни атеистов тогда не существовало — в той или иной мере веровал каждый. Господь Бог, святые и их чудеса, пророчества — все это не подлежало не то что сомнению в существовании, но и самому минимальному оспариванию или критике. Столь же глубок был и мифологический менталитет — чудесное, невероятное, сверхъестественное было самой обыденной частью жизни. Святые мощи исцеляли от золотухи, равно как и возложение рук короля. Наравне с христианскими чудесами были живы (будем честны, как и сейчас) реликты язычества — совсем рядом с домом Жанны бил ключ, считавшийся «источником фей» еще с кельто-римских времен, там же росло старое «дерево фей». И источник, и дерево фигурируют как в обвинительном заключении по делу Орлеанской девы, так и в воспоминаниях современников как нечто само собой разумеющееся и естественное.

Слово Жоржу Шюффару, буржуа из Парижа, присутствовавшему на суде:

«...Дама Жанна, по прозванию Дева, часто наведывалась к некоему красивому источнику в лотарингской земле, который звала добрым-ключом-фей-господа-нашего; в указанное место сходились все обитатели этой земли, страдающие лихорадкой, дабы там получить исцеление. Туда же часто ходила указанная Жанна-Дева, там под высоким деревом, которое тенью своей укрывало источник, являлись ей святая Катерина и святая Маргарита и говорили ей, чтобы она шла к некоему капитану, чье имя ей будет указано».



Волшебный источник, заметим, существует в Домреми доселе.

Еще одна особенность Средневековья — очень быстрое индуцирование толпы идеями харизматичного и красноречивого лидера. Сейчас это называется «массовым психозом», но по тем временам это было явление вполне заурядное — достаточно вспомнить движение флагеллантов-бичующихся или «детский крестовый поход» 1212 года, когда внезапно тысячи детей и подростков бросили дома и семьи и отправились «освободить Святую землю». Одновременно двум мальчишкам, французскому пастушку Стефану из Клуа и немцу Николасу из Колони, неожиданно «явился Иисус»; оба начали страстно проповедовать и в итоге собрали больше 30000 детей, из которых затем вернулись домой лишь немногие. Выдающийся итальянский писатель и медиевист Умберто Эко так описывает один из случаев индуцирования и массового психоза в XIV веке:

«...В окрестностях Тулузы громадныя силы пастухов и немущих объединялись, дабы совместно пересечь море и перебить врагов истинной веры. Их прозвали пастушатами. На самом деле они, скорее всего, мечтали оказаться подальше от распроклятой родины. Имелось два вожака, проповедовавших лжеучение: священник, за непотребства отлученный от церкви, и монах, изгнанный из братства Св. Бенедикта. Эти двое сумели так отуманить мозги толпе простофиль, что те, все побросав, рысью помчались за ними, и даже шестнадцатилетние мальчишки удирали от родителей с посохом и сумой, без денег, махнув рукой на отчие наделы, и сбивались в стада, и шли за проповедниками многотысячной толпою».

Подобных примеров по тем временам не счесть — их сотни, большего или меньшего масштаба; иногда такого рода движения ограничивались одной деревней, но, бывало,



охватывали и целые провинции. Достаточно было некоего громкого события (чума, землетрясение) или красноречивого проповедника, полностью уверенного в своей правоте, и при наложении на религиозное сознание с мистическим менталитетом вспыхивало пламя.

Мы придерживаемся мнения, что в случае с Жанной произошло сопоставимое событие — Франция и французы в отчаянии ждали божественного, мистического избавления. Сила была готова выплеснуться, огонь разгореться. Детонатором стало появление Девы из Домреми — были ли слышимые Жанной голоса истинными или являлись плодом ее воображения, мы никогда не узнаем, но она проповедовала то, что давным-давно ожидали услышать французы: Господь Бог с Францией и он направил Деву для избавления от захватчиков.

Жанна не была ни великим полководцем, ни мудрым политиком, но она мгновенно, за считанные дни, стала *Божественным Символом*, в который уверовали все — от обреченного на изгнание дофина до распоследнего нищенствующего монаха. Был дан знак свыше, а о том, как именно это произошло, мы поговорим ниже.

Как мы уже упоминали ранее, Столетняя война, по сути, началась не в 1337 году, а гораздо раньше — в середине XII века, когда легкомысленная и любвеобильная Алиенор де Пуатье, великая герцогиня Аквитанская, развелась со своим скучным и угрюмым первым мужем Людовиком VII Капетингом и вскоре вышла замуж за привлекательного и бравого Генриха, графа Анжуйского, которому спустя год после свадьбы помогла отвоевать корону Англии.

В отношениях двух королевств сложилась невиданная прежде в системе феодального права ситуация — король Англии стал вассалом короля Франции, поскольку одновременно являлся великим герцогом Аквитанским, а королем в Аквитании был именно Людовик.



Марина (Маргарита) Антиохийская, великомученица



Потомки Генриха и Алиенор унаследовали Гиень, которая на ближайшие столетия стала английским форпостом на континенте, а в Бордо правил герцог, в котором никто не видел чужестранца. Может быть, он и носил корону где-то там, за проливом, но говорил на французском языке, почитая английский «варварским», его пращурь были французами-анжуйцами, а на верхней ступени феодальной лестницы над герцогом стоял король Франции.

Неожиданное замужество прекрасной Алиенор привело к множеству конфликтов между родственными династиями Плантагенетов и Капетингов, начавшихся практически немедленно, отчего «столетняя» война вполне справедливо может именоваться «трехсотлетней». Филипп-Август воевал с Генрихом и Ричардом Львиное Сердце, Карл IV учинил с Эдуардом II «войну за Сен-Сардо» в 1324–1327 годах — этот территориальный спор, закончившийся боевыми действиями, становится громким прологом к началу собственно Столетней войны.

Так или иначе, со времен Алиенор и до конца XIV века «Трехсотлетняя война» не выходила за рамки трений между феодалами, основанных на феодальном же праве, феодальных отношениях и феодальном образе мыслей с освященной временем схемой «сеньор — вассал». Если угодно, это можно назвать «конфликтом хозяйствующих субъектов», совершенно непонятным для обычного горожанина, мелкого землевладельца или дворянчика из захолустья. Англичане тогда не воспринимались как оккупанты или захватчики, территории переходили от одного сеньора к другому, а француз он или британец — дело совершенно не принципиальное. Воевали не за страну и не за нацию — воевали за сеньора, посорившегося с другим сеньором.

Ситуация начала меняться во второй половине XIV века после рейдов Эдуарда Черного Принца, имевших единственную



цель: грабеж и устрашение населения. Если раньше солдата-грабителя ненавидели только за то, что он мародер, то теперь добавился второй пункт — ему желали смерти и за то, что он англичанин. Положение до крайности осложнилось после договора в Труа, по которому Карл VI Безумный де Валуа передавал права на корону Генриху Английскому в обход дофина, и когда после смерти обоих королей в Париже обосновался регент герцог Бедфорд. А теперь давайте взглянем на весьма примечательный 12-й пункт договора в Труа:

«...Также указанный сын наш [подразумевается Генрих V. — Прим. авт.] властью своей обязуется в кратчайшие сроки подчинить и привести к повиновению нам все и каждую из крепостей, городов, местечек, замков, земель и людей, каковыя будучи подданными нашими, отказывают нам в повиновении, таким образом показав себя мятежниками, и держат сторону партии, каковая в просторечии именуется дофинской или арманьякской».

Таким образом, выходило, что все противники договора, сохранившие верность дофину, автоматически были записаны в мятежники, а «подчинить и привести к повиновению» означало, что новая власть была вправе проводить «полицейские акции» на всей неоккупированной территории Франции. Вдобавок Бедфорд начал относиться к Франции как к своей собственности — повышались налоги, шедшие в военный бюджет, английским лордам раздавались французские земли, на ключевые посты ставились коллаборационисты, прозванные «лжефранцузами». Характер войны для французов бесповоротно изменился: феодальный конфликт становился национально-освободительной войной, а англичане воспринимались отныне только как оккупанты и захватчики — в пламени Столетней войны рождалась французская нация...



Выше мы достаточно подробно обсудили исторический и психологический фон, на котором случилось неожиданное и невероятно своевременное появление Жанны д'Арк. Хотелось бы еще раз подчеркнуть — появление до крайности странное, поскольку ожидавшаяся сдача осажденного англичанами Орлеана означала скорую гибель тех остатков Франции, что еще признавали призрачную легитимность дофина Карла — который, будем справедливы, являлся недостойной короной слабой фигурой: нерешительный, подверженный унынию и внешнему влиянию. Он никак не мог стать знаменем борьбы за независимость Франции. Жанна пришла ни на день раньше, ни на день позже — казалось, ее действительно направляет сила Божественная...

Жанна в Вокулере

Путь Жанны из Домреми к дофину простым не был. «Голоса» она слышала с подросткового возраста, но до времени никому о явлении архангела Михаила и святых Екатерины с Маргаритой не рассказывала.

Примерно в 20 километрах к северу от Домреми находилась крепость Вокулер, командовал которой капитан Робер де Бодрикур, родственник Гийома бастарда Пуатье и будущего графа Дюнуа. Жанну первый раз видели в Вокулере практически ровно за год до громких событий под Орлеаном — история сохранила дату: 13 мая 1428 года, праздник Вознесения. Явилась Жанна в Вокулер в сопровождении дяди Дюрана Лаксара — предположительно, брата матери, трудившегося на церковном служении, тихого провинциального кюре.

Дадим слово крупнейшему, пожалуй, специалисту по данной теме, основательнице исследовательского центра Жанны д'Арк в Орлеане Режи́н Перну:



Михаил Архангел, Архистратиг



Явление святых Екатерины и Михаила Жанне д'Арк (левая часть триптиха «Жизнь Жаннги д'Арк») Автор: Штильке, Герман Антон. 1803-1860, дата: 1843 г. Государственный Эрмитаж.



«...Бертран де Пуленжи видел, как она разговаривала с Робером де Бодрикуром, капитаном Вокулера. Она-де говорила, что послана ему волей Господней для того, чтобы он передал дофину: нужно стойко держаться и не вступать в сражение с неприятелем, ведь не пройдет еще и половингы поста, как Господь придет на помощь... Нимало не смущаясь раздававшимися со всех сторон насмешками и шутками, Жанна говорила, что королевство принадлежит не дофину, но Господу, и что Господь желает, чтобы дофин стал королем и получил королевство из его рук, и что, хотя ли того враги или нет, дофин станет королем, и она сама поведет его на миропомазание».

Бодрикур, человек военный и занятой, отнесся к девушке из Домреми с крайним скепсисом, невзирая на весь религиозный менталитет человека Средневековья. Надо же, святые этой деревенщине являлись, представьте себе! Жанну вполне предсказуемо выставили вон без всякого сочувствия, еще и обидно обсмеяв.

Вернулась она через девять месяцев, в феврале 1429 года, в самом начале Великого поста, и снова потребовала встречи с капитаном — с тем же, впрочем, успехом. На этот раз Жанна сдаваться не собиралась и поселилась вместе с дядей Дюраном в Вокулере у каретника Руайе, а главное — она начала проповедовать, сообщая всем встречным, что послана Богом для спасения дофина и Франции. К дому каретника начали стекаться любопытствующие, чтобы взглянуть на странную девушку, к которой, по ее уверениям, приходили архангел и святые жены во плоти...

Как раз 12 февраля неподалеку от Орлеана состоялась описанная недавно «Битва селедок», и, по сообщениям современников, Жанна предсказала это сражение и его исход — несмотря на то, что от Вокулера до места событий больше 300 километров по прямой. Бодрикур повел себя солдатски прямолинейно: следовало немедленно выяснить, что



представляет собой девица из Домреми и, главное, не одержима ли она бесом. Для обряда экзорцизма был приглашен приходской священник, но кюре одержимости не нашел и заверил капитана, что Жанна обычная девушка, чистая и религиозная...

Тут подвернулся счастливый случай: Жанну пригласил к себе герцог Карл II Лотарингский, принц крови, имевший резиденцию совсем неподалеку от Вокулера — в Сен-Николяде-Пор к югу от города Нанси. Тяжелобольной герцог услышал распространявшиеся с молниеносной быстротой слухи о некоей мистичке и решил, что Жанна — целительница, но она сразу заявила, что к лекарскому ремеслу не имеет ни малейшего отношения, а его светлости следовало бы не обманывать впредь жену.

Тут никакого ясновидения не потребовалось — было общеизвестно, что Карл Лотарингский предпочел законной супруге любовницу. Герцог оказался столь обескуражен безапелляционностью и прямотой Жанны, что не стал гневаться, а подарил ей несколько золотых безделушек, пожал плечами и отправил обратно в Вокулер.

После приема у Карла Лотарингского отношение Бодрикура к Жанне окончательно изменилось к лучшему. Он и так провел краткое расследование в своем шателенстве, выяснив, что девушка из Домреми происходит из уважаемой зажиточной семьи, ни в чем дурном прежде замечена не была, одержимостью, как его уверил кюре, не страдает, а самое главное — имеет почти невероятное влияние на уmonoстроения людей.

По округе все громче начали ходить разговоры, будто исполняется старинное пророчество, по которому Францию погубит женщина, а спасет непорочная дева — под женщиной подразумевали, конечно же, королеву Изабеллу Баварскую, подписавшую катастрофический договор в Труа, ну а дева...



Дева — вот она!

Люди, давно ожидавшие чудесного спасения, стали безоговорочно верить, что Дева действительно послана высшими силами. Робер де Бодрикур наконец сдался — Жанна твердила (тому есть множество документальных свидетельств), что обязана предстать перед дофином до середины Великого поста, иначе будет слишком поздно — что характерно, она ничуть не ошибалась; отпущенное Франции время стремительно истекало.

Бодрикур принял решение отправить Жанну в Шинон, где тогда находился двор принца, с шестью сопровождающими. По своему желанию Жанна переоблачилась в мужскую одежду — в данный момент никто не обратил и малейшего внимания на этот факт, который впоследствии будет стоить Жанне земной жизни: в мужской одежде гораздо удобнее ехать верхом. Провожала Жанну и ее крошечный отряд немалая толпа жителей Вокулера, к воротам вышел и капитан де Бодрикур, видимо, все еще испытывавший некоторые сомнения.

История сохранила его слова: «Иди, иди, и будь что будет».

*«Спасение может прийти
только от меня!»*

От Вокулера до Шинона конным ходом немногим более четырех сотен километров, но прямо летают только птицы. Стараясь передвигаться в основном ночью, чтобы избежать встречи с англо-бургундцами, отряд добрался до цели за 11 дней — точно известно, что Жанна побывала в Осере и Сен-Катрин-де-Фьербуа, южнее города Тур. В Шиноне отряд остановился на постоялом дворе.



Спутников Девы продолжали терзать сомнения, примет ли Жанну дофин, но сама она была неколебимо уверена, что встреча состоится. Два дня она находилась в городе, вызывая массовое любопытство жителей от простолюдинов до дворянства, и, конечно же, проповедовала: Жанна своих целей не скрывала. Представители инквизиции, находившиеся в Шиноне, проповедям не препятствовали и выступления Жанны перед людьми не запрещали. Это тоже показатель.

Дальнейшие события общеизвестны: Карл принял Деву вечером второго дня пребывания в Шиноне. Ее пожелали испытать, выдав за принца другого человека, но Жанна безошибочно определила, кто здесь настоящий Валуа, и заявила Карлу: *«Именем Господа я говорю тебе, что ты истинный наследник Франции и сын короля. И Он послал меня, чтобы привести тебя в Реймс»*.

Безусловно, эти слова мало напоминают божественное откровение — но здесь надо учитывать атмосферу безнадежности, царившую тогда при дворе дофина.

Как мы уже упоминали, в окружении Карла все чаще ходили разговоры о бегстве в дружественные Кастилию или Шотландию, или же в провинцию Дофине с центром в Гренобле. Военное положение оставалось беспросветным, в победу никто не верил, воля к сопротивлению была окончательно потеряна. Фавье пишет, что слова Жанны, безусловно, потрясли «буржского короля», который отлично знал, что лишен наследства, а его честь опорочена слухом о незаконнорожденности. Сыграло роль и рекомендательное письмо старого и проверенного вояки капитана де Бодрикура, обстоятельно описавшего все предшествующие события.

Мистика мистикой и рекомендации рекомендациями, но дофин и его окружение должны были быть абсолютно уверены, что Жанна — именно та, за кого себя выдает, более того — что за ее чудесными видениями и голосами святых



не стоит сила *иная*, которую к ночи не поминают. Религиозное сознание XIV века полностью признавало существование волшебного, чудесного и потустороннего — человек, не верящий в ведьм, мог оказаться в поле зрения инквизиции хотя бы потому, что это было совершенно ненормальным, как если бы сейчас на полном серьезе кто-то стал утверждать, будто земля плоская.

Двор развил лихорадочную деятельность — легковверных простачков среди последних приверженцев Карла де Валуа не было. Дофин поверил ей после того, как Жанна якобы открыла ему «тайну, о которой не знал никто, кроме Бога», — по легенде, она повторила Карлу его личную молитву, которую он никогда не произносил при посторонних.

Но этого было мало. В Домреми немедленно отправили «следственный комитет» из монахов-францисканцев — выяснить биографию Девы. Саму Жанну переправили в Пуатье, чтобы она ответила на хитроумные вопросы ученых-богословов, и она с этим блестяще справилась. Наконец, Жанну осмотрела опытная повитуха, которая свидетельствовала, что та не мужчина и девственница. Последнее утверждение для тех времен было весьма существенным: считалось, что посланница дьявола, ведьма, не может получить колдовскую силу без соития с нечистым. Наконец, Дева совершенно очаровала молодого герцога Жана Алансонского, который стал ее безоговорочным сторонником.

Суд богословов и университетских профессоров в Пуатье вынес вердикт:

«Мы доложили обо всем в Королевском совете, и мы пришли к единому мнению, что, принимая во внимание настоящую необходимость безотлагательных действий и опасность, которой подвергается город Орлеан, король может принять ее помощь и послать ее в Орлеан».



Перевести это на современный язык можно так: Орлеан и так практически потерян, почему бы не позволить Деве Жанне попытаться? Тем более что после всех чудес при дворе в Шиноне отправиться с ней под Орлеан выразили желание многие дворяне, от упомянутого Алансона до столь спорной личности, как Жиль де Ре...

Желание Девы исполнилось — она отправилась под Орлеан, где произошло очередное чудо...



При всем массиве исследовательской информации по тематике Жанны д'Арк, чье появление в мировой истории было невероятно кратким, но исключительно ярким, мы доселе больше не знаем, чем знаем об Орлеанской деве.

Дата рождения гипотетична — традиционно называется 1412 год, но в папском декрете, после причисления Жанны к лику святых, записана другая дата — 1409 год, и, возможно, это более правдоподобно, поскольку католическая церковь весьма скрупулезно работает с документами, касающимися вопроса канонизации той или иной персоны.

Не сохранилось ни единого прижизненного портрета Жанны, если таковые вообще существовали — единственный рисунок, датируемый 10 мая 1429 года, принадлежит перу впечатлительного секретаря парламента Парижа, когда в город пришли воистину сенсационные известия о том, что сторонники дофина сняли осаду с города Орлеана.

Разумеется, видеть Жанну лично господин секретарь никак не мог, хотя бы потому, что Париж находился под властью англо-бургундцев, отчего дал волю фантазии — на не слишком умелом рисунке мы видим длинноволосую женщину в складчатой юбке, с мечом и знаменем, тогда как Жанна носила мужскую одежду и была коротко стрижена, о чем нам



Видение Жанне д'Арк. Автор: Сав, Гастон, 1893. Государственный Эрмитаж.



дружным хором докладывают многочисленные свидетели из ее окружения.

Сохранившиеся описания внешности не менее скупы. Волосы Жанны были темными, глаза карими, рост высоким — по тем временам, конечно. В упоминавшемся ранее исследовании Тюбингенского университета «The biological standard of living in Central Europe during the last 2000 years» от 2005 года, сделанном на основе измерений 9447 скелетов из 314 могил, включая общие захоронения, указывается, что средний рост человека эпохи XIV–XV веков составлял 167 см у мужчин и 157 см у женщин, то есть «высокая» Жанна д'Арк вполне могла быть ростом 170–175 сантиметров.

Центральный же вопрос — личность Орлеанской девы, которую мы можем воспринимать исключительно через призму воспоминаний ее современников и документы как обвинительного следственного дела, так и последующего процесса по реабилитации.

Причем здесь есть одно существенное «но» — судебные документы являются не подробной стенограммой высказываний Жанны, а бюрократическими записями, которые скорее отражают отношение представителей церковного суда к обвиняемой, чем доносят до нас мысли Девы. Доктор исторических наук и современный российский медиевист Ольга Тогова точно сформулировала суть проблемы:

«Значительно сложнее понять, кем она была на самом деле и кем она сама себя считала. На эти вопросы, как мне кажется, мы никогда не узнаем ответов, мы не увидим Жанну «в действии», не услышим ее собственных слов. Сохранившиеся от XV века документы не могут дать нам полное представление о том, как она сама оценивала собственные поступки и прежде всего тот выбор, который она сделала, оставив свой дом и семью, привычный деревенский уклад, отказавшись от замужества и всю себя посвятив делу войны».



Еще больше вопросов вызывает окружение Жанны и исторические личности, ей симпатизировавшие, помогавшие и направлявшие. Среди них были весьма странные, если не сказать зловещие персонажи, которых вряд ли можно представить в числе приближенных будущей святой.



С этим человеком мы недавно познакомились. Он был молод, хорош собой и невероятно богат. К моменту знакомства с Жанной Жилью де Монморанси-Лавалю, барону де Ре, исполнилось 24 года — по меркам средневековья это возраст расцвета и перехода от юности к зрелости. По отцовской линии Жиль де Ре приходился внучатым племянником одному из величайших полководцев Столетней войны, Бертрану дю Геклену. Он унаследовал фантастическое состояние, площадь его земель превосходила владения герцога Бретонского, а семья контролировала едва ли не половину солеварен Бретани и, соответственно, получала баснословный доход на экспорте этого невероятно ценного по тем временам продукта.

Мы помним, что Жиль де Ре некоторое время содержал на свои средства «буржского королька» и финансировал военные операции, поскольку со средствами у дофина Карла дела обстояли крайне скверно, а барон являлся пусть и не самым убежденным, но все-таки арманьяком, не жалевшим средств для сеньора. Наконец, благодаря деду и опекуну, Жану де Краону, Жиль де Ре получил блестящее образование. Он читал по меньшей мере на латинском и древнегреческом языках и увлекался коллекционированием книг, собрав богатую библиотеку — явление довольно редкое для рыцарства XV века с его огрубевшими за десятилетия войны нравами. Одновременно с этим Жиль показал себя отличным военным, безупречным рыцарем и человеком абсолютно бесстрашным.



Вот такой добрый молодец был представлен ко двору дофина ориентировочно в 1427 году, когда коннетаблем Франции (точнее, того, что от Франции осталось после договора в Труа) становится Жорж де Ла Тремуиль, коему барон де Ре приходился отдаленным родственником. Дальнейшее общеизвестно — стремительная придворная карьера, участие вместе с Жанной д'Арк в Орлеанском деле и битве при Патэ, коронация дофина в Реймсе, звание маршала Франции в 25 лет.

Однако в 1432 году политическая и военная звезда Жюль де Ре заходит, он удаляется в свои владения, где занимается сочинительством и даже театром — по его заказу пишется «Орлеанская мистерия», восхваляющая подвиги Жанны и, конечно же, ее соратников. Потом он окружает себя алхимиками и магами, якобы занимается чернокнижием и демонопочтением, а в 1440 году попадает под суд по обвинению в серьезных убийствах, содомии, колдовстве и прочих вопиющих негодяйствах. Приговор был обвинительным, Жюль де Ре казнили в Нанте 26 октября 1440 года, спустя десятилетие после его прощания с Жанной...

Второй из ближайших соратников Жанны, гасконец Этьен де Виньоля, сеньор де Куси по прозвищу Ла Гир (Гнев), был полным антиподом утонченному и образованному Жюлю де Ре, который — вы только вообразите — читал книжки! Пожалуй, более отгалкивающего персонажа в окружении дофина Карла не было: по всем сообщениям современников, к Ла Гиру применительна единственная характеристика — отпетый висельник. Именно Виньолю, по легенде, принадлежит замечательный афоризм, полностью в духе его характера: *«Будь Господь солдатом, он бы тоже грабил!»*

Ла Гир не умел ни читать, ни писать, отличался феноменальным талантом к сквернословию, характером был совершенно необуздан и свиреп, пленительной внешностью не обладал, сильно хромал — он остался инвалидом после нелепого



случая, когда на него в одном из грязных постоянных дворов обвалилась печная труба, сломав в нескольких местах правую ногу. Классический типаж рыцаря-разбойника!

После сожжения Жанны в Руане Ла Гир устроил бургиньонам персональную месть, на протяжении нескольких лет нагромоздив буквально штабеля трупов — Дева ничего подобного явно не одобрила бы, но Виньолю не рефлексировал: он стал карающим мечом Франции. Весной 1429 года, с появлением Жанны в Шиноне, этому рубаке было около сорока лет — а столь почтенный возраст с учетом беспрестанных сражений означает одно: он был профессионалом исключительно высокого класса, способным выжить в любой критической ситуации.

Загадка личности Жанны д'Арк состоит и в том, что Дева практически моментально сумела очаровать столь разных людей как Жиль де Ре и Ла Гир. Если Дюнуа, герцог Алансонский или Потон де Сентрайль, шедшие вместе с Жанной к Орлеану, являлись в общем-то обычными для своей эпохи людьми, то эта парочка на общем фоне выделяется слишком контрастно — особенно с учетом того, что мы знаем о бароне де Ре и Этьене Виньоле.

Ла Гир так и вообще оказался одним из первых, кто признал в Деве божественный знак, символ, поверил в нее совершенно искренне — а этого головореза и мародера, заметим, трудно назвать человеком романтичным и тонко чувствующим.

Жанна заставила Виньоля сходить к исповеди, хотя к церковным обрядам он относился без особого пиетета; наконец, Жанна, относившаяся к сквернословию и богохульству совершенно нетерпимо, простила ему пошлейшую двусмысленность — Дева клялась древком своего знамени, Ла Гир перенял эту манеру и тоже начал клясться своим «древком».

Тот факт, что Жанна имела на столь буйного типа серьезное влияние, неоспорим, но абсолютно непонятно, как и почему



Жанна. ловек интересовался колдовскими знаниями с юности, а следовательно, его притягивало все, связанное с «потусторонним». Не в этом ли секрет его увлечения Жанной, в котором, впрочем, как и у Ла Гира и остальных, не было ни малейшего оттенка сексуальности?

Ну а если предположить, что все те ужасы, которые Жиль де Ре якобы совершил в следующее десятилетие (желающие могут поинтересоваться устрашающими подробностями

наемник, для которого убить человека было столь же просто, как высморкаться, безоговорочно ей поверил и смирил свой жутковатый норв. Точнее — уверовал в Деву, что, впрочем, совершенно не помешало ему впоследствии безжалостно выпускать кишки бургундцам в качестве кровавой вендетты за сожженную Деву.

Еще более сложная ситуация складывается с Жилем де Ре в свете его дальнейшей деятельности и предъявленных обвинений. Хорошее образование тогда включало обязательный курс богословия, и в целом бретонский барон должен был неплохо разбираться в религиозных тонкостях, умея отличить мошенницу от потенциальной святой.

Больше того, увлечение Жиль де Ре оккультизмом и алхимией (вполне доказанное очевидцами) подразумевало, что молодой че-



обвинения по его делу самостоятельно), реальны хотя бы на четверть, то что же получается? Жанна, которой даже скептики не отказывают в большем или меньшем даре ясновидения, не сумела разглядеть в нем монстра? Следовательно, не такая уж она и святая? Или наоборот — Жиль де Ре через десять лет стал жертвой сфальсифицированного обвинения? Последняя версия тоже существует и подробно обсуждается исследователями.

Тут будет небезынтересно упомянуть о заключении, данном комиссией богословов в Пуатье, куда отправили Жанну вскоре после появления в Шиноне:

«...В ней, Жанне, не нашли ничего злого, но только добро, смирение, девственность, благочестие, честность, простоту. Хозяева, у которых она жила, Жан Рабате и его супруга, подтверждают, что каждый день после обеда она долгое время проводила на коленях в молитве, а иногда молилась и ночью и что она часто ходила в домашнюю часовенку, где подолгу молилась».

Что характерно, эта запись сделана не благоговейными почитателями Жанны наподобие Жилия де Ре или Ла Гира, а людьми, в чью сферу профессиональной деятельности входила обязанность дать для государственной власти ясную и не требующую двойных толкований характеристику девушки из Домреми — это были не склонные к сантиментам церковные бюрократы, многие из которых участвовали в инквизиционных процессах и отлично представляли свою личную меру ответственности в случае ошибки.

Но и тут мы видим на редкость единодушное мнение — Дева Жанна представляет собой едва ли не идеал христианского служения. Обмануть этих прожженных специалистов, десять собак съевших на поприще определения одержимости и точно знавших критерии добра и зла в понятиях церковного



права XV века, было невозможно. Значит, и на них «волшебство» Жанны оказало воздействие?

Задействуем принцип Оккама — самое простое и рациональное объяснение некоего феномена является самым верным. Что дофин, что господа де Ре, Виньоль, Дюнуа или Алансон, что священники в Пуатье столкнулись с беспримесной чистотой веры, без малейшей тени лукавства или притворства. Искренность всегда вызывает доверие и симпатию, тем более что «массовое бессознательное» французского общества того периода жаждало миракля, чуда, мистического избавления. Накладываем все это на религиозный менталитет, на мнимые или истинные видения Жанны — и получаем Орлеанскую деву, «*Госпожу Надежду*», как обозначила это явление французская исследовательница Режи́н Перну.



Но, может быть, объяснение этого невероятного феномена лежит в другой, более близкой для нас сфере? В области психиатрии? Комментарий по этой теме нам предоставил практикующий невролог М. Вастьянов, чье заключение мы и приводим ниже.



Почти шесть веков разделяют нас с Девой Жанной, а специалистов продолжает волновать тема ее психического здоровья. Что за видения она испытывала? Являлись ли они симптомами психического расстройства, социально обусловленным феноменом у психически здоровой женщины того ультрарелигиозного времени — или же ловким политическим PR-ходом?



Посмертная психиатрическая экспертиза — вещь сложнейшая и неблагодарнейшая. Самого обследуемого уже давно не существует на этом свете, опираться приходится на свидетельские показания, а очевидцы, как известно, частенько, приукрашивают или лгут.

Это же касается и исторических документов — не в наше время начата тема исторического ревизионизма, не нами и кончится. Существует множество статей и монографий, посвященных психическому здоровью Орлеанской девы. Среди отечественных специалистов первым свое заключение попытался сделать знаменитый русский психиатр и ректор Варшавского университета П.И. Ковалевский в начале XX века.

Приведем обширную цитату из его труда «Психиатрические эскизы из истории»:

«В основе галлюцинаций лежало мистическое настроение Жаннги, недостаточное образование, твердая вера в предрассудки, предания и суеверия, общее настроение политическое, общественное бедствие, крайне беспокойная жизнь и искреннее желание осуществления того, что случилось. Ближайшею причиною появления галлюцинаций, можно думать, было утомление молитвою и строгий пост.

Жанна глубоко верила в действительность своих галлюцинаций и предана была им до сожжения на костре. Была ли эта вера следствием расстроенного сознания душевнобольного или же проявлением суеверия и недостаточного умственного развития?

Несомненно, Жанна не была душевнобольною, и умственное состояние и сознание ее были вполне нормальными; если же она слепо и беспредельно верила в священное происхождение ее голосов и, соответственно тому, в свое божественное посланничество, то потому, что это совпадало с ее глубокою верою в Бога, Пресвятую Деву, ангелов и святых, с ее беспредельною любовью к отечеству,



глубокою преданностью королю и безграничным желанием помочь общему несчастью. Не следует забывать, что Жанна — крестьянская девочка, жившая в захолустье еще в XV веке...

При таком взгляде на жизнь и видения нет ничего удивительного, что она смело шла и к царедворцам, и к королю, и в битву, и на суд, и на костер. Все, что ни делалось, делалось по воле Божией, а она Его слуга и избранница.

Более интересное и менее понятное явление в Жанне д'Арк — дар предвидения и предчувствия. История передает несколько фактов из жизни Жаннги. Трудно определить, что в передаваемом было правдой и что вымыслом. Со своей стороны мы можем сказать, что такие явления предчувствия, несомненно, существуют. В основе их лежит частью та тонкая чувствительность, которая присуща лицам мечтательным и с живым воображением, частью область бессознательного, и ныне для нас мало выясненного и понятного. Высокая степень мечтательности, крайнее воображение и богатейшая фантазия, бесспорно присущие Жанне, много способствовали быстроте и живости сообразительности и проникновению в такие жизненные уголки, которые для строгой хладнокровной логики остаются непроницаемыми, остальное могло быть дополнено тою бессознательною деятельностью, которая и ныне нам малодоступна.

Мы не имеем основания утверждать, что Жанна была истерична, но тем не менее, несомненно, она обладала необыкновенно живою, чуткою и одухотворенною природою.

Ничего святого не было в видениях и предвидении Жаннги, но она была свята своею жизнью и своими делами».

Итак, Жанна психически здорова, но имеет личностную акцентуацию по истероидному типу, скажет современный специалист. Такие люди действительно склонны к мистике, переменам настроения, жаждут прославиться и могут, при соответствующем культурном базисе, даже убедить себя



и окружающих в реальности своих переживаний, даже взять их в качестве знамени.

Может ли такая личность повести за собой полки? Да запросто. Недавние примеры известны — Фидель Кастро и Че Гевара, также выросшие в католическом социуме. Некий кубинец, проживший на Кубе всю эпоху Кастро, сформулировал свое видение проблемы следующим образом: «Брат Фиделя, Рауль — хороший администратор, но его не сильно уважают на Кубе. Нам нужен такой, как Фидель, нервный, заводящий толпу, оратор и трибун. За таким мы пойдем. За администратором — вряд ли».

Католический бэкграунд Жанны весьма важен, и мы обратимся к нему еще не раз.

Самую, пожалуй, сенсационную версию выдвинули в середине 90-х отечественные специалисты: «Ее заболевание проходит на генетическом уровне и называется синдромом тестикулярной феминизации Морриса. Женщина с таким диагнозом обладает необыкновенной физической силой. Причем внешне она может оставаться очень привлекательной — стройной, высокой и статной. Ко всему прочему следует добавить, что в экстремальных ситуациях женщины с синдромом Морриса проявляют просто фантастический героизм, не укладывающийся ни в какие стандартные понятия. Детородный орган — женская матка — при синдроме Морриса отсутствует. Влагалище представляет собой как бы глухой карманчик длиной всего лишь несколько сантиметров. На месте женских яичников расположены мужские яички».

Удивительно дело. А вдруг Жанна на самом деле — Жан? К сожалению, вопрос о «видениях», о какой-то не очень мужской слезливости и экзальтации как-то остался за кадром. При синдроме Морриса не описывается обязательной сопутствующей психической патологии. Больные вполне адекватны и социально адаптированы.



А если предположить, что Жанна была талантливой авантюристкой (авантюристом с синдромом Морриса?!), что же получается в свете этой версии? «Видения и голоса» были тщательно продуманы и надлежаще представлены публике, а политические деятели Франции XV века ловко уцепились за Жанну, используя в своих целях и выбросив, когда отпала надобность? Однако сомнительно, чтобы авантюристка, обладавшая такой степенью цинизма, одновременно столь яростно боролась бы за дисциплину и набожность в своей армии.

Воля ваша, господа теоретики, не срастается. Но — пижон с полки за оригинальность.

Сразу несколько иностранных авторов считают «голоса» и «видения» Жанны симптоматикой куда более серьезного психического заболевания: шизофрении. В принципе, любой врач в первую очередь будет думать о таком диагнозе.

Однако шизофрения, по современным воззрениям, имеет много разновидностей, иногда отличающихся по симптоматике весьма и весьма значительно. Мы сразу должны отметить классическую клиническую картину т. н. синдрома Кандинского — Клерамбо, сопровождающуюся специфическими псевдогаллюцинациями по типу «на меня воздействуют синими лучами инопланетяне». В католическом социуме судьба таких пациентов была короткой и еще более печальной, чем у Жанны: «грешником овладели демоны». К слову говоря, именно такое признание у Жанны и вырвали на суде, используя изошренную провокацию.

Кроме того, классическая форма шизофрении быстро приводит к серьезным изменениям личности — пациент отрывается от реальности, погружается в себя, перестает следить за собой, серьезно меняется мышление и даже речь: странные слова, нелепые идеи. Никаких подобных инцидентов в предыдущих этапах жизни Жанны не появлялось, да



Жанна д'Арк. Миниатюра второй половины XV в.



и галлюцинации ее были яркими, образными, сценopodobными.

Аналогичные «видения» встречаются в двух случаях: в конце XX века чешский невролог И. Лесны вывел гипотезу о том, что Жанна страдала одной из форм эпилепсии — так называемая парциальная эпилепсия. Приступы при данной форме не приводят к потере сознания, но могут ощущаться больным именно как видения, часто сюжетные, связанные и неотличимые от реальности. Некоторые больные при таких видениях могут начать действовать в реальности согласно сюжету видений. Так и Жанне в период подобных приступов могли являться святые и ангелы, общаться с ней, открывать ей некую истину.

Подобные приступы бывали и у иных известных деятелей истории — и у Юлия Цезаря, и у пророка Мухаммеда, и именно они снискали для эпилепсии старинное наименование «священной болезни». Отчего развилась эпилепсия? Легкая форма менингита в детстве, например. Травма черепа, включая банальное сотрясение мозга.

Второй же вариант, заподозренный некоторыми западными специалистами, — это все же шизофрения. Но — более редкая ее разновидность, так называемое шизоаффективное расстройство. Оно вполне может давать яркие сценopodobные галлюцинации, так называемые онейроидные, сноподобные. При этом личность пациента практически не изменяется, не разрушается мышление, пациент мягок, добросердечен, равнодушен (а классическая шизофрения в первую очередь приводит к полному равнодушию!), хорошо адаптирован в социуме и критичен к своим галлюцинациям — считает их проявлением болезни. Если это современный пациент, конечно.

Девушка из средневекового общества такие вещи вряд ли будет считать чем-то иным, нежели мистическим откровением,



а стало быть — социальной нормой. Кроме того, при шизоаффективном расстройстве часты перепады настроения, такие же, как при маниакально-депрессивном психозе: пациент то изумительно бодр и готов вести полки за собой (и водит!), то слезлив и мрачен духом (известно, что Жанна частенько проводила дни в слезах и молитвах!).

О чем еще можно упомянуть — о сексуальной сфере. Многие специалисты пытаются найти разгадку Жанны именно в этой области. Существуют версии о врожденном заболевании половых органов, из-за чего Жанна не была способна к зачатию и деторождению — однако эта теория, скорее всего, надуманна. Если вернуться к католическому бэкграунду Жанны, то отсутствие сексуальных связей ничем выходящим из ряда вон не являлось, женское монашество и обет безбрачия были широко распространены. Психиатр Джеймс Гринблатт выдвигает версию о эндокринной патологии, вероятно микроаденоме гипофиза, у Жанны — это объясняет и ее относительно высокий рост, и низкое либидо, и даже галлюцинации, смыкаясь здесь с вышеизложенной версией И. Лесны: доброкачественная опухоль головного мозга вполне себе способна вызывать приступы с галлюцинозом.

Так чем же могла болеть Жанна? Установить это сейчас невозможно, и возможным не станет до изобретения машины времени. Останки для проведения генетической экспертизы не сохранились. Мы даже не имеем ни одного собственноручно написанного ею документа, ни личного письма, и даже стенограммы допросов вряд ли являются дословными. Все факты мы принимаем только со слов очевидцев.

Посмертная психиатрическая экспертиза — вещь неблагодарная. Лучше верить в чудо, каковым Жанна и являлась — для своего столетия...



Однако вернемся из врачебного кабинета в позднесредневековую Францию.

После краткосрочного визита в Пуатье Жанну перевозят обратно в Шинон, а от двора дофина в Тур. Следует распоряжение Карла де Валуа: «...изготовить для Девы доспехи, подходящие для ее тела», сиречь снять мерку и выковать броню по размеру Жанны.

Архивное дело в XV веке было развито ничуть не хуже, чем сейчас, и сохранившиеся казначейские записи докладывают, что за доспех оружейному мастеру Жану Дюпюи следовало 100 полновесных турецких ливров — даже с учетом инфляции сумма немалая. Мы помним, что золотое содержание турецкого ливра составляло 8,27 г чистого золота или примерно 490 г серебра, то есть броня Жанны обошлась дофину примерно в 820 г золота. Одновременно было заказано знаменитое знамя Жанны д'Арк, надевавшееся на копейное древко. Возникли проблемы с оружием — еще в Вокулере капитан Робер де Бодрикур подарил Деве самый обычный меч, для обороны от возможного нападения в дороге. Однако Жанна потребовала отправить гонца в местечко Сен-Катрин-де-Фьербуа, где останавливалась на пути в Шинон.

Цитируем летописи:

«...Она знала от своих голосов, что меч находился там, и она никогда не видела человека, который отправился за названным мечом. Она написала священникам церкви этого городка: возрадуйтесь тому, что меч будет у меня, и пришлите его мне. Меч закопан неглубоко и, как ей казалось, за алтарем; впрочем, точно она не знала, за или перед алтарем. Она сказала также, что как только меч будет найден, священники этой церкви должны почистить его, и ржавчина сразу же исчезнет; а поехал за мечом оружейный мастер из Тура».



Отличительным признаком клинка являлись пять выгравированных на нем крестов — любой знакомый со средневековой геральдикой человек сразу определит, что это за знак: герб Иерусалимского королевства крестоносцев, основанного в 1099 году. Символика очевидна — Жанна собиралась в свой крестовый поход. Еще одна из многочисленных и малообъяснимых странностей, сопровождавших появление Девы.

Вскоре Жанна отправляется в Блуа, где собиралась королевская армия и где ее ждали верившие в миссию Девы соратники, включая Жиля де Ре и невоздержанного на язык Ла Гира...

Повторимся: невзирая на сотни книг, диссертаций и исследований по данной тематике, наши знания о Жанне весьма ограничены — нет портретов, отсутствуют подробные описания внешности, дата рождения в точности не определена, хронология событий 1429–1431 годов разнится. Скажем больше — даже с ее именем имеются определенные затруднения: современники никогда не называли Деву непосредственно Жанной д'Арк — впервые это имя появляется спустя 15 лет после костра в Руане, во время процесса по реабилитации, с написанием «quondam Johanna Darc».

В те времена было принято добавлять к имени название местности, откуда происходили предки или родился сам, а также название родового владения — с частицей de («из»): де Бурбон, де Валуа, де Ре. Это не было строго дворянской привилегией, а потому какой-нибудь портной или гуртовщик Жан родом из Труа имел полное право называть себя Жан де Труа.

Были широко распространены прозвища, достаточно вспомнить мать Жанны, Изабеллу Роме, «римлянку», получившую добавление к имени якобы после паломничества к святым местам Рима. Топонимическая же приставка звучала как де Вутон, а местечек с таким названием в Лотарингии



два — Вутон-О и Вутон-Ба, оба расположены в 7–8 километрах к северу от родины Жанны, деревни Домреми. Сама Жанна на процессе упоминала, что обычно в Лотарингии девочки до замужества носят фамилию матери — кстати, это невероятно древний пережиток матриархата, традиция, вероятно, еще доримских времен.

Таким образом, формально Дева должна была именоваться в документах как *Жанна де Вутон*, но такое сочетание не встречается ни в одной из сохранившихся архивных бумаг. Сама Жанна всегда и постоянно именовала себя «Дева», чему есть множество подтверждений — письма-предупреждения к англичанам, «манифесты» к жителям городов, обращения к дворянам, написанные секретарем под диктовку. Прозвание переняли и ее противники наподобие герцога Бедфорда, епископа Кошона или герцога Бургундского: «так называемая Дева», «именующая себя Девой», «та, которую в народе называют Девой».

Итак, написание «Дарк» появляется лишь в середине XV века. Тогда не использовали апостроф, и потому оруженосец Жанны Жан д'Олон именовался Долон, а герцог Алансонский — Далансон. Общераспространенная ныне формула «Орлеанская дева» так и вообще появилась двести лет спустя, в 1630 году, когда парижский теолог Эдмон Рише издает первую подробную биографию нашей героини с названием «История Жанны, Орлеанской девы» — с тех пор и повелось...

Друзья и соратники в повседневном общении обращались к ней по имени или прозвищу — *la Pucelle*, Дева.

Взглянем с высоты минувших веков на район города Блуа, где в апреле 1429 года собиралась армия дофина. С Жанной, отправившейся туда из Шинона, пошло много добровольцев, причем, надо заметить, далеко не все из них разделяли воодушевление и оптимистический настрой барона де Ре, капитана Ла Гира или герцога Жана Алансонского.



Бесспорно, активная поддержка Жанны со стороны принца крови и одного из самых блестящих рыцарей двора дофина Карла дала немало плюсов репутации Девы, но, по сообщениям летописцев, большинство было настроено скептически. Считалось, что война так или иначе проиграна, положение Франции бесперспективно, казна практически пуста, Карл де Валуа лишен права наследования, Париж под контролем английского регента. Жан Фавье мимоходом замечает, что многие шли за Девой из соображения «будь что будет, а попытаться надо». Пускай это и самая последняя, отчаянная попытка, которая ничего не изменит к лучшему.

Дальнейшие события превзошли любые, самые смелые ожидания. 28 апреля 1429 года собранная армия численностью около 6–7 тысяч человек выступила из Блуа к Орлеану...

Крепость на Луаре

Древнеримский Аврелианум еще во времена цезарей играл существенную роль в торговле провинции Галлия, не был брошен жителями в течение Темных веков, а при «Каролингском возрождении» IX века становится крупнейшим церковным и образовательным центром. К эпохе Столетней войны Орлеан превращается в важнейший стратегический объект, как в военном, так и экономическом плане — город запирает дороги на юг, к принадлежащему англичанам Бордо, а равно является крупнейшим портом на реке Луаре.

Французские короли конца XIV и начала XV веков отлично понимали значение этой крепости и потратили колоссальные средства на оборонительные сооружения Орлеана — город окружала стена общей длиной 2600 метров, имелось пять ворот с подъемными решетками, а также 32 башни высотой



7–10 метров по периметру стены. На стенах была размещена артиллерия (очень инновационно и прогрессивно!), в качестве дополнительных фортификационных сооружений имелись ров, частокол и земляной бруствер. Взять город с налета было практически невозможно.

Английский регент, герцог Бедфорд, поставил в 1428 году задачу взять Орлеан любой ценой, не считаясь с потерями и материальными затратами. Тут дело даже не столько в ценности города как военного объекта и контроле над речной торговлей. Главным сокровищем Орлеана являлся каменный мост через реку — с учетом своенравия часто разливавшейся Луары и невозможности для войска форсировать реку в нужный момент, Орлеанский мост позволял стремительно перебрасывать армию любой численности с севера на юг.

Соединение же оккупированных англичанами областей в Нормандии, районе Парижа и Артуа с Гиенью окончательно ставило крест на и так уже исчезающе маленькой Франции династии Валуа. После взятия Орлеана Бедфорд мог бы вести наступление на Аквитанию и Лангедок, где практически отсутствовали серьезные крепости, способные не то что остановить, но даже задержать англичан.

Мост был длиной около 400 метров, с разводным пролетом у городских стен. Находился он примерно там же, где расположен мост Георга V в современном Орлеане. В центре моста, у пятого пролета, опиравшегося на островки посреди Луары, стояла бастида Сен-Антуан, а на противоположном берегу реки небольшая крепость Ла Турель, прикрывавшая вход на мост. Вокруг города, по обоим берегам была выстроена система внешних форгов.

Осада Орлеана началась 12 октября 1428 года, к 24 октября англичане взяли крепость Ла Турель, а отступившие защитники взорвали примыкавший к ней пролет моста. В следующие месяцы осаждающие вели строительство собственных



Жанна д'Арк верхом, из рукописи 1505 года.



укреплений вокруг города, осажденные, в свою очередь, до конца ноября применяли тактику выжженной земли — сиречь во время вылазок разоряли и сжигали предместья Орлеана, чтобы не позволить английской армии перезимовать.

Любопытнее всего было то, что у англичан не хватало сил для полной блокады города, и восточные Бургундские ворота были открыты едва ли не постоянно, что позволяло подвозить в Орлеан продовольствие и получать подкрепления. Предположительно, к появлению Жанны в апреле 1429 года гарнизон Орлеана состоял из 400 латников и 550 стрелков. Численность англичан доселе твердо не установлена — называются цифры от 2500 до 10000, но, скорее всего, истина лежит где-то посередине: 4000 англичан и 1000 бургундских союзников.

Пожалуй, это была самая странная осада Столетней войны. Для решительного штурма у англичан недоставало сил, поэтому пришлось ограничиться тактикой частичной блокады и изматывающих обстрелов. Обе стороны страдали от недостатка продовольствия — «Битва селедок» являлась банальной попыткой французов перехватить продовольственный обоз неприятеля. Следующий обоз, посланный Бедфордом, разграбили партизаны из числа окрестных крестьян.

Подвоз в город провизии и боеприпасов также оставлял желать лучшего, начинался голод. Жан, бастард Орлеанский (впредь мы его будем именовать Дюнуа, как и принято в исторической традиции), вместе с капитаном Потоном де Сентрайлем уже не видели альтернативы капитуляции, в результате чего начали рождаться удивительные планы — к примеру, просить герцога Бургундского сменить англичан в качестве осаждающих и сдаться ему, поскольку сдача людям Бедфорда почти автоматически подразумевала резню и разграбление города. Бургундец согласился, но получил категорический отказ английского регента.



Внезапно из Шинона пришли известия, будто к дофину прибыла некая девушка, утверждающая, что она послана Богом. Дюнуа с несколькими рыцарями выбирается из осажденного Орлеана и идет навстречу собранной в Блуа армии...

Все, кто любит меня, за мной!

Формально Блуаским воинством командовал маршал де Буссак, относившийся к числу скептиков. Военный совет с наиболее опытными капитанами постановил: выбрать безопасную дорогу по левому берегу Луары — Жанну, настаивавшую на том, чтобы ее вывели напрямую к английским укреплениям, не послушали, причем совершенно зря: войску пришлось вернуться в Блуа, поскольку переправиться на правый берег вместе с обозом на виду у неприятеля было невозможно.

Жанне под горячую руку попадает Дюнуа, которого Дева строго отчитывает за бестолковость плана, затем Орлеанский бастард предлагает Жанне немедленно направиться лодкой в город вместе с ним — воодушевить окончательно приунывших защитников и горожан. Слухи о Деве распространились моментально, и, если бы стало известно, что Госпожа Надежда ушла прочь от самых ворот, боевой дух иссяк бы окончательно...

Жанна без колебаний соглашается, хотя предприятие было очень рискованным. Сопровождают Деву неизменный сквернослов Ла Гир (лучшего телохранителя и не придумаешь!), Дюнуа, рыцари Бертран де Пуланжи и Жан Мецкий. К литургическому часу вечерни, перед заходом солнца, Жанна входит в Орлеан через Бургундские ворота и проезжает через весь город, вызвав грандиозный триумф и всеобщее ликование.



Ночевать она останавливается в доме городского казначея Буше. Благочестиво молится в его домашней часовне.

На следующий день Жанна совершает неожиданный дипломатический ход — диктует письмо англичанам, текст которого сохранился:

«...Иисус Мария. Король Англии и вы, герцог Бедфордский [следуют имена других знаменитых военачальников того времени], покоритесь Царю Небесному, верните Деве, посланной сюда Богом, Царем Небесным, ключи всех славных городов, которые вы взяли и разграбили во Франции. Она здесь и пришла от Бога, чтобы вступить за королевскую кровь. Она готова немедленно заключить мир, если вы хотите признать ее правоту, уйдя из Франции и заплатив за то, что ее захватили...

Если вы так не сделаете, то я — военачальник, и в любом месте буду нападать на ваших людей и заставлю их убраться вон, хотя бы они этого или не хотят. А если они не захотят слушаться, я прикажу всех убить; я здесь послана от Бога, Царя Небесного, душой и телом, чтобы изгнать вас из всей Франции. А если они захотят послушаться, я пощажу их. И не думайте, что выйдет как-нибудь иначе, потому что вам никак не удержать владычества над французским королевством — королевством Бога, Царя Небесного... но владеть им будет король Карл, истинный наследник; потому что такова воля Бога, Царя Небесного...»

Депешу отправляют в лагерь противника с официальным герольдом, на что англичане отвечают небывалым хамством и полным нарушением всех принципов дворянской этики: герольда из свиты Дюнуа заковывают в цепи как «сообщника ведьмы».

В ответ на второе послание, где Жанна весьма настоятельно требует вернуть посланца в город и побыстрее возвращаться домой, англичане в еще более грубой форме



сообщают, что сожгут ее саму — как прислужницу дьявола; этот момент крайне примечателен, поскольку люди Бедфорда также начали воспринимать Деву с мистической точки зрения, только с противоположным знаком. Несомненно, присутствующий в этой истории элемент потустороннего англичан пугал и настораживал — ничего не попишешь, менталитет...

Сдаваться Жанна не собиралась, наоборот, грубость неприятеля ее только раззадорила. Отлично понимая, что рискует получить стрелу, она идет на Орлеанский мост, к взорванному пролету, отделявшему башню Ла Турель.

«Верните герольдов и уходите, пока не поздно!» — зовет она к английскому командующему Уильяму Гласдейлу. Ответ очевиден: оскорбления и насмешки. Никто так и не понял, что опасность, исходящая от «этой ведьмы», невероятно серьезна.

Встает вопрос: почему Жанна столько раз обращалась к англичанам с советами уйти с миром? Не хотела кровопролития? Твердо знала, что победа неизбежна? Традиции военной дипломатии тех лет почти не предусматривали такой категории, как предложение добровольного отступления вне сражения; куртуазный вызов на битву, переговоры о перемирии или обмене парламентарями — сколько угодно, но только не формула, которую можно кратко выразить словами: «Уйдите, а то хуже будет!»

И ведь Жанна не обманывала. Утром 4 мая к Орлеану подошла вернувшаяся из Блуа армия под командованием маршала Буссака и отлично нам знакомого Жилия де Монморанси-Лавалья, барона де Ре. События начинают развиваться с молниеносной стремительностью.

Жанна, сопровождаемая верным Ла Гиром и его отборными головорезами, выезжает навстречу Буссаку, потом возвращается в город. Около полудня приходит известие, что

Жанна д'Арк
в бою
(центральная
часть
триптиха
«Жизнь Жан-
ны д'Арк»)
Автор:
Штильке,
Герман Антон.
1803-1860,
дата: 1843 г.
Государствен-
ный Эрмитаж.



Дюнуа самовольно, по одному ему ведомым причинам, атаковал бастиду Сен-Лу, находившуюся как раз на Бургундской дороге, ведущей на восток. Может быть, услышал оскорбление со стен или просто решил показать рыцарскую удаль? Штурм не задался, англичане перешли в контрнаступление и смяли людей Орлеанского бастарда, но тут...

Но тут объявилась Дева. На боевом коне, в полном доспехе, но без шлема, с развернутым белым знаменем с изображением Спасителя, архангелов и золотых французских лилий.



Неким невероятным образом Жанна останавливает беспорядочное отступление и провозглашает навеки вошедшее в историю: *«Все, кто любит меня, за мной! Не показывайте врагу спину!»* Подходит подкрепление из города — примчался неугомонный Ла Гир, зазвавший в качестве поддержки свой отряд и превыше всего в жизни ценивший добрую драку и весьма беспокоившийся за жизнь Девы. Этот монстр-наемник немедленно бросился в казавшуюся безнадежной свалку, когда понял, что Жанне может грозить гибель.

Англичане попытались отправить помощь своим из бастид к западу от города, но натолкнулись на почти шесть сотен вооруженных горожан из ополчения Орлеана и предпочли вернуться на позиции, не вступая в бой. После трехчасового сражения бастид Сен-Лу была взята, Жанна, находившаяся в самой гуще битвы под английскими стрелами, не получила ни единой царапины — что вновь было воспринято как чудо.

Больше того: беззаветно веривший в Жанну Ла Гир и его банда отпетых наемников тоже не понесли потерь, а сам Ла Гир остался невредим, хотя рубился в самой гуще сражения и стократ был под угрозой смерти.

Дюнуа получил от Девы весьма резкий выговор за самоуправство, однако стерпел и даже извинился, хотя отчитывала его безродная крестьянка, а сам он был пускай и незаконнорожденным, но все-таки сыном герцога, а в жилах текла королевская кровь: внук Карла V Мудрого. Главное было сделано: крайне неожиданно одержана первая и весьма значимая победа: в английской осадной системе появилась невосполнимая брешь — единственный опорный пункт к востоку от города оказался потерян, и французы теперь могли без опасений переправляться через реку в данном районе.

Это было лишь начало битвы за Орлеан, которая продлится до 8 мая 1429 года.



Мы стократно упоминали о многочисленных и необъяснимых, на взгляд современного человека, *странностях*, сопровождавших появление Орлеанской девы при дворе дофина в Шиноне и далее, при снятии осады Орлеана. Странностях, даже с нашей прагматичной точки зрения людей XXI века, носящих характер мистический, — это не говоря о впечатлении, которые они производили на современников Госпожи Надежды, с их глубокой верой в чудеса и искренней религиозностью.

Оставим в стороне юношеские видения Жанны, собственно, и давшие толчок к ее исторической миссии. Более чем достаточно других инцидентов, которые никак нельзя назвать случайностями или совпадениями. Попробуем свести их в единый список.

- ❖ Невероятно своевременное появление Девы. В апреле 1429 года Дюнуа, командовавший обороной Орлеана, был готов капитулировать и вел переговоры о возможной сдаче с герцогом Бургундским. Однако 29 апреля в городе появляется Дева, 4 мая французы благодаря Жанне одерживают первую победу, взяв бастиду Сен-Лу, а уже 8 мая англичане снимают осаду. Не окажись в Орлеане Жанны, Дюнуа мог сдать город, что означало бы окончательное поражение Франции в Столетней войне и гибель государства. Опять же, Дева еще в Вокулере предсказывала, что время невероятного коротко и, если она опоздает, разразится катастрофа...
- ❖ Необычное поведение Жанны в Шиноне, при дворе Карла де Валуа, и затем в Пуатье, во время заседания комиссии богословов, обязанных выяснить, не является ли Дева посланницей дьявола. Сначала она узнала дофина среди толпы придворных, что на процессе



1431 года объяснила крайне просто: *«Когда я вошла в королевскую палату, я узнала короля среди других по совету моего голоса, который указал мне на него»*. В Пуатье она твердо заявляет церковным чиновникам, что обязана идти на Орлеан и с Божьей помощью одержит победу. Прелаты пожали плечами и дали рекомендацию дофину помочь Деве — результаты не заставили себя долго ждать.

- ❖ Меч Жанны д'Арк. От клинка, подаренного еще в Вокулере капитаном де Бодрикуром, Жанна отказалась, приказав принести ей меч, якобы закопанный у алтара в аббатстве Сен-Катрин-де-Фьербуа, где Дева провела всего одну ночь по дороге в Шинон. Меч нашли, это документально подтверждено — для этого меча клирики из Труа заказали двое ножен, которые преподнесли Жанне в подарок. Откуда она знала о клинке? В Сен-Катрин Жанна ранее не бывала, местных легенд слышать не могла. Единственная версия — услышала о мече от священника аббатства на исповеди.
- ❖ Предсказание, данное английскому капитану Уильяму Гласдейлу, командовавшему крепостью Ла Турель, закрывавшей вход на Орлеанский мост с левого берега Луары. Гласдейл оскорбил Деву, поименовав ее «шлюхой и публичной девкой», на что Жанна предрекла ему скорую смерть «без пролития крови». Так и вышло — во время взятия французами Ла Турель капитан Гласдейл в полном доспехе упал с моста в Луару и утонул. Свидетелей этому предсказанию было множество — практически все окружение Девы, включая Ла Гира, Жилия де Ре и Жана Алансонского.
- ❖ Предсказание, данное дофину Карлу также в присутствии многих свидетелей. Жанна сообщила, что будет ранена под Орлеаном еще до снятия осады. Так



- и случилось — Дева получила арбалетную стрелу утром 7 мая 1429 года, но рана оказалась неопасной.
- ❖ «Чудо у бастиды Сен-Лу» — одно лишь появление Жанны после объявленного Дюнуа отступления так воодушевило французов, что английский форпост вскоре пал, хотя, по мнению опытных капитанов, поражение солдат Дюнуа было неминуемо.
 - ❖ Жанна спасет жизнь молодого герцога Алансонского при взятии крепости Жоржо. По его воспоминаниям, Дева сказала: «Сойди с места, где ты стоишь, иначе посланный оттуда снаряд сейчас убьет тебя». Алансон, привыкший, что Дева обычно не ошибается, отошел, и мгновение спустя со стен прилетело ядро, убившее не обратившего внимания на слова Жанны сеньора де Люда из Анжу.

Тут существует еще один аспект, немаловажный для понимания того, как к Жанне относились соратники. Молодая привлекательная девушка постоянно находилась среди огрубевших и не слишком благовоспитанных мужчин — взять хотя бы Ла Гира, коего при всем желании невозможно назвать «куртуазным рыцарем». Но давайте обратимся к свидетельству самого близкого к Жанне человека, ее оруженосца Жана д'Олона:

«Несмотря на то, что была она девушкой красивой и хорошо сложенной, и что не раз, помогая ей вооружаться или в других случаях, он видел ее груди, а порой совсем обнаженные ноги, обрабатывая ее ранги, и что не раз она оказывалась близко, притом, что он был сильным, молодым и в полном цвете лет, тем не менее никогда ни при одном взгляде или прикосновении к означенной деве ее тело у него не вызвало никакого плотского влечения. Подобным же образом таких чувств не испытал и никто другой из ее людей и оруженосцев, равно как и тот, кто много раз слышал их речи и рассказы».



Это далеко не все свидетельства о загадочной ауре, окружавшей Орлеанскую деву. Во время событий под Орлеаном все, как французы, так и англичане, дружно признали — в ход войны вмешалось *сверхъестественное*, мистическое начало. Упомянутое ранение Жанны стрелой вызвало лишь дополнительный ажиотаж — люди Гласдейла были уверены, что «ведьма» убита, но внезапно Дева вновь появляется под стенами и начинает командовать.

Это произвело неслыханное впечатление, англичане окончательно уверовали в «колдовство».



Возвращаемся в Орлеан. Начало мая 1429 года было теплым и солнечным, недавний разлив Луары пошел на убыль, а взятие вечером 4 мая бастиды Сен-Лу позволяло французским всадникам переправляться через реку вброд с восточной стороны города, не опасаясь удара с тыла. Деревянную бастиду, кстати, немедленно сожгли, чтобы в случае контратаки англичане не сумели бы вновь закрепиться напротив Бургундских ворот Орлеана.

Четверг 5 мая приходился на праздник Вознесения Господня. Жанна переоделась в женское платье, сходилась к исповеди и причастию, а также отослала Гласдейлу лучной стрелой очередное послание, третье и последнее. В целом оно повторяет предыдущие, но текст более краток. Любопытна приписка с ноткой сарказма:

«Я бы послала вам письмо учтиво, но вы схватили моих гонцов, вы задержали моего герольда по имени Гийенн. Соблаговолите вернуть мне его, а я пришлю вам нескольких из ваших людей, захваченных в крепости Сен-Лу, так как погибли там не все».



Жанну можно понять: по всем законам того (да и нашего) времени герольды и парламентареры сохраняли абсолютную неприкосновенность, и нарушение данного правила было воспринято как Девой, так и французскими капитанами как прямое и непрощаемое оскорбление. Ближе к вечеру, расстроенная очередным бесстыдным ответом англичан, Жанна внезапно успокаивается и заявляет, что ей было «известие от Господа» и впредь все будет хорошо. Разумеется, не столь хорошо, как она сама рассчитывала: маршал Буссак и Дюнуа собрали военный совет, куда Деву не пригласили, поскольку некоторые капитаны продолжали оставаться в лагере скептиков и недавнюю победу у бастиды Сен-Лу восприняли как случайность.

План был таков: сперва силами городского ополчения атаковать бастиду Сен-Лорен напротив западной стены Орлеана. Затем под прикрытием этой отвлекающей атаки латники переправляются на левый берег и пытаются взять крепость Ла Турель на той стороне моста. Дюнуа сообщил Жанне только о первой части плана, но, видимо, недооценил ее дар — Дева моментально заподозрила неладное и высказала предположение, что Дюнуа говорит неправду или полуправду.

Утром 6 мая Жанна развила бурную самостоятельность без всякой оглядки на мнение капитанов, маршала и городского шателена Рауля де Гокура, закрывшего Бургундские ворота и не пропускавшего ополченцев. Сеньора де Гокура, осмелившегося грубо противоречить Деве, орлеанцы едва не линчевали на месте, однако Жанна предотвратила кровопролитие, жестко отчитав шателена и заставив открыть ворота.

Ополченцы высыпали на Бургундскую дорогу и соединились с армией, уже готовой переправиться на противоположный берег. Целью, как уже было сказано, являлась крепость Ла Турель, однако на пути к ней находились две бастиды — Сен-Жан-ле-Блан и Сен-Огюстен, возведенная на развалинах



аббатства августинцев. Первая бастида оказалась брошена неприятелем, отступившим в Сент-Огюстен. Поскольку сил у французов для взятия этого укрепления явно не доставало, был дан приказ к отступлению, а англичане открыли ворота Сен-Огюстен с целью контратаковать...

Но не тут-то было. Жанна отступить не собиралась. По воспоминаниям Жана д'Олона, Дева вместе с капитаном Ла Гиrom (роль этого невоспитанного рыцаря-разбойника в битве 6 мая вообще сложно переоценить!) вскочили на коней и с копьями наперевес пошли в атаку, увлекая за собой французское войско, на острие которого находились отборные профессионалы из отряда Ла Гиры — может быть, его подчиненные и являлись висельниками, мародерами и отпетыми негодьями, но свое дело знали крепко.

Вскоре подоспел Жиль де Ре со своими людьми — блистательный барон не посмел бросить Деву на произвол судьбы. Бастида Сен-Огюстен оказалась взята стремительным штурмом, немногие уцелевшие англичане бежали в крепость Ла Турель.

К вечеру опешившие капитаны и маршал Буссак были поставлены перед очевидным фактом: Жанна по прозвищу Дева, не послушавшись опытных воителей, спровоцировала штурм бастиды и бравым налетом взяла английское укрепление, как ныне говорят, «не благодаря, а вопреки». В глазах воинства и горожан эта победа принадлежала исключительно Жанне, ну и отчасти находившимся на втором плане Ла Гиру и Жилю де Ре. Эти двое развели руками и сказали перед маршалом одно слово — Жанна.

Скептический и недоверчивый настрой господ рыцарей вышел им боком — теперь они выглядели нерешительными и не особо компетентными статистами. Еще хуже дела обстояли у англичан: если сначала на письма Жанны в ответ звучали непристойные слова, насмешки и пожелания возвращаться



в свою деревню пасти коров, то теперь в английском гарнизоне твердо знали, что опытные солдаты были разбиты женщиной! Какой позор!

Ну а с учетом стремительно распространявшихся слухов о ведьме, использующей самое черное колдовство, настроения среди людей Гласдейла и Талбота были близки к паническим.

Ночь с 6 на 7 мая Жанна проводит в отвоеванной у противника бастиде Сен-Огюстен. Вечером Деву навещает неназванный рыцарь — об этом нам сообщает преподобный Жан Паскерель, монах-августинец из города Тур и будущий духовник Госпожи Надежды. Не верить Паскерелю у нас нет причин:

«...Храбрый и видный рыцарь <...> сказал Жанне, что капитаны и солдаты короля все вместе держали совет и сочли, что по сравнению с англичанами их отряды малочисленны и что победу они одержали милостью Божьей, и сказали: “Поскольку мы считаем, что в городе достаточно продовольствия, мы сможем прекрасно продержаться, пока не подойдет помощь от короля. Совет не считает нужным, чтобы завтра солдаты выходили из города”».

Думается, тут все очевидно: партия скептиков и сторонников бездействия решила, что урон их репутации и так оказался трудновосполнимым, и отправила к Деве своего представителя, договариваться. Судя по иным записям преподобного Жана Паскереля, на скверную память он не жаловался и освещал события во всех подробностях, но в этом конкретном случае священник внезапно «забывает» имя вечернего визитера — явно ради того, чтобы не бросить тень на репутацию «храброго и видного рыцаря».

Это, безусловно, не могли быть Алансон, Ла Гир или Жиль де Ре, безоговорочно верившие в счастливую звезду Жанны и ее божественное предназначение, — скорее всего, речь идет



о Дюнуа или, с меньшей вероятностью, о шателене Рауле де Гокуре, и так получившем утром изрядную взбучку от Жанны.

Дева со скандалом (но без использования непристойных словес) выставляет гостя прочь — победа слишком близка, чтобы опускать руки! Представим себе, как снес бурный нагонный от крестьянки Дюнуа, королевский внук (если, конечно, таинственным визитером был именно он).

Как и в случае со взятием Сен-Лу и Сен-Огюстен, права оказалась Жанна д'Арк — и снова, снова мы можем уверенно говорить о присутствии в этой истории мистического фона. Тот же Паскерель указывает на очередное пророчество Жанны, данное утром 7 мая: «*Во имя Бога, ночью в город мы войдем по мосту!*» Не забудем, что Дева вместе с армией находилась на противоположном от Орлеана берегу Луары, и сейчас основной целью являлась крепость Ла Турель. Это было куда более серьезное укрепление, состоящее из двух каменных главных башен (круглой и квадратной) высотой около 10 метров и двух однотипных малых башен, соединенных между собой галереей. Обороняли Ла Турель около полутысячи англичан, вооруженных в том числе и артиллерией.

Штурм начался с рассветом 7 мая, после полудня случается предсказанное Жанной ранение стрелой — спасли доспехи, наконечник стрелы не проник в легкое, и час спустя Дева вновь оказалась под стенами, вызвав экстатический восторг у французов и оторопь у англичан, убежденных, что «ведьме» конец.

Ко второй половине дня приступ так и не дал ощутимых результатов, отчего Дюнуа решает отступить в город, но Жанна дает Орлеанскому бастарду неожиданный совет: «*Следует подождать. Отдохните, поешьте и выпейте что-нибудь*». Затем Жанна садится на коня и отъезжает от крепости, чтобы помолиться в одиночестве. Очевидно, знак свыше был дан — она возвращается, путив коня галопом, и после краткой



перегруппировки сил объявляет солдатам: *«Идите смело! У англичан нет большие сил защищаться. Мы возьмем укрепление и башни!»* — об этом есть запись в «Journal du siege d'Orleans», ценнейшем документе эпохи.

Последняя, самая яростная атака велась с двух сторон — по Ла Турель ударила артиллерия со стен Орлеана, началось наступление ополченцев по Орлеанскому мосту; взорванный еще осенью пролет перед крепостью восстановили с помощью бревен.

Брандером был подожжен деревянный мост, соединявший крепость с левым берегом — при его обрушении и погиб Уильям Гласдейл, упавший в воду в полном доспехе. Незадолго до часа повечерия (около 6–7 вечера) Ла Турель была взята — англичане, находившиеся в фортах на правом берегу, на помощь своим так и не пришли.

Пророчество исполнилось — Жанна и ее соратники вернулись в город по частично восстановленному Орлеанскому мосту...

Однако это был еще не финал Орлеанского дела. В воскресенье 8 мая английский командующий Джон Талбот, граф Шрусберийский, выводит своих людей из бастид к западу от города и выстраивает в каре. Из городских ворот им навстречу выходят французы — отряды капитанов и ополчение под предводительством Девы, Жилья де Ре, Ла Гира, Дюнуа и Алансона. Два войска изготавливаются к битве.

Ла Гир, как капитан, заикнулся было о том, что «Мы сейчас разгромим это гов.. и натянем их на мое древко!», но моментально заткнулся, перехватив взгляд Девы. Жилья де Ре оставался бесстрастен. Дюнуа был нахмурен. Герцог Алансонский с радостью готовился к славному бою — ведь с ними Дева!

Жанна внезапно заявляет соратникам, что категорически не желает начинать сражение первой — святой день, древние правила войны запрещают воевать в церковные праздники



и воскресенья. В битву следует вступать только в случае нападения англичан — иначе Господь отвернется от французов.

Многие командиры, воодушевленные фантастическими победами последних дней, выказали недовольство, но послушались: Дева явно знала *нечто большее*, пришедшее из сфер, человеческому разуму неподвластных...

Стояние под Орлеаном продолжалось около часа. Джон Талбот, не вступая в переговоры, приказывает трубить отступление. Английская армия, сохраняя боевой порядок, налегке уходит вверх по течению реки в Мен-сюр-Луар. Значительная часть имущества, артиллерия, боеприпасы, а также раненые были оставлены в бастидах — возможно, Талбот и пытался сохранить достоинство при отходе, но это больше напоминало бегство...

Осада Орлеана, продолжавшаяся более шести месяцев, была снята всего за четыре дня — с 4 по 8 мая 1429 года.

От Орлеана до Реймса

То, что происходило в Орлеане во второй половине дня 8 мая 1429 года, описанию не поддается — здесь требуется слог куртуазного трубадура, а не грубая проза. «Дневник Орлеанской осады» (Journal du siege d'Orleans), небольшой трактат, написанный в форме хроники и впервые полностью изданный на современном французском языке в 1896 году, демонстрирует нам следующую картину:

«...В великой радости вернулись в Орлеан Дева и другие сеньоры и воины при невероятном ликовании духовенства и народа, которые, собравшись все вместе, смиренно возблагодарили Господа Нашего и по достоинству восхваляли Его за огромную помощь



и ниспосланную Им победу над англичанами, давними врагами королевства. ...В тот же день, а также на следующий, прошли великолепные торжественные процессии духовенства, сеньоров, капитанов, солдат и горожан, находящихся в то время в Орлеане, и из великого благочестия они посетили все церкви».

Включите воображение и представьте себе эту картину. Произошло нечто невероятное — единение горожан, переселившихся в город из сожженных деревень крестьян, дворянства и грубой наемной солдатни.

Если ранее орлеанцы предпочитали, чтобы отряды рутьеров квартировали за пределами городских стен, то в этот солнечный майский день, когда арьергард английского воинства Джона Талбота скрылся за холмами на западе, даже сушие упыри из команды капитана Ла Гиры стали для жителей города самыми дорогими гостями.

Жанна по прозванию Дева явила еще одно чудо — чудо исторического масштаба. 8 мая родилась французская нация со своей идентичностью, своей историей и своей культурно-политической общностью. Больше не было вассалов отдельных сеньоров, не ощущающих никакой личной связи с другим феодалом. Эти люди окончательно стали французами, пройдя почти вековую эволюцию, озаряемую пламенем войны, начинавшейся как феодальный конфликт и заканчивающейся битвой всего народа с оккупантами.

От тех дней сохранилось несколько весьма примечательных документов, включая письма дофина Карла де Валуа, отправленные «всем добрым городам Франции», — это была стандартная чиновная процедура, нечто наподобие информационного листка для подданных с перечислением актуальных новостей.

Циркулярное письмо дофин начал диктовать на следующий день после того, как Жанна впервые оказалась в Орлеане —



в числе прочих известий в тексте указывается, что продовольственные обозы пришли в осажденный город. 4 мая в практически законченной депеше появляется приписка о взятии бастиды Сен-Лу, но вскоре прибывает очередной гонец, привезший в Шинон сногсшибательное известие: Дева вместе с соратниками неожиданно сняла осаду Орлеана! В ночь с 9 на 10 мая дофин диктует секретарю окончательный вариант:

«...И с тех пор, еще до завершения этого письма, прибыли к нам два дворянина, коим было поручено засвидетельствовать и подтвердить все сообщенное герольдом и рассказать более подробно, чем он. ...После того как наши люди в прошлую субботу взяли бастиду на краю моста и наголову разгромили врага, на следующий день еще остававшиеся англичане отступили и бежали так поспешно, что оставили свои бомбарды, пушки и все военное снаряжение и большую часть продовольствия и вещей».

Сказать, что это была сенсация, — значит не сказать ничего. Тут больше подойдет выражение «гром среди ясного неба», причем гром прогремел как для французов, так и для англичан — последние, потратив уйму денег, людских ресурсов и времени на осаду стратегически важного города, ушли ни с чем.

Английский регент, герцог Бедфорд поставил на Орлеан все: англичанам надоело финансировать бесконечную войну, в среде дворянства зрело недовольство, и только решительная победа могла изменить общественное мнение в пользу продолжения конфликта.

Несмотря на то, что Бедфорд доселе контролировал больше трети Франции и оккупировал Париж, репутационный урон оказался катастрофическим: прекрасно выученное опытное войско победила женщина! Ладно бы дворянка с богатой родословной, но Орлеанскую баталию выиграла юная девица



Крещение Хлодвига. Мастер святого Эгидия; 1500; Национальная Галерея, Вашингтон



низкого происхождения, впервые увидевшая боевой меч три месяца назад! В итоге англичане в глазах французов начали выглядеть смехотворно, а сами подданные Тауэра чувствовали себя униженными этим вопиющим фактом...

«А что же Жанна?» — спросите вы. А Жанна выполнила лишь промежуточную задачу, поскольку главной целью, поставленной архангелом Михаилом и святыми Екатериной и Маргаритой, была коронация дофина Карла не где-нибудь, а именно в соборе Нотр-Дам-де-Реймс, где почти тысячу лет назад святым Ремигием был крещен король франков Хлодвиг и где принял императорскую корону Людовик Благочестивый.

Известия об Орлеанском триумфе разлетелись с невероятной быстротой — центральным персонажем слухов (зачастую сильно преувеличенных) становится, конечно же, Дева. Что только о ней ни рассказывали — посланница Господа, ангел, спустившийся с небес, незаконная дочь Луи Орлеанского, и так далее, и тому подобное.

«Массовое бессознательное» французов наконец-то получило зримый символ победы, а потому произошла очередная странность: Орлеанская армия начала существенно увеличиваться в численности. В эпоху Средневековья после окончания кампании войско обычно распускалось — пехота и дворяне отправлялись по домам, а наемники начинали искать нового хозяина или попросту шататься по окрестностям, добывая пропитание грабежом. Теоретически, так и должно было завершиться Орлеанское дело, но...

Как мы уже говорили, исходно феодальная Столетняя война стремительно превратилась в национально-освободительное движение. Под знамя Девы начали массово стекаться люди всех сословий: бедные дворянчики, закладывавшие остатки имущества ради покупки снаряжения и оружия, ополченцы из числа городских ремесленников, наконец, вооруженные



чем попало крестьяне из окрестностей Орлеана, жаждавшие отомстить англичанам за десятилетия разорений, пожаров и грабежей.

Тем не менее влияние партии скептиков не ослабевало — великий камергер Франции Жорж де Ла Тремуиль призывал распустить войско: для кампании 1429 года одной значительной победы более чем достаточно!

Выказывал беспокойство архиепископ Рено Шартрский, на бумаге державший епархию Реймса, пока находившегося под оккупацией: да кто она такая, чтобы говорить от имени Бога? Жанна не священник, не университетский преподаватель и не монашка или аббатиса!

Вопрос решил Дюнуа и поддержавшие его капитаны, включая влиятельного и богатого Жиля де Ре, а также боготворившего Жанну герцога Алансонского: пока в наших руках стратегическая инициатива, надо давить! Они и уговорили дофина на продолжение боевых действий. Командующим назначили Алансона, поставив задачу полностью очистить долину Луары от неприятеля. В его распоряжении отныне была армия числом в 12 тысяч мечей и одну Жанну д'Арк, чей статус оставался неопределенным — говоря современным языком, его можно установить как «внештатная советница при герцоге без жалования».

К мнению Девы прислушивались, пожелания и рекомендации выполняли безоговорочно.

Знакомая нам по Орлеанским событиям компания в составе Жанны, Алансона, Дюнуа, Жиля де Ре и Ла Гира стальным катком прокатывается по Луаре — будто и не было долгих лет поражений, разочарований и пессимизма. Они берут крепость Жоржо и пленяют английского командующего Уильяма Саффолка. Захвачен Менский мост. 17 июня пал Божанси. Попутно Ла Гиром берется такой неприступный и грозный Шато-Гайар.



18 июня состоялась битва при Патэ — англичанами командовали знакомый нам по Орлеану Джон Талбот, граф Шрусберрийский, а также герой «Битвы селедок» и будущий прототип персонажа Шекспира Джон Фастольф. Пожалуй, это была первая крупная битва в открытом поле за последние десятилетия, где французы быстро и без затруднений победили, вовремя смяв английских лучников, — и это после позорных Креси, Пуатье и Азенкура! Талбот попал в плен, Фастольф бежал.

В Селле в гости к Жанне приходит Жиль де Ре, она предлагает ему чашу с вином — отметить победу. Барон поблагодарил за угощение, но Дева усмехнулась и пообещала господину Жилю, что очень скоро они отведают гораздо лучшее вино в Париже.

Дюнуа, окончательно уверовавший в Госпожу Надежду и ее божественную миссию, уламывает все еще сомневающегося дофина немедленно идти на Реймс — Карл де Валуа всегда был нерешителен и немного боязлив, но за май-июнь 1429 года перед ним открылись фантастические перспективы. Казалось, что остановить Деву и ее верных соратников невозможно: если с ним Бог, то кто против них?! Впрочем, давайте дадим слово самому Дюнуа:

«...Я вспоминаю, что после победы (при Орлеане), о которой я говорил, принцы королевской крови и капитаны хотели, чтобы король направился в Нормандию, а не в Реймс; но Дева всегда считала, что нужно идти в Реймс, дабы миропомазать короля, и приводила доводы, говоря, что, как только король будет коронован и миропомазан, мощь неприятеля станет постоянно убывать, и в конце концов враг не сможет вредить ни ему, ни королевству. Все с ней согласились».

Решено! Выступаем на Реймс! Немного поворчал только Алансон, предлагавший развивать наступление на Париж



(где перепуганный недавними громкими событиями регент Бедфорд ввел осадное положение) и далее на Нормандию — в этом был не только патриотический, но и меркантильный интерес; в случае успеха он вернул бы собственное герцогство Алансонское.

Мнение Жанны и Дюнуа перевесило — армия движется вперед, практически не встречая сопротивления. 10 июля без боя взят город Труа, 13 июля под скипетр Франции возвращается Шалон, 16 июля перед дофином и Девой открывает ворота Реймс...

Коронация Карла де Валуа была произведена молниеносно — на следующий же день, 17 июля; видимо, неуверенный в себе дофин боялся, что удача мистически ускользнет от него, как столь же мистически и осенила своим крылом. Из этого следует, что церемония подготавливалась заранее, еще во время триумфального похода, длившегося две с половиной недели.

Коронация — обряд сложный и не самый быстрый, кроме того, имелось довольно скандальное затруднение: корону, скипетр и прочие королевские регалии династий Капетингов и Валуа вульгарно стащили англичане: сокровища хранились у герцога Бедфорда. Значит, необходимо было отыскать аналоги — есть неподтвержденные сведения, будто эрзац-корона была взята из казны Реймского собора. Дополнительно требовались церемониальные одежды для короля, знамена, включая Орифламму (ранее хранившуюся в Сен-Дени под Парижем), и еще сотня мелких деталей.

Спрашивается, а к чему столь невероятная спешка? Почему именно Реймс, а не Париж, который можно было бы взять сравнительно легко — в столице находился всего-навсего двухтысячный гарнизон бургундцев и почти отсутствовали англичане?



Ответ прост: требовалась легитимизация Карла де Валуа как законного и миропомазанного короля Франции — мы помним, что с английской точки зрения королем Англии и Франции являлся младенец Генрих VI при регентстве Бедфорда. Лишенный наследства по договору в Труа, дофин нуждался в признании со стороны французов, и миропомазание в Реймсе становилось важнейшим политическим актом и очередным символом: очень скоро в Лондоне начали недоумевать — как это Господь Бог допустил помазание «незаконного» короля?

В Реймсе Жанна встретила с отцом и матерью — Жан д'Арк очень вовремя позабыл о прежнем обещании «*своими руками утопить эту девушку, если она уйдет с солдатами*». Знал бы старик, с какими персонажами дочери пришлось вместе сражаться, с учетом текущей репутации необузданного Ла Гира и будущих разговоров о Жиле де Ре...

На коронации Жанна стояла рядом с Карлом де Валуа, развернув свое белое знамя. После церемонии Дева расплакалась, пала на колени, обняла ноги короля и произнесла:

«Милый Король, отныне исполнено желание Бога, который хотел, чтобы я сняла осаду с Орлеана и привела вас в этот город Реймс принять ваше святое миропомазание, показав тем самым, что вы истинный король и тот, кому должно принадлежать королевство».

Историческое предназначение Жанны было исполнено — она стала крестной матерью новорожденной французской нации, 17 июля 1429 года государственность Франции была окончательно восстановлена, отчаявшийся и еще три месяца назад готовый к бегству в Кастилию или Шотландию «буржский королек» становится коронованным монархом.

С момента первого робкого визита Девы к капитану Бодрикуру в Вокулере едва прошло полгода.



Дальнейший ход событий в целом общеизвестен, хотя и вызывает немало вопросов. Алансон и Дева пытаются взять Париж, но повторения Орлеанского миракля не случилось — Жанну ранили стрелой в бедро, штурм захлебнулся, армии пришлось отступить. Популярность Госпожи Надежды, в том числе и стараниями придворных интриганов наподобие Жоржа де Ла Тремуйля, начала падать.

Лишь бы избавиться от Жанны, ее отправляют в долину Луары, где королевская армия должны была взять три крепости — Кон, Ла-Шарите и Сен-Пьер-ле-Мутье. Если последнюю удалось захватить, то уже под Ла-Шарите возникли проблемы — англичане контратаковали, французам пришлось бежать, бросив артиллерию.

Вину за неудачу возложили на Жанну.

На пути к костру

Ближе к вечеру 26 мая 1430 года близ города Компьень, осажденного бургундцами, произошло событие, в масштабах Столетней войны совершенно вроде бы незаметное. В плен к неприятелю попали трое французов, все дворяне — по большому счету, дело совершенно житейское, сиди себе в плену, дожидайся выкупа; пленниками бывали и принцы крови наподобие герцога Алансонского, и простые вояки вроде отчаянного и дурно воспитанного капитана Этьена Виньоля по прозвищу Ла Гир.

Но в данном конкретном случае имелись весьма существенные нюансы: в руках бургундцев оказались некие Пьер д'Арк, Жан д'Олон, а главное — Жанна, которую обычно называли Девой. Относительно благородного статуса пленников — нет



Пленение
Жанны
д'Арк. Автор:
Дилленс,
Адольф-
Александр.
1821–1877
Между 1847–
1852 гг. Госу-
дарственный
Эрмитаж.

никакой ошибки, Жанне и ее родственникам потомственное дворянство было даровано еще в прошлом году, после коронации дофина Карла де Валуа, коего вслед за триумфальной победой под Орлеаном и победоносной Луарской кампанией Жанна д'Арк привела в Реймс для миропомазания...

Что именно произошло под стенами Компьени тем майским вечером, нам известно лишь в общих чертах. Жанна прибыла в город всего три дня назад; обороной и гарнизоном командовал капитан Гийом де Флави, имевший репутацию хорошего солдата, преданного королю Франции.

О взаимоотношениях Жанны и де Флави ничего не ведомо, но вряд ли Жанна изменилась со времен Орлеана, когда она действовала вопреки мнению более осторожных



и опытных военачальников, — судя по всему, Дева продолжала придерживаться своей обычной концепции «атаковать не рассуждая»; в свою очередь, капитан де Флави этому сопротивлялся. Гарнизон под командованием Девы совершает вылазку за стены, бургундцы были оттеснены, однако произошло непредвиденное — к неприятелю подошло подкрепление, путь к городским воротам оказался перерезан, де Флави предсказуемо распорядился поднять мост, Жанну сдернули с седла и схватили вместе с братом и оруженосцем...

Доселе продолжают бурные споры, являлись ли действия Гийома де Флави спланированным предательством или они были оправданы обстановкой — в конце концов, капитан отвечал за оборону Компьени и нес за город ответственность перед Францией и королем: бургундцы вполне могли ворваться на мост, смести охрану и захватить важный пункт на дороге к Парижу.

Советский исследователь В. Райцес склоняется к первой версии, основываясь на многочисленных слухах о связях де Флави с недоброжелателем Жанны при королевском дворе — великим камергером Жоржем де Ла Тремуилем. Француз Ж. Фавье более осторожен, упоминая, что Жанна скрывала действия капитана и ставила под удар его репутацию как командира. Оба автора сходятся в одном — де Флави после пленения Девы бездействовал, а намеренно или под гнетом обстоятельств — неизвестно.

Жанна как пленница была переуступлена Жану Люксембургскому, графу де Линьи и де Гиз — при всех громких титулах и знатном происхождении человеку не слишком богатому. Чисто теоретически он мог получить выкуп за Жанну с кого угодно, хоть с короля Карла, хоть с Филиппа Бургундского или регента Бедфорда.

Однако в игру вступила третья сила — Церковь и Парижский университет в лице епископа Бовезского Пьера Кошона:



уже через три дня после известий о пленении Девы герцог Бургундский получает из Парижа письмо, в котором было ясно отмечено, что Жанна должна предстать перед церковным судом как «сильно подозреваемая во многих отдающих ересь преступлениях».

Как ни странно это прозвучит, но пленение Жанны для всех сторон, участвующих в Столетней войне — англичан, бургундцев и французов, — давало существенные плюсы.

- ❖ Англо-бургундцы через запланированный судебный процесс могли убедить общественное мнение, что миссия Жанны Девы не является «божественной». Если Бог не на стороне Жанны (что уже автоматически доказано взятием в плен), то и дело Бедфорда и герцога Филиппа не является противодействием Богу. Для религиозно-мистического менталитета людей того времени это оказалось бы сильнейшим пропагандистским ходом, способным перетянуть мнение прихожан на сторону альянса англичан и бургундцев.
- ❖ Парижский университет и церковники-коллаборационисты могли оправдать подрыв своего авторитета, изрядно пошатнувшегося после массовых слухов о том, что простая крестьянка якобы «послана Господом».
- ❖ Король Карл де Валуа и его склонное к соглашательству и компромиссам окружение окончательно избавлялись от радикальной партии, стоявшей за «тотальную войну», — то есть от ярых приверженцев Жанны наподобие Жиля де Ре, ла Гира, Дюнуа и еще нескольких влиятельных капитанов, для которых Дева являлась символом и знаменем. Теперь появилась возможность для переговоров с противником, а с ними и необходимая королевству передышка в виде перемирия, а то и долгосрочного мира, достигнутого путем взаимных



уступок. Жанна, с ее нежеланием идти на любые соглашения, лишь мешала политикам.

- ❖ Аналогичными соображениями руководствовался и Филипп Бургундский: еще летом 1429 года герцог начал прощупывать пути сближения с Францией, поскольку стало ясно, что срок английского владычества заканчивается, регент не имеет поддержки в народе и дворянстве, а Карл де Валуа мало того что отныне законный король, так еще и популярность его значительно выросла, а армия усилилась. «Экстремисты» же мешали найти точки соприкосновения, способные привести к миру.

Жан Люксембургский передает Жанну англичанам Бедфорда за 10 тысяч турецких ливров (большая, однако не самая значительная сумма), а английский регент принимает решение отдать пленницу под юрисдикцию церковного суда по изложенным выше соображениям: требуется любой ценой опровергнуть «божественное» происхождение действий Девы.

Для роли судьи как нельзя лучше подходил епископ Кошон — во-первых, он был изгнан из своей епархии в Бовэ и жил в Руане, во-вторых, был убежденным бургиньоном и ненавидел арманьяков и, в-третьих, Кошон получил блестящее образование в области церковного права. Генеральный капитул Руана был вправе собрать инквизиционный процесс — другое дело, что политическая ангажированность такового не вызывала ни у кого сомнений.

Мы уже выяснили недавно, что целью инквизиционного трибунала является спасение души грешника и заблудшего. Эта формула полностью применима и к процессу над Жанной д'Арк, при всей его предвзятости и «заказном» характере. Глава Священного трибунала, епископ Пьер Кошон не



*Заключенная
Жанна в Руане;
Худ.: Пьер
Анри Ревой,
1819*

стремился любой ценой отправить Деву на костер — для него важна была моральная победа, основанная на покаянии обвиняемой. Если же последняя будет упорствовать в своих заблуждениях, тогда...

Впрочем, не будем забегать вперед, лишь учтем, что у Жанны были серьезные шансы избежать смерти, невзирая даже на тот факт, что судили ее злейшие враги. Инквизиция не могла нарушить церковные законы, в противном случае процесс был бы признан недействительным. Формально все делалось по строгим правилам, отход от которых был чреват последствиями для самих членов трибунала. С другой стороны, регента Бедфорда устраивала только смерть «этой ведьмы», причем смерть после осуждения Святой Матерью-Церковью...

Король Карл де Валуа отказался спасать Жанну по вполне очевидным политическим причинам: ему требовалось



ослабление радикальной партии, стоявшей за продолжение войны любой ценой. Он не был злым или черствым, король — прежде всего политик, государственный деятель, обязанный руководствоваться прагматическими соображениями, а кроме того, после грандиозного успеха под Орлеаном и в долине Луары Дева Жанна фактически ничем более себя не проявила — попытка взять Париж оказалась провальной, а в Компьени она так и вообще попала в плен.

Карл о Деве забыл — или сделал вид, что забыл.

Единственную попытку освободить Жанну предпринял ее «странный» соратник — Жиль де Ре. Мы уже писали о том, что Жиль де Ре был человеком невероятно богатым, владел землями, превосходившими владения его непосредственного сеньора, герцога Бретонского, да и личной храбрости ему было не занимать. Имеются сведения о том, что барон де Ре собрал профессиональных наемников и отправился к Руану, но опоздал — Жанна к тому времени была сожжена.

Якобы смерть Госпожи Надежды и стала тем переломом в его сознании, который привел блестящего рыцаря к общеизвестному финалу: не сумев спасти Посланницу и отомстить англичанам мечом, Жиль, разуверившись в силе добра, начал «ментальную» месть, умножая зло. Впрочем, это отдельная история, которую мы здесь рассматривать не станем.

Жанна должна была исчезнуть навсегда. Столь независимая и неконтролируемая фигура не могла оставаться в игре — если король Карл де Валуа о Жанне демонстративно «забыл» ради ослабления стоявших за продолжение войны радикалов, а Филипп Бургундский вообще предпочел не вмешиваться, то англичанам требовалось одно: осуждение «ведьмы» с соблюдением всех требующихся процедур.

Тут необходимо заметить, что от Жанны тихо отступилась и французская церковь — причины были не менее объективны, чем «забывчивость» короля Карла. Епископ Шартрский,



исходно относившийся к Деве настороженно (почему эта простолудинка говорит от имени Бога?!), отлично понимал, что начавший распространяться в низах «культ Девы» и ее фанатичное почитание отдельной партией дворян не приведет ни к чему хорошему.

«Святая во плоти», объект всеобщего поклонения, которую невозможно контролировать и направлять?

Нет, благодарим. Это совершенно излишне!

История сохранила строки из письма архиепископа Реймского: «...она не следовала ничьим советам, но всегда поступала по-своему», что в церковной практике, совершенно очевидно, являлось завуалированным обвинением в отсутствии общепринятой церковной дисциплины, смирения и послушания — сиречь грехом. Скажем больше, церковные прелаты отлично помнили не столь уж давний пример чеха Яна Гуса, сожженного в 1415 году: Жанна в глазах простецов могла стать французским визави Гуса, «народной святой», при этом абсолютно неуправляемой...

Инквизиционный процесс был неизбежен — Дева мешала каждому из игроков, при этом она доселе оставалась опасной: регент Бедфорд недаром отказался от проведения суда в Париже, зная буйный нрав горожан, способных поднять мятеж. Может быть, Париж и недолго любил арманьяков, но его жители оставались французами, относившимися к оккупантам-англичанам не менее недружелюбно, чем к партии короля Карла де Валуа.

Парижский университет, столкнувшись со столь любопытной задачей (тут возникают определенные аллюзии на процесс Джордано Бруно, тоже являвшегося своеобразным уникалом), жаждал провести суд в столице, но регент из вполне прагматичных соображений безопасности перенес заседания в Руан — по крайней мере, герцог Бедфорд мог быть полностью уверен в лояльности тамошнего капитула и прежде всего



епископа Кошона, тогда как университет вполне мог проявить ненужные самостоятельность и независимость.

Никакой самодеятельности и бесконтрольности! Исход процесса должен быть предопределен!



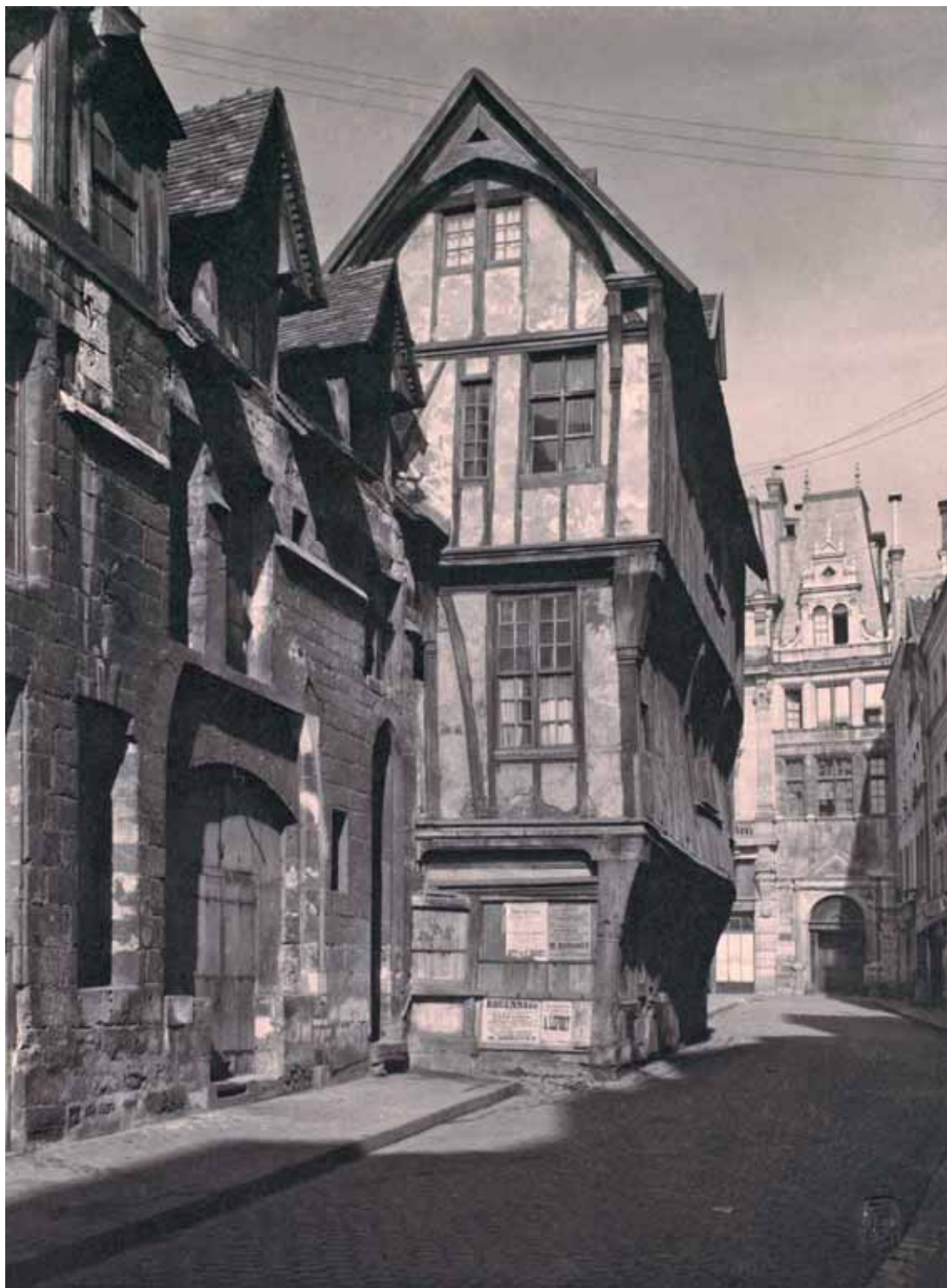
Если с персоной Жанны и ее ближайших соратников мы ознакомились в достаточной мере, то давайте сейчас взглянем на главного противника Девы — личность весьма примечательную.

Для своего времени епископ Пьер Кошон являлся человеком наиобразованнейшим — магистр искусств, лицензиат канонического права, отслушал шесть курсов теологии из восьми, дважды занимал пост ректора Парижского университета. Церковная карьера не менее блестящая: с 1410 года назначается видамом, сиречь епископским управляющим, в Реймсе, спустя четыре года участвует в Констанцском соборе, в 1420 году получает митру епископа Бовэ.

Убежденный бургиньон, епископ в 1419 году едва унес ноги от развязавших террор арманьяков, а десять лет спустя ему пришлось бежать из Реймса напрямик перед бескровным взятием города армией дофина и коронацией Карла де Валуа.

Однако и в родной епархии Бовэ его не приняли — горожане изгнали не только англо-бургундцев, но и сотрудничавшего с ними епископа: надо учесть, что Пьер Кошон уже много лет являлся советником герцога Бедфорда. Кошон накрепко запомнил, кому он обязан потерей епархии — Жанне по прозвищу Дева. Следует понимать, что в отношении епископа к девице из деревни Домреми присутствовали и личные мотивы, как Пьер Кошон ни пытался это скрыть.

Как только стало известно о пленении Жанны, Кошон развил прямо-таки бешеную активность, которую трудно



Дом Жаннѣ в Руане. фото 1900 года Фредерика Эванса



объяснить одним лишь желанием угодить герцогу Бедфорду, требовавшему осуждения «ведьмы». Епископ в свои 59 лет (возраст не преклонный, но для XV века вполне солидный) срывается из Руана в резиденцию Филиппа Бургундского с требованием передачи пленницы в его личное распоряжение, затем посещает Жана Люксембургского, несколько месяцев ведет активные переговоры о выкупе и наконец добывается своего — достигнута договоренность о переуступке схваченной Девы за 10 тысяч ливров.

Надо заметить, что Кошон, как номинальный епископ Бовэ, не имел власти над церковным капитулом Руана — другая епархия, но до завершения суда его назначают «исполняющим обязанности», что само по себе примечательный прецедент, свидетельствующий о его настойчивости и влиянии.

Как мы уже указывали, регент Бедфорд и английское правительство преследовали одну цель: церковный суд обязан был хоть мытьем, хоть катаньем доказать, что Жанна по прозвищу Дева — еретичка, а еще лучше — пособница дьявола, ведьма и посланница ада. Следовательно, все ее действия безбожны и направляемы нечистым, в том числе коронация Карла де Валуа. Раз коронация противна Богу и Святой Церкви, значит, король незаконен — в который раз мы вспомним о религиозном и мистическом менталитете той эпохи: все, что не от Бога, то от нечистого.

В случае признания Жанны виновной Бедфорд получал на руки серьезнейшие козыри — как политические, так и пропагандистские.

И вот здесь возникает одно существенное «но», на которое большинство исследователей не обращает внимания. Пьер Кошон при всей своей нелюбви к арманьякам и «незаконному» королю Карлу не имел права и физически не мог нарушить каноны церковного права и подтасовать или фальсифицировать доказательства обвинения — это грех, причем грех



*Жанна
на костре,
рукопись 15 века*

очень серьезный. Даже если бы епископ и решился на такое, его моментально схватили бы за руку: в процессе участвовало множество клириков. Число заседателей исходно было определено в полсотни, но потом дошло практически до ста, в их число входили уважаемые теологи, университетские доктора, аббаты, ученые монахи. Следовательно, Кошон обязан был действовать строго по правилам.

Понятия о грехе и спасении души в те времена являлись не пустым звуком: для любого человека, от короля и герцога до распоследнего пастуха или золотаря, адское пламя и сияние рая были осязаемы и близки. Тем более грешить против законов, установленных Богом и Церковью, не мог священнослужитель, как бы он ни был политически ангажирован. Но и тут есть примечания мелким шрифтом: помимо личной обиды на Жанну у Пьера Кошона существовал и другой мотив, который с предельной точностью сформулировал хорошо знакомый нам Жан Фавье:



«...Для такого человека, как Кошон, Жанна не могла быть посланницей Бога. Разве Бог изгнал бы его, епископа, из собственного собора? Если миссия Жаннны имела божественную природу, значит, Кошон тридцать лет своей жизни служил злу. <...> Попав под власть силлогизма своей жизни, он не желал видеть истину, потому что она означала бы для него приговор — в той мере, в какой Кошон не выходил за рамки ментальных категорий всей своей жизни. Для богослова Кошона Жанна была злом. И потом, чем для епископа могла быть христианка, которая поучает клириков и для чьей веры больше подходит прямой диалог со святými, чем обязательное посредничество церкви?»

И вот с таким багажом епископу Кошону поневоле приходилось быть объективным и соблюдать установленные законы, дабы не впасть в грех. Тем более что цель инквизиции — не наказание как таковое, а спасение души грешника...



ВXV столетии знали толк в документировании событий и бюрократии, причем знали не хуже, а то и лучше, чем в наши времена. Столь громкий (по замыслу организаторов) инквизиционный суд должен был стать орудием пропаганды, а следовательно, секретариат в точности фиксировал все, что происходило на процессе: показания обвиняемой, слова свидетелей, вопросы и ответы. Абсолютное большинство этих материалов дошло до нашего времени.

Кстати, к вопросу о бюрократии. Столь серьезный суд с многочисленными участниками-заседателями, охраной и большими расходами на содержание должен был финансироваться — это взяло на себя правительство регента Бедфорда. Суммы известны: гонорар Пьера Кошона составлял 750 ливров, заседатели получали по ливру за каждый день работы,



оплачивались проезд, съём жилья, питание. Общая сумма, потраченная англичанами на обеспечение процесса, до нас не дошла, но она очень и очень внушительна — по очень грубым оценкам, от 8 до 12 тысяч ливров, а возможно, и больше: герцог Бедфорд не скупился.

3 января 1431 года англичане официально передают Жанну под юрисдикцию инквизиции с формулировкой: «...*чтобы всякий раз, когда это понадобится названному епископу, люди [короля] и чиновники, которым поручена ее охрана, будут выдавать ему сию Жанну, чтобы он мог ее допрашивать и судить согласно Богу, разуму, божественному праву и святым канонам*». Вот тут-то у Пьера Кошона и возникают первые существенные затруднения в отправлении церковного права.

Как мы помним, Sanctum Officium, священная инквизиция, являлась своего рода службой социальной и государственной безопасности Средневековья, противодействующей покушениям на основы общественного устройства. Инквизиция была полностью отделена от светских властей, пускай и сотрудничала с ними — на положении старшего партнера, поскольку системообразующим ядром католического мира являлась Святая Мать-Церковь, а не светские государства. Соответственно, все, кто попадал под церковный суд по обвинениям духовного характера, обязаны были содержаться отдельно от обычных преступников, проходящих по административным или уголовным делам, дабы «не распространять зловоние ереси и не склонять к еще большему греху».

Англичане настояли, чтобы Жанна д'Арк содержалась именно в светской королевской тюрьме, а не в епископской, что само по себе было грубейшим нарушением процессуальных правил инквизиционного суда как структуры формально независимой. Безусловно, Пьер Кошон испытывал мощное давление со стороны своих английских патронов, не желавших



выпускать столь ценную пленницу из своих рук, — когда один из церковных прелатов, участвовавших в предварительных слушаниях, попытался указать на этот факт, Кошон мрачно заявил, что перевод Жанны в тюрьму инквизиции «не понравится англичанам».

Возникли и другие неприятные сюрпризы. Инквизиция (за исключением Испании в недалеком будущем) была организацией строго централизованной, подчинявшейся Риму, но в каждом регионе назначался свой инквизитор, чья ответственность распространялась строго на вверенную ему территорию.

Доминиканец Жан Граверан, генеральный инквизитор Франции, поспешил избежать присутствия на процессе, понимая, что он не вправе ввязываться в конфликт между Францией и Англией, поскольку это бросит тень на его непредвзятость — глава французской инквизиции отговорился спешным делом и чрезвычайной занятостью. Викарий Руанский, то есть представитель Sanctum Officium в самом городе, Жан Леметр, тоже сначала игнорировал крайне настоятельные предложения участвовать в суде, но по приказу Граверана все-таки занял свое место среди заседателей лишь в марте 1431 года — большое начальство, очевидно, спихнуло ответственность на подчиненного, а церковная дисциплина тогда была куда строже армейской.

Словом, при всем старании епископа Кошона хоть как-то соблюсти приличия и следовать непреложным правилам, получалось плохо — во-первых, из-за давления Бедфорда, во-вторых, из-за очевидных проблем с коллегами по ремеслу: если английские капелланы и прелаты сомнений не испытывали, то этнические французы отлично представляли себе потенциальный ущерб чести и репутации из-за участия в столь щекотливом деле.

Это усугублялось тем, что двор Карла де Валуа хранил абсолютное молчание относительно дела Жанны: неизвестно,



как завтра повернется военная обстановка, англичане ослаблены и не пользуются поддержкой в народе и среди дворянства, Филипп Бургундский ищет контактов с Карлом для тихого примирения... Словом, ситуация сложилась крайне двусмысленная, как в известной загадке с запятой, которую нужно поставить во фразе «казнить нельзя помиловать».

Не сомневался только епископ Пьер Кошон — он давно сделал свой выбор в пользу бургиньонов, а значит, и англичан. Трудности? Что же, скрепя сердце их придется преодолеть.

После закрытого предварительного следствия в среду 21 февраля 1431 года Жанна по прозванию Дева предстала перед судом инквизиции в капелле Руанского королевского замка.



Мы не станем в подробностях описывать ход суда над Жанной и сразу отошлем читателя к подробнейшей книге советского историка В. И. Райцеса «Процесс Жанны д'Арк» от 1964 года (доступна к прочтению в Интернете). Остановимся лишь на основных обвинениях, предъявленных «ведьме».

Обвинитель, прокурор церковного суда Бовэ, Жан д'Эстиве составил длинейший список прегрешений Девы из семидесяти пунктов, затем Кошон свел его к дюжине основных обвинений — затруднение состояло в том, что монсеньор д'Эстиве подошел к делу не слишком ответственно и его манускрипт состоял в основном из непроверенных записей и в большинстве нелепых слухов, ходивших в народе баск и откровенной клеветы. На таком сомнительном материале строить серьезный процесс было нельзя, что прекрасно понимал епископ.

Судьи, поразмыслив, решили ограничиться наиболее значимыми вопросами. Первый из них был вполне предсказуем:



одержимость бесами, на которую и списывались голоса святых, которые слышала Жанна.

Скажем больше — голоса и видения Девы заседателями не ставились под сомнение, поскольку сверхъестественное и мистическое было для прелатов вещью не просто само собой разумеющейся, а неоспоримой. Необходимо лишь поставить нужный знак — положительный или отрицательный. В свете контекста процесса, разумеется, был выбран последний вариант: Жанна прислушивалась к дьявольским речам, ибо стояла за неправоное дело и поддерживала партию арманьяков/дофина. Кошон был крепко убежден, что арманьяки — семя Люциферово, а следовательно, одержимость и проистекающее от этого колдовство считались доказанными едва ли не автоматически. Этим же объяснялось влияние Жанны на дофина Карла и его ближайшее окружение — магическое инфернальное воздействие, вызванное силами преисподней.

Далее следовал еще более тяжкий грех — игнорирование Церкви и ее непререкаемого авторитета. Спасение и Благодать могут быть достигнуты добрым католиком только при посредстве Церкви как единственного института, связующего мирское с Божественным! «Общение напрямую с Богом» и последовавшие от этого деяния Жанны выглядели для судей сущей ересью — как так, Господь провел свою волю в обход благочестивого клира и епископов, вложив в голову деревенской девке непозволительные мысли (см. семя Люциферово)? Это лишь подтверждает тезис об одержимости и бесовских голосах.

Мужская одежда. В Святом Писании ясно сказано: *«На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье, ибо мерзок пред Господом Богом твоим всякий делающий сие»* (Второзаконие 22:5). Отказ Жанны переодеться в женское платье (за исключением допуска к причастию) только подтверждал пункт второй — неподчинение



законам Церкви, а когда это случилось повторно, вызвал еще более тяжелое обвинение: упорствование в заблуждениях и повторное впадение во грех.

Формально это Жанну и погубило. 24 мая 1431 года она подписала составленное Кошоном «отречение» от мнимых или истинных прегрешений — поставила на пергаменте крестик. Присутствовавший на процессе кардинал Бофор пожал плечами и заявил, что раз грешница покаялась, то ни о каком костре и речи быть не может — вполне достаточно пожизненного заключения на хлебе и воде. Бофора немедленно поддержал Руанский викарий инквизитор Жан Леметр: покаяние — это прекрасно, ведь Священный трибунал обязан спасти душу этой крестьянки от пламени геенны! Чудненько, отправляем Деву в тюрьму — где, заметим, Жанна к удовлетворению монсьёра Леметра тотчас переделась в женское платье.

Сказать, что герцог Бедфорд и английские клирики были разъярены — значит сильно преуменьшить: они буквально пылали от гнева! Идеальный план был сорван самым возмутительным образом! Что значит «покаялась»? Что значит «вечное заточение»? На процесс израсходована уйма денег, цель была ясно поставлена — изобличить проклятую ведьму в сношениях с дьяволом и уничтожить, пока она не натворила еще больших бед!

Со всех точек зрения это был провал — с пропагандистской, церковной и с политической!

Но Бог предпочел призвать Деву к себе. В тюрьме ей вновь явилась незнамая Сила — некий голос, упрекавший Жанну в измене своему делу и предназначению. Она послушалась. В камере, нарочно или по недосмотру, были оставлены мужские вещи, в которые Жанна и переделась. Она не простила себе слабости и недавнего предательства, окончательно решив идти до конца.



Жанна д'Арк на костре (правая часть триптиха «Жизнь Жаннги д'Арк»)
Автор: Штильке, Герман Антон. 1803-1860, дата: 1843 г. Государственный Эрмитаж.



29 мая коллегия судей двадцатью шестью голосами против одного проголосовала за передачу повторно вставшей в ересь Девы в руки светских властей.

30 мая 1431 года Жанна была сожжена, успев сказать перед костром, что *голоса ее не обманывали*. Миссия была исполнена.

7 июля 1456 года суд инквизиции при участии трех папских легатов полностью оправдал Деву Жанну по всем пунктам обвинения. Посмертно.

16 мая 1920 года Жанна д'Арк была причислена к лику святых.



Все исследователи, касавшиеся истории Жанны в той или иной форме, задавались вопросом: в чем был высший смысл ее появления в этом мире? Была то удивительная (даже *чрезмерно* удивительная!) случайность, тщательно спланированный заговор сторонников дофина, пытавшихся заставить Карда де Валуа поверить в себя, непосредственное вмешательство Иисуса Христа в земные дела?

Нет ответа. Есть набор фактов, которые мы добросовестно изложили, а выводы каждый может сделать для себя.

Несомненно одно. Перефразируя Л. Гумилева, *под Орлеан пришли бретонцы, пикардийцы, беррийцы, анжуйцы, туренцы и так далее — а ушли из Орлеана французы*.

Наверное, в этом и состояло истинное предназначение Девы. О прочем знает только Господь Бог.



ФИНАЛ

Любая попытка объять необъятное закономерно приводит к предсказуемому результату: отсутствию такового результата. Именно поэтому в текущий момент нет (и, видимо, не будет в обозримом будущем) некоей *всеобъемлющей* истории Средневековья.

Во-первых, она потребовала бы нескольких десятков, а то и сотен томов, во-вторых, для создания подобного труда следовало бы привлечь великое множество специалистов в самых разных и зачастую не связанных между собой областях знаний — от демографии, медицины и гигиены до экономики, лингвистики, металлургии, археологии, архитектуры, фармацевтики, бихевиористики или, к примеру, столярного дела.

Невероятное множество позиций, а отсюда возникают банальнейшие проблемы издательского менеджмента: как объединить в единое целое труд стольких людей и заставить их работать в единой стилистике? Связать меж собой тысячами нитей сотни планов тогдашнего бытия?

Посему мы пошли наиболее простым и малозатратным путем — вспомнили основные мифы, стереотипы и заблуждения о данной эпохе и попытались их опровергнуть или разъяснить при помощи общедоступных материалов, опубликованных различными исследователями. Безусловно, у нас нет ни малейшей претензии на абсолютную полноту и кристальную истинность предложенной читателю картины. Задача стояла принципиально другая: изложить материал доступным и ясным языком с обязательными отсылками к средневековым хроникам, мемуарам и трактатам, а равно к работам авторитетных ученых. Мы хотели побудить читателя к дальнейшему самообразованию.

Желаете узнать больше о Жанне д'Арк или сельском хозяйстве XI–XV веков? Прочсть о кровавом противостоянии

бургиньонов и арманьяков, которое в этой книге практически не освещено? Подробно выяснить, какой ущерб был нанесен нашей цивилизации эпидемией Черной смерти? Открыть для себя, как в те времена жили представители различных сословий, насколько верны наши представления о государственных, церковных и социальных институтах Средневековья? Пожалуйста в нижеследующий список литературы: большинство приведенных там специализированных изданий, посвященных самым разным аспектам жизни заявленной эпохи, можно без труда найти в Интернете или купить «в бумаге» в сетевых магазинах, если вы собираете правильную библиотеку.

Формат данного издания не предусматривал скрупулезного освещения многих затронутых в тексте вопросов. Мы достаточно подробно остановились на проблемах климата, гигиены, частично вспомнили о демографической ситуации, покопались в истории создания «Черной легенды» инквизиции. Однако чтобы проследить развитие Священного трибунала с момента его основания хотя бы до грустного финала Высокого Средневековья, потребовалась бы не одна глава и не две, а как минимум книга аналогичного формата — слишком уж глубока и многогранна эта тематика. То же самое касается и Столетней (Трехсотлетней?!) войны: нами приведены лишь основные вехи этого конфликта и заданы определенные вопросы — отчего произошло именно так, а не иначе? Читатель, появившись у него достаточная степень любопытства к описанным событиям, может отныне самостоятельно прояснить для себя выведенные за рамки нашего повествования подробности; задачей авторов было направить вас в нужную сторону и подсказать, где искать ответы...

Мы не остановились на множестве интереснейших тем, которые будут ждать своей очереди в будущем. «Низовая мифология» и языческие реликты в средневековом католицизме,

возникновение фольклорных архетипов (наподобие приведенных историй про Гензеля и Гретель или Синюю Бороду), причины появления «народных ересей» наподобие дольчинитской и борьба с ними; доходящие до мистицизма странности, сопровождавшие ранние крестовые походы; появление единой и замкнутой католической вселенной, сменившей пестрое лоскутное одеяло варварских королевств и объединившей различные народы под знаменем общей религии; массовая экспансия викингов и стремительная «европеизация» тех норманнов, что осели на континенте... Список можно продолжать еще очень долго.

Любой из перечисленных пунктов традиционно тащит за собой ворох домыслов, стереотипов и предрассудков, крепко осевших в массовом сознании. Если произносится слово «викинг», то на ум тотчас приходят слова «грабежи», «язычество» или «рогатый шлем», хотя у викингов таких шлемов отродясь не было — церемониальные головные уборы, украшенные рогами животных, использовались только и исключительно в ритуальных целях, жрецами, в капищах. Ни единый древний скандинав в здравом уме и трезвой памяти не надел бы «рогатый шлем» в боевых условиях — моментально зацепят и сдернут с головы. Кроме того, грабежи грабежами, а этот народ в свободное от воспетого в летописях разбоя время ухитрился создать грандиозный культурный пласт — выдающуюся поэзию, не менее исключительную прозу, глубокую и насыщенную мифологию. Ограниченные и туповатые вояки, какими древних скандинавов обычно представляют, вряд ли добились бы столь серьезных успехов на культурном поле.

Повторимся: любые явления эпохи Средневековья — культурные, религиозные, экономические и т. д. — следует оценивать исключительно с точки зрения особенностей и менталитета человека того времени. То, что нам может показаться «варварским», «жестоким» или «диким», тогда

являлось вполне обыденным — обыденным до состояния полной незаметности. Как мы сейчас совершенно не замечаем институт гражданского брака или, допустим, распространенную у женщин мужскую одежду. Клирик начала XIV века, узрев такие непотребства в веке XXI, отлучил бы наше общество от церкви оптом. Как так — «просто живут вместе»?! Что значит — брак заключается не в церкви, а в светском магистрате?! Почему в окрестностях наблюдается столько женщин в штанах — это богопротивно! Вы всерьез уверяете, что большинство людей не ходят к исповеди, а перед смертью не принимают последнее причастие? И не отпеваются в храме? Они все сейчас грядут в аду!

Так же и нам следует быть осмотрительнее, обвиняя далеких пращуров в бесчисленных прегрешениях, заблуждениях и невежестве. Они применяли пытки, какой кошмар! Да, применяли, равно как и насквозь цивилизованные римляне. Как пытки применяются и сейчас, да только об этом не особо принято говорить публично. А что отношение к насилию над личностью по тем временам было совершенно иным, а институт дознания с применением третьей степени устрашения являлся утвержденным законодательством и всецело одобряемым обществом, в расчет не принимается.

Конечно же, поставить себя на место человека прошлого невероятно сложно. Сейчас мы не в состоянии даже понять образ мыслей и принцип принятия решений нашими ближайшими родственниками, прадедами и прабабками, жившими в 20–40-х годах XX века, зачастую списывая массовый героизм во время Великой Отечественной на абстрактные и далекие от реальности «фанатизм, порожденный пропагандой» или «страх перед заградотрядами», тогда как отгадка лежит на поверхности, только руку протяни: ментальность людей сталинского времени по сравнению с ментальностью нынешней «эпохи потребления» принципиально иная, хотя прошло

всего-то семьдесят с небольшим лет. Другие ценности, другой исторический фон, другое воспитание повседневности. Так что уж говорить о людях, живших едва ли не полное тысячелетие назад?..

Надеюсь, эта книга заставит вас задуматься — а все ли так просто было в истории, как описывают ее школьные и институтские учебники? Смена социально-экономических формаций, плохие феодалы и угнетенные крестьяне, злобная инквизиция и ее невинные жертвы наподобие бродячего мага Джордано Бруно и погрязших в двоеверии испанских марранов? Маршал Жиль де Ре — безжалостный убийца или человек, ставший добычей более сильных и влиятельных недругов, использовавших самую низкую клевету и судебный подлог?

Читайте книги. Надеюсь, вы ответите на поставленные вопросы самостоятельно, сделав правильные выводы прежде всего для себя.

✂ ✂ ✂

Отзывы о «Прогулках по Средневековью» и пожелания на будущее вы можете оставить в интернет-сообществах издательства «Пятый Рим»:

«Фейсбук»: <https://www.facebook.com/5.Rim.publishing/>;

«ВКонтакте»: https://vk.com/five_rome.

На этом авторы прощаются с вами. Надеюсь, не слишком надолго.

*А. Мартьянов,
С. Литвинов*

*24 августа 2016 г.
Санкт-Петербург, Москва*

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ И УПОМИНАЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Издания на русском языке

Алигьери, Данте. Пир; пер. Солоновича Е. М.

Альберто, Анджела. Один день в Древнем Риме. Повседневная жизнь, тайны и курьезы; пер. Уварова О. — М.: Колибри, 2012.

Анджела да Фолиньо. Книга видений, XII в.

Антология педагогической мысли христианского средневековья / Сост. В. Т. Безрогов, О. И. Варьяш. Т. 1–2. — М., 1994.

Арьес, Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке; пер. Старцева Я. Ю., Бабинцева В. А. — Издательство Уральского университета, 1999.

Бадр ад-Дин Махмуд ал-Айни. Связки жемчужин, XIV в.

Баткин, Л. К истолкованию итальянского Возрождения. Антропология Марсилио Фичино и Пико делла Мирандолы // Из истории классического искусства Запада. — М., 1980.

Бессмертный, Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века. — М.: Наука, 1991.

Бессмертный, Ю. Л. Феодальная деревня и рынок в Западной Европе XII–XIII веков. — М.: Наука, 1969.

Блаженный Августин. Исповедь. — М.: Харвест, 2006.

Бойцов, М. А. Германская знать XIV–XV вв.: приватное и публичное, отцы и дети // Частная жизнь. Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. — М., 1996.

Боккаччо, Джованни. Декамерон; пер. Любимова Н. М. — М.: Художественная литература, 1989.

Бонасси, Пьер. 50 ключевых слов средневековой истории. — Париж, 1981.

Бонч-Бруевич, В. Д., Смирнов, Н. А. Вопросы истории религии и атеизма / Сборник статей [Вып. 1–12] Академии наук СССР, 1950–1964 гг.

Бордо, Жозеф Перес. Изабелла Католичка; пер. Эгипти И. А. — СПб.: Евразия, 2012.

Бродель, Фернан. Структуры повседневности: возможное и невозможное / 2-е изд., вступ. ст. и ред. Ю. Н. Афанасьева: в 3 т. — М.: Весь мир, 2006.

Бруно, Джордано. Изгнание торжествующего зверя; пер. Золотарева А. А. — М.: Алгоритм, 2014.

Буонарроти, Микеланджело. Письма. Поэзия. — М.: Азбука-классика, 2010.

Бэда Достопочтенный. Церковная история народа англов; пер. Эрлихмана В. В. — СПб.: Алетейя, 2001.

Виллани, Джованни. Новая хроника; пер. Юсима М. А. — М.: Наука, 1997.

Воскобойников, О. С., Зайцев, Д. В. Беат Лиебанский // Православная энциклопедия. Том IV. — М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002.

Гвиберт Ножанский. Три книги своей жизни // Стасюлевич М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Т. 3. Ч. 1. — СПб., 1906.

Гермес Трисмегист и герметическая традиция Запада и Востока; пер. Богуцкого К. — Киев — Москва, 1998.

Герметизм, магия, натурфилософия в европейской культуре XIII–XIX вв. — М.: КАНОН +, ИО Реабилитация, 1999.

Гис, Ф., Гис, Дж. Браки и семья в средние века. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002.

Глабер, Рауль. История своего времени в пяти книгах; пер. Стасюлевича М. // История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Том II. — СПб., 1864.

Грановский, Т. Н. Лекции по истории Средневековья. — М.: Наука, 1987.

Григулевич, И. Р. Инквизиция. — М.: АСТ, 2006.

Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера земли. — Издательство Ленинградского университета, 1989.

Гурдонский, Бернар. Трактат о сохранении жизни, XIII в. Гуревич, А. Я. Индивид и социум на средневековом Западе. — М.: Александрия, 2009.

Гуревич, А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. — М.: Искусство, 1989.

Гуревич, А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. — М.: Искусство, 1990.

Де Вогюе, А. Святой Бенедикт, человек Божий. — Париж, 1995.

Де Костер, Шарль. Легенда о Тиле Уленшпигеле и Ламме Гудзаке; пер. Любимова Н. — М.: Художественная литература, 1983.

Джордано Бруно перед судом инквизиции (краткое изложение следственного дела Джордано Бруно) / Вопросы истории религии и атеизма. Т. 6. — М., 1958.

Дрюон, Морис. Узница Шато-Гайара; пер. Жаркова Н. М. — М.: Луч, Феникс, 1992.

Исландские саги в 2 т. / Сост. О. А. Смирницкая; пер. Стеблин-Каменского М. И., Масловой-Лашанской С. С. и Кошкина В. В., Смирницкой О. А., Петрова С., Корсуна А., Сильман Т., Адмони В. — М., 1999.

Исландские саги. Ирландский эпос; пер. Стеблин-Каменского М. И., Смирницкой О. А. — М.: Художественная литература, 1973.

- История женщин. Молчание Средних веков. — СПб., 2009.
- Йейтс, Фрэнсис. Джордано Бруно и герметическая традиция; пер. Дашевского Г. М. — М.: Новое литературное обозрение, 2000.
- Капелланус, Андреас. Трактат о куртуазной любви XII в.
- Катасонов, В. Н. Джордано Бруно: тезис о бесконечности вселенной // Космос и душа. Учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние века (исследования и переводы) / под ред. П. П. Гайдено, В. В. Петрова. — М.: Прогресс-Традиция, 2005.
- Клосс, Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. — М.: Наука, 1980.
- Книга ремесел и торговли города Парижа // Средние века. — № 11. — М.: Социэкгиз, 1958.
- Коперник, Николай. О вращении небесных сфер; пер. Веселовского И. Н. — М.: Амфора, 2009.
- Кристина Пизанская. Книги о Граде Женском. — М.: Наука, 1991.
- Лебедев, С. Н. Алкуин // Православная энциклопедия. Том II. — М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001.
- Ли, Генри Чарльз. История инквизиции; пер. Баширова А. В., Лозинского С. Г. — М.: Эксмо, 2007.
- Лозинский, С. Г. Хуан-Антонио Льоренте и его книга. — М.: Социально-экономическое издательство, 1936.
- Матвей Парижский // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890–1907.
- Микеланджело. Поэзия. Письма. Суждения современников / сост. В. Н. Гращенков. — М., 1983.
- Монтанари, Массимо. Голод и изобилие. История питания в Европе; пер. Миролубова А. Ю. — М.: Александрия, 2009.
- Монтескье, Ш. Л. де. О духе законов. — М.: Мысль, 1999.

Мулен, Лео. Повседневная жизнь средневековых монахов Западной Европы (X–XV вв.). — М.: Молодая гвардия, 2002.

Нечаев, С. Ю. Торквемада. — М.: Молодая гвардия, 2010.

Ордине, Н. Граница тени. Литература, философия и живопись у Джордано Бруно. — СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, Академия исследования культуры, 2008.

Откровения Блаженной Анджелы. — Томск: Водолей, 1997.

Памятники византийской литературы IV–IX веков / Отв. ред. Л. А. Фрейберг. — М.: Наука, 1968.

Памятники права средневековой Испании: Фуэро Куэнки. Фуэро Сепульведы. — М.: Зерцало, 2004.

Пауэр, Эйлин. Люди Средневековья; пер. Ламанова Е. В. — М.: Центрполиграф, 2010.

Перну, Режи. Алиенор Аквитанская; пер. Василькова А. Н. — СПб.: Издательская группа «Евразия», 2011.

Полное собрание русских летописей. Т. 10. — М.: ЯРК, 2000.

Поло де Болье, Мари-Анн. Средневековая Франция. — М.: Вече, 2006.

Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Перевод, статья, комментарии А. А. Чекаловой. — М.: Наука, 1993.

Райцес, В. И. Процесс Жанны д'Арк. — М. — Л.: Наука, 1964.

Райцес, В. И. Жанна д'Арк. Факты, легенды, гипотезы. — СПб.: Евразия, 2003.

Рашин, А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). — М.: Государственное статистическое издательство, 1956.

Роман о Розе. Средневековая аллегорическая поэма / Авт.: Гийом де Лоррис, Жан де Мен; пер. и коммент. И. Б. Смирновой. — М., 2007.

Рубакин, Н. А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы. — СПб.: Вестник знания, 1912.

Рябова, Т.Б. Женщина в истории Западноевропейского Средневековья. — Иваново: Издательский центр Юнона, 1999.

Сага о Битве на Пустоши; пер. Циммерлинга А.В. // Исландские саги. — М.: 2000.

Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003.

Тертуллиан, Квинт Септимий Флорент. Избранные сочинения; пер. Маханькова И., Панасенко Ю., Столярова А., Шабурова Н., Юнца Э. / Сост. и общ. ред. А.А. Столярова. — М.: Прогресс-Культура, 1994.

Тизенгаузен, В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том I. / Извлечения из сочинений арабских. — СПб., 1884.

Тит Лукреций Кар. О природе вещей / пер. Петровского Ф.А., вступ. ст. Т.В. Васильевой (Серия «Библиотека античной литературы. Рим»). — М.: Художественная литература, 1983.

Тогоева, О.И. Еретичка, ставшая святой. Две жизни Жанны д'Арк. — М.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.

Тогоева, О.И. Истинная правда. Языки средневекового правосудия. — М.: Наука, 2006.

Тойнби, А. Дж. Постыжение истории. — М.: Прогресс, 1991.

Турский, Григорий. История франков. — М.: Центрполиграф, 2000.

Уильям, Шекспир / пер. Маршака С.Я. — М.: Эксмо, 2016.

Урланис, Б.Ц. Рост населения в Европе. Опыт исчисления. — М.: ОГИЗ-Госполитиздат, 1941.

Фавье, Жан. Столетняя война; пер. Некрасова М. — СПб.: Евразия, 2009.

Фокс, Джон. Книга мучеников, или Деяния и памятники этих последних и бедственных дней; пер. Г. Зелениной. — Из-

дательство Христианского Библейского Братства святого апостола Павла, 2007.

Фракасторо, Джироламо. О контагии, контагиозных болезнях и лечении в трех книгах / под ред. К. Быкова. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1954.

Фредегар. Хроники длинноволосых королей; пер. Шмидта Г. А. — СПб.: Евразия, 2015.

Фруассар, Жан. Литература Средних веков. Хрестоматия. — М.: Амфора, 2009.

Фруассар, Жан. Хроники; пер. Аникиева М. В. — СПб.: Издательство СПбГУ, 2009.

Хуан-Антонио Льоренте. Критическая история испанской инквизиции. — М.: 1999.

Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени. — М.: РГГУ, 1996.

Штенцель, А. История войны на море. — М.: Эксмо-Пресс, Изографус, 2002.

Эйнхард. Жизнь Карла Великого / вступ. статья, перевод, примечания, указатели М. С. Петровой. — М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.

Эко, Умберто. Имя розы. — М.: Астрель, 2016.

Ястребицкая, А. Л. Семья в средневековом городе // Вопросы истории. — 1985. — № 5.

Издания на иностранных языках

Alcuin. Epistolae, ed. Ernst Dümmler, MGH Epistolae IV. 2. Berlin: Weidmann, 1895.

Allen, R. Economic structure and agricultural productivity in Europe, European Review of Economic history, 2000.

Arnold, K. L'Enfant au Moyen Âge, Aix-en-Provence, 1980.

- Badre, Louis. Histoire de la forêt française. Paris, Arthaud, 1983.
- Bairoch, P. Population urbaine et taille des villes en Europe de 1600 á 1070, *Revue d'histoire économique et sociale*, 1976.
- Behringer, W. Kulturgeschichte des Klimas München, C. H. Beck Verlag, 2007.
- Bejczy, I. P., The Sancta Infantia in Medieval Hagiography // The Church and Childhood / Ed. D. Wood. *Studies in Church History* 31, Oxford, 1994.
- Berti, D. Vita di Giordano Bruno da Nola Firenze. Torino-Milano, 1868.
- Besacon, A. L'histoire psychanalytique. Une anthologie. Pans, 1974.
- Beyes, B. Familienleben in Deutschland. Hamburg, 1980.
- Bonnassie, Pierre. Les Cinquante mots clefs de l'histoire médiévale, Toulouse. Privat, 1981.
- Bossong, Georg. Die Sepharden. Geschichte und Kultur der spanischen Juden, Beck. München, 2008.
- Capellanus, Andreas. The Art of Courtly Love included in The Broadview Anthology of British Literature, Edited by Joseph Black. Toronto: Broadview Press, 2006.
- Cavaignac, E., Notes de démographie antique. *Journal de la société française de statistique*. (1935).
- Chronica Albrici Monachi Trium Fontium, Monumenta Germaniæ Historica Scriptorum. 1232.
- Cicero: Rhetorica ad Herennium (English and Latin Edition, Translator Harry Caplan), Loeb Classical Library, 1989.
- Contamine, P. De Jeanne d'Arc aux guerres d'Italie: figures, images et problèmes du XVe siècle. Orléans, 1994.
- Contamine, P. Naissance de l'historiographie. Le souvenir de Jeanne d'Arc, en France et hors de France, depuis le Procès de son innocence (1455–1456) jusqu'au début du XVI siècle.
- De passionibus mulierum curandarum, Trotula Major., Springer — Verlag Italia, 2015.

Eidberg, Shlomo. The Jews and Crusaders. The Hebrew Chronicles of the I, II Crusades, 1997.

Europäische Mentalitätsgeschichte / Hrsg. P. Dinzelbacher. Stuttgart, 1993.

Gachard, L. P. Collection des voyages des souverains des Pays-Bas, 1882.

Gesta Stephani (Деяния Стефана / Ред. и пер. на англ. К. Р. Поттера. — Лондон, 1955).

Giallongo, A. Il bambino médiévale, Bari, 1990.

Guérard, Benjamin. Polyptyque de l'abbé Irminon de Saint-Germain-des-Prés, ou dénombrement des manses, des serfs et des revenus de l'abbaye de Saint-Germain-des-Prés sous le règne de Charlemagne, t. 1 (Prolégomènes), t. 2 (Polyptyque). Paris, 1844.

Guillaume de Jumièges. Histoire des ducs de Normandie. Paris, 1840.

Gunn, Cate. Ancrene Wisse: From Pastoral Literature to Vernacular Spirituality, Cardiff: University of Wales Press, 2008.

Helinand de Froidmont., Les vers de la mort. Edition and translation (in modern French) Michel Boyer and Monique Santucci. Paris: Champion, 1983.

Heser, H. Historisch-pathol. Untersuchungen. Leipzig, 1841.

Histoire des ducs de Normandie et des rois d'Angleterre: publiée en entier, pour la première fois, d'après deux manuscrits de la Bibliothèque du roi; by Michel, Francisque, 1809–1887; Sarrazin, trouvère, 13th cent.

Johrendy, J. Milites und Militia, in II. Jahrhundert. Untersuchung zur Frühgeschichte des Rib tertums in Frankreich und Deutschland. Nuremberg, 1971.

Jones, Colin. Paris: The Biography of a City, Penguin books. London, 2005.

Journal de Siège, d'Orléans et du Voyage de Reims // La vraie Jeanne d'Arc — La libératrice, t. III / J. — B. — J. Ayroles, 1896.

Juderías, Julián. *La Leyenda Negra*. Madrid, Tip. de la Revista de Archivos, 1914.

Kelly, J. *The Great Mortality: An Intimate History of the Black Death, the Most Devastating Plague of All Time*. New York: HarperCollins, 2005.

Kind und Gesellschaft in Mittelalter und Renaissance // Beiträge und Texte zur Geschichte der Kindheit, Paderborn, München, 1980.

Kindheit im europäischen Mittelalter // Zur Sozialgeschichte der Kindheit / Hrsg. J. Martin, A. Nitschke, Freiburg, B., 1986.

Kremer. *Ueber die grossen Seuchen des Orients, nach arab. Quellen*, Wien, 1880.

Krumeich, G., *Jeanne d'Arc à travers l'histoire*. P., 1993.

La Catalogue du milieu du Xe a la fin du XI' siecle. Crotssance et mutations dune societe, Toulouse, 1975.

La mort le roi Artur (Смерть короля Артура, XIII в.).

Leroy, Béatrice. *L'expulsion des juifs d'Espagne*. Berg international. Paris, 1990.

Les Oiseaux dans l'alimentation d'après le Viandier de Taillevent et le Ménagier de Paris., in Menjot, Denis (1984).

Lewis, Mary. *Work and the Adolescent in Medieval England ad 900–1550: The Osteological Evidence*. University of Reading, 2016.

Medieval Italy: An Encyclopedia, t. 1, red. Christopher Kleinhenz. New York, 2004.

Michael Grüttner: *Die Vertreibung der spanischen Juden 1492, Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*, 1996.

Nohl, J. *Der schwarze Tod: Eine Chronik der Pest 1348 bis 1720, Deutschland*, Severus Verlag, 2013.

Registre criminel du Châtelet de Paris, du 6 septembre 1389 au 18 mai 1392, par Henri Duplès-Agier. 1865.

Riche, P. *L'Enfant dans la société chrétienne aux XIe – XIIe siècles // La cristianità dei secoli XIe XII in occidente: coscienza e strutture di una società*. Miscellanea del Centro di Studi Medioevali, Milano, 1983.

Riolan, Jean. Curieuses recherches sur les escholes en médecine de Paris et de Montpellier Paris: G. Meturas, 1651.

Rowland, Beryl. Exhuming Trotula, Sapiens Matrona of Salerno, 1979.

Shahar, S. Kindheit im Mittelalter, Mainz, 1991.

Short, T. A General Chronological History of the Air, Weather, Seasons, Meteors, Etc, USA: Nabu Press, 2011.

Snell, Melissa. Childbirth, Childhood and Adolescence in the Middle Ages. Medieval history, 2010.

The biological standard of living in Central Europe during the last 2000 years, Nikola Koepke and Joerg Baten: Univ. Tuebingen and CESifo, 2005.

The Reasons Which Doctour Hill Hath Brought, for the Upholding of Papistry, Which is Falselie Termed the Catholike Religion. XVII в.

Winkler, M. Kind und Jugend im Mittelalter, Frankfurt. M., 1984.

Yves, Jacob. Bertrand du Guesclin: connétable de France, Tallandier, 1992.